

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

1 9 3 2

№ 8

П А Р Т И З Д А Т

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) — ПАРТИЗДАТ

Продолжается подписка на 1933 г. на
ЖУРНАЛ

ПРОБЛЕМЫ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ и ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ — ОРГАН ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ КОММУНИСТИ-
ЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ПРИ ЦИК СССР — Ответ. редак. Г. ЗАЙДЕЛЬ
Год издания 4-й

ПРОБЛЕМЫ МАРКСИЗМА—ставят своей задачей отстаивание и дальнейшее развитие ортодоксального марксистско-ленинского мировоззрения.

ПРОБЛЕМЫ МАРКСИЗМА—борются со всякими попытками извращения марксистско-ленинского мировоззрения, против всех видов идеализма, эмпиризма и механистического извращения диалектического материализма.

ПРОБЛЕМЫ МАРКСИЗМА—быстро реагируют на все важнейшие теоретические задачи, выдвигающиеся перед марксистско-ленинской теоретической мыслью строительством социализма, внутренним и международным положением СССР.

ПРОБЛЕМЫ МАРКСИЗМА—имеют целью марксистско-ленинскую разработку общественных и естественных наук и теоретическое обоснование практических вопросов социалист. характера.

ПРОБЛЕМЫ МАРКСИЗМА—печатают статьи, критику, библиографию по основным вопросам марксизма-ленинизма, теории советского хозяйства, мирового хозяйства, политической экономии, исторического и диалектического материализма, литературы и искусства, истории классовой борьбы, права и советского строительства, аграрным проблемам, теории войны и освещают всю работу ленинградского отделения Комкадемии.

ПРОБЛЕМЫ МАРКСИЗМА—являясь боевым органом марксистско-ленинской теоретической мысли, рассчитаны на широкие кадры научных работников, партактива и учащихся вузов и втузов.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 30 руб., на 6 мес. — 15 руб., на 3 мес. — 7 р. 50 к. Цена отдельного номера — 2 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ отделениями и киосками Партиздата, магазинами и уполномоченными по партпечати при партколлективах, газетными бюро Союзпечати, всеми письменными и почтовыми отделениями.

Г О Д
ИЗДАНИЯ
ЧЕТВЕРТЫЙ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Д В У Х М Е С Я Ч Н Ы Й
Ж У Р Н А Л

О Р Г А Н
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

№ 8

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1932

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

СТАТЬИ:

Передовая — К итогам объединенного январского пленума ЦК и ЦКК ВКП (б)	3
Л. Гатовский — О некоторых вопросах теории советского хозяйства	16
Д. Цалюк и Е. Файн — К итогам первой пятилетки	49
Д. Меерзон — К вопросу о социалистической кооперации труда	105
И. Елюмин — Границы капиталистического комбинирования	138
П. Шимелов — Конец капиталистической стабилизации	176
С. Партигул — Об извращениях в теории воспроизводства в СССР	201

БИБЛИОГРАФИЯ

Социал-фашистские извращения „Капитала“ Маркса	214
Л. Фрелих — К. Маркс, „Капитал“. Критика политической экономии, полное издание, по второму изданию 1872 г., изд. Густава Книпенхопера, Берлин, 1932 г.	214
К. Шмидт — К. Маркс „Капитал“. Критика политической экономии. Избранные места с предисловием Бенедикта Каутского. Лейпциг, 1929 г.	224
С. Слуцкина и А. Стороженко — М. Азарин — „Уничтожение противоположности между городом и деревней“	230
Содержание журнала „Проблемы экономики“ за 1932 г.	237

К ИТОГАМ ОБЪЕДИНЕННОГО ЯНВАРСКОГО ПЛЕНУМА ЦК и ЦКК ВКП(б)

Январский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) имеет исключительное историческое значение. Он происходил на рубеже двух пятилеток — первой, успешно завершённой героическими усилиями партии и рабочего класса в четыре года и обеспечившей собственную техническую базу для реконструкции и фундамент социализма, и начавшейся второй, рассчитанной на завершение технической реконструкции народного хозяйства, построения социализма и полного уничтожения классов в нашей стране. Этот рубеж имеет всемирно-историческое значение в развитии социалистической революции и победоносного движения социализма.

Пленум подвел итоги социалистическому строительству в нашей стране за период с 1928 по 1932 г., выполнению первого пятилетнего плана, рассчитанного на превращение нашей аграрной страны в страну индустриальную, могучую, со всеми современными способами обороны, рассчитанного на создание собственной технической базы для реконструкции всего народного хозяйства. Пленум подвел итоги пятилетки, которая была рассчитана на вытеснение капиталистических форм производства и на создание экономической базы социализма, на превращение мелкотоварного крестьянского сельского хозяйства в крупное социалистическое сельское хозяйство путем насаждения в деревне совхозов и колхозов, сплошной коллективизации мелких крестьянских хозяйств и ликвидации кулачества как класса, следовательно на решение самой трудной задачи социалистической революции — на выкорчевывание корней капитализма и уничтожение возможности его возрождения в нашей стране.

Вместе с тем пленум со всей тщательностью и большевистской прямотой проанализировал новую обстановку, новое соотношение классов и форм классовой борьбы на данном этапе, в особенности в деревне. И в связи с этой новой обстановкой, классовой борьбы в деревне и задачей организационно-хозяйственного укрепления социалистических форм производства в сельском хозяйстве пленум по-новому поставил и разрешил вопрос о хозяйственном и политическом руководстве совхозами, колхозами и МТС, установив конкретные задачи этого руководства. Историческая речь вождя партии и рабочего класса т. Сталина «О работе в деревне» и решение пленума о политотделах совхозов и МТС открывают в этом отношении новую страницу большевистской борьбы за социализм в нашей стране.

На основе успехов в период первой пятилетки, обеспечивших окончательную победу социализма в нашей стране, пленум в развитие постановления XVII партконференции о второй пятилетке дал основную установку последней как пятилетки, которая пафос нового строительства первой должна пополнить пафосом социалистического освоения новой техники производства, социалистического качества работы и

подъема производительности труда во всех звеньях уже преобладающих в стране социалистических форм производства, распределения и обмена. Теперь «главный упор должен быть сделан не на количественный рост продукции, а на улучшение качества продукции, и рост производительности труда в промышленности, не на расширение посевных площадей, а на рост урожайности в земледелии и улучшение качества работы в сельском хозяйстве» (из резолюции пленума).

Наряду с этими крупнейшими вопросами социалистического строительства пленум рассмотрел внутрипартийное положение в связи с новыми формами классово-борьбы. Классовый враг с партбилетом в кармане, проникающий иногда в ряды партии, опаснее открытого врага. Перерождение правых и «левых» оппортунистических элементов внутри партии в открытые контрреволюционные группировки (группы Рютина — Слепкова, Эйсмонта — Толмачева и др.) отражает внутри партии яростное сопротивление добываемого классового врага — кулачества. Пленум одобрил постановление о чистке партии в 1933 г. и, вскрыв контрреволюционную сущность антипартийной группировки Смирнова — Эйсмонта, очистил партию от этих разложившихся элементов и изменников делу партии и рабочего класса.

Все эти решения пленума имеют исключительное политическое и хозяйственное значение для данного этапа соцстроительства в СССР. Они подытоживают результаты этапа первой пятилетки и намечают основные установки и задачи борьбы за социализм в СССР за период второй пятилетки. В этом их историческое значение.

Наши победы на фронте пятилетки имеют громадное международное значение. Ленин говорил, что «сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой» (т. XXVI, стр. 410). Тов. Сталин в своем докладе «Об итогах пятилетки в четыре года» дал подробный анализ международного значения колоссального отзвука, который получила пятилетка в капиталистических странах, и того влияния, которое наша хозяйственная политика оказывает на международную революцию.

Разноречивый характер оценок нашего хозяйственного положения различными капиталистическими группами является показателем того, что рост нашего социалистического хозяйства — неопровержимый исторический факт. При всем желании умалить значение роста социализма у нас и его международного значения буржуазные экономисты и политики все же в той или иной форме вынуждены вопреки этому желанию признать факт этого роста.

Выполнением пятилетки в четыре года окончательно доказано, что рабочий класс не только умеет разрушить устои капитализма, разрушать старое, как об этом кричали и кричат буржуазные писаки, но и создавать новое, — новый социалистический общественный строй, колоссальные народнохозяйственные богатства. Этим показано воочию, что советская социалистическая система несравненно выше системы капиталистической и что социализм можно строить в одной стране вопреки всем социал-фашистским и троцкистским «теориям» о невозможности построения социализма в одной стране.

С момента существования советской власти, особенно за годы пятилетки, происходят соревнование и борьба двух миров — капиталистического и социалистического. Уже 15 лет капиталистический мир кричит об утопическом эксперименте большевиков. Из года в год буржуазные и социал-фашистские писаки предсказывают крах советской системы — и из года в год эта советская социалистическая си-

стема растет и крепнет, из года в год растет социализм и идут ко дну капиталистические элементы. Социализм побеждает во всех отраслях народного хозяйства. Уже в 1926 г. был достигнут довоенный уровень производства, а в последующие годы непрерывно происходил дальнейший рост. В то же время в капиталистических странах происходит непрерывный упадок производства, растет безработица, растет недогрузка производственного аппарата, суживается рынок и обостряются все противоречия капитализма. Систематический рост социализма в СССР и систематический упадок капитализма во всех буржуазных странах — таков итог последних нескольких лет, определивших собою итоги борьбы двух систем и доказавших с несомненностью громадную жизнеспособность социализма как хозяйственной формы и невозможность дальнейшего развития капитализма в эпоху современного мирового кризиса капитализма.

Особенностью первого пятилетнего плана было новое строительство, строительство индустриальной базы для реконструкции всего народного хозяйства, гигантов тяжелой индустрии, социалистических крупных форм производства в сельском хозяйстве — совхозов и колхозов. «Из отсталой мелкокрестьянской страны, какой была старая Россия, СССР выдвинулся в первые ряды наиболее развитых в технико-экономическом отношении стран» (из резолюции пленума).

Мы создали новые гиганты черной и цветной металлургии — основу индустриализации страны. Мы создали новую тракторную промышленность, новую автомобильную промышленность, промышленность станкостроения, новую химическую и новую самолетостроительную промышленность. Мы создали гиганты общего и сельскохозяйственного машиностроения, мощных паровозов и вагонов, крупных турбин и генераторов и оборудования для тяжелой промышленности. В короткий срок мы прошли огромное расстояние и значительно наверстали отставание от более передовых и более сильных капиталистических стран. В короткий срок мы сделали нашу страну страной технической и индустриально самостоятельной, страной независимой от враждебного капиталистического окружения.

«Страна наша из аграрной стала страной индустриальной, ибо удельный вес промышленной продукции в отношении сельскохозяйственной поднялся с 48% в начале пятилетки до 70% к концу четвертого года пятилетки (1932г.)» (С т а л и н);

За годы пятилетки создана собственная передовая техническая база для социалистической реконструкции всего народного хозяйства. Это значит, что в стране создана мощная тяжелая промышленность. «Основное звено пятилетнего плана состояло в тяжелой промышленности с ее сердцевиной — машиностроением. Ибо только тяжелая промышленность способна реконструировать и поставить на ноги и промышленность в целом, и транспорт, и сельское хозяйство» (С т а л и н). Эта тяжелая промышленность с ее сердцевиной — машиностроением создана в нашей стране усилиями партии и рабочего класса. За период первой пятилетки машиностроение по темпам своего развития идет впереди всех отраслей промышленности. В 1926 г. был восстановлен довоенный уровень машиностроения. Огромные темпы роста машиностроения начались в годы первой пятилетки.

Продукция машиностроительной промышленности в 1932 г. в 10 раз превышает довоенный уровень производства. Такое колоссальное развитие машиностроения обеспечило возможность начать техническую перестройку всех остальных отраслей народного хозяйства, обеспечило быстрый рост строительства новых заводов, фабрик, сов-

хозов и МТС. Пятилетка по машиностроению была выполнена в 2½ года, а в 1932 г. наметка последнего года пятилетки перевыполнена на 54%.

Индустриализация страны и в особенности рост машиностроения и химической промышленности подняли на совершенно новую высоту нашу обороноспособность. «Из страны слабой и неподготовленной к обороне Советский союз превратился в страну могучую в смысле обороноспособности, в страну, готовую ко всяким случайностям, в страну, способную производить в массовом масштабе все современные орудия обороны и снабдить ими свою армию в случае нападения извне» (С т а л и н).

Обороноспособность нашей страны шагнула далеко вперед за период первой пятилетки. В случае войны мы вооружим наших красноармейцев всеми средствами передовой военной техники.

Этот факт имеет огромное значение, так как обеспечивает дальнейшую возможность мирного социалистического строительства.

В результате достижений пятилетки в области промышленности продукция 1932 г. составляет 334% довоенной, а пятилетний план выполнен на 93,7%. За четыре года пятилетки промышленная продукция выросла на 119%, т. е. больше чем удвоилась.

Этот итог имеет огромное значение. В результате такого роста промышленности в Советском союзе совершенно уничтожена безработица — этот бич капиталистического общества. Уничтожена неуверенность рабочего в завтрашнем дне, вырос материальный уровень рабочих, уничтожены нищета и пауперизм в деревне.

Перед лицом таких исключительных успехов и фактов преимущества советской социалистической системы лакеи капитализма — социал-фашисты, — эти прожженные дельцы капиталистического мира, не только не могут и не хотят признавать успехов социалистического строительства у нас, но с пеной у рта доказывают, что рабочий класс еще недостаточно подготовлен для того, чтобы взять в свои руки управление страной, и что нельзя строить социализм в одной стране, да еще в такой сравнительно отсталой, какой была царская Россия.

Но действительные успехи социализма в советской стране опрокидывают и до конца разоблачают буржуазные и социал-фашистские «теории» и клеветнические вымыслы о провале пятилетки, о новых и новых трудностях в нашей работе и с несомненной яркостью подчеркивают великое международное значение выполнения пятилетки в четыре года.

«Успехи пятилетки мобилизуют революционные силы рабочего класса всех стран против капитализма» (С т а л и н).

Главные надежды на неизбежность крушения советской власти враги наши возлагали на многомиллионное крестьянство, которое якобы ни при каких условиях не может пойти по пути социалистического развития.

Итоги пятилетки в области сельского хозяйства решительно опровергают этот тезис буржуазии и социал-фашистов. На базе форсированной индустриализации страны, развертывания быстрых темпов строительства тяжелой индустрии, строительства новых промышленных гигантов партия провела и проводит социалистическую переделку сельского хозяйства.

Успехи коллективизации мелких крестьянских хозяйств в нашей стране велики. 80% всех посевных площадей обрабатывается колхозами и совхозами. В стране организовано 200 тыс. колхозов, 4 600 МТС, 5 тыс. совхозов. От этих совхозов и колхозов государство в послед-

ние годы получает товарного хлеба 1 200—1 400 млн. пудов, в то время как в начале пятилетки оно на базе мелкого сельского хозяйства могло получить только 600—700 млн. пудов. В результате успехов социалистической стройки вопрос «кто—кого» решен окончательно. Капиталистические элементы страны разгромлены. Исконное расслоение деревни на бедноту и зажиточных ликвидировано. Внутри колхозов уровень бедняков поднят до уровня середняков. Огромная масса крестьянства, объединенная в колхозы, поставлена в новые условия существования, в условия, когда уровень ее жизни прямо зависит от степени организованности производства, от правильной постановки хозяйства, от правильной организации труда, а не от наличия у того или иного крестьянина инвентаря, рабочего скота и другого имущества. Уничтожение этого старого имущественного неравенства имеет огромное значение для дальнейшего роста благосостояния трудящихся масс деревни.

Экономический фундамент социалистического общества в нашей стране уже построен. СССР уже вступил в период социализма. Но это не значит, что классовая борьба смягчается.

Тов. Сталин с выразительной четкостью подчеркнул это обстоятельство.

«Некоторые товарищи поняли тезис об уничтожении классов, создании бесклассового общества и отмирании государства как оправдание лени и благодущия, оправдание контрреволюционной теории потухания классовой борьбы и ослабления государственной власти. Нечего и говорить, что такие люди не могут иметь ничего общего с нашей партией. Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления. Отмирание государства пойдет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко еще не уничтожено и не скоро еще будет уничтожено» (С т а л и н).

Особенно развил вопросы новой обстановки и новых задач т. Сталин в своей программной речи «О работе в деревне». Центральный пункт этой речи — в борьбе за большевистское содержание колхозов. Он совершенно правильно указывает, что многие работники переоценили колхозы как форму социалистической хозяйственной организации. «Колхозы, как и советы, представляют лишь форму организации, правда, социалистическую, но все же форму организации. Все зависит от того, какое содержание будет влито в эту форму» (С т а л и н). В ленинском понимании эта форма организации «есть оружие и только оружие». «Это оружие можно при известных условиях направить против революции, его можно направить против контрреволюции. Оно может служить рабочему классу и крестьянству, оно может служить при известных условиях врагам рабочего класса и крестьянства. Все дело в том, в чьих руках находится это оружие и против кого оно направлено» (С т а л и н).

Многие товарищи на местах это забыли и не обращали достаточного внимания на организацию настоящего большевистского руководства колхозами. Классовый враг, наоборот, понял это и направил все свои силы на то, чтобы проникнуть в органы управления колхозов, для того чтобы занять в них руководящие места, для того чтобы усилить в них свое влияние. Именно на этом участке нашей работы особенно ярко проводилась новая форма подрывной классовой борьбы, когда враг действует не прямо, а тихой сапой, прикрываясь

советским флагом. Организация саботажа хлебозаготовок проводится классовым врагом и его агентами в колхозах чаще всего под прикрытием необходимости создания местных фондов, под прикрытием якобы защиты интересов колхозников. Как указывает т. Сталин, многие местные работники чаще всего ищут классового врага не там, где нужно, ищут кулака и его агентов вне колхозов, в то время как они уже успели проникнуть в эти колхозы. Ошибки местных работников в сельской работе связаны также с тем, что они недооценили отрицательных сторон свободной колхозной торговли хлебом, недостаточно усвоили, что эта колхозная торговля может развиваться лишь после действительного выполнения государственных обязательств.

Недостатки нашей работы в селе связаны также с трудностями периода освоения совхозов, МТС и колхозов. Известно, что наряду с преуспевающими колхозами, в которых хозяйство и жизненный уровень колхозников неизменно растут, имеется немало колхозов и МТС, в которых хозяйство организовано крайне плохо, в которых организация труда колхозников находится на весьма низком уровне и в которых происходят огромные потери урожая вследствие несвоевременной обработки и уборки. В результате этого получают большие убытки.

Партия конечно не может подходить торгашески к вопросу о рентабельности колхозов и совхозов. Партия учитывает трудности периода освоения, трудности первоначального периода организации совершенно нового типа хозяйства, с совершенно новыми методами производства, совершенно новой формой организации труда. Партия не могла, как этого хотели правые уклонисты, отказаться от насаждения колхозов и совхозов, исходя из того, что известная часть этих совхозов и колхозов на первых порах будет нерентабельна. Вместо ликвидаторских лозунгов отказа от коллективизации партия ставит задачу укрепления колхозов, МТС и совхозов.

Эту работу успешно можно завершить лишь при усилении пролетарской бдительности против классового врага, выявлении и ликвидации подрывной и вредительской работы кулаков на деле.

Правильная организация труда в колхозах и МТС является важнейшей частью работы по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. От организации труда зависит судьба колхоза: размер урожая, богатство колхоза и уровень жизни колхозников и т. д. От нее же зависит выполнение колхозом своих обязательств и в отношении государства. Порядок расчетов за проработанное время, порядок учета труда, организация бригад, распределение работы, их очередность, своевременность и т. д., — все это требует новой социалистической организации работы и строжайшей революционной бдительности, так как именно в этой области имеется огромное поле деятельности для подрывной работы классового врага. Если в отдельных правлениях колхозов на Кубани из 8 членов правления 5 бывали в белой армии, если к тому же в составе колхоза на должностях счетоводов, кладовщиков, бригадиров и т. п. сидят кулаки или их агенты, то такой колхоз будет хиреть и не может процветать, классовый враг постарается дезорганизовать работу.

Жестокая борьба с разбазариванием общественного добра, со всякими скрытыми классовыми врагами, с саботажем в выполнении обязательств перед государством — это в то же время есть неустанная борьба за правильную организацию труда в колхозах и МТС, за пра-

вильную оплату труда, за решительную борьбу с лодырями, бездельниками и за премирование и поддержку действительных ударников.

Чтобы усилить революционную бдительность против классового врага, нужно прежде всего проверить партийные ряды. В этих целях в 1933 г. будет проведена партийная чистка, которая освободит партию от перерожденцев, хвостистов, обывательски настроенных элементов, плетущихся в хвосте вредителей, саботажников.

Решения пленума о создании политотделов в МТС и совхозах и о чистке партии направлены к решительному укреплению коммунистического руководства социалистическими формами сельского хозяйства, к повышению его уровня, к борьбе с хвостизмом, разгильдяйством, которые приняли широкие размеры в ряде наших сельскохозяйственных организаций.

В результате выполнения пятилетнего плана во всех важнейших областях Советский союз стал мощной индустриальной страной с закрепленным фундаментом социалистической экономики, страной, которая в исключительно тяжелых условиях враждебного капиталистического окружения и внутренней классовой борьбы построила основы нового, социалистического общества.

В противовес этому весь капиталистический мир в течение почти всего периода пятилетки корчится в судорогах небывало острого мирового кризиса. Во всех капиталистических странах заводы и фабрики значительно сократили свою работу. При огромном росте производства в Советском союзе, промышленная продукция САСШ снизилась в 1932 г. до 84% довоенного уровня, в Англии — до 75, в Германии — до 62, в Польше — до 47%. Во всех капиталистических странах свирепствует ужасающая многолетняя, постоянная безработица. С каждым месяцем все новые и новые десятки и сотни тысяч рабочих обрекаются на полуголодное существование.

В это время СССР, только одна страна во всем мире, далеко превысила довоенную продукцию.

Мировой кризис особенно резко подчеркнул огромные преимущества советской системы перед системой капиталистической. Эти преимущества прежде всего выражаются в безкризисном развитии советского хозяйства, в безостановочном из года в год росте нашей промышленности. В важнейших капиталистических странах из 12 послевоенных лет (1921—1932) 6 были кризисными годами, отбросившими производство в этих странах далеко назад. СССР же не знает кризисов. Преимущества и бескризисный характер развития советского хозяйства определяются наличием советской власти, наличием диктатуры пролетариата.

Второе основное преимущество нашей системы заключается в том, что советское хозяйство растет гигантскими темпами, которые непосильны для капиталистических стран. В результате огромного роста советского социалистического хозяйства и загнивания хозяйства капиталистического лозунг «догнать и перегнать» осуществляется в более короткие исторические сроки, чем это нами намечалось. В 1923 г. СССР по уровню промышленной продукции стоял на пятом месте. В 1932 г. СССР передвинулся на второе место, обогнав Францию, Германию и Англию. Впереди остались только САСШ. Следующая таблица (см. стр. 10) дает весьма интересные данные об удельном весе важнейших стран в мировой продукции.

В 1928 г. продукция СССР составляла всего 4,7%. Германия, которая стояла на втором месте, имела 11,6%. В 1932 г. продукция СССР составила 14,9% против 34,5 в САСШ и 6,8% — в Германии

ДОЛЯ ВАЖНЕЙШИХ СТРАН В МИРОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ

(в процентах)

Страны	1928 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Германия	11,6	10,8	9,6	6,8
Великобритания	9,3	9,4	9,5	11,2
Польша	0,8	0,7	0,6	0,6
Франция	7,0	8,0	7,9	7,0
Канада	2,2	2,2	2,0	2,0
САСШ	44,8	40,6	37,6	34,5
Япония	2,4	2,6	2,8	3,7
Италия	3,2	3,5	3,4	3,4
СССР	4,7	7,6	11,2	14,9

СССР занимает одну шестую часть территории всего земного шара. В 1932 г. промышленная продукция СССР составляет также одну шестую часть в мировой промышленной продукции.

Характерно еще следующее: промышленная продукция всего капиталистического мира составляет 92% к довоенной. Если же к капиталистическим странам прибавить СССР, то вся мировая продукция составит 101%. Стало быть, только положив на весы втрое увеличенную против довоенного продукцию СССР, мировая промышленная продукция поднимется к довоенному уровню.

Не лучше положение в сельском хозяйстве капиталистических стран.

Валовая продукция сельского хозяйства САСШ снизилась с 11 млрд. в 1929 г. до 5 млрд. в 1932 г., по хлопку с 1 млрд. 389 млн. долл. в 1929 г. до 397 млн. в 1932 г.

В свете этих итогов необходимо рассмотреть принятые пленумом решения о народнохозяйственном плане на 1933 г., являющимся первым годом второй пятилетки. Как известно, XVII партконференция уже приняла директивы по второй пятилетке. Решения XVII партконференции заострены в сторону оценки социально-политических установок второй пятилетки как пятилетки ликвидации классов, как пятилетки построения бесклассового, социалистического общества. При составлении народнохозяйственного плана на первый год пятилетки надо было установить конкретные темпы роста, надо было установить более конкретно контуры второй пятилетки. Этот вопрос решен пленумом с учетом новой проблемы освоения передовой техники построенных нами заводов, фабрик, совхозов, МТС и колхозов. Средний прирост промышленной продукции за четыре года первой пятилетки составляет 22%. Тов. Сталин разъяснил на пленуме, почему нельзя сохранить на вторую пятилетку такой же темп.

«В результате успешного выполнения пятилетки нам удалось построить десятки и сотни новых больших заводов и комбинатов, имеющих новую сложную технику. Это значит, что в объеме промышленной продукции во второй пятилетке основную роль будут играть уже не старые заводы, техника которых уже освоена, как это имело место в период первой пятилетки, а новые заводы, техника которых еще не освоена и которую надо освоить. Но освоение новых предприятий и новой техники представляет гораздо больше трудностей, чем использование старых или обновленных заводов и фабрик, техника которых уже освоена. Оно требует больше времени

для того, чтобы поднять квалификацию рабочих инженерно-технического персонала и приобрести новые навыки для полного использования новой техники. Не ясно ли после всего этого, что если бы даже хотели, мы не могли бы осуществить в период второй пятилетки, особенно в первые два-три года второй пятилетки, политику наиболее ускоренных темпов развития?».

Вот поэтому-то «для второй пятилетки нам придется взять менее ускоренные темпы роста промышленной продукции», а именно 13—14% ежегодного прироста в среднем.

Тов. Сталин при этом подчеркнул, что поскольку в первой пятилетке мы уже выполнили главную ее задачу — подведение базы новой современной техники под промышленность, транспорт и сельское хозяйство, поскольку нам уже удалось поднять обороноспособность страны на должную высоту, постольку нет необходимости теперь в тех высоких темпах, какие мы имели в первой пятилетке. Вместе с тем он подчеркивает, что условия освоения новой техники и новых производств заставляют взять средние темпы роста: до 13—14% в год. Нужно подчеркнуть, что намеченные на вторую пятилетку темпы роста вовсе не являются минималистскими, вовсе не являются отступлением от задач дальнейшего быстрого развития хозяйства нашей страны. Достаточно указать, что на протяжении послевоенного периода средний темп прироста в наиболее передовой капиталистической стране — САСШ — составляет всего 1/2% в год.

Тов. Сталин в своем докладе совершенно правильно указал, что процент проценту рознь и что нельзя вопрос о темпах рассматривать в отрыве от сопоставления прироста продукции в абсолютных размерах.

Тов. Сталин указал, что в то время как 1% прироста в 1925 г. давал 43 млн. руб. продукции, 1% в 1928 г. давал уже 120 млн., а в 1931 г. — 250 млн. руб.

Следующая таблица дает сопоставление прироста промышленной продукции по всей ценовой промышленности в абсолютных размерах и в процентах, начиная с 1921 г.

ДИНАМИКА ПРОДУКЦИИ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ (Ценовой) ПРОМЫШЛЕННОСТИ в 1913, 1929/31 гг. (в ценах 1926.27 г. в млн. руб.).

Годы	Стоимость продукции	Прирост за год к пред. году в руб.	% прироста к предыдущ. году	% к 1913 г.
1913	10 551	—	—	100,0
1921	2 004	594	12,1	19,5
1922	2 619	615	30,7	25,5
1923	4 005	1 386	52,9	39,1
1924	4 660	655	16,4	45,5
19:5	7 739	3 079	66,1	75,5
1926	10 704	2 965	38,3	104,4
19:7	12 264	1 560	14,6	119,6
19:8	15 544	3 280	26,8	151,6
19:9	19 673	4 129	26,6	191,6
1930	25 091	5 418	27,5	241,7
1931	30 708	5 617	22,4	199,5

Из этой таблицы видно, какой огромный прирост массы продукции в абсолютном размере мы имеем за последние годы.

В вопросе о темпах роста нашего хозяйства сделано немало ошибок отдельными товарищами. Они вульгаризировали критику теории

потухающей кривой и на веки-вечные проектировали решительно для каждой отрасли хозяйства, отрасли промышленности восходящую кривую темпов роста.

Повышение этой кривой не обосновалось не чем иным, кроме желания авторов возможно круче поднять ее вверх.

Рекорд прожектерства побил в такого рода планировании Л. Сабсович в своей книге «СССР через 10 лет». В предисловии к этой книге Сабсович намечает для 1931—1932 гг. рост в 70%, а для 1932—1933 гг. — в 80%. В частности Сабсович намечал размер капиталовложений в промышленность на 1932—1933 гг. в размере 30 млрд. руб. против 10 млрд., назначенных теперь по плану на 1933 г.

Такого рода прожектерские установки развивал не один Сабсович. Они находили свое выражение в ряде статей в наших толстых журналах и даже в некоторых документах плановых органов. Эти прожектерские установки были осуждены Центральным комитетом партии.

Решения январского пленума ЦК и ЦКК дают исчерпывающую и ясную установку по вопросу о темпах второй пятилетки.

На 1933 г. народнохозяйственный план намечает рост в 16,5% против 8,5% роста промышленной продукции в 1932 г.

Тов. Молотов в своем докладе указал, что «узел задачи промышленности в 1933 г. лежит в поднятии производительности труда. Это — основной центральный вопрос».

При росте промышленной продукции на 16% прирост количества рабочих намечается всего в 2%, и выполнение производственного плана должно быть достигнуто за счет повышения производительности труда на 14%. Такой рост производительности труда представляет весьма трудную задачу. За четыре года пятилетки производительность труда выросла на 38%, причем этот рост имел место главным образом в первые годы пятилетки. Каждый процент роста производительности труда дает народному хозяйству в 1933 г. 290 млн. руб., и выполнение задания по поднятию производительности труда должно дать около 4 млрд. руб. Не приходится подчеркивать, какое решающее значение имеет выполнение намеченного в плане повышения производительности.

В 1932 г. положение в области производительности труда было совершенно неудовлетворительно. Как сказал т. Молотов, производительность труда выросла всего на 1%. Такое положение совершенно нетерпимо. Нужно отметить, что такое положение является результатом главным образом притока за последние годы большого количества новых рабочих из деревни, не имеющих ни рабочих традиций, ни навыков дисциплинированного труда. Особенно это сказалось на усилении прогулов. Как правило, руководители предприятий не принимали дисциплинарных мер против прогульщиков и лодырей.

Ленин рассматривал борьбу за дисциплину труда как форму классовой борьбы. Это особенно ярко подтвердилось в период острой классовой борьбы и уничтожения кулачества как класса. На росте производительности труда отразились и те особые, новые формы классовой борьбы, какие имели место в некоторых наших предприятиях в связи с проникновением в них отдельных буржуазных и кулаческих элементов, пришедших туда с вредительскими уставами. Наряду с этим недостаточно четкая организация труда и подчас плохое руководство предприятиями не обеспечивали необходимого роста производительности труда. Это создало атмосферу

бесхозяйственности и безответственности. Потребовалось издание особых декретов ЦИК, для того чтобы навести порядок. Но и до сих пор декрет применяется не в полном объеме. В целом ряде мест администрация идет навстречу прогульщикам.

Твердая пролетарская дисциплина на заводе есть первое условие правильной организации производства, без чего нельзя повысить производительности труда.

Борьба с прогулами есть одно из важнейших условий выполнения плана 1933 г.

Этот вопрос тесно связан с задачей снижения себестоимости, намеченной на 1933 г. в размере 3,9%. Выполнение этих качественных показателей требует огромного напряжения, значительного улучшения организации работы во всей промышленности, укрепления ударничества и соцсоревнования. В 1932 г. при росте промышленной продукции в 8,5% заработная плата выросла на 47%. Это сказалось на некотором повышении себестоимости, на увеличении убытков по отдельным промышленным предприятиям. Имевшая место нерентабельность отдельных предприятий, помимо других причин, несомненно связана с преодолением трудностей пускового периода новых предприятий. Это имело место как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Задержка в снижении явилась в значительной мере результатом трудностей освоения новой техники. Как указывали в своих докладах тт. Сталин и Молотов, некоторые наши новые промышленные гиганты, оборудованные по последнему слову техники, пока что являются нерентабельными, так как они не нагружены еще на полную свою производственную мощность и так как нами еще далеко не полностью освоена техника этих передовых предприятий. Необходимо максимально напрячь все силы для того, чтобы в кратчайший срок ликвидировать отставание нашего технического руководства, чтобы в возможно короткий срок полностью освоить новейшую технику, полностью ликвидировать недочеты пускового периода, каковая задача и является центральной задачей народно-хозяйственного плана на 1933 г. По важнейшим отраслям промышленности пленум утвердил следующий размер производственных заданий:

а) По выработке электроэнергии	16,300 млн. <i>квтч</i>
б) По черной металлургии	9 млн. <i>т</i> чугуна 6,2 млн. <i>т</i> проката
в) По углю	84 млн. <i>т</i>
г) По нефти	24,4 млн. <i>т</i>
д) По машиностроению	6,4 млрд. руб. (в ценах 1926/27 г.)
е) По химической промышленности	1,839 млн. » (» »)
ж) По легкой промышленности	8,8 млрд. » (» »)
з) По пищевой пром. (НКСнаб и Комзаг СТО).	7,7 млрд. » (» »)
и) По лесной промышленности НКЛеса	2 072 млн. » (» »)
к) По промкооперации	7 920 млн. » (в плановых ценах 1932 г.)

Размер капитальных вложений во все народное хозяйство на 1933 г. утвержден в сумме 18 млрд. руб., в том числе в промышленность — 10,1 млрд. руб. (против 9,16 в прошлом году). Капитальные вложения по промышленности идут в главной своей массе в группу тяжелой промышленности, которая получает в 1933 г. капитальных вложений в размере 8,5 млрд. руб., а легкая промышленность получает 1,5 млрд. При этом легкая промышленность получает более высокий процент прироста капитальных вложений.

Выполнение народнохозяйственного плана на 1933 г. вовсе не является легкой задачей. Необходимо отметить, что против фактического прироста промышленной продукции в 1932 г., выразившегося в 8,5%, на 1933 г. намечается увеличение процента роста вдвое.

Как отмечал т. Сталин, неполное выполнение пятилетки явилось результатом того, что в 1933 г. ввиду острой военной опасности на Востоке была проведена некоторая передвижка производства на военные нужды.

Это сказалось и на снижении прироста продукции в 1932 г. против первых трех лет пятилетки.

Если же мы возьмем прирост продукции в 1933 г. не в процентах, а в абсолютных размерах, то мы получим для 1933 г. прирост в 6 млрд. руб. при росте в 1932 г. в 3,4 млрд.

Вся же довоенная продукция составляла 10 млрд. руб. в ценах 1926/27 г.

В свете этих данных масштаб прироста на 1933 г. по своей грандиозности становится вполне ясным.

В области сельского хозяйства задания на 1933 г. предусматривают значительное повышение урожайности. Посевные площади за первую пятилетку увеличены на 21 млн. га. Поэтому в 1933 г. план намечает стабильность посевных площадей, с тем чтобы особенно налегать на подъем урожайности.

Необходимо поднять урожайность по зерновым культурам на 13%, по хлопку — на 8%, по льну — на 20%, по подсолнуху — на 25%, по сахарной свекле — на 32%.

Тов. Молотов так определяет серьезность этой задачи:

«Как видите, поставлены совершенно конкретные практические задачи. Даже обеспечив их полное выполнение, мы еще будем во многом отставать от уровня урожайности в ряде других стран, где применение машин и удобрений и общий культурный уровень деревни был уже давно значительно выше, чем это когда-то было в нашей стране. Но обеспечить на деле выполнение за один год поставленной задачи поднятия урожайности по всем этим и другим культурам не так-то легко. Тут надо серьезно поработать с колхозниками, с рабочими совхозов и агротехническими кадрами. Но поставленные теперь задачи по повышению урожайности не только осуществимы, но безусловно могут и должны быть во что бы то ни стало проведены в жизнь. Мы, большевики, тем более твердо должны это сказать, что дело в данном случае прежде всего зависит от нас, от нашего умения организовать массы, от нашей активности в борьбе за поднятие производительности труда на колхозных и совхозных полях.

Нечего доказывать, что пока в большинстве случаев мы это делаем довольно плохо».

Правильная организация производства в колхозах и МТС, правильная обработка полей есть важнейшее условие для повышения урожайности, а это опирается в вопрос о настоящем большевистском руководстве колхозами.

Мы не будем останавливаться на остальных частях плана 1933 г. Они находятся в соответствии с планами по промышленности и сельскому хозяйству.

Народнохозяйственный план на 1933 г. — это не план передышки, или, как это оценивает Троцкий, не план капитального ремонта. Речь совсем не идет об отказе от темпов, о переходе к работе на началах самотека, о работе спустя рукава. Наоборот, народнохозяйственный

план 1933 г. есть план укрепления нашего хозяйства, план его дальнейшего роста, план ускоренного повышения качественных показателей, — это план, подкрепляющий наши хозяйственные темпы темпами качества нашей работы.

Тов. Сталин указал, что основными причинами наших успехов являются, во-первых, активность и самоотверженность масс, во-вторых, особые преимущества советской системы и, в-третьих, твердое руководство партии. Последнее имеет особое значение.

Отчетный период объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) совпал с ленинскими днями, с днями печальной годовщины смерти нашего вождя Владимира Ильича Ленина. Партия справилась после смерти Ленина со стоявшими перед ней задачами социалистического строительства. За эти годы выросло и окрепло социалистическое хозяйство. За эти годы разгромлены капиталистические элементы. Глубокие корни пустил ленинизм в рабочем движении. Наша партия за весь период времени после смерти Ленина проводила в жизнь настоящую большевистскую ленинскую политику. Нужно подчеркнуть, что главная заслуга, что партия осталась на твердых ленинских позициях, принадлежит лучшему ученику Владимира Ильича т. Сталину, который является всемирно признанным вождем партии и мирового пролетариата. Партия за эти годы прошла серьезные испытания. Огромные трудности вставали на пути социалистического строительства. Не раз единство партии подрывалось работой различных оппозиционных оппортунистических группировок и фракций, начиная от контрреволюционных троцкистов и правых и кончая группировками Рютина, Смирнова и Эйсмонта. С каждым годом эти оппозиционные группировки становятся все более ничтожными и все более контрреволюционными.

Тов. Сталин в течение этих лет стоял во главе ЦК. Он намечал линию партии, намечал все решающие мероприятия, он намечал необходимые повороты политики партии, он неустанно подгонял работу всех наших советских и хозяйственных органов. Вот почему против него в первую очередь направлена злоба всех врагов. В ответ на это партия еще крепче спланивается вокруг своего любимого вождя, который твердою рукой ведет страну и партию от одной победы к другой, к полному и окончательному укреплению коммунистических основ нашей экономики и всего нашего общества.

Январский объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) наряду со всеми хозяйственными и политическими установками на ближайший период дал огромный материал в деле теоретической разработки проблем советской экономики и социалистического строительства. Он сделал огромный шаг вперед в дальнейшем развитии ленинизма на новом этапе при данных конкретных условиях. Доклад т. Сталина «Об итогах пятилетки» и речь «О работе в деревне» войдут в сокровищницу ленинизма как вехи, по которым партия и рабочие массы будут направлять, ориентировать свою практическую деятельность по борьбе за социализм.

Изучение материалов пленума, разработка на их основе теоретических проблем современного этапа социалистического строительства являются наиболее актуальной и всепоглощающей задачей работников научного фронта и прежде всего теоретических кадров экономического фронта. Наши задачи в этой области огромны, и мы их выполним тем скорее и тем продуктивнее, чем больше будем изучать и разрабатывать материалы пленума и работы т. Сталина.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ТЕОРИИ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА

«Не было еще, кажется, такого человека, который, задаваясь вопросом об экономике России, отрицал переходный характер этой экономики... Но что же значит слово «переход»? Не означает ли оно в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки и капитализма, и социализма? Всякий признает, что да». Так писал Ленин в брошюре «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» весной 1918 г. С тех пор в советской экономике произошли небывалые в истории человечества революционные сдвиги.

Если применительно к тому периоду Ленин в той же брошюре писал: «...выражение «социалистическая советская республика» означает решимость советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистическими»; то через 12 лет после этого на своем XVI съезде ленинская партия могла уже констатировать на основе анализа происшедших сдвигов в советской экономике вступление СССР в период социализма.

С тех пор выражение «социалистическая советская республика» стало обозначать и «признание новых экономических порядков социалистическими».

Это произошло потому, что, осуществляя ленинскую генеральную линию, партия за эти годы коренным образом изменила соотношение тех пяти «элементов различных общественно-экономических укладов», о которых писал в той же брошюре Ленин. На основе гигантского роста социалистической индустрии один из этих пяти элементов — социализм — стал преобладающим во всей экономике и тем самым экономика СССР стала социалистической.

После XVI партсъезда произошли дальнейшие гигантские сдвиги — СССР превратился в передовую индустриальную страну. Силы социализма настолько возросли, что он достиг прочного преобладания и в деревне, что «решен основной вопрос, «кто—кого», решен в пользу социализма, против капиталистических элементов города и деревни», что «капиталистические элементы города и деревни разбиты, фундамент социалистической экономики построен, победа социализма в СССР обеспечена» (из резолюции январского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)).

Социалистическая продукция охватывает уже почти 90% всего народного дохода. Это является количественным выражением весьма существенного качества, а именно того, что в социалистическом «секторе» производится подавляющая часть всего общественного продукта.

Это особенно резко сказывается при сопоставлении в качестве «секторов» социализма и частнокапиталистического уклада, когда в настоящее время уже «оказались вышибленными из колеи последние остатки умирающих классов» (С т а л и н, Доклад на январском

пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). В промышленности роль капиталистических элементов равна нулю, в сельском хозяйстве ликвидация кулачества в основном закончена, в области товарооборота частник подлежит полному искоренению, и «советская торговля есть торговля без капиталистов — малых и больших» (Сталин, Доклад на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б)).

Что касается «госкапиталистического уклада, то роль его в экономике СССР была прямо мизерной не только сейчас, но уже и много лет тому назад.

«Мелкотоварный» и «патриархальный» уклады занимают сейчас в продукции народного хозяйства около десятой доли.

Таковы сдвиги в соотношении классовых сил в СССР. Тов. Сталин в докладе на XVI партсъезде отметил все коренное различие между переходным периодом в 1918 г., когда Ленин писал брошюру «О «левом» ребячестве», и переходным периодом в 1930 г. «И там переходный период. И здесь переходный период. И все же они в корне отличаются друг от друга, как небо от земли. Ясно, что мы уже вышли из переходного периода в старом его смысле, вступив в период прямого и развернутого социалистического строительства по всему фронту»¹.

Вместе с тем т. Сталин подчеркнул, что переходный период еще не завершен, что еще не разрешены все задачи нэпа. «Переходя в наступление по всему фронту, мы еще не отменяем нэпа... но мы наверняка отменяем начальную стадию нэпа, развертывая последующую его стадию, нынешнюю стадию нэпа, которая есть последняя стадия нэпа» (Сталин, Политотчет на XVI съезде, «Вопросы ленинизма», изд. 9-е, стр. 52). Существенной особенностью нынешнего периода социализма является то, что он не отменяет еще и переходного периода — нэпа, поскольку еще не уничтожены классы. Вступлением в период социализма и построением фундамента социалистической экономики решена основная, наиболее трудная задача переходного периода — нэпа, однако нэп сохраняется вплоть до построения бесклассового общества, причем известные остатки методов нэпа (например советская денежная форма) будут повидимому применяться еще некоторое время и в условиях бесклассового, социалистического общества.

Капиталистическая формация прекращает свое существование с момента установления диктатуры пролетариата, когда начинается процесс революционного становления новой коммунистической формации². Но это вовсе не означает, что все элементы капиталистической формации при этом сразу исчезают. В резко измененной форме эти элементы продолжают существовать в течение переходного периода. Если бы дело обстояло иначе, никакого переходного периода от капитализма к социализму не понадобилось. Между тем, как неоднократно подчеркивал Ленин, «переход от капитализма к коммунизму есть целая историческая эпоха»³. «Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом

¹ Сталин. Политотчет на XVI съезде, «Вопросы ленинизма», изд. 9-е, стр. 572.

² Термин „формация“ к коммунизму может быть применен лишь условно, поскольку коммунизм охватывает собой весь период «истории» человечества в отличие от „предистории“, характеризующей все предшествовавшие ему формации.

Маркс применял термин „формация“ в отношении к коммунизму, см. например следующую фразу: „С точки зрения более высокой экономической формации (подчеркнуто нами — Л. Г.) общества частная собственность отдельных индивидуумов на землю будет представляться столь же нелепой, как частная собственность одного человека на другого человека“ („Капитал“, т. III, ч 2).

³ Ленин, т. XXIII, стр. 355.

и рождающимся коммунизмом» (Ленин, т. XXIV, стр. 507). Во всякой стране пролетарской диктатуры, стране, проходящей переходный период от капитализма к социализму — основным противоречием в экономике является борьба между рождающимся коммунизмом и остатками капиталистической формации за уничтожение «экономических основ существования классов» (Маркс).

Во всякой стране пролетарской диктатуры будут налицо три класса — пролетариат, трудящееся крестьянство, капиталисты. Следовательно борьба коммунизма с остатками капиталистической формации находит свое выражение в противоречиях между этими тремя классами.

Эти противоречия глубоко различны. Противоречия между классом пролетариатом и классом трудящихся крестьян подчинены союзу, смычке между этими классами, и разрешаются на путях этого союза, смычки социалистической переделкой трудящегося крестьянства.

Противоречие между пролетариатом и капиталистами является антагонистическим противоречием, разрешимым в конечном итоге на путях ликвидации капиталистических элементов как класса.

Социалистическая переделка трудящегося крестьянства составляет базу и для ликвидации кулачества как класса, т. е. для выкорчевывания корней капитализма в деревне, там где они наиболее прочны — это значит, что процесс разрешения противоречий между пролетариатом и трудящимся крестьянством составляет основу и для ликвидации антагонистического противоречия пролетариата с кулачеством, хотя последнее из этих противоречий также имеет вполне самостоятельное значение, при чем ликвидируется это антагонистическое противоречие не автоматически, а в процессе ожесточеннейшей, упорнейшей и жесточайшей классовой борьбы.

Итак, борьба между рождающимся коммунизмом и остатками капиталистической формации за уничтожение «экономических основ существования классов», выражающаяся в противоречиях трех классов, — пролетариата, трудящегося крестьянства и капиталистических элементов, и является основным противоречием всякой страны в переходный от капитализма к социализму период — в этом противоречии и заключается особая двойственность экономики переходного периода.

Это противоречие, эта двойственность снимается лишь, когда полностью осуществляется уничтожение классов, осуществляется революционное преобразование экономики капитализма в экономику первой фазы коммунизма, т. е. социализма.

Что же мы имеем в настоящее время?

В сельском хозяйстве уже решена задача перевода мелкого крестьянского хозяйства «на рельсы крупного социалистического земледелия», и основными классовыми отношениями стали отношения пролетариата и колхозного крестьянства вместо отношений пролетариата и мелкотоварного крестьянства на первой стадии нэпа. Однако процесс социалистической переделки бы в ш е г о е д и н о л и ч н и к а в колхозе находится сейчас еще на такой стадии, что колхозники еще представляют собой класс трудящегося крестьянства, в колхозах еще налицо немало частнособственнических пережитков.

Далее, в итоге пятилетки «разгромлено кулачество, подорваны корни капитализма, в сельском хозяйстве» мы имеем «охват колхозным строительством почти всей бедноты, подрыв на этой основе расслоения крестьянства на имущих и неимущих» (из резолюции январского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)). Однако остатки капиталистического класса еще продолжают сопротивляться. «Кулаки разбиты, но они

далеко не добыты. Более того, они не скоро еще будут добыты, если коммунисты будут зевать и благодушествовать, полагая, что кулаки сами сойдут в могилу в порядке, так сказать, стихийного своего развития» (Сталин, О работе в деревне).

Уже это говорит о том, что задачи переходного периода, задачи нэпа еще полностью не решены. Хотя победа социализма в СССР и обеспечена, однако еще не кончилась борьба классов, борьба коммунизма с остатками элементов капиталистической формации, а это и значит, что двойственность переходного периода еще не снята и сейчас, что не закончен и самый переходный период, не уничтожены классы. Но эта двойственность имеет уже совершенно новые черты. Двойственность современного этапа переходного периода заключается уже в том, что он одновременно является и периодом социализма и периодом переходным. Уже отпала особая двойственность советской экономики первой стадии нэпа, которая выражалась в том, что советская власть базировалась на таких двух противоположных основах, как крупная социалистическая промышленность, «которая уничтожает капиталистические элементы» и мелкое единоличное крестьянское хозяйство «которое порождает капиталистические элементы» (Сталин, Доклад на январском пленуме).

Тот факт, что СССР превратился в страну самого крупного земледелия и что «колхозное крестьянство превратилось в прочную опору социалистического строительства» означает, что уже создана прочная база для полного преодоления в будущем противоречий между пролетариатом и трудящимся крестьянством. Однако эти противоречия полностью будут сняты лишь с уничтожением классов, с превращением и пролетариев и крестьян в работников бесклассового общества.

Если на первой стадии нэпа двойственность переходного периода, т. е. борьба коммунизма с остатками капиталистической формации, имела место при ведущей, но еще не преобладающей роли социалистического сектора, то на современном этапе двойственность переходного периода выражается в том, что коммунизм уже представлен преобладанием социализма в экономике, т. е. социалистическим характером экономики, а остатки капиталистической формации представлены тем, что «экономические основы существования классов» еще не уничтожены.

Только тогда, когда исчезнет такое наследие капиталистической формации, как деление на классы, только тогда будет достигнуто построение коммунистической формации в ее первой фазе. Остатки классовых различий, элементы различия между городом и деревней, различие между умственным и физическим трудом, «родимые пятна» буржуазного общества в распределении предметов личного потребления, наличие антиобщественных тенденций отдельных членов общества еще не будут изжиты в течение долгих лет и после этого, однако все это будет иметь место уже в рамках бесклассового общества, когда уже закончится борьба «между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом». Переходный период с этой особой двойственностью будет уже пройденным этапом.

Отмеченное выше противоречие, двойственность переходного периода конкретизируется применительно к специфическим условиям пролетарской диктатуры в СССР, получившей «в наследство» технико-экономическую отсталость и при том строящей социализм в капиталистическом окружении (особая острота проблемы «Кто кого»? на мировой арене).

Экономика переходного периода в СССР и экономическая политика пролетарской диктатуры в СССР отличаются теми же основными чертами, что экономика и политика всякой пролетарской диктатуры, в частности и не «унаследовавшей» технико-экономической отсталости. Вместе с тем эти особенности накладывают специфические черты на экономику СССР, характер ее противоречий и их разрешения, на экономическую политику в СССР. Так, социалистическая индустриализация является существеннейшей задачей экономической политики всякой пролетарской диктатуры, является существеннейшей задачей всякого социалистического общества, однако в СССР она выступает и как способ ликвидации технико-экономической отсталости, как способ борьбы с капиталистическим окружением. «Вопрос о быстром темпе развития индустрии не стоял бы у нас так остро..., если бы мы имели такую же развитую промышленность и такую же развитую технику, как, скажем, в Германии... Если бы мы представляли не единственную страну диктатуры пролетариата, а одну из стран пролетарской диктатуры» (Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 360). Это значит, что борьба «рождающегося коммунизма с умирающим капитализмом» в условиях СССР не может не проходить по линии осуществления задачи «догнать и перегнать», по линии разрешения того противоречия, которое было т. Сталиным в 1928 г. сформулировано следующим образом:

«Мы имеем в нашей стране наиболее передовую власть во всем мире, советскую власть, с другой стороны, мы имеем чрезмерно отсталую технику промышленности, представляющей базу социализма и советской власти..., что нужно сделать, чтоб ликвидировать это противоречие? Для этого необходимо добиться того, чтобы догнать и перегнать передовую технику развитых капиталистических стран» (Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 358).

На путях разрешения этого противоречия достигнуты гигантские успехи. Успешно выполнена основная задача пятилетки — «создание собственной передовой технической базы для социалистической реконструкции всего народного хозяйства...». «Из отсталой, мелкокрестьянской страны, какой была старая Россия, СССР выдвинулся в первые ряды наиболее развитых в технико-экономическом отношении стран...». «СССР из страны аграрной превратился в страну индустриальную, что укрепило экономическую независимость страны, ибо СССР получил возможность решающую часть необходимого оборудования производить на своих собственных предприятиях» (резолюция январского пленума ЦК). Все это значит что «из страны слабой и неподготовленной к обороне Советский союз превратился в страну могучую в смысле обороноспособности» (Сталин, Доклад на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б)).

Дальнейшей задачей здесь является продолжение на путях осуществления лозунга «догнать и перегнать», перевооружения всей промышленности в целом, транспорта и сельского хозяйства, т. е. укрепления и развития материальной основы уничтожения классов, завершения переходного периода.

Нынешняя теория советского хозяйства является политической экономией переходного периода. То, что СССР еще не вышел из переходного периода, ни в коей мере не может служить оправданием к противопоставлению экономики СССР экономике социализма. Экономика социалистического общества возникает как непосредственное продолжение, развитие экономики переходного периода. Отсюда — совершенно ясна вся бесплодность попыток изучения социалистиче-

ской экономики вне этапов ее становления. В этом случае мы имели бы абстрактную схему социалистического общества. Вместе с тем изучение нынешнего развития СССР является уже изучением закономерностей социалистической экономики, являющейся в то же время еще экономикой переходного периода. В этом — своеобразие последнего этапа нэпа. Вступление СССР в период социализма означает, что детализация проблем социалистической экономики приобретает непосредственно практический характер. Теория советского хозяйства должна иметь в качестве существеннейшего своего объекта советскую экономику начального периода социализма, причем это не исключает, а предполагает, что социалистическое, бесклассовое общество будет иметь свою политическую экономию социализма, которая должна строиться уже сейчас.

Политическая экономия социализма должна будет в огромной степени вобрать в себя материал теории экономики переходного периода, материал о становлении экономики бесклассового общества.

Но поскольку самый объект политической экономии изменится (классовая экономика переходного периода, с одной стороны, и бесклассовая экономика социализма — с другой), изменятся и самые категории и самая структура политической экономии по сравнению с теорией экономики переходного периода.

Необходимость особой политической экономии социализма не требует доказательств, поскольку социалистическая экономика представляет собой своеобразную систему производственных отношений которая находит свое отражение в особой системе экономических категорий. Поскольку мы исходим из того, что экономика переходного периода представляет собой особую революционно развивающуюся систему, отличную от системы бесклассового общества, постольку мы должны признать необходимость особой теории экономики переходного периода, имеющей специфическую систему экономических категорий. Характер этих категорий, их взаимосвязь разумеется иные, чем категории капитализма и категории бесклассового общества.

Однако мы совершили бы грубейшую ошибку, если бы характер различия между экономикой переходного периода и экономикой социалистического, бесклассового общества отождествили с характером различия экономики переходного периода и капитализма. Между экономикой капитализма и экономикой переходного периода лежит особый революционный скачок — пролетарский переворот — кладущий начало всему переходному периоду как длительному революционному скачку, начало развитию новой сущности, новых закономерностей, не являющихся продолжением закономерностей капитализма, между тем как экономику переходного периода и экономику социалистического, бесклассового общества объединяет тот факт, что та и другая являются этапами в становлении и развитии новой коммунистической формации.

Расширенное социалистическое воспроизводство, руководимое пролетарской диктатурой, представляет собой в переходный период основу для всего процесса воспроизводства в целом. На определенном же этапе переходного периода расширенное социалистическое воспроизводство непосредственно охватывает все более преобладающую часть воспроизводства общественного продукта. Это означает, что, несмотря на разноукладность, несмотря на наличие столь разнотипных хозяйственных форм, разнотипных производственных отношений, пролетарская диктатура образует определенную систему произ-

водственных отношений и производительных сил с определенным направлением движения. Это движение происходит не «за спиной» пролетарской диктатуры, не стихийно, а как процесс осуществления заранее намеченной пролетарской диктатурой цели — построения социализма.

Это значит, что роль и значение воспроизводства социалистических отношений ни на каком этапе переходного периода не могут быть приравнены к роли и значению воспроизводства мелкотоварных или воспроизводства капиталистических отношений. Даже на первом этапе нэпа в СССР, когда воспроизводство мелкотоварных отношений являлось преобладающим процессом во всем процессе воспроизводства в целом, даже и тогда воспроизводство социалистических отношений было ведущим процессом, потому что за ним стояла диктатура пролетариата.

Разрешение противоречий переходного периода происходит не путем мирного сочетания развивающегося коммунизма с остатками капитализма и образования какой-то особой формации, основанной на «смеси» обоих элементов, а путем революционного устранения (через социалистическое перевоспитание, переделку, включающую и убеждение и принуждение в одних случаях, вытеснение и ликвидацию — в других) этих элементов капиталистической формации путем уничтожения классов.

Ведущим началом в этом процессе является развитие и укрепление социалистической индустрии, на основе которых и происходит социально-техническая реконструкция всего народного хозяйства, социалистическая перестройка деревни, уничтожение противоположности между городом и деревней, развитие и укрепление социалистической дисциплины труда.

Именно рост социалистических производительных сил составляет основу для выкорчевывания корней капитализма, для замены капиталистических отношений социалистическими, для полного уничтожения классов.

Советская экономика есть плановое хозяйство эпохи пролетарской диктатуры. Это значит, что осуществление цели пролетарской диктатуры — построение социализма, уничтожение классов — и придает качественную определенность советской экономике, несмотря на наличие в ней многоукладности, разнотипности форм и т. д.

Отрицать, что развитие экономики переходного периода, проходящее различно в отношении тех или иных хозяйственных форм, укладов, классов и притом в зависимости от того или иного этапа переходного периода, представляет собой единый процесс, — значит встать на антиленинский путь в самых коренных вопросах экономической политики пролетарской диктатуры. Это значит отрицать, что экономика переходного периода является особой системой производительных отношений с ведущей, а затем и преобладающей ролью социалистических отношений, что диктатура пролетариата является силой, определяющей развитие всей экономики переходного периода в целом на путях построения социализма, уничтожения классов, что несоциалистические уклады не образуют таких «регуляторов» или «законов движения», которые бы действовали наряду с экономической силой диктатуры пролетариата и ее планом социалистического строительства, наконец, это значит отрицать, что советская экономика уже является социалистической. Классическим примером отрицания единства советской экономики

является концепция Преображенского с его теорией «двух регуляторов» и неизбежно вытекающим отсюда отрицанием возможности построения социализма в СССР.

Отрицать качественную определенность советской экономики как особой системы производственных отношений переходного периода значит открыть путь к перенесению на переходный период либо категорий капитализма, либо категорий бесклассового общества. А это означало бы либо скатывание на позиции социал-фашизма в оценке советской экономики, либо «перескакивание» через переходный период, через нэп. Наконец отрицание качественной определенности советской экономики как системы закрывает путь к анализу борьбы двух систем на мировой арене.

Тов. Сталин в своем докладе на XVI съезде партии дал четкую характеристику советской системы хозяйства.

Основным признаком этой экономической системы является диктатура пролетариата. «Власть класса капиталистов свергнута и заменена властью рабочего класса» (Сталин).

Диктатура пролетариата имеет своей характеристикой и определенные отношения собственности на средства производства, определенные способы соединения рабочей силы и средств производства. Важнейшие экономические высоты находятся в руках пролетарского государства: крупная промышленность, транспорт, земля. К этому присоединяются государственные сельскохозяйственные предприятия, коммунальные предприятия и т. д.

Остальная часть средств производства находится в основном в руках трудящихся сначала главным образом в виде частной собственности, а затем коллективной. Капиталистическая же собственность в переходный период играет весьма ограниченную роль.

Диктатура пролетариата означает, что меняется самый движущий мотив производства, меняется и форма движения хозяйства. Место капиталистической прибыли занимают интересы планового социалистического строительства, место капиталистической стихии — плановое руководство пролетарской диктатуры.

Коренное изменение способа производства означает и коренное изменение во всей системе воспроизводства, в характере накопления, в системе распределения доходов.

«Распределение народного дохода происходит не в интересах обогащения эксплуататорских классов и их многочисленной паразитической челяди, а в интересах систематического улучшения материального положения рабочих и крестьян и расширения социалистического производства в городе и деревне».

«Систематическое улучшение материального положения трудящихся и непрерывный рост их потребностей (покупательной способности), будучи постоянно растущим источником расширения производства, гарантируют рабочий класс от кризисов перепроизводства, роста безработицы и т. д.»⁴

Все это означает, что «рабочий класс является хозяином страны, работающим не на капиталистов, а на свой собственный класс»⁵.

В советской экономике отсутствует капиталистическое противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения, снята цикличность развития, разбиты оковы с про-

⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, „Политотчет на XVI съезде“.

⁵ Там же.

изводительных сил, которые получают возможность быстрого развития. Отсутствует антагонистическое деление на господствующее незначительное меньшинство — капиталистов, с одной стороны, и обездоленных широчайших эксплуатируемых масс пролетариата и прочих трудящихся, с другой стороны. Вместо этого — господство прежде эксплуатируемого класса — пролетариата и его союз с трудящимся крестьянством. Классовый антагонизм в корне меняет свой характер, так как он имеет место между господствующим классом — пролетариатом и капиталистическим классом, «посаженым на цепь», а также капиталистической агентурой. При этом, если капиталистические антагонизмы, нарастая и обостряясь, переходят в революционный крах капиталистической системы, то в условиях переходного периода классовый антагонизм пролетариата и капиталистических элементов снимается уничтожением классов, созданием коммунистической формации, что составляет сознательно осуществляемую цель пролетарской диктатуры. Если борьба противоположностей в условиях капитализма ведет неизбежно к его гибели, то борьба противоположностей в условиях переходного периода ведет к достижению той цели, которую господствующий в переходный период класс — пролетариат — себе ставит, а именно: построение бесклассового общества.

Если советская экономика представляет собой определенную систему, развивающуюся на основе определенных закономерностей, со своими специфическими своеобразиями на том или ином этапе развития, то это вовсе не означает, что советская система в условиях переходного периода представляет собой уже особую общественно-экономическую формацию. Само понятие переходного от капитализма к социализму периода говорит о том, что осуществляется только становление, возникновение первой фазы новой коммунистической формации (социализма).

Уже в начале социалистической революции элементы старой формации носят подчиненный характер, а элементы новой — социалистические отношения — ведущий характер. Вот почему уже переход к диктатуре пролетариата означает не продолжение в новой форме развития прежней капиталистической сущности, не «трансформацию» капитализма, а начало развития новой «сущности», становление новой коммунистической формации.

Представлять экономику переходного периода как особую сложившуюся общественно-экономическую формацию значит упустить основные противоречия переходного периода, классовую борьбу пролетариата за уничтожение классов, упустить, что пролетарская революция не оканчивается захватом власти пролетариатом, что советская экономика есть экономика социалистической революции. Отсюда следуют теории «затухания классовой борьбы», «равновесия секторов» и т. д.

Вот почему вопрос о том, является ли экономика СССР особой социально-экономической формацией, не является праздным, «чисто академическим» вопросом.

Для переходного периода характерна революционная изменчивость производственных отношений. Весь переходный период представляет собой своеобразный период революционного «большого скачка» от капитализма к социалистическому хозяйству.

Октябрьский переворот, захват командных высот как начало социалистической революции сами уже представляют собой резкий революционный скачок (как начало большого революционного скачка от капитализма к социализму), скачок, отделяющий капитализм от новой системы переходного к социализму периода.

Если самый переход к диктатуре пролетариата не рассматривать как революционный скачок, кладущий начало новой экономической системе, новым законам развития, коренным образом отличающимся от капиталистической системы и капиталистических законов, это значит встать на позицию мирной «трансформации» капитализма в социализм, мирного вращивания капиталистической экономики в переходную экономику, а с нею и в социализм. Социал-фашизм отрицает по существу экономику переходного периода как систему, революционно ограниченную от капиталистической системы. Вместе с тем для правого оппортунизма характерна оценка момента пролетарского переворота как такого скачка, после которого революция прекращается и начинается лишь мирная эволюция новой хозяйственной системы. Такая точка зрения также приводит по сути к социал-демократической теории «мирного», плавного «вращивания» в социализм.

Революция представляет скачок, растянутый во времени, скачок, который, по выражению Ленина, охватывает целую историческую эпоху. Следовательно начало социалистической революции представляет собой скачок, который отнюдь не исключает, а предполагает революционный характер всего переходного периода. Сама революция не протекает «плавно», «гармонично», равномерно. Мы имеем резко очерченные переходы — революционные «скачки» в пределах переходного периода.

Теория советского хозяйства изучает процесс социалистической революции в экономике в условиях постоянных значительных сдвигов в соотношении классов в ходе процесса воспроизводства. Анализ этого революционного процесса разумеется немислим вне изучения конкретных сдвигов в экономике. Теория советского хозяйства должна выявлять особенности развития экономики СССР и методов социалистического строительства на том или ином конкретном этапе. При этом конечно не следует упускать из виду, что развитие советской экономики на различных этапах представляет собой единый процесс революционного преобразования экономики капитализма в экономику коммунизма.

Марксизм-ленинизм изучает всякую общественно-экономическую формацию — в том числе и капитализм — в ее развитии, выявляя своеобразие этапов этого развития. Но существует коренное отличие между изучением уже сложившейся капиталистической формации с ее длительно существующими фазами и изучением процесса революционного становления коммунистической формации, когда воспроизводство производственных отношений и материальных благ на каждом отрезке времени представляет лишь момент в процессе революционной социалистической переделки экономики. Поэтому закономерности переходного периода являются закономерностями революционной перестройки экономики. Отсюда — особое значение «звена» этой перестройки на том или ином моменте переходного периода, отсюда — и значение изучения постоянных сдвигов в соотношении классовых сил на том или ином этапе. Никакие переходы от одной фазы развития капитализма к другой не

могут дать таких изменений в классовых отношениях, как в переходный период, как например превращение единоличных крестьян в колхозников или подрыв корней капитализма в сельском хозяйстве. Отсюда и принципиально иная роль своеобразия этапов в развитии экономики капитализма и СССР.

Итак, все экономические категории переходного периода отражают победоносную борьбу коммунизма с элементами капиталистической формации при руководящей роли в этой борьбе пролетарской диктатуры. Таким образом анализ закономерностей переходного периода не может быть ограничен анализом только ведущих или господствующих отношений. Он не может быть выведен, скажем, из отношений последовательно социалистического типа, так как при этом исчезает самая сущность переходного периода, между тем как основные закономерности, основные тенденции капитализма вскрываются путем анализа господствующих отношений — капиталистических, а не из взаимодействия капиталистических и некапиталистических отношений (хотя анализ последнего играет также весьма существенную роль).

Чем вызывается такое коренное различие в анализе основных отношений, анализе основных закономерностей капитализма и основных закономерностей СССР? Ведь если в условиях капитализма основной процесс экономики в целом есть воспроизводство капитала, то в условиях СССР основной процесс — воспроизводство социалистических отношений. Далее, и в условиях капитализма и в условиях СССР наряду с капиталистическими формами в первом случае и социалистическими во втором — существуют и другие формы. В чем же причина столь различного подхода в анализе? Причина кроется в противоположном характере становления и развития капитализма, с одной стороны, и становления и развития коммунизма — с другой.

Господство капиталистических форм в экономике означает, несмотря на наличие и «докапиталистических» форм, тот факт, что капиталистическая формация уже создана. Господство же социалистических форм в экономике при наличии «несоциалистических форм» еще не означает, что коммунистическое общество (в его первой фазе) уже построено. Наоборот, наличие этих несоциалистических форм несовместимо с завершением построения социализма, так как последнее предполагает уничтожение классов. Уничтожение же классов предполагает в частности не только превращение мелкотоварного крестьянского хозяйства в социалистическое (колхоз), но и такую ступень социалистической переделки колхозников, когда последние теряют черты крестьянского класса и превращаются в работников бесклассового общества.

Процесс построения социалистического общества предполагает единство процесса расширения и строительства новых последовательно социалистических предприятий, превращения мелких товаропроизводителей в колхозников, социалистической переделки последних и уничтожения капиталистического класса. Это значит, что «абстрагируясь» от взаимоотношений различных хозяйственных форм переходного периода, мы абстрагируемся и от основного процесса советской экономики — построения социализма, уничтожения классов.

Основные классы переходного периода — это пролетариат и трудящееся крестьянство при наличии и второстепенного класса — капиталистического. Следовательно процесс уничтожения классов совершенно неотделим от взаимоотношений социалистических элементов и несоциалистических, причем эти последние — и мелкотоварные и

капиталистические — не являются однотипными с социалистической формой.

Если капитализм стихийно вырастал из докапиталистических отношений, то социализм не вырастает из «досоциалистических» отношений, а строится, насаждается. Поэтому социалистические формы не могут иметь однотипных других общественных форм и поэтому несоциалистические формы, не будучи однотипными с социалистическими, неизбежно порождают в советской экономике тенденции, противостоящие плановым закономерностям строительства социализма. Следовательно закономерности построения социализма включают процесс планового преодоления враждебной пролетариату стихии.

Борьба плана, выражающего основной закон развития советской экономики, с враждебной ему стихией, не представляющей закона развития, а лишь тенденцию, ограниченную последним, — эта борьба характеризует отмеченную выше особую двойственность переходного периода.

Эта особая двойственность исключает абстрагирование от «несоциалистических элементов» при выявлении основных закономерностей переходного периода. Такой двойственности в условиях капитализма, где имеются лишь стихийные тенденции развития, разумеется нет.

«При капитализме деревня шла стихийно за городом, потому что капиталистическое хозяйство города и мелкотоварное хозяйство крестьянина являются в своей основе однотипными хозяйствами. Конечно мелкотоварное хозяйство не есть еще капиталистическое хозяйство. Но оно в своей основе однотипно с капиталистическим хозяйством, так как опирается на частную собственность на средства производства. Ленин тысячу раз прав, когда он говорит в своих заметках по поводу книжки т. Бухарина об «Экономике переходного периода» о товарно-капиталистической тенденции крестьянства в противоположность социалистической тенденции пролетариата»⁶.

Ведущая роль капиталистического города в отношении мелкотоварной деревни осуществляется стихийно, поскольку сама деревня стихийно развивается по капиталистическому пути, поскольку при господстве стоимостных закономерностей полное свое развитие получает товарно-капиталистическая тенденция крестьянства, основанная на однотипности мелкотоварного хозяйства с капиталистическим.

Ведущая роль пролетарского города в отношении мелкотоварной деревни не может совершаться стихийно, поскольку стихийное развитие деревни означает полное развитие товарно-капиталистической тенденции крестьянства, т. е. капиталистический путь деревни и разрыв смычки пролетарского города и крестьянской деревни.

Предоставить деревню стихии, самотеку — значит предопределить капиталистический путь развития деревни, допустить превращение товарно-капиталистической тенденции в закон развития деревни.

Интересы капиталистов противоположны интересам мелких товаропроизводителей, в частности трудящегося крестьянства. Путь капиталистического накопления — это путь беспощадного «размывания» мелких товаропроизводителей, эксплуатации, разорения подавляющего большинства при подъеме крайне незначительного меньшин-

⁶ Сталин, К вопросам аграрной политики в СССР, „Вопросы ленинизма“ изд. 9-е, стр. 445.

ства. Специфическое отставание деревни от города при капитализме, специфический «идиотизм деревенской жизни» особенно ярко сказываются в быте мелкого и мельчайшего крестьянства, упорно цепляющегося за свои клочки земли.

Но развитие мелкотоварного хозяйства в условиях капитализма вовсе не направляется сознательной волей мелких товаропроизводителей. Несмотря на то, что путь капиталистической дифференциации и обнищания противоречит этим интересам, он стихийно осуществляется на основе стоимостных же законов, характеризующих и развитие капиталистических отношений. Стихийное перерастание мелко-товарных отношений в капиталистические, все большее закабаление мелкого товаропроизводителя капиталом со всей неизбежностью следуют из хода расширенного капиталистического воспроизводства.

Однотипность простого товарного хозяйства и капиталистического связана именно с тем, что первое стихийно порождает второе, стихийно перерастает во второе. Элементы первого находятся во втором, зародыши второго находятся в первом. Товар — категория простого товарного хозяйства — является экономической клеточкой и капиталистического общества. Закон стоимости, закон и простого товарного хозяйства лежат в основе закономерностей капиталистического общества, которые являются модификацией закона стоимости. Капитал есть «самовозрастающая стоимость». Это значит, что Маркс, анализируя основные категории капитализма, тем самым анализировал и категории простого товарного хозяйства, но лишь постольку, поскольку последнее однотипно капиталистическому. Дополнительного же включения «третьих лиц» для установления основных закономерностей развития капитализма отнюдь не требовалось. В силу однотипности капиталистического и мелко-товарного хозяйства развитие капитализма происходит при сохранении и докапиталистических форм, и последние не порождают в экономике тенденций, противостоящих стоимостным закономерностям. Таким образом докапиталистические формы не включены в основные отношения капиталистического общества и не порождают в экономике тенденций, противостоящих стихийному воспроизводству капитала.

Отсюда необходимость выявления основных законов капитализма не из взаимодействия капиталистических отношений с докапиталистическими, а из внутренних противоречий капиталистических отношений, в то время как нелепо было бы анализ экономики переходного периода строить на основе анализа «внутренних противоречий» социалистических отношений. Таким образом, исходя, во-первых, из того, что основные классовые отношения в советской экономике выражают борьбу коммунизма с элементами капиталистической формации, и, во-вторых, из того, что «несоциалистические» формы неоднотипны с социалистическими и потому стихийно порождают в экономике тенденции, противостоящие плановым законам построения социализма при анализе экономических закономерностей СССР, недопустима абстракция от «несоциалистических отношений», от преодоления порождаемых ими тенденций. Другое дело — основные закономерности развития капитализма. Во-первых, основные классы капиталистического общества, основные его противоречия, формы развития этих противоречий, — все это лежит не по линии взаимоотношений капиталистических и «некапиталистических» форм, а в пределах капиталистической формы. Пролетариат и капиталисты не образуют различных хозяйственных укладов в рамках капитализма. Они являются там двумя полюсами капиталистических отно-

ше и й. Во-вторых, «некапиталистические» формы однотипны с капиталистическими, поскольку капитализм вырастает стихийно из докапиталистических отношений.

Остановимся на своеобразии форм процесса уничтожения классов в экономике переходного периода и на единстве этих форм. Ленин в статье «Экономика и политика в эпоху пролетарской диктатуры» дал классическую характеристику единства и борьбы противоположностей в переходный период.

«В России диктатура пролетариата неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами вследствие очень большой отсталости и мелкобуржуазности нашей страны. Но основные силы — и основные формы общественного хозяйства — в России те же, как и в любой капиталистической стране, так что особенности эти могут касаться только не самого главного.

Эти основные формы общественного хозяйства: капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм. Эти основные силы: буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат.

...Экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет из себя борьбу первых шагов коммунистически объединенного в едином масштабе громадного государства — труда с мелким товарным производством и с сохранившимся, а равно и возрождающимся на его базе капитализмом»⁷.

Диктатура пролетариата означает, что одна из этих «основных форм» — коммунизм (речь идет о социализме), представленная одной из этих «основных сил» — пролетариатом, и является определяющим в развитии экономики в целом. От этих трех «основных форм», от этих трех «основных сил» (каковы бы ни были их «удельные веса», их реальное значение на том или ином этапе переходного периода) «абстрагироваться» конечно нельзя, пока налицо переходный период и не разрешена проблема уничтожения классов.

На последнем этапе переходного периода, когда преобладающую роль начинают играть в сельском хозяйстве колхозы, особое значение приобретает различие в пределах социалистической формы коллективных и последовательно социалистических предприятий и в пределах крестьянского класса трудящихся — единоличников и колхозников. Последние, входя еще в крестьянский класс, вместе с тем уже представляют форму его постепенного превращения в работников бесклассового общества. Это значит, что при анализе специфического единства и борьбы противоположностей на современном отрезке времени в СССР необходимо исходить из взаимоотношений пролетариата, колхозного крестьянства, единоличного трудящегося крестьянства и капиталистических элементов. Значение и роль каждого из этих элементов, его удельный вес весьма и весьма различны, но «абстрагироваться» ни от одного из них нельзя, потому что тогда мы абстрагировались бы от существенного момента в процессе борьбы противоположностей на современном этапе, в процессе уничтожения классов.

В конечном итоге общество переходного периода со всеми элементами преобразуется в общество, настолько однотипное, что отпадает самое деление на классы.

Уничтожение классов на основе социалистического расширенного воспроизводства и соответствующего роста производительных сил, означающее снятие противоречий в системе производственных отно-

⁷ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 508.

шений переходного периода, выражается в специфических формах политики каждого из классов.

Процесс уничтожения классов — длительный процесс, продолжающийся в течение «целой исторической эпохи», имеющий ряд переходных форм, осуществляемый через классовую борьбу, укрепление: мощи пролетарской диктатуры, роли господствующего класса — пролетариата.

Усиление мощи пролетарской диктатуры в процессе уничтожения классов связано с социалистическим воспитанием самого пролетариата. Переход к диктатуре пролетариата меняет его характер, превращая его из класса поработанного, отделенного от средств производства и продающего свою рабочую силу, в класс господствующий, владеющий средствами производства на началах общественной социалистической собственности. Этим создается база для социалистического воспитания пролетариата в переходный период. В течение переходного периода, под руководством ленинской партии осуществляя социалистическую переделку всей экономики, пролетариат, расширяя и укрепляя социалистическую индустрию, внедряет в свою собственную среду социалистическую дисциплину труда, развивает социалистические формы труда, проводит такое социалистическое воспитание (куда включается и процесс овладения техникой, выращивания пролетарских специалистов), которое искореняет пережитки капитализма из пролетарского сознания. Борьба с рвачеством, шкурничеством, борьба с мелкобуржуазным разгильдяйством, уравниловкой и обезличкой за социалистическую дисциплину труда есть особая форма классовой борьбы, в частности направленная непосредственно против проникающих (особенно сейчас) на госпредприятия выходцев из классов враждебных пролетариату слоев.

В отношении трудящегося крестьянства мы имеем следующую форму процесса уничтожения классов. Переход к пролетарской диктатуре, в частности пролетарская национализация земли, означает уже коренную перемену в положении трудящегося крестьянства, открывая возможность для социалистического пути его развития. Процесс воспроизводства крестьянской экономики включается в орбиту руководящего влияния пролетарской диктатуры. Процесс дифференциации деревни получает коренное отличие от процесса дифференциации при капитализме. Устанавливается смычка между пролетариатом и трудящимся крестьянством под руководством первого.

Под руководством пролетариата подготавливается и осуществляется поворот трудящегося крестьянства на путь социализма. Превращение мелкого товаропроизводителя в колхозника открывает следующий этап по пути уничтожения классов, этап социалистического перевоспитания колхозника.

Весь этот единый процесс, начиная с первых шагов пролетарской диктатуры в деревне и далее через путь торговой и производственной смычки, через осуществление ленинского кооперативного плана, через превращение трудящегося единоличника в колхозника, — наконец, превращение колхозника в работника бесклассового общества происходит в условиях классовой борьбы. Здесь и борьба непосредственно с кулачеством, борьба с товарно-капиталистической тенденцией крестьянства, борьба с агентурой кулачества, борьба с буржуазными тенденциями отдельных колхозов и колхозников.

Под руководством пролетариата проводится борьба с частнособственническими пережитками в колхозах за преодоление мелкобуржуазных, а иногда и прямо кулацких установок, не говоря уже

с том, что пока сохраняется мелкотоварное производство с его товарокапиталистической тенденцией, «двойственностью души середняка», неизбежна в рамках смычки пролетариата и трудящегося крестьянства классовая борьба в деревне за преодоление товарно-капиталистической тенденции, за осуществление ленинского кооперативного плана. Отношения союза пролетариата с трудящимся крестьянством не исключают, а предполагают в качестве подчиненного момента известные противоречия, являющиеся классовыми противоречиями. Однако основным, решающим, определяющим в этих отношениях является смычка. Основным в развитии деревни является процесс осуществления под руководством пролетариата и его партии ленинского кооперативного плана, сначала главным образом в форме развертывания кооперативных предприятий в сфере торговой смычки с городом, а затем в сфере самого с.-х. производства. Осуществление ленинского кооперативного плана не может основываться на стихийных закономерностях.

Мелкотоварное крестьянство не имеет какой-либо стихийно присущей ему тенденции кроме товарно-капиталистической, но социалистический путь развития деревни, в настоящее время уже победивший, является основным путем развития деревни в условиях пролетарской диктатуры при наличии правильной политики пролетариата. Этот путь вытекает не из какой-либо стихийно действующей «социалистической тенденции» мелкотоварной экономики, а основывается на том, что мелкий товаропроизводитель деревни находится в союзе с пролетариатом при руководящей роли последнего. Этот союз вытекает из того, что мелкий товаропроизводитель деревни является тружеником, что только под руководством пролетариата он может добиться своего освобождения и действительного подъема.

Товарно-капиталистическая тенденция не является в условиях пролетарской диктатуры для мелкотоварного хозяйства законом движения, но она неизбежно существует, пока существует само мелкотоварное хозяйство, существует как враждебная торговой и производственной смычке, враждебная плану социалистического строительства тенденция. Борьба «социалистической тенденции пролетариата с товарно-капиталистической тенденцией крестьянства» (Ленин) есть классовая борьба. Диктатура пролетариата ограничивает, преодолевает, а затем и вовсе искореняет товарно-капиталистическую тенденцию, выкорчевывая корни капитализма.

Правые игнорируют товарно-капиталистическую тенденцию и тем самым односторонность мелкотоварного и капиталистического хозяйства. Троцкизм видит только товарно-капиталистическую тенденцию крестьянства и эту односторонность мелкотоварного и капиталистического хозяйства доводит до их отождествления.

Социалистическое обобществление не может происходить путем равноправного стихийного «соревнования» укладов при отсутствии руководящей роли пролетарской диктатуры во взаимоотношениях этих укладов. Такое стихийное соревнование привело бы неизбежно к реставрации капитализма, поскольку мелкотоварное хозяйство, будучи предоставлено самотеку, пошло бы по пути капиталистической дифференциации.

Представления о том, что колхозное движение может возникнуть и развиваться стихийно, что сельская снабженческая и сбытовая кооперация сама по себе перерастает в колхозы, что наличие тракторов в условиях пролетарской диктатуры само по себе коллективизирует деревню, что колхозная форма сама по себе, без пролетар-

ского руководства, обеспечивает социалистическое содержание колхоза — такие представления ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеют. В этой связи следует подчеркнуть огромную роль политотделов МТС как рычагов пролетарской диктатуры на селе.

В отношении капиталистических элементов процесс уничтожения классов идет сначала по линии экспроприации крупных городских и сельских капиталистов, по линии ограничения и вытеснения более мелких капиталистов города и деревни, далее по линии полной ликвидации сельских капиталистов как класса, по линии полного искоренения капиталистов и из сферы товарооборота. Весь этот процесс осуществляется посредством упорной обостряющейся классовой борьбы с капиталистическими элементами, сопротивление которых усиливается по мере приближения их конца. Будучи вышибленными из производства, остатки капиталистического класса переходят все больше к актам замаскированного вредительства, расхищения общественной собственности, пытаются разложить колхозы изнутри, срывать социалистическую дисциплину труда, срывать планы заготовок и т. д. Уничтожение классов осуществляется через обострение классовой борьбы с капиталистическими элементами и их агентурой.

Итак, процесс уничтожения классов проходит в весьма различных формах в отношении различных классов, различных элементов советской экономики и различных этапов социалистического строительства. Но этот процесс представляет собой единство всех этих форм как в отношении этапов их развития, так и классовых своеобразий. И борьба за социалистическую дисциплину труда на наших госпредприятиях, и борьба с буржуазными тенденциями в колхозах, и борьба с товарно-капиталистической тенденцией единоличника, и борьба за ликвидацию кулачества как класса, — все это различные участки единого фронта классовой борьбы коммунизма с умирающим капитализмом, участки, теснейшим образом связанные. Единство экономики СССР выражается в единстве форм уничтожения классов.

Социалистическое обобществление на базе индустриализации неотделимо от процесса ограничения и вытеснения, а затем и ликвидации кулачества как класса и составляет его основу. Так, процесс ликвидации кулачества как класса происходит на основе сплошной коллективизации. В свою очередь ликвидация кулачества как класса является необходимым моментом развертывания сплошной коллективизации. Все процессы классовой борьбы пролетариата с капиталистическими элементами мы обязательно должны ставить в связь с процессом социалистического обобществления.

Двойственность переходного периода и нэпа проявляется во взаимоотношениях трех элементов, трех классов. Она ни в коей мере не может быть сведена к борьбе пролетариата с капиталистическими элементами. Нельзя понять проблемы «кто—кого», отвлекаясь от середняка, хотя бы уже потому, что эта борьба по принципу «кто—кого» идет именно за середняка. С другой стороны, нельзя понять проблемы социалистической переделки мелкого товаропроизводителя и колхозника, отвлекаясь от борьбы с кулацким влиянием, которое не прекращается сразу и после ликвидации кулачества.

Меньшевистское, в том числе и троцкистское понимание двойственности переходного периода заключается в том, что три класса переходного периода разделяются на такие два лагеря, когда в одном находится пролетариат, а в другом — трудящееся крестьянство и капиталистические элементы.

Ленинская же теория переходного периода связывает двойственность переходного периода в отношении трудящегося крестьянства, с двойственной природой мелкого товаропроизводителя.

Остатки частнособственнической стихии мелкого товаропроизводителя сплошь и рядом переходят и к колхознику.

Классовые отношения в условиях переходного периода развиваются таким образом: крепнет «социалистическая тенденция пролетариата», осуществляющего смычку с трудящимся крестьянством, и усиливается борьба пролетариата с враждебными социалистическому плану и смычке тенденциями, коренящимися в капиталистическом укладе и в частной собственности единоличного трудящегося крестьянства, в мелкобуржуазных пережитках, остающихся и после превращения его в колхозное крестьянство, наконец в антипролетарских влияниях, находящихся себе место и в последовательно социалистических предприятиях (заводы, фабрики, шахты, совхозы). Эти антипролетарские влияния сказываются во вредительстве, сокрытии ресурсов, обходе плановых директив, спекулятивных тенденциях, рвачестве, прогулах и т. д.

Таким образом остатки, следы капиталистической формации в переходный период носят весьма отличные друг от друга формы, коренящиеся, во-первых, в наличии капиталистических элементов, во-вторых, в наличии единоличного мелкотоварного хозяйства с его частной собственностью, в-третьих, в незавершенности социалистической переделки колхозного крестьянства, в наличии частнособственнических пережитков у колхозников, являющихся еще крестьянским классом, в-четвертых, в буржуазных тенденциях, проникающих в последовательно социалистические предприятия. Отсюда следует, что основное противоречие советской экономики имеет существеннейшие особенности в отношении различных укладов и в отношении разных этапов. Так например, до сплошной коллективизации частнособственнические пережитки колхозников не играли той роли, которую они играют сейчас, когда основными отношениями классов стали отношения пролетариата и колхозников. После осуществления в основном сплошной коллективизации и ликвидации кулачества враждебная деятельность капиталистических элементов носит уже иной характер, поскольку выкорчеваны корни капитализма из производства.

Ясно, что формы противоречий и способы их разрешения существенно различны по линии взаимоотношения пролетариата с капиталистическими элементами, мелкими товаропроизводителями, колхозниками. Частнособственнические пережитки в колхозах и чуждые пролетариату влияния на госпредприятиях тоже существенно различны. Если первые связаны с тем, что колхозник еще недавно был единоличником (а это неизбежно сказывается на его природе), что колхозник перевоспитывается постепенно под влиянием пролетариата и его партии, что колхоз, особенно артель, не есть высшая форма социалистического предприятия (она еще предполагает коллективную собственность при общегосударственной собственности на землю и наличии МТС), то вторые вовсе не вытекают из природы госпредприятий, где мы имеем уже высшую, социалистическую форму, где наличие уже общегосударственная собственность. Наличие других классов, приток в среду пролетариата отсталых слоев из крестьянства, проникновение классово враждебных элементов, засорение госаппарата классово враждебными, бюрократическими и оппортунистическими элементами, — вот что питает буржуазные тенденции в госпредприятиях.

Между переходом к сплошной коллективизации и превращением колхозного крестьянства в работников бесклассового общества должен пройти известный отрезок времени, который еще относится к переходному периоду.

Разрешение проблемы «кто—кого» в городе и деревне и даже завершение сплошной коллективизации еще сами по себе не означают завершения переходного периода — нэпа.

Необходимо различать возможность построения социализма, победу социализма и наконец реализацию этой победы вплоть до полного построения бесклассового, социалистического общества.

Первое было создано октябрьским переворотом, второе было осуществлено в результате построения фундамента социалистической экономики и наконец третье должно быть реализовано в перспективе второй пятилетки.

В течение переходного периода происходит развитие и разрешение его основного противоречия. В первые годы нэпа преобладание частного мелкотоварного хозяйства в деревне не стояло еще на пути быстрых темпов развития социалистической промышленности. Это объяснялось условиями восстановительного периода. Тогда противоречие сказывалось с особенной резкостью по линии хозяйственных связей города и деревни.

Социалистически обобществленная промышленность стремилась установить прочную торговую смычку с мелкотоварной деревней. Целью этой смычки было обеспечение продовольствием и сырьем расширенного социалистического воспроизводства в городе, усиление рычагов воздействия на мелкотоварную деревню и подготовка ее перевода на социалистический путь.

На пути социалистической промышленности стоял частный торговый капитал. Частный посредник преобладал в товарообороте. Со всей резкостью выявилось противоречие между социалистическим обобществлением производства в городе и преобладанием частного посредника в товарообороте.

На основе роста и укрепления социалистической индустрии происходило укрепление торговой смычки, развертывание кооперации, ограничение и вытеснение частника, ограничение и вытеснение кулака, смыкавшегося с частником и пытавшегося развязать товарно-капиталистическую тенденцию крестьянства.

Достижение преобладания государственной и кооперативной торговли, огромный рост потребительской и с.-х. кооперации разрешились не могли разрешить основного противоречия переходной экономики, корнящегося в отношениях производства. Но это вытеснение частника и преобладание государственно-кооперативной торговли являлось на основе дальнейшего роста социалистической индустрии одной из предпосылок дальнейшего разрешения основного противоречия переходного периода. В реконструктивный период уже сказалась со всей остротой невозможность «в продолжение более или менее долгого периода времени базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах — на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного хозяйства» (С т а л и н).

Отсюда и форма разрешения этого противоречия в реконструктивный период: на основе роста социалистической индустрии развертывание не только торговой, но и производственной смычки как основной, осуществление сплошной коллективизации, ликвидация на ее основе кулачества как класса.

Если в начале нэпа был допущен в строгих рамках рост капиталистических форм в сельском хозяйстве и этот ограниченный рост тогда был использован для роста производительных сил частнособственнической деревни при еще более быстром росте социалистической индустрии, то в период социализма капиталистическая форма производства становится все более несовместимой с задачами социалистического расширенного воспроизводства, включающего на данном этапе уже сплошную коллективизацию, когда кулачество не только вытесняется и ограничивается, но и ликвидируется как класс.

В своем сопротивлении кулачество выступает как сила, уже непосредственно резко враждебная развитию производительных сил, оно идет на прямое их уничтожение (поджоги, убой скота, расхищения и т. д.).

Осуществление сплошной коллективизации и ликвидация кулачества как класса означают огромный шаг вперед по линии снятия основного противоречия экономики переходного периода, но еще не полное его снятие.

После этого в деревне остаются еще задачи организационно-хозяйственного укрепления социалистического сельского хозяйства, его дальнейшего технического перевооружения, «освоения» колхозов, социалистического перевоспитания колхозника, преодоления частнособственнических пережитков и буржуазных тенденций и т. д.

Если в начале нэпа отношения двух основных классов проходили между двумя различными хозяйственными укладами, то сейчас они проходят в отношениях последовательно социалистического сектора с колхозным социалистическим сельским хозяйством. Основными отношениями классов в стране стали отношения пролетариата и колхозников.

Процесс развития единства противоположностей в советской экономике шел на всех этапах при ведущей роли социалистической индустрии в направлении сближения пролетариата и трудящегося крестьянства и при растущем обострении отношений с капиталистическими элементами. При обострении классовой борьбы с капиталистическими элементами в СССР единство советской экономики в то же время стало более тесным, прочным, экономика стала более однотипной. Это сказалось и в характере планирования, в резком усилении непосредственного оперативного планирования и в городе и в деревне.

Воспроизводство в условиях нэпа на каждом данном отрезке времени происходило при таком изменении элементов, которое означало дальнейшее продвижение по пути к социализму на основе роста и укрепления социалистических производственных отношений и производительных сил при более медленном росте, а в дальнейшем и при сокращении производства других типов.

Таким образом, воспроизводство в СССР основной чертой имеет социалистическую реконструкцию.

Единство советской экономики на основе ведущей роли социалистического сектора осуществляется через экономическую политику пролетарской диктатуры, через план социалистического строительства, через единую систему научно обоснованных мероприятий, направленную на развитие всей экономики к социализму.

Производственные отношения являются формой развития производительных сил, поэтому проблема единства противоположностей в системе производственных отношений переходного периода подво-

дит нас вплотную к проблеме взаимоотношений производительных сил и производственных отношений в переходный период.

Уже начало социалистической революции, уничтожая капиталистическое противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения, уничтожило и капиталистические противоречия между производительными силами и производственными отношениями.

Ведущие социалистические производственные отношения стали формой невиданного для капитализма развития производительных сил. Однако в системе производственных отношений переходного периода еще имеются элементы, которые действуют сдерживающим образом в отношении развития производительных сил по сравнению с теми возможностями, которые открывают социалистические производственные отношения. Это означает, что в переходный период при отсутствии капиталистических противоречий между производственными отношениями и производительными силами при «высвобождении» производительных сил, что сказывается в первую очередь в темпах индустриализации, все же существуют специфические противоречия между возможностями развития производительных сил, открываемыми разворачиванием социалистических отношений, и тормозящей ролью остатков капиталистической формации.

Эти противоречия разрешаются в процессе социалистической реконструкции всего народного хозяйства, в процессе уничтожения классов. Рост социалистической индустрии является основой для разворачивания социалистических производственных отношений в деревне. В свою очередь последние являются формой, в которой происходит в переходный период индустриализация деревни.

Противоречия между производительными силами и производственными отношениями конечно и в условиях советской экономики могут проявиться лишь в пределах самих производственных отношений и разрешаются в процессе классовой борьбы.

Всякое изменение производственных отношений меняет и характер производительных сил, путей и темпов их развития. Так, социалистическое обобществление производства фабрик и заводов в корне меняет характер производительных сил, ликвидируя отчуждение рабочей силы от средств производства и превращая главную производственную силу — рабочий класс — в хозяина производства.

Социалистическая индустриализация лежит в основе процесса уничтожения классов и подъема материально-культурного уровня трудящихся. В этом сказывается единство социалистического развития производительных сил и производственных отношений.

Это единство выражается в СССР прежде всего в том, что расширенное воспроизводство социалистических отношений является формой мощного развития производительных сил. Чем большую роль играют социалистические отношения в экономике переходного периода, тем большие возможности должны открываться для роста производительных сил. Вместе с тем социалистическая индустриализация является и путем обеспечения экономической независимости СССР.

Проблема «кто—кого» в пределах СССР и проблема «кто—кого» на мировой арене («борьба двух систем») представляют собой единство. Классовые враги пролетарской диктатуры вне СССР смыкаются с ее врагами внутри СССР. Разрешение проблемы «кто—кого» в пре-

делах СССР является огромным шагом по пути разрешения проблемы «кто—кого» на мировой арене. Социалистическая индустриализация в СССР является мощным фактором развертывания мировой революции. Вместе с тем необходимо видеть и различия, вытекающие из того, что проблема «кто—кого» в СССР разрешена в пределах одной страны, до того как она разрешена в мировом масштабе.

Задача создания технической базы бесклассового общества, задача систематического подъема материально-культурного уровня трудящихся и задача быстрого продвижения по пути осуществления лозунга «догнать и перегнать» представляют собой неразрывное единство.

Из вышеуказанного следует, что единство экономики переходного периода не есть «равновесие секторов», не есть форма примирения, сглаживания двух диаметральных противоположностей — социализма и капитализма, затухания классовой борьбы, «равновесие плана и стихии». Это единство представляет собой единство различных форм уничтожения классов, различных форм социалистического строительства, единство в процессе развития различных хозяйственных форм СССР. Развитие всех этих хозяйственных форм подчинено единой силе пролетарской диктатуры, направляющей экономику в целом к социализму, к уничтожению классов. Каждая из этих форм имеет свои специфические особенности развития на этом пути. Так для трудящегося крестьянства основной линией развития является осуществление ленинского кооперативного плана со всеми его особенностями на разных этапах, а для кулачества — путь ограничения, вытеснения, а затем ликвидации как класса. Но между обоими этими процессами — теснейшая связь, единство, находящее свое выражение в едином плане социалистической переделки деревни, проводимой партией. В свою очередь закономерности развития деревни составляют лишь момент закономерности социалистического строительства в целом и неотделимым от закономерностей развития социалистической индустрии, которая является ведущим началом в развитии всей экономики. Строительство социализма представляет собой единый процесс. Все это выражается в том, что в основе многообразия мероприятий экономической политики пролетарской диктатуры лежит единая генеральная линия партии. Основной закон развития советской экономики и должен выразить борьбу ее противоположностей, единство основных форм революционного построения бесклассового общества, единство основных путей разрешения ее противоречий.

В нашей экономической литературе за последние годы после разоблачения различных вредительских, троцкистских и правооппортунистических установок в вопросе о сущности советской экономики, ее «регуляторе» (кстати введением термина «регулятор» обычно заглушевывалось, что суть советской экономики в процессе построения социализма, социалистической реконструкции и задачи плана сводились к нахождению пропорций равновесия) наиболее были распространены следующие два определения закона движения советской экономики: «план» и «социалистическое расширенное воспроизводство». Ни то, ни другое определение не могут нас удовлетворить.

Обе эти формулировки скрывают классовую специфичность экономики переходного периода, классовую борьбу, господство пролета-

риата, процесс уничтожения классов во всех тех специфических формах, о которых шла выше речь. Оба эти приводимые определения могут быть отнесены и к закону развития экономики бесклассового общества. Определение закона развития экономики переходного периода должно отразить всю специфичность единства и борьбы противоположностей в экономике переходного периода. Между тем, формулировка закона развития советской экономики как плана или как «социалистического расширенного воспроизводства» скрывает специфические особенности этого воспроизводства в условиях переходного периода по сравнению с условиями бесклассового общества, так как и в бесклассовом, социалистическом обществе будет происходить плановое социалистическое расширенное воспроизводство.

Поэтому не спасает положения и объединение обеих формулировок (плановое социалистическое расширенное воспроизводство).

Основной закон развития экономики переходного периода является ее сущностью, ее основой. Все же многообразие экономики переходного периода разумеется не может быть исчерпано основным законом, который лежит в основе целой системы более частных законов (например законы темпов на разных этапах, законы денежного обращения и т. д.) подобно тому как основным противоречием не исчерпываются противоречия экономики переходного периода во всем их многообразии.

Основной экономической закон развития СССР представляет собой сущность советской экономики, т. е. основу развития производственных отношений и производительных сил СССР, следовательно, основу развития и разрешения внутренних противоречий советской экономики (см. о понятии закона — «Ленинский сборник» IX). Это значит, что в нем сконцентрировано своеобразие единства экономики и политики, цель экономического развития, осуществлению которой подчинено распределение общественного труда.

Говоря об основном экономическом законе развития СССР, следует прежде всего со всей решительностью подчеркнуть, во-первых, что речь идет не о внешней для пролетариата и его партии силе, а о законе, сознательно осуществляемом самим пролетариатом и его партией, и, во-вторых, что этот закон лежит в основе борьбы классов в переходного периода. Такая постановка логически ведет к тому, чтобы именно диктатуру пролетариата, а не план (хотя бы в формулировке «план пролетарской диктатуры») рассматривать как основной закон развития советской экономики, т. е. как ее сущность, как основу ее развития. Только при этом и понятие плана получает правильное содержание, правильную основу, отпадают следы трактовки плана как «автоматически» действующего. Сам план есть производный момент пролетарской диктатуры, а потому не является основой экономики переходного периода, ее сущностью.

Деятельность пролетарской диктатуры конечно является планомерной, плановой, причем под единым термином «план» здесь скрываются моменты, значительно различающиеся. Сюда относится и плановое хозяйственное управление (в социалистических предприятиях) и плановое хозяйственное регулирование (например в отношении мелко-товарного хозяйства), и плановые административные мероприятия, направленные на достижение также и определенного экономического эффекта (например арест спекулянтов и т. д.).

Плановое хозяйство предполагает наличие социалистических отношений, социалистическую собственность, непосредственно-общественный труд, непосредственное плановое хозяйственное управление. На первых этапах нэпа плановое управление было ведущим, но не являлось еще преобладающим принципом в экономике, в настоящее же время оно уже таковым является. Поскольку диктатура пролетариата и до преобладания социалистических отношений играла решающую роль в экономике, поскольку планово-управляемый социалистический сектор тогда уже играл ведущую роль, постольку экономика СССР уже тогда являлась плановой в том смысле, что не стихия, а план пролетарской диктатуры был в ней ведущим принципом.

Если диктатура пролетариата является основным законом общественного развития в переходный период, то не значит ли это, по аналогии, что диктатура капиталистов — есть основной закон развития при капитализме? Ни в коей мере. Господствующий при капитализме класс эксплуатирует пролетариат и всех трудящихся, но сами капиталисты подчинены в своих действиях стихийным законам, «слепой» необходимости; господство капиталистического класса не означает его руководства развитием экономики, в то время как специфической особенностью переходного периода является тот факт, что диктатура господствующего класса осуществляется через его руководство развитием экономики, и потому она (диктатура) выступает как экономический закон развития.

Пролетарская диктатура является основным общественным законом развития в переходный период.

Это значит, что и в области экономики, и в области государства и права, и в области идеологии — именно диктатура пролетариата составляет основу развития.

Это значит, что процесс осуществления основной задачи пролетарской диктатуры — уничтожения классов — определяет собой развитие во всех этих областях.

Характеризуя основной экономический закон развития СССР, мы должны брать ту сторону пролетарской диктатуры, которая охватывает прежде всего экономическую область.

Вместе с тем формулировка основного экономического закона, как любая формулировка законов развития в переходный период, должна быть в достаточной степени политически заострена против антиленинских установок.

Уже самое понятие «диктатура пролетариата» заострено против буржуазного понимания законов советской экономики. Вместе с тем необходимо противопоставить ленинское понимание диктатуры пролетариата троцкистским и правооппортунистическим извращением, отрицанию возможности построения социализма в СССР, подмене процесса уничтожения классов «врастанием» всех классов переходного периода в социализм. Необходимо сделать ударение на руководящей роли ленинской партии.

Специфичность экономического закона должна найти свое отражение во включении в его определение в качестве момента подчиненного пролетарской диктатуре — «народно-хозяйственного плана» и во включении момента «уничтожения экономических основ существования классов».

Так Маркс определяет решающую задачу пролетарской диктатуры в заметках на книгу Бакунина «Государство и анархия» в 1874 г.

Основной закон экономического развития в переходный период

получает таким образом следующее определение:

Пролетарская диктатура, осуществляющая под руководством ленинской партии народно-хозяйственный план построения социализма, уничтожения экономических основ существования классов.

Поскольку речь идет о пролетарской диктатуре в СССР; к этому определению (которое, как и всякое определение, приблизительно, схематично, неполно, неточно), относящемуся к любой стране пролетарской диктатуры, следует добавить момент ликвидации технико-экономической отсталости страны (о чем речь шла выше).

Такое определение основного закона развития советской экономики подчеркивает истинную ее сущность и отражает то, что именно диктатура пролетариата — главное в марксизме-ленинизме, что вокруг этого вопроса идет борьба ленинизма со всеми антиленинскими установками. Говоря о диктатуре пролетариата как о законе развития, мы при этом имеем в виду определенное отношение классов, роль индустрии и т. д.

Диктатура пролетариата означает коренное изменение по сравнению с капитализмом не только политики, но и экономики и всего общественного строя. Диктатура пролетариата означает особую систему производственных отношений, о чем шла речь выше, а значит и особый характер производительных сил. Только при сдвиге производительных сил к технике можно отрицать, что в СССР самый характер производительных сил тот же, что и при капитализме. Это делают меньшевики и в том числе троцкисты. Они упускают из виду, что если главная производительная сила — пролетариат — превратился в господствующий класс, то это означает и иное соединение рабочей силы со средствами производства, иное отношение к труду, иные источники производительной силы труда, иные пути и темпы развития производительных сил. Отсталость в технике не тождественна с отсталостью в характере производительных сил.

Диктатура пролетариата не является чем-то «внешним», «надстроенным» в отношении к экономике переходного периода, некоей «внешней силой», толкающей «извне» экономику. Диктатура пролетариата в действии, т. е. в классовой борьбе пролетариата за построение социалистической экономики, представляет сущность экономики переходного периода.

План пролетарской диктатуры является орудием осознанной пролетариатом, его партией экономической необходимости. Народно-хозяйственный план не произволен, он исходит из учета необходимых для его осуществления условий. Свобода есть лишь «познанная необходимость». Сама возможность планирования обусловлена соответствующей социально-экономической структурой. Только социалистическая революция создает возможность планирования. Развитие экономики переходного периода к социализму требует соответствующих темпов социалистического обобществления, индустриализации, классовой борьбы пролетариата, наступления на капиталистические элементы. В этом проявляется осознанная необходимость. Эти темпы, эта классовая борьба, это наступление имеют свои закономерности. Социалистическое строительство имеет определенные условия, определенное направление, определенные фазы, определенные темпы своего осуществления. Все это требует определенных специфических пропорций в ходе воспроизводства. Вне определенной пропорциональности нет и социалистического расширенного воспроизводства. В условиях пролетарской диктатуры и содержание пропорций и способ их установления противоположны условиям капитализма. Про-

порции подчинены социалистическому расширенному воспроизводству. Мы имеем иные темпы индустриализации, иные возможности накопления, иную систему распределения дохода, иное соотношение накопления и потребления. Относительная пропорциональность устанавливается не «за спиной» общества, а сознательно. Между тем в экономической литературе приходилось встречаться с «теориями» о том, что в переходный период недействительны какие-либо закономерности в установлении пропорции, что поэтому в СССР по сути «пезаконны» даже такие термины, как «воспроизводство общественного продукта», и т. д.

Следы подобных «установок» у нас иногда встречаются и в практике отдельных плановиков, когда необходимость связать воедино элементы плана определенными пропорциями рассматривается как правооппортунистическая ставка на «узкие места», когда необходимость особой относительной пропорциональности в экономике СССР расценивается как уступка механистической теории «равновесия».

Иногда, проявляя «усердие не по разуму», некоторые плановики старались изгнать из употребления даже термин «баланс». Таким образом подлинная борьба с правооппортунистической трактовкой баланса, с равнением на «узкие места», с «самотеком» подменялась «ультралевой» фразой о ненужности пропорций и баланса, о том, что «мы все можем», что нам «все нипочем». Партия отбросила правооппортунистические установки не потому, что в них заключалось требование пропорциональности в отношении отдельных частей, элементов народного хозяйства, а потому, что в них заключалось требование такой пропорциональности, таких методов установления пропорциональности, которые означали не развитие к социализму, а усиление капиталистических элементов и в конечном счете реставрацию капитализма. Партия рассматривает пропорции как подчиненный момент социалистической реконструкции процесса уничтожения классов, а не как форму равновесия. Партия дает решительный отпор всяческим попыткам превратить работу над народнохозяйственным балансом в «формально-статистические» «внеклассовые» упражнения, «игру в цифирь».

Познавая экономическую необходимость, пролетарская диктатура под руководством партии ею тем самым овладевает. Пролетарская диктатура исходит в своем планировании из состояния производительных сил, из социально-экономической структуры на том или ином отрезке времени. Но план пролетарской диктатуры не приспособляется пассивно к данному уровню производительных сил, к данной классовой структуре. Он действительно познает законы движения экономики как законы, сознательного изменения экономики. Пролетариат как господствующий класс добивается в процессе борьбы свободы как познанной необходимости.

Экономическая необходимость в условиях диктатуры пролетариата находит свое выражение в экономической политике пролетариата, в его хозяйственном планировании. Экономическая политика, планирование выступают не как пассивный элемент некоей фаталистической, действующей помимо коллективного сознания необходимости, а как активная, организующая сила, сама являющаяся важнейшим моментом экономической необходимости, объективной силой.

Партия руководит строительством социализма, действуя планомерно. Она имеет перед собой общий план построения социализма, основанный на учете конкретных особенностей страны, в которой строится

социализм, на учете состояния и перспектив развития производительных сил, возможных источников и темпов социалистического накопления, на учете классовых интересов пролетариата и его союзников, на учете силы сопротивления классовых врагов. Сформулированный партией план построения социализма представляет собой определенную научную взаимосвязь различных элементов. Достижение конечной цели этого плана, достижение его частных целей,— все это основывается на создании определенных предпосылок, определенных условий. Эти условия, эти предпосылки создаются не автоматически, а в процессе классовой борьбы под руководством партии.

Экономическая необходимость сказывается и в том, что план построения социализма в своем осуществлении развертывается в определенной последовательности его фаз. Так, ленинский кооперативный план начинается не со сплошной коллективизации, а с кооперирования товарооборота. Такова необходимость, вытекающая из ряда моментов, в частности из характера мелкотоварной экономики, из классовой сущности мелкоотварного крестьянства.

Величайшей ошибкой является представление о необходимости определенной пропорциональности частей народного хозяйства СССР как о чем-то фатальном, требующем с железной необходимостью определенных пропорций, с точностью до сотых процентов. Речь идет о сознательно устанавливаемой пропорциональности, подчиненной задаче построения социализма, уничтожения классов, о наличии неких относительных лимитов, пределов в этой пропорциональности, выход за которые затрудняет или даже делает невозможным продвижение вперед к социализму.

Так, приняв программы правых, партия нарушила бы необходимую для построения социализма пропорциональность развития советской экономики. Экономическая необходимость включает ленинскую стратегию и тактику партии. Экономическая необходимость в условиях переходного периода есть экономическая необходимость построения социализма, т. е. экономическая необходимость осуществления цели, которую поставила себе пролетарская диктатура, создавая на каждом этапе условия для ее осуществления.

Вопрос об оценке характера экономических закономерностей СССР имеет исключительное значение для революционной практики. Оценка их как закономерностей, автоматически, стихийно действующих, перенесение капиталистических категорий в условия экономики СССР ведут к буржуазно-реставраторской тактике самотека. С другой стороны, непонимание того, что планирование само является закономерным процессом, что оно обусловлено, включено в определенную экономическую необходимость, ведет к произвольности в планировании, к головотяпству, к «перескакиванию» через необходимые звенья.

Возможность этого действительного познания экономической необходимости, экономических закономерностей означает и изменение характера этих закономерностей. Неверно было бы полагать, что в условиях диктатуры пролетариата познание экономической необходимости сводится к познанию тех же капиталистических закономерностей, якобы продолжающих действовать в советской экономике. На самом деле речь идет об ином характере познания иных закономерностей. И в условиях капитализма марксистская политическая экономия познает экономические закономерности. «Капитал» Маркса является ключом к познанию экономики капитализма, тенденций его развития. Однако самый характер капи-

тализма, стихийность его законов означает, что это познание не может быть орудием сознательного управления капиталистической экономикой. От того, что нами познаны законы капитализма, экономическая необходимость в условиях капитализма не перестает носить стихийного характера. Законы капитализма не могут не быть внешней, «слепой» силой и для капиталистов и для пролетариата. Познание экономических категорий капитализма служит для пролетариата орудием его революционной борьбы с ними, орудием его свержения, но не орудием руководства капиталистической экономикой. Познание же экономики переходного периода вооружает пролетариат для планового руководства этой экономикой.

В условиях пролетарской диктатуры экономическая необходимость превращается в общественно осознанную, а общественный труд по мере социалистического обобществления производства превращается в непосредственно общественный труд. Организующая, планирующая роль пролетариата не является чем-то извне привнесенным, навязанным экономике. Она характеризует самую экономику.

План не представляет чего-то внешнего для социалистических производственных отношений, якобы «саморазвивающихся» вне плана. Он не является чем-то привходящим, механически «пришитым», приносящим свои поправки к экономическим законам, действующим в основном помимо него и вне его. Экономические законы в условиях диктатуры пролетариата коренным образом меняются, превращаясь из «стихийных» в действительно «познанные», в плановые.

Классовая противоположность стихийной — капиталистической плановой — советской системы хозяйства находит свое выражение и в различной роли сознания в процессе воспроизводства. Разумеется, и в условиях капитализма и в условиях пролетарской диктатуры общественное сознание определяется общественным бытием, экономика является базисом, а идеология — надстройкой. Но поскольку в условиях пролетарской диктатуры коренным образом меняются сама экономика и само общественное сознание, меняется также и соотношение между ними, меняется соотношение базиса и надстройки.

Капиталистическое воспроизводство исключает организованное, сознательное руководство хозяйством. Частная собственность на средства производства означает, что господствующий класс, являющийся классом капиталистических собственников, не может осуществлять сознательного руководства народным хозяйством. Воздействие капиталистического государства на капиталистическую экономику в целом носит ограниченный характер и не может превратиться в народнохозяйственное планирование. Вместе с тем эта частная капиталистическая собственность на средства производства означает, что непосредственные производители пролетарии отделены от производства, превращены в придаток к орудиям производства, являются угнетенным, поработленным классом и не могут в рамках капитализма явиться субъектом организованного, сознательного руководства хозяйством.

В условиях планового хозяйства новые классовые отношения, связанные с ликвидацией частной собственности на средства производства, означают и иную роль сознания в процессе воспроизводства. Общественное сознание продолжает оставаться производным от общественного бытия, но благодаря изменению характера этого бытия общественное сознание, т. е. сознание господствующего класса — пролетариата и его партии, становится непосредственным орудием последних для организованного руководства процессом воспроизводства.

В любой социально-экономической формации сознание и бытие составляют единство, без этого единства нет экономической необходимости. Марксизм отвергает фаталистическую концепцию исторического процесса для любого общества, в том числе и для капиталистического. История никогда не движется автоматически. История не совершается помимо людей. Люди всегда «делают историю». В этом одно из отличий развития человеческого общества от развития прочих видов животных. Но характер и роль этого сознания, а следовательно и этой экономической необходимости, различны в разных хозяйственных системах. Люди по-разному «делают историю» в условиях капитализма в условиях диктатуры пролетариата. Экономическая необходимость в условиях капитализма не является общественно осознанной, она является «слепой». В условиях капитализма люди «делают историю» стихийно. Отдельные хозяйственные акты, осуществляемые отдельными предпринимателями, вступая в процессе стихийного воспроизводства во взаимодействие друг с другом, вызывают такие следствия, которые «обрушиваются» на отдельных предпринимателей, а тем самым и на капиталистическую экономику в целом, как внешняя слепая сила. В условиях пролетарской диктатуры общество делает историю сознательно. Общественное сознание пролетариата и его партии становится основной формой осуществления воспроизводства всей экономики.

Коренное изменение в роли сознания непосредственных производителей — пролетариата — связано с гигантской активизацией их в процессе воспроизводства. В конечном итоге через ряд посредствующих звеньев, через развитие коммунистического обобществления, через техническую революцию все это означает постепенное преодоление противоположности между физическим и умственным трудом. Уже один тот факт, что в пролетарском государстве в переплетении с моментом насилия над классово враждебными элементами огромную, все растущую роль играет момент управления хозяйством, организации хозяйства; один тот факт, что класс непосредственных производителей — пролетариев — управляет государством, означает гигантское продвижение вперед по линии уничтожения противоположности умственного и физического труда. Таким образом новое сочетание общественного бытия и общественного сознания, создаваемое социалистической революцией, развивается в сторону уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом, которое будет целиком осуществлено лишь на высшей фазе коммунизма.

В условиях пролетарской диктатуры мы имеем совершенно новое по сравнению с капитализмом соотношение государства, политики и науки. Экономическая политика пролетариата, социалистическое планирование могут осуществляться лишь на основе марксистско-ленинской теории — теории научного социализма. Это означает теснейшее единство науки и политики, означает, что диалектический марксизм-ленинизм непосредственно становятся орудием пролетариата в процессе построения коммунизма.

Необходимым условием социалистического строительства является его научность, так как достижение научно обоснованной цели построения социализма постоянно требует осуществления научно обоснованной системы мероприятий для достижения этой цели. Это означает, что пролетарская экономическая политика строится на основе теории научного социализма, марксистско-ленинской теории переход-

ного периода. Только марксистско-ленинская методология позволяет на каждом данном этапе находить необходимые звенья экономической политики. Отказаться от этого — значит сойти с рельс генеральной линии партии, неизбежно подвергнуть хозяйственную практику классовому перерождению, какую форму последнее ни приняло бы, начиная от явного буржуазного реставраторства и кончая антибольшевистским «ультралевым» авантюризмом.

Условия пролетарской диктатуры настоятельно требуют и вместе с тем создают возможность резкого усиления роли науки в хозяйственной жизни. Пролетарская политика направлена на то, чтобы теория, «овладев массой», являлась растущей силой. Активная роль политики как орудия построения социализма связана с колоссальным ростом задач и роли науки, теории и вместе с тем с созданием условий для успешного осуществления этих задач. Эти условия даются классовой сущностью диктатуры пролетариата, подъемом культурно-политического уровня трудящихся и вовлечением широких масс в научно-исследовательскую, изобретательскую работу, организованным процессом массового овладения техникой, а также организованным государственным руководством в отношении развертывания научной работы. Пролетариат сметает границы, которые ставит развитию науки частная собственность.

Все это означает, что по-новому ставится соотношение теории и практики. Наука в условиях диктатуры пролетариата становится мощным орудием политики построения социализма, потому что сама политика основывается на научных принципах. Пролетариат строит социализм на научной основе и вместе с тем создает невиданные в истории условия для расцвета науки. Социалистическое строительство, будучи научно обоснованным, само является гигантским рычагом развития науки. Различное соотношение науки и политики ярко сказывается при противопоставлении двух систем — капитализма и социализма.

В противоположность капиталистической пролетарская экономическая политика выступает как мощный рычаг невиданного в истории роста производительных сил и научной работы.

Диктатура пролетариата означает, что плановость, сознательное руководство становятся специфической чертой и развития производительных сил, и развития производственных отношений, и политики пролетариата. Это вытекает из классовой сущности советской системы. Если отбросить этот вытекающий из классовой сущности советской системы плановый характер в одном из этих моментов, то исчезает специфичность всей системы диктатуры пролетариата, а следовательно и преимущества хозяйства, возможность высоких темпов его развития, возможность построения социализма в СССР.

Чем ближе мы подходим к построению бесклассового общества, чем все более преобладающую роль играют социалистические отношения в экономике переходного периода, тем все более возрастает активная роль и экономической политики и планирования в развитии производительных сил и производственных отношений, тем более возрастает активная роль общественного сознания в развитии экономики, как выше было отмечено. Это вовсе не означает, что в условиях планового хозяйства общественное сознание определяет общественное бытие, что производительные силы становятся формой развития производственных отношений, что политика превращается в базис общества. Положения исторического материала

лизма остаются незыблемыми и для планового хозяйства. Общественное бытие продолжает определять сознание, развитие производительных сил попрежнему лежит в основе развития общества, экономика попрежнему составляет общественный базис. Но роль общественного сознания коренным образом меняется, и именно потому, что само общественное бытие коренным образом изменилось, что планирование является неотделимым моментом самого социалистического способа производства.

Вместе с тем тот факт, что политика в переходный период не является базисом, вовсе не означает примата стихии над планом, поскольку сама экономика является плановой. Но плановость развития экономики осуществляется не автоматически, а лишь при активной роли пролетарской политики.

Экономическая политика, ее сущность, ее формы, ее роль, ее взаимоотношение с экономикой в условиях пролетарской диктатуры коренным образом отличаются от экономической политики в условиях капитализма. Эти коренные отличия прежде всего выражаются в том, что в переходный период экономическую политику осуществляет в качестве господствующего класса пролетариат в союзе с трудящимся крестьянством, подавляя эксплуататоров внутри страны пролетарской диктатуры и осуществляя оборону пролетарского отечества — этого оплота мировой революции — от мирового капитала. Это значит, что политику осуществляет не эксплуататорский класс, а класс, кровно заинтересованный в ликвидации самих основ эксплуатации, в закрытии каналов эксплуатации. Это значит, далее, что пролетарская политика осуществляется в интересах трудящихся, составляющих огромное большинство населения, — в интересах их систематического материального и культурного подъема.

Пролетариат использует политику не только для ликвидации капиталистической формации, но и для уничтожения классов.

Следовательно в противоположность политике буржуазии, в условиях капитализма направленной на сохранение экономики, на базе которой эта политика и осуществляется, пролетарская политика направлена на революционное изменение самой экономики. Если капиталистический класс заинтересован в существовании пролетариата как объекта эксплуатации, то пролетариат вовсе не заинтересован в существовании класса капиталистов, а заинтересован в выкорчевывании корней капитализма, в ликвидации капиталистического класса.

Эта классовая сущность пролетарской экономической политики, выражающая классовую сущность советской экономики, означает особенность роли пролетарского государства, роли политики, особенность ее путей. Задача революционного преобразования экономики, организованного построения новой общественной формации означает, что пролетарское государство, экономическая политика для выполнения этой задачи должны служить господствующему классу — пролетариату — мощным орудием руководства народным хозяйством. Это вытекает из коренного отличия буржуазной революции от социалистической, из того, что переход к социализму мыслим лишь путем организованного строительства, поскольку невозможно стихийное «врастание» в социализм.

Государство играет огромную роль в развитии капиталистической экономики, особенно в период империализма. Без капиталистического государства не может осуществляться процесс воспроизводства капитала, воспроизводства рабочего класса как объекта капиталистической эксплуатации. Огромную роль играет капиталистический

аппарат принуждения — армия, полиция, вся капиталистическая политика, в частности протекционизм, налоговые обложения, перекладывающие тяжесть империализма на трудящихся. При этом роль государства там принципиально иная, чем в условиях пролетарской диктатуры; это вытекает из противоположности экономических систем, из различной классовой сущности государств капиталистического и советского, из различных, в корне противоположных задач этих государств. Без государства, без его рычагов не может осуществляться процесс капиталистического воспроизводства, но этот процесс воспроизводства совершается стихийно, и государство лишь поддерживает, охраняет, помогает этому стихийному воспроизводству капитализма. В условиях же советской экономики государство выступает как непосредственное орудие в руках господствующего класса — пролетариата — для руководства процессом воспроизводства. Эта противоположность сказывается в частности в том, что пролетарское государство является непосредственным собственником решающей по своему значению части народного хозяйства. Крупная промышленность, транспорт, совхозы, МТС, банки и т. д., — все это находится в непосредственном управлении пролетарского государства. Пролетарскому государству принадлежат такие ведущие элементы экономики, как отрасли, производящие орудия производства. Командные экономические высоты пролетарского государства и в первую очередь социалистическая индустрия и составляют основную предпосылку для той активной роли экономической политики, которая является необходимым условием социалистической перестройки экономики. Пролетарское государство представляет собой не только аппарат господствующего класса — пролетариата — для подавления им своих классовых врагов, но и аппарат непосредственного оперативного управления существеннейшей частью и экономики и планового руководства народным хозяйством. Роль этих хозяйственных функций пролетарского государства растет и крепнет по мере продвижения по пути к бесклассовому обществу.

Маркс при характеристике ряда общих категорий капитализма отвлекался на определенном этапе анализа от государства, от экономической политики буржуазии, поскольку процесс воспроизводства в условиях капитализма носит стихийный характер. Разумеется, при более конкретном анализе капитализма Маркс учитывал экономическую политику буржуазии. При анализе конкретного капитализма абстракция от политики буржуазии, от политики борющегося с капитализмом пролетариата не допустима. Но в данном случае речь идет об определенном этапе исследования.

Изучение советского хозяйства ни на каком этапе исследования немыслимо вне изучения экономической политики, поскольку именно через экономическую политику и осуществляется построение социализма. Теория советского хозяйства, изучая экономику эпохи диктатуры пролетариата, изучает тем самым и основные принципы, пути, методы построения социализма, т. е. основы экономической политики пролетарской диктатуры. Изучение же экономической политики пролетарской диктатуры не может проходить вне изучения закономерностей советского хозяйства.

Из такого единства экономики и политики в эпоху пролетарской диктатуры следует, насколько контрреволюционный характер носит так называемый «чисто экономический», «отвлеченный» от политики подход к изучению советской экономики.

Под маской этого «чисто экономического» подхода вредители и оппортунисты выступали против осуществления социалистической плановой реконструкции, выступали за «либеральный» курс в развитии экономики, за развязывание рыночной стихии, за самотек.

«Чисто экономический» подход явился маскировкой для борьбы с активной ролью политики пролетарской диктатуры во имя либерального развязывания стихийной товарно-капиталистической тенденции. Без активного действия всей системы рычагов пролетарского государства товарно-капиталистическая тенденция превратилась бы в закон движения экономики. Этот якобы научный «чисто экономический» подход являлся также маскировкой для вульгарного «делячества», отрывающего хозяйственную работу от политических целей пролетарской диктатуры, маскировкой для «внеклассовых», т. е. по существу буржуазно-реставраторских установок.

Между тем политический подход всегда имеет у ленинской партии первенство. Политика является «самым концентрированным выражением экономики», но она не тождественна с экономикой, она не сливается с ней. Мы имеем здесь различия в пределах единства. Таково марксистско-ленинское положение о политике и экономике. Иную точку зрения развивал т. Бухарин. В своей брошюре «К вопросу о закономерностях переходного периода» (изд. «Московский рабочий», стр. 11) он пишет: «Переходный... период характеризуется сперва необычайным усилением государственных функций именно в силу непосредственного слияния надстройки с базисом» (подчеркнуто нами. — Л. Г.).

Таким образом в переходный период мы имеем, по Бухарину, непосредственное слияние надстройки с базисом.

В тезисе о слиянии экономики и политики в переходный период игнорируются различия между экономикой и политикой в пределах их единства.

Принять точку зрения «слияния» экономики и политики» значит либо упустить активную роль политики, рассматривать ее как пассивный придаток экономики, автоматически ее отражающий, стать на позицию самотека (таков и был путь т. Бухарина), либо воспринять это «слияние» экономики и политики как «поглощение» экономики политикой, как допущение любой политики, любого произвольного планирования, как установку на «свободу воли», как отрицание экономической необходимости, как действие по методу «мы все можем», «нам все нипочем».

Марксизм-ленинизм исходит из особо активной роли политики в развитии экономики переходного периода и из действительного учета экономической необходимости.

Хозяйственное планирование является «насквозь» политическим, так как оно осуществляется пролетарским государством под руководством коммунистической партии и направлено в каждый данный отрезок времени на выполнение хозяйственно-политических задач социалистического строительства. Экономическая политика осуществляется как плановое руководство народным хозяйством.

Из диктатуры пролетариата, из сущности политики пролетариата вытекает со всей необходимостью руководящая роль единой и единственной пролетарской партии — ленинской партии железная дисциплина в ее рядах, ее непримиримая борьба со всякого рода отклонениями от генеральной линии. Это составляет весьма существенный момент закономерностей экономического развития в переходный период.

К ИТОГАМ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Первая пятилетка была величайшим триумфом марксизма-ленинизма. Апологеты капитализма и враги социализма пророчили ей полный провал. Они утверждали, что рабочий класс не в состоянии успешно руководить процессом хозяйственного строительства. И даже внутри авангарда советского пролетариата, в рядах ВКП(б), нашлась агентура классового врага, которая объявила пятилетку не-сбыточной и вредной утопией и противопоставила ей правооппортунистическую двухлетку.

Большевистская партия, связанная теснейшими узами с рабочими и крестьянскими массами, руководимая лучшим учеником Ленина, т. Сталиным, блестяще владеющим методом материалистической диалектики, с самого начала была уверена в полной реальности и осуществимости исторических задач пятилетки.

Рожденная в боях с классовыми врагами и их оппортунистической агентурой в партии, пятилетка стала важнейшим фактором расширения и укрепления позиций социализма в нашей стране и уже в третьем году ознаменовалась завершением фундамента социалистической экономики. Она призвана была превратить СССР из страны аграрно-отсталой в страну передовую и индустриальную.

Но она должна была обеспечить не расширенное воспроизводство вообще, а именно расширенное социалистическое воспроизводство. В этом суть нашей пятилетки как орудия борьбы за построение социализма.

Тов. Сталин в боях с правыми оппортунистами, пытавшимися выхолостить социалистическое нутро пятилетки, с осбенной силой подчеркнул эту ее суть.

«Верно ли, — говорил он в своей исторической речи «О правом уклоне», — что центральную идею пятилетнего плана в советской стране составляет рост производительности труда? Нет, не верно. Нам нужен ведь не всякий рост производительности народного труда. Нам нужен определенный рост производительности народного труда, а именно такой рост, который обеспечивает систематический перевес социалистического сектора народного хозяйства над сектором капиталистическим. Вот в чем дело, товарищи! Пятилетний план, забывающий об этой центральной идее, есть не пятилетний план, а пятилетняя чепуха» («Вопросы ленинизма», изд. 9-е, стр. 422).

Пятилетка призвана была коренным образом преобразовать лицо нашей страны и в техническом и в социальном отношениях.

Именно из-за этой своей «центральной идеи» пятилетка была взята под обстрел всеми врагами социализма, заинтересованными в том, чтобы Россия никогда не стала страной развернутого социалистического общества.

Какие только «доводы» не были пущены в ход против пятилетки?

Ссылались на то, что она явно непосильна для отсталой и бедной капиталами России, что ее установки находятся в разрезе с «объек-

тивной» действительностью, что темпы ее авантюристические и ничем не обеспечены, что рабочие массы не способны преодолевать неизбежные трудности, связанные с ее выполнением, что в одной стране построить социализм невозможно.

Теперь мы уже можем на основе неопровержимых фактов констатировать сокрушительный провал всех этих «пророчеств» врагов пролетариата о провале пятилетки. Теперь январский пленум ЦК ВКП(б) смог уже на основе внимательного учета реальных результатов, достигнутых в процессе борьбы, отметить, что «рабочий класс СССР под руководством большевистской партии успешно выполнил основную задачу пятилетки — создание собственной передовой технической базы для социалистической реконструкции всего народного хозяйства» (из резолюции по докладам Сталина, Молотова и Куйбышева).

В исключительно короткий срок бывшая Россия стала благодаря неуклонному проведению политики социалистической индустриализации одной из наиболее развитых в технико-экономическом отношении стран. Экономическая география нашей необъятной страны приняла совершенно новый облик. Появились новые промышленные районы. Организован ряд важнейших отраслей промышленности, которые до пятилетки абсолютно отсутствовали. СССР стал страной индустриальной. И что особенно важно для судеб социализма — мы уже обладаем собственной базой для технической реконструкции всех отраслей народного хозяйства, обеспечивающей экономическую независимость СССР, в гигантских размерах укреплен оборонеспособность нашей страны.

Процесс социалистической индустриализации обеспечил всемирно-исторические социальные сдвиги в деревне, где корни капитализма были особенно прочны. Деревня в подавляющей своей части стала колхозной. Кулачество разгромлено, и, несмотря на еще имеющиеся трудности роста, возникшие в новой обстановке классово-борьбы, в сельском хозяйстве происходит несомненный подъем социалистических производительных сил и созданы все предпосылки для гигантского их подъема при соответствующем организационно-хозяйственном укреплении колхозов.

Важнейшим достижением пятилетки является коренное улучшение материального положения трудящихся, выразившееся главным образом в уничтожении безработицы и пауперизма.

Таким образом пятилетка на деле опрокинула надежды ее врагов.

Враги СССР, особенно из стана социал-фашистов, не переставали каркать о неизбежном усилении позиций капитализма в нашей стране. Но в действительности мы оказались в состоянии коренным образом решить исторический вопрос «кто—кого» в пользу социализма, против капиталистических элементов города и деревни.

Враги предсказывали банкротство генеральной линии нашей партии. На деле эта линия блестяще оправдалась, а банкротами оказались все ее противники.

Враги мечтали о крахе пятилетки в результате давления трудящихся масс. На деле вышло, что эти массы проявили исключительную творческую активность и подлинный героизм в процессе борьбы за ускоренное выполнение пятилетки.

Блестящие итоги пятилетки, особенно на фоне все углубляющегося кризиса капитализма, неопровержимо подтвердили величайшие преимущества социалистической системы хозяйства перед капиталистической.

I

Анализ расширенного социалистического воспроизводства как единства материального воспроизводства и воспроизводства социалистических производственных отношений должен показать, как происходит диалектический процесс революционного преобразования переходной экономики в социалистическую, процесс уничтожения пролетариатом классов, процесс построения в обстановке обостренной классовой борьбы социалистического общества.

Расширенное социалистическое воспроизводство в условиях переходного периода означает изменение удельного веса и соотношения в с е х укладов экономики страны, изменение в пользу социализма вплоть до превращения СССР в одноукладное социалистическое хозяйство.

При анализе проблемы воспроизводства в СССР необходимо обязательно исходить из блестяще разработанной Марксом теории воспроизводства. Однако в целом ряде работ и статей этот вопрос ставится узко, ограниченно, а потому неправильно. Об использовании марксовой теории воспроизводства для анализа воспроизводства в СССР говорят и пишут большей частью, вопреки указаниям Ленина и Сталина на этот счет, исключительно с точки зрения применимости в этих целях марксовых схем, приведенных во II томе «Капитала».

Почин в этом деле сделала Роза Люксембург. «Пропорции схемы,—писала она,—оказываются при планомерно регулируемом способе производства столь же естественными и необходимыми, как и при капиталистическом способе производства, основанном на товарном обмене и на анархии». Пытаясь обосновать эту мысль соответствующими расчетами (неправильность которых заключается в частности в том, что, по мнению Розы, с точки зрения регулируемого общества мы должны подойти к делу не с подразделением I, а с подразделением II), автор «Накопления капитала» делает страницей дальше окончательный вывод: «Таким образом схема расширенного воспроизводства с этих точек зрения — *mutatis mutandis* — сохраняет свою объективную значимость и для регулируемого общества»¹.

Характерно далее, что эту мысль Розы Люксембург подхватили и развили прежде всего те, кто вслед за Розой обнаружил совершенно неправильное понимание как марксовых схем в частности, так и марксовой теории воспроизводства в целом (Бухарин, Преображенский), апологетически, по-струвиански расценивая марксовы схемы как схемы гармонического развития капитализма (Преображенский), как схемы равновесия (Бухарин).

Перенесение центра тяжести проблемы исследования воспроизводства в СССР на вопрос о применимости для этой цели марксовых схем имеет место вплоть до самого последнего времени.

Исследование проблемы воспроизводства в СССР заключается отнюдь не в том, чтобы, абстрагировав из марксовой теории общие различным общественным формациям законы материального производства, уложить в рамки этих законов особые специфические условия воспроизводства в переходной экономике, не говоря уже о том, что перенесение на нашу экономику закономерностей капиталистического воспроизводства является принципиально враждебным марксизму-ленинизму. Маркс жестоко высмеивал такой под-

¹ Р. Люксембург, Накопление капитала, стр. 82—83.

ход. «Имеются определения,— писал Маркс,— общие всем ступеням производства, которые как общие фиксируются мышлением, однако все так называемые общие условия всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых нельзя понять ни одной действительной исторической ступени производства». Несколькими страницами раньше Маркс называет «странно изложенными плоскими тавтологиями» теории, общая часть которых состоит «из условий, без которых невозможно производство, т. е. на самом деле состоящих только из важнейших моментов всякого производства»².

Предметом политической экономии является не взятое само по себе производство материальных ценностей, а общественные отношения людей по производству. Материальные ценности производятся в различных общественных формациях. Производство материальных ценностей в различных общественных формациях делится на I и II подразделения. Но ведь наша задача при анализе проблем воспроизводства в СССР заключается не в том, чтобы показать общие условия воспроизводства материальных благ, присущие различным формациям. Наша задача заключается в том, чтобы рассмотреть реальный процесс диалектического развития переходной экономики в социалистическую, реальный процесс расширенного социалистического воспроизводства в переходном от капитализма к социализму хозяйстве. Лишь на основе такого именно рассмотрения можно и необходимо будет в частности установить, как в дачной конкретной исторической полосе развития, в переходной экономике и на различных ее этапах, по-особому, специфически преломлялись и эти общие условия, как, исходя из направления движения, его закономерностей, должны они преломляться в дальнейшем, выражая совершенно иные, чем при капитализме, отношения, как например деление общественного производства на два подразделения и соотношение между ними выражают у нас принципиально иные отношения по производству, чем в капиталистическом обществе.

В статьях, построенных на механическом применении марксовых схем к переходной экономике, проявляется характерная черта, общая для всех тех, кто начинает (а нередко и кончает этим) анализ проблем воспроизводства в СССР с построения формул и схем. Сложный экономический и классовый переплет отношений переходного хозяйства не укладывается в абстрактные формулы и схемы, потому что нельзя отвлечься, абстрагировать от существенного, от наиболее характерного, от переходного характера нашего хозяйства, т. е. от борьбы в нем капитализма и социализма.

Механическое перенесение схем обнаруживает полную несостоятельность еще и в том смысле, что здесь совершенно не понимается соотношение простого и расширенного воспроизводства в марксовом анализе. Роза Люксембург называла анализ расширенного воспроизводства у Маркса «оборвавшимся в самом начале наброском»³, проявив тем самым полное непонимание того, что анализ простого и анализ расширенного воспроизводства во II томе «Капитала» едины суть. Маркс не случайно уделил так много внимания и места в третьем отделе II тома простому воспроизводству, хотя прекрасно понимал и сам подчеркивал, что не простое воспроизводство характерно для капитализма с его безграничным стремлением к накоплению.

² «Введение к критике политической экономии», стр. 21 и 18.

³ «Накопление капитала», стр. 231.

«Вопрос, который непосредственно встает перед нами,— писал Маркс,— заключается в следующем: каким образом капитал, потребленный в производстве, возмещается по своей стоимости из годового продукта, и каким образом процесс этого возмещения переплетается с потреблением прибавочной стоимости капиталистами и заработной платы рабочими. Следовательно в первую очередь вопрос касается воспроизводства в прежнем масштабе»⁴. Исследовать, как в условиях господства слепых законов капиталистической стихии, постоянных нарушений, периодических кризисов происходит возмещение всего общественного капитала и воспроизводство классовых антогонизмов,—это задача, решением которой дается все основное и главное для рассмотрения расширенного воспроизводства, накопления в капиталистическом обществе.

Но этим еще не исчерпывается вопрос о том, почему Маркс должен был сделать и мог сделать исследование простого воспроизводства исходным пунктом своей теории воспроизводства, хотя характерным для капитализма является как раз накопление, расширенное воспроизводство. Нельзя правильно ответить на этот вопрос, не учитывая, что Маркс взял предметом своего исследования одноукладное капиталистическое хозяйство, в котором воспроизводятся одни и те же капиталистические производственные отношения.

Совершенно иной является постановка вопроса о роли простого воспроизводства при анализе переходной экономики. Простое воспроизводство не может являться исходным пунктом исследования воспроизводственного процесса в переходной экономике СССР, потому что здесь предметом исследования является процесс превращения разноукладного хозяйства в одноукладное, в единую социалистическую экономику. Содержанием этого процесса является уничтожение классов, рост удельного веса социалистического уклада, изменение соотношения между укладами и классами в пользу социализма. Рассматривая дело с точки зрения развития всего народного хозяйства как целого, а не с точки зрения «ящиков» (секторов), нельзя не понять, что «процесс расширенного социалистического воспроизводства» и «процесс преобразования СССР в единое социалистическое хозяйство» — совершенно тождественные понятия. Движение переходного хозяйства к социализму, процесс превращения разноукладного хозяйства в единую социалистическую экономику происходит, повторяем, только в том случае, если во всем народном хозяйстве растет удельный вес социалистического уклада, если соотношение между укладами и классами изменяется в пользу социалистического уклада и пролетариата.

Другими словами, под расширенным социалистическим воспроизводством нашего народного хозяйства в условиях переходного периода понимается движение СССР к социализму, процесс революционного преобразования разноукладного переходного хозяйства в одноукладное социалистическое, процесс революционного преобразования переходной экономики в единое социалистическое хозяйство на базе постоянного усиления

⁴ «Капитал», т. II, стр. 282—283; разрядка наша.

ведущей роли социалистического уклада и его удельного веса, на базе распространения социалистического способа производства и социалистических производственных отношений на все сферы нашей экономики.

В речи т. Сталина на конференции аграрников-марксистов, являющейся крупнейшим вкладом в марксистско-ленинскую теорию воспроизводства, мы имеем блестящую разработку вопроса о социалистическом воспроизводстве как процессе создания единого социалистического хозяйства. Своей постановкой вопроса о невозможности в течение более или менее долгого периода базировать социалистическое строительство на двух разных основах (крупная социалистическая промышленность и раздробленное мелкотоварное хозяйство) т. Сталин подчеркнул со всей силой, что проблема расширенного воспроизводства в сельском хозяйстве может быть решена партией только как проблема расширенного социалистического воспроизводства (социалистическая переделка деревни), что, с другой стороны, проблема дальнейшего ускоренного продвижения всего народного хозяйства к социализму может быть решена только как проблема социалистического расширенного воспроизводства во всех отраслях нашего общественного производства.

Что означало бы с этой точки зрения (т. е. если рассматривать развитие народного хозяйства как целого) простое воспроизводство? Оно означало бы сохранение на прежнем уровне соотношения между укладами и классами. Воспроизводство народного хозяйства СССР является социалистическим расширенным воспроизводством потому, что социалистический уклад растет быстрее остальных укладов, потому, что главная тенденция, закономерность движения реализуется в развитии социалистического уклада в сторону его преобладания в народном хозяйстве и превращения этого последнего в конечном счете в единое социалистическое хозяйство.

Именно такое направление движения делает воспроизводство народного хозяйства СССР социалистическим воспроизводством, которое, как легко понять из изложенного, не может не быть расширенным социалистическим воспроизводством.

Абстракция простого воспроизводства при исследовании переходной экономики означала бы абстракцию, отвлечение от самой проблемы исследования. Предметом исследования этой экономики является революционное преобразование капитализма в социализм. Но без расширенного социалистического воспроизводства не происходит этого революционного преобразования, и таким образом абстракция простого воспроизводства оказывается абстракцией от... самого предмета исследования.

Как раз согласно правооппортунистической теории равновесия простое воспроизводство в условиях переходной экономики составляет самую значительную, главную часть расширенного социалистического воспроизводства. В самом деле, по бухаринской теории, как это прекрасно показал т. Сталин, «ящички»-сектора — лежат на различных рельсах и мирно катятся вперед, «не задевая друг друга», т. е., иными словами, на основе «подвижного равновесия» сохраняется существующее соотношение между укладами и классами, что является, по теории правых (Бухарина), главным принципом построения социализма, т. е. того,

что «парраллели сойдутся, и... у нас получится социализм». Базой, главным принципом большевистской теории воспроизводства в переходной экономике является революционное изменение в упорной классовой борьбе соотношения укладов и классов в пользу социализма, расширенное социалистическое воспроизводство).

Большую роль, с точки зрения этого изменения, играет закреплени е завоеванных социализмом позиций, являющееся важнейшей составной частью социалистического наступления, расширенного социалистического воспроизводства.

Из сказанного ясно, почему Маркс исследование простого производства должен был сделать и мог сделать исходным пунктом своего анализа воспроизводства при капитализме, и почему нельзя брать за исходный пункт простое воспроизводство при изучении воспроизводства в условиях переходной экономики.

Проблема установления пропорциональности и изживания диспропорций в первой пятилетке не ограничивается исключительно обменом между I и II подразделениями. В процессе о двух разных основах развития нашего народного хозяйства была заложена основная трудность решения указанной проблемы. «По линии регулирования взаимоотношений между городом и деревней лежат основные трудности и основные проблемы хозяйственной политики пролетариата», — говорится в резолюции XV съезда партии, посвященной первой пятилетке.

Что представляло собой до 1930 г. I подразделение нашего народного хозяйства? Оно представляло собой и крупную, развивающуюся бурными темпами социалистическую тяжелую промышленность и мелкое, отстававшее крестьянское производство средств производства, которое не могло дать II подразделению социалистической индустрии потребного количества сырья (хлопок, лен, кожа, свекла и т. д.), которое задерживало развитие главных отраслей нашей легкой индустрии.

Что представляло собой до 1930 г. II подразделение нашего народного хозяйства? Оно представляло собой и быстро развивавшуюся социалистическую индустрию (хотя и не так быстро, как это было бы возможно при лучшем снабжении сырьем) и все более отстававшее мелкотоварное производство средств потребления, уже нехватавших для снабжения рабочих растущей социалистической промышленности обоих подразделений.

Что представляет собой наконец I подразделение нашей индустрии? Оно представляет собой материальную базу социализма, развитие которой в первой пятилетке наиболее быстрыми темпами было главным условием переделки второй, мелкобуржуазной, мелкотоварной основы народного хозяйства СССР в соответствующее задачам построения социалистического общества крупное механизированное земледелие.

Проблема изживания диспропорций упиралась прежде всего в факт существования указанных двух разных основ, в необходимость превращения этих двух разных основ (разных и с точки зрения классов, которые их представляют, и с точки зрения технического уровня) в единую основу нашего хозяйственного развития. Те экономисты, которые рассматривают вопросы воспроизводства в СССР, составляя соответствующие схемы «по аналогии со II томом «Капитала» (в полном следовательно соответствии с «мудрым» советом т. Бухарина), ограничивая все дело схемами обмена между двумя подразделениями нашего общественного производства, — эти экономисты забывают, что в каждом из этих подразделений мы имели, а в некоторой

(хотя и неизмеримо меньшей) степени имеем и сейчас, две разных основы, забывают, что именно здесь лежат основные трудности и основные проблемы воспроизводственного процесса в СССР, забывают, что марксовы схемы исходят из единой — капиталистической — основы развития общественного производства, забывают все это, отвлекаясь тем самым от существенных черт переходной экономики.

Центр тяжести проблемы расширенного социалистического воспроизводства лежит (в условиях переходного периода) в отношениях между городом и деревней, в ведущей роли социалистического пролетарского города по отношению к деревне, в социалистической переделке деревни. Именно так ставит вопрос т. Сталин в целом ряде своих работ и выступлений.

«Проблема построения социализма, — говорит т. Сталин, — означает проблему организации народного хозяйства в целом, проблему правильного сочетания индустрии и сельского хозяйства... Социалистическое общество есть производственно-потребительское товарищество работников индустрии и сельского хозяйства. Если промышленность и сельское хозяйство не составляют таким образом единого народнохозяйственного целого, то никакого социализма из этого не получится. Вот почему вопрос о взаимоотношении промышленности и сельского хозяйства, вопрос о взаимоотношении пролетариата и крестьянства составляет основной вопрос проблемы построения социалистического хозяйства»⁶.

Об этом же говорил т. Сталин на конференции аграрников-марксистов, подчеркивая, что нельзя «в продолжение более или менее долгого периода времени базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах», что «это когда-либо должно кончиться полным развалом всего народного хозяйства», что «выход в том, чтобы укрупнить сельское хозяйство, сделать его способным к накоплению, к расширенному воспроизводству и преобразовать таким образом сельскохозяйственную базу народного хозяйства»⁶. Совершенно так же ставил т. Сталин вопрос и в своей речи на ноябрьском пленуме ЦК в 1928 г., выдвигая задачу перевода сельского хозяйства на новую техническую базу, на базу крупного производства, подчеркивая, что «либо мы эту задачу разрешим — и тогда окончательная победа обеспечена, либо мы от нее отойдем, эту задачу не разрешим — и тогда возврат к капитализму может стать неизбежным явлением»⁷. Об этом же говорил т. Сталин на XV съезде партии⁸, и на это же он указывал на XVI партсъезде⁹.

Наконец на последнем, январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) т. Сталин сказал: «Основная задача пятилетки состояла в том чтобы создать в нашей стране такую индустрию, которая была бы способна перевооружить и реорганизовать не только промышленность в целом, но и транспорт, но и сельское хозяйство на базе социализма».

При исследовании воспроизводства у нас, при исследовании воспроизводства, основанного на плане, воспроизводства, сознательно организуемого и сознательно управляемого согласно плану пролетарской диктатуры, уже не стоит непосредствен-

⁶ «Вопросы ленинизма», изд. 9-е, стр. 172; разрядка наша.

⁷ «К вопросам аграрной политики в СССР», стр. 6—7.

⁸ «Вопросы ленинизма», изд. 1929 г., стр. 509.

⁹ И. Сталин и Ст. Коссиор, Отчет ЦК XV партсъезду, стр. 40—44.

¹⁰ И. Сталин и Л. Каганович, Отчет ЦК XVI партсъезду, стр. 23.

ный вопрос, стоявший перед Марксом и гениально им разрешенный— вопрос о том, как вообще возможно возмещение всего общественного продукта в определенных пропорциях в условиях анархии производства, господства рыночной стихии. Нам, участникам строительства планового социалистического хозяйства, важно другое. Нам важно определить, исходя из политики партии, из ее генеральной линии, из поставленных партией на данном этапе задач, какие именно пропорции между обоими подразделениями и внутри них необходимо установить и организовать для успешного продвижения вперед социалистического строительства.

Уже из сказанного в значительной мере ясно, почему одним из самых основных, руководящих принципов применения марксовой теории воспроизводства для анализа хозяйства СССР является противопоставление теории воспроизводства Маркса механистической по своей методологической основе, антипролетарской и антипартийной по своему существу теории равновесия. Тов. Сталин, говоря о необходимости использовать марксову теорию воспроизводства для теоретической разработки проблем воспроизводства в СССР, подчеркивает именно эту сторону вопроса. «Стоило только извлечь из сокровищницы марксизма теорию воспроизводства, — говорит т. Сталин, — и противопоставить ее теории равновесия секторов, чтобы от этой последней не осталось и следа»¹⁰.

Проблема изживания диспропорции в нашем хозяйстве, проблема установления определенной пропорциональности в нашем хозяйстве для каждого данного этапа развития является в условиях переходного периода проблемой классовой борьбы пролетариата. Постановка вопроса о пропорциях и диспропорциях изолированно от классовой борьбы, изолированно от соотношения укладов и классов, прямым путем ведет к оппортунизму, переходу с партийных позиций на антиленинские, антипролетарские, антисоциалистические. Образец такого перехода дал т. Бухарин в своей теории «подвижного экономического равновесия».

Воспроизводство у т. Бухарина — это пропорциональное распределение трудовых затрат, сохранение этой установленной пропорциональности различных сфер в движении как основного принципа этого движения (подвижное экономическое равновесие).

«Правильное сочетание различных сфер производства и потребления между собой», о котором так много твердил т. Бухарин, не может быть осуществлено по принципу равновесия.

Тут однако необходимо прежде всего с полной отчетливостью установить, что понимается под пресловутым «правильным сочетанием». Является ли этим «правильным сочетанием» соотношение между «различными сферами производства и потребления», оставленное нам в наследство царизмом? Являлась ли этим «правильным сочетанием» основная диспропорция переходной экономики (выражающая о с н о в н о е ее противоречие) — диспропорция между крупной концентрированной промышленностью, у н и ч т о ж а ю щ е й капитализм, и расплывленным мелким хозяйством десятков миллионов товаропроизводителей, р о ж д а ю щ и м капитализм? Являлись ли этим «правильным сочетанием» пропорции сфер и отраслей внутри унаследованной от царизма промышленности, «пропорции, рассчитанные на углубле-

¹⁰ «К вопросам аграрной политики в СССР», стр. 6; разрядка наша.

ние противоположности между городом и деревней (в основном по типу прусского пути развития), на экономическую зависимость нашей страны в важнейших областях от иностранного капитала, на исключительно низкий уровень потребления масс?

Очевидно, что это «сочетание», выражавшее противоречия и антагонизмы, характерное в данном случае для русского капитализма, не годилось для нас. Но из этого следует, что необходимо было ломать старое сочетание сфер и отраслей производства и потребления, создавать новое их сочетание, обеспечивающее для каждого данного этапа быстрее продвижение к социализму на основе постоянного изменения соотношения между укладами и классами в пользу социалистического уклада, в пользу пролетариата.

Таким образом создавать правильное с точки зрения задачи построения социализма сочетание различных сфер и отраслей, устанавливать правильные с этой же точки зрения пропорции — это и значило под активным воздействием пролетариата переделывать заново, по-социалистически старое сочетание, прежние пропорции и неразрывно с ними связанное, им соответствующее соотношение классовых сил и экономических укладов. Такое понимание сущности проблемы воспроизводства в СССР целиком исходит из точки зрения марксизма-ленинизма, не оставляя камня на камне от враждебной партии и пролетариату теории равновесия.

Когда Ленин в «Экономике и политике в эпоху диктатуры пролетариата» анализирует ход хлебозаготовок, его особенно интересует при этом вопрос о том, на основе каких взаимоотношений между укладами и классами, на основе какого изменения этих взаимоотношений происходит заготовка хлеба. В 40 млн. пуд., полученных городом через крестьянина-мешочника, крестьянина-торгаша, Ленин видит имеющую очень глубокие и прочные корни базу капитализма. В 40 млн. пуд., полученных пролетарским городом по государственной цене от крестьянина-трудящегося, крестьянина — союзника пролетариата, Ленин видит победы социалистического плана, победу пролетариата как руководящей силы, в е д у щ е й за собой основные массы крестьянства.

Не абстрактные миллионы пудов хлеба, обеспечивающие «правильное сочетание различных сфер производства и потребления» (в бухаринском понимании этой проблемы), не абстрактно взятое развитие производительных сил как пропорциональное распределение трудовых затрат, а направление этого развития; не застывшие пропорции внешне обособленных сфер и отраслей (соответственно укладам и классам), развивающихся как система подвижного равновесия, а ломка, изменение этих пропорций, создание новых пропорций, новых соотношений, необходимых для уничтожения умирающего капитализма, для победы рождающегося коммунизма; уничтожение старого, возникновение нового, борьба нового со старым, взаимопереходы, превращение в противоположность, (например превращение мелкотоварной основы капитализма в социалистическое хозяйство бесклассового общества), — вот чем определяются, обуславливаются пропорции нашего развития, пропорции, устанавливаемые для каждого данного этапа партией и рабочим классом — этой «движущей силой» преобразования переходной экономики в социалистическую — социалистическим планом как активной формой движения к социализму. Сказанным мы не хотим ни в какой мере преуменьшать значения проблемы известной пропорциональности в нашем хозяйстве,

проблемы как возмещения затраченного труда в натуральной форме средств производства и предметов потребления, так и создания фонда накопления, расширенного воспроизводства в этой натуральной форме.

Дело заключается лишь в том, чтобы рассматривать эти проблемы не по т. Бухарину, который в свое время писал, что в отношении общественного воспроизводства «задачи, стоящие перед пролетариатом, в общем и целом формально, т. е. независимо от социального содержания процесса, те же, что и для буржуазии»¹¹. Марксисты никогда не рассматривали процесс воспроизводства натуралистически, «независимо от его социального содержания». Полным разрывом с марксизмом-ленинизмом является такого рода натуралистическое «рассмотрение» воспроизводства, так как именно «социальное содержание» решает все направление воспроизводственного процесса.

* *
*

Изучая воспроизводство в СССР, необходимо установить, как в частности осуществляются марксовы законы воспроизводства в наших условиях, в каких пропорциях I и II подразделений, сфер и отраслей и т. д. находят у нас свое выражение эти законы, какое изменение соотношения укладов и классов выражают в свою очередь эти пропорции на каждом данном этапе, обеспечивая расширенное социалистическое воспроизводство нашего народного хозяйства, его революционное преобразование в хозяйство бесклассового, социалистического общества.

Именно под этим углом зрения должна быть в максимальной степени привлечена марксова теория воспроизводства для разработки проблем воспроизводства в СССР, основу которой (разработки) дает ленинская теория переходного периода, блестяще развитая и дополненная (на базе богатейшего опыта реконструктивного периода, периода завершения социалистического фундамента и борьбы за построение первой фазы коммунизма) т. Сталиным.

СССР превратился в страну индустриальную

Наша страна находится сейчас на историческом рубеже двух пятилеток. Тов. Сталин на январском пленуме ЦК и ЦКК с исключительной яркостью обрисовал всемирно-историческое значение величайших успехов, достигнутых пролетариатом СССР под руководством ленинской большевистской партии в первой пятилетке.

Когда говорят, что пятилетка выполнена в четыре года, то этим охватывается еще не самое главное в итоге борьбы партии и рабочего класса за выполнение «плана великих работ». Пятилетка выполнена в основном в четыре года, но за эти четыре года позиции социализма расширились на много больше, чем было предусмотрено планом для всего пятилетия.

Приведем некоторые основные данные, устанавливающие: 1) что мы имели с точки зрения удельного веса социалистического сектора к началу первой пятилетки, 2) что намечалось с этой же точки зрения для выполнения в течение пяти лет, 3) что выполнено за четыре года.

¹¹ «Экономика переходного периода», стр. 59.

	Данные к началу пятилетки (на 1 января 1929 г.)	Намечалось пятилетним планом для 1932/33 г.	Фактически на 1 января 1933 г.	Процент выполнения пятилетки за четыре года
Удельный вес группы «А» в продукции ценз. вои. промышленности	44,4	47,6	52,5	110,1
Валовая продукция тяжелой промышленности в млрд. руб. в ценах 1926/27 г.	3,99	12,2	13,2	108,4
Удельный вес промышленной продукции в отпущенной сельскохозяйственной	48,0 ^{11а}	—	70,0	—
Процент охваченных колхозами крестьянских хозяйств	1,7	22,0	60,2	273,6
Удельный вес специализированных форм хозяйства в народном доходе	52,7	66,3	87,0	131,2

Наша страна вступила в первую пятилетку, имея преобладание мелкотоварного крестьянского хозяйства во всем народном хозяйстве, преобладание легкой промышленности во всей промышленности. Первая пятилетка намечала огромные классовые и экономические сдвиги.

Итог пятилетки показывает огромное ее перевыполнение с точки зрения осуществления основных ее заданий: позиции социализма расширены далеко за те пределы, которые намечались оптимальным вариантом пятилетки. За четыре года борьбы за пятилетку достигнуто решающее преобладание социалистического сектора во всем народном хозяйстве. СССР из аграрной страны превратился в передовую индустриальную страну. СССР превратился в страну крупнейшего в мире земледелия, причем земледелия по своему типу социалистического. Решена самая трудная задача борьбы за социализм: достигнут окончательный поворот распыленного и раздробленного мелкособственнического, мелкотоварного хозяйства на путь социалистического развития, на путь его переделки в конечном итоге в последовательно социалистическое хозяйство бесклассового общества; тем самым окончательно подорваны корни капитализма в деревне, решены полная ликвидация капиталистических элементов, полное уничтожение классов. Решен полностью и бесповоротно в пользу социализма вопрос «кто — кого» и в городе и в деревне. Завершением фундамента социалистической экономики созданы все необходимые предпосылки для того, чтобы уже во второй пятилетке построить социализм, превратить полностью разноукладную переходную экономику в одноукладное социалистическое хозяйство, в бесклассовое общество, завершить с помощью созданной в первой пятилетке собственной технической базы, базы крупной социалистической индустрии, реконструкцию всего народного хозяйства.

Завершение фундамента социалистической экономики — в этом резюмируется основной итог первой пятилетки, итог, говорящий о том,

что решена задача, которую Ленин называл главной¹², сделано дело, которое Ленин называл самым важным, самым трудным, самым недоделанным, всемирно новым делом¹³. «Либо гибель всех политических завоеваний советской власти, либо подведение под них экономического фундамента»¹⁴ — неоднократно подчеркивал Ленин, доказывая, что у нас есть все, необходимое для завершения экономического фундамента, для построения социалистического общества, для разрешения, иными словами, собственными силами противоречий между пролетариатом и крестьянством, — все, необходимое для победы социализма.

Вместо двух разных основ, на которых базировалось прежде воспроизводство в нашем народном хозяйстве, оно опирается уже в итоге первой пятилетки на единую в основном базу крупной социалистической промышленности и крупного социалистического земледелия. Могла ли быть решена эта историческая задача, если бы партия придерживалась бухаринских принципов равномерного развития «различных сфер производства и потребления»? Конечно нет. Сама постановка этой задачи в корне противоречит принципам равновесия. А отказ от решения задачи превращения двух разных основ в единую социалистическую, отказ от подчинения на этой базе сельского хозяйства социалистической индустрии означал бы в конечном счете подчинение стихийно развивающемуся деревенскому капитализму пролетарского города, означал бы в конечном счете решение вопроса «кто—кого» в пользу капитализма. Партия же действовала по ленинским принципам. Ленин не уставал повторять, напоминать неоднократно, что единственной материальной базой социализма может быть только крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие.

Унаследовав худшие традиции мелкобуржуазных философов и экономистов типа Сисмонди, Прудона и др., правые никогда не понимали ведущей роли I подразделения. Перенесение правыми центра тяжести на торговую смычку с крестьянством, на «ситцевую» смычку есть не что иное, как утверждение первенствующей роли II подразделения сельского хозяйства на базе новой машинной техники, на развития его связей прежде всего и главным образом с легкой промышленностью. Перенесение партией центра тяжести на производственную смычку целиком вытекает из ведущей роли I подразделения, из необходимости социалистической переделки сельского хозяйства на базе новой машинной техники, на базе производственной смычки в качестве главной и решающей.

Вот почему данным о достигнутом за годы пятилетки преобладании крупного колхозного производства в сельском хозяйстве сопутствуют данные о достигнутом за этот же период преобладании I подразделения, группы А в нашей промышленности.

Чтобы ликвидировать резко обострившееся в первый год пятилетки чрезмерное отставание сельского хозяйства от тяжелой индустрии, надо было (и это было единственным решающим вопросом средством) еще быстрее, чем это наметила пятилетка, развить тяжелую индустрию.

Такова реальная диалектика развития; из которой исходила партия, устанавливая планом соответствующие указанной задаче про-

¹² Собр. соч., т. XXVII, стр. 214.

¹³ Там же, стр. 29.

¹⁴ Там же, стр. 47.

порции развития различных отраслей, диалектика, в которой ничего не могут понять «теоретики» равновесия, «теоретики» пропорциональности как с а м о д о в л е ю щ е г о ф а к т о р а, а не как производного от устанавливаемых политикой партии направления и темпов развития для каждого данного этапа в соответствии с задачами классовой борьбы. Ускорение темпов тяжелой промышленности было невозможно на базе старых основных фондов. Реконструктивный период означал для нашей промышленности создание новой технической базы, постройку новых крупнейших предприятий, т. е. прежде всего решение проблемы основных фондов. Маркс подчеркивал, что именно основной капитал «является истинным показателем развития производительных сил»¹⁵. Проблема основных фондов принадлежала к числу труднейших проблем социалистического строительства. «Наше положение особенно трудно, — писал Ленин в 1923 г., — потому что нет средств для восстановления основного капитала — машин, орудий, зданий и т. п., а ведь именно эта промышленность, так называемая «тяжелая индустрия», есть основная база социализма. В капиталистических государствах обычно восстанавливают этот основной капитал посредством займов. Нам не хотят дать займа... Остается необыкновенно трудный и долгий путь: скапливать понемногу сбережения, увеличивать налоги, чтобы постепенно восстанавливать разрушенные железные дороги, машины, здания и прочее»¹⁶.

Ленин говорил 11 лет назад о восстановлении старых основных фондов как о необыкновенно трудном и долгом пути, который был пройден успешно партией. Перед нами в первой пятилетке стояла задача создания новых основных фондов, более чем втрое превышавших основные фонды, которыми располагала наша тяжелая промышленность к началу первой пятилетки, создания, иными словами, огромного количества совершенно новых предприятий, не идущих ни в какое сравнение с тем нищенским техническим уровнем, который оставила нам дооктябрьская Россия в отношении основных фондов. «Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы перевести нашу страну с ее отсталой, подчас средневековой техникой — на рельсы новой, современной техники» (Сталин), что невозможно было осуществить без подлинно революционного обновления основных фондов промышленности.

За предшествовавшие первой пятилетке три года основные фонды всей государственной промышленности возросли на 39,7%, иначе говоря, в первую пятилетку наша промышленность вступила, пройдя лишь начальный этап своей технической реконструкции.

Некоторое представление о положении дел с основными фондами до первой пятилетки дает следующая таблица, сравнивающая размер капитальных вложений и амортизационных отчислений за 6 лет с 1922/23 по 1927/28 г.¹⁷ (см. табл. на стр. 63).

Следует отметить прежде всего всю условность приведенного здесь сравнения капитальных вложений с амортизационными суммами. Амортизационные отчисления не дают сколько-нибудь точного представления о действительной изнашиваемости основных фондов, с одной стороны, а с другой — амортизация, особенно в наших условиях, не является просто возмещением в натуре износившихся основных

¹⁵ «Капитал», т. I, стр. 595.

¹⁶ Собр. соч., т. XXVII, стр. 303.

¹⁷ Данные заимствованы мною из первой части II тома «Пятилетнего плана», стр. 70.

Г о д ы	Капитальные	Амортиза-	Насколько капитальные вложения больше(+) или меньше (-) амортизаци- онных отчис- лений
	затраты	ционные отчисления	
в миллионах рублей			
1922/23	120	145	— 25
1923/24	209	170	+ 39
1924/25	385	277	+108
1925/26	811	360	+451
1926/27	1 090	398	+792
1927/28	1 335	140	+995

фондов, т. е. не является элементом только лишь простого воспроизводства, и поскольку амортизационные отчисления идут на создание новых основных фондов, на новом, более высоком техническом уровне или на реконструкцию прежних основных фондов, но также на новой технической базе, постольку амортизация является элементом расширенного воспроизводства. Но основные тенденции в движении основных фондов приведенная таблица все же показывает. Она показывает, как от полосы проедания основных фондов мы перешли к их расширенному воспроизводству.

В последний из предшествовавших пятилетке год третью часть всех капитальных вложений составили амортизационные суммы. В 1932 г. амортизационные отчисления, в абсолютных цифрах значительно выросшие, составляют менее одной десятой доли капитальных вложений. Одна треть к началу первой пятилетки и одна десятая к ее концу — эти две цифры в известной мере показывают, какой огромный путь в области создания новых основных фондов нами пройден...

Что прежде всего бросается в глаза при рассмотрении данных воспроизводства основных фондов за годы пятилетки — это неуклонный рост темпа ввода в эксплуатацию новых основных фондов вообще и по группе А в особенности. Если первый год пятилетки дал прирост основных фондов по отношению к предыдущему году на 19,9% группе А и на 13,9% по всей планируемой промышленности, то уже третий (1931) год пятилетки дает по группе А прирост основных фондов по отношению к предыдущему году в размере 60,1%, а по всей промышленности — на 45,7%.

Безусловный интерес представляет сравнение динамики капитальных вложений и прироста основных фондов за первую пятилетку. Если принять капитальные вложения во все народное хозяйство за 100, то прирост основных фондов составляет по отношению к капитальным вложениям в 1929 г. около 50, а в 1932 г. свыше 67. Иначе говоря, если в 1929 г. (начало пятилетки) прирост основных фондов составлял около половины капитальных вложений за тот же год, то в 1932 г. (конец пятилетки) прирост основных фондов составляет уже больше двух третей по отношению к капитальным вложениям последнего года первой пятилетки.

Во II томе «Капитала» у Маркса есть замечательные места, где он говорит о производствах с продолжительным рабочим периодом

вроде постройки новых крупных предприятий, железных дорог и т. д., которые «долгое время, год или более, не доставляют ни средств производства, ни средств существования и вообще не дают какого-либо полезного эффекта, но конечно отнимают от всего годового производства и труд, и средства производства, и средства существования»¹⁸. Маркс блестяще показывает при этом всю механику конвульсивного, скачкообразного возмещения и расширения основного капитала в капиталистическом обществе и влияние этого фактора (как одного из факторов) на кризисы. В другом месте Маркс, возвращаясь к этому же вопросу, высказывает свои соображения о том, как в коммунистическом обществе будет происходить расширение основных фондов. «На основе общественного производства, — пишет Маркс, — приходится определять масштаб, в котором могут производиться такие операции, которые на долгое время отвлекают рабочую силу и средства производства, не доставляя за все это время никакого продукта в виде полезного эффекта; приходится определять, в каком масштабе могут производиться эти операции, не причиняя вреда таким отраслям производства, которые постоянно или несколько раз в году не только отвлекают рабочую силу и средства производства, но и доставляют средства существования и средства производства»¹⁹.

Легко понять, преодоление каких больших трудностей требовалось, для того чтобы в огромных, совершенно невиданных темпах увеличить продукцию, скажем, таких важнейших отраслей промышленности, как машиностроение, одновременно «отвлекая» массу чугуна, стали, леса и т. д. на капитальное строительство, которое поглощало все это в огромных количествах, давая эффект в виде вновь вводимых в эксплуатацию основных фондов не сразу, а по прошествии ряда лет.

С этой именно точки зрения исключительное значение имеют приведенные данные об отношении вновь вводимых в действие основных фондов к капитальным вложениям. Эти данные показывают, что самый трудный этап в строительстве основных фондов пройден. Этап, который характеризовался огромными капитальными вложениями при крайне незначительном вводе в течение ряда лет в хозяйственный оборот страны новых предприятий, — этот этап вторая пятилетка уже оставляет позади. Расширенное воспроизводство основных фондов на нынешнем этапе — это высокий уровень капитальных вложений, но уже при все возрастающем вводе в действие новых основных фондов.

Достижение еще более благоприятного соотношения между капитальными вложениями и вводимыми в действие основными фондами является важнейшей задачей и 1933 г. и всей второй пятилетки.

Партия объявила решительную борьбу уравниловке в строительстве, заключающейся в том, что огромные средства — и в виде материальных ресурсов и в виде денежных — распыляются по большому количеству новостроек, без концентрации внимания, сил и средств на важнейших с точки зрения индустриализации страны объектах первоочередного пуска. Уже в 1931, а затем в 1932 г. достигнуты известные успехи по линии концентрации сил и средств для форсированного окончания и ввода в действие важнейших строящихся объектов. Завершение в первые же два года (1933—1934) второй пя-

¹⁸ «Капитал», т. II, стр. 221.

¹⁹ «Капитал», т. II, стр. 255.

тилетки той огромной строительной программы, которая начата в предшествующие годы, окончание в первые же ее год-два прежде всего начатых строительством металлургических, машиностроительных заводов и крупных электростанций, решающих проблему напряженного энергетического баланса в ряде важнейших промышленных районов страны, — таковы основные линии дальнейшего расширенного воспроизводства основных фондов.

Приведем теперь данные относительно выполнения пятилетней программы по капитальным вложениям (в миллиардах рублей):

Капитальные вложения	Намечалось по пятилетнему плану	Процент выполнения пятилетнего плана
Во все народное хозяйство	46,5	104,1
В промышленность ¹	18,8	124,0
В промышленность группы А	14,3	140,0

О чем свидетельствует эта таблица? Она свидетельствует о том, что пятилетний план прироста основных фондов выполнен за четыре года, а по промышленности группы А значительно перевыполнен. Чтобы достигнуть к началу 1933 г. тех размеров основных фондов промышленности, которые намечались пятилеткой на конец того же года, необходимо было ввести в действие в 1932 г. примерно вдвое больше основных фондов по сравнению с тем, что было введено в строй за 1931 г. Еще нет данных о выполнении плана ввода основных фондов за весь истекший год, но ряд данных свидетельствует о том, что с этой гигантской задачей наша промышленность справилась. Об этом свидетельствует, во-первых, тот неуклонный рост темпа ввода в строй новых основных фондов, который достигнут за годы первой пятилетки (с 1 октября 1928 г. по 1 октября 1929 г. прирост основных фондов промышленности составил 707 млн. руб., за 1930 г. этот прирост достиг уже 1 835,9 млн. руб., а за 1931 г. он составил 2 619,4 млн. руб.). Об этом свидетельствует, во-вторых, темп роста капитальных работ за первое полугодие 1932 г., в течение которого, несмотря на недовыполнение плана, фактически освоено вдвое больше средств по сравнению с тем же периодом 1931 г. при усилении, хотя и недостаточном еще, концентрации средств на объектах первоочередного пуска. Об этом свидетельствует, в-третьих, сравнение намеченных пятилетним планом темпов ввода в действие новых предприятий с фактическими итогами в этой области. По пятилетке намечалось за четыре года ввести в эксплуатацию 712 новых предприятий, фактически же за три года введено было, по данным ЦУНХУ, 769 предприятий, что свидетельствует о значительно более высоком темпе ввода по сравнению с наметками пятилетки и дает уверенность в безусловном выполнении за четыре года всего пятилетнего плана расширенного воспроизводства основных фондов социалистической промышленности. Последние данные Госплана, говорящие о вводе в действие за четыре года пятилетки 1 500 новых предприятий — причем основные фонды машиностроения выросли за пятилетку примерно в 7 раз, — подтверждают этот вывод.

Но никакие количественные выражения, в том числе и при-

¹ См. «Большевик» № 1—2, стр. 91.

веденные цифры, не могут отразить огромных качественных сдвигов и структурных изменений, отличающих характер расширенного воспроизводства основных фондов в первой пятилетке.

Созданы заново совершенно не имевшиеся в нашей стране крупнейшие отрасли промышленности.

У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она теперь есть.

У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь.

У нас не было серьезной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было действительной и серьезной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь.

У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь.

В смысле производства электрической энергии мы стояли на самом последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

У нас была лишь одна единственная угольно-металлургическая база — на Украине, с которой мы с трудом справлялись. Мы добились того, что не только подняли эту базу, но создали еще новую угольно-металлургическую базу — на Востоке, составляющую гордость нашей страны.

Мы имели лишь одну единственную базу текстильной промышленности — на севере нашей страны. Мы добились того, что будем иметь в ближайшее время две новые базы текстильной промышленности — в Средней Азии и Восточной Сибири.

И мы не только создали эти новые громадные отрасли промышленности, но мы их создали «в таком масштабе и в таких размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии» (Сталин).

Важнейшая задача второй пятилетки — удешевить строительство, что при огромных масштабах капитальных затрат и в денежной форме и в натуральной (дефицитные материалы, металл, рабсила) может немало усилить фонды накопления.

Важнейшая задача — окончательно разбить уравниловку в строительстве, распыление средств «поровну» между стройками. Этот недостаток преодолевается, но не всюду достаточно решительно. Например, в каменноугольной промышленности фронт строительства чересчур широк и не достигнута еще концентрация средств на объектах первоочередного пуска. Об этом говорят хотя бы следующие данные: всего действующих шахт на 1 января 1932 г. было 386; в строительстве находилась 381. За последние два года первой пятилетки основные фонды росли быстрее, чем выпуск продукции, что со всей силой подчеркивает огромное значение поставленных т. Сталиным задач в области овладения техникой. Важнейшая специфическая черта второй пятилетки — освоение новых предприятий — требует того, чтобы главный упор был сделан «не на количественный рост продукции, а на улучшение качества продукции и рост производительности труда» (из резолюции январского пленума ЦК и ЦКК).

Освоить новую технику, полностью использовать все те колоссаль-

ные возможности, которые имеются теперь в народном хозяйстве в результате его реконструкции, обновления основных фондов, — вот важнейшая задача второй пятилетки.

«В период первой пятилетки мы сумели организовать энтузиазм, пафос нового строительства и добились решающих успехов. Это очень хорошо. Но теперь этого недостаточно. Теперь это дело должны мы дополнить энтузиазмом, пафосом освоения новых заводов и новой техники, серьезным поднятием производительности труда, серьезным сокращением себестоимости. В этом теперь главное» (Сталин).

Факт отставания роста продукции от роста основных фондов, свидетельствуя о серьезных слабых местах, сейчас еще не преодоленных, говорит вместе с тем о том, какие неиспользованные резервы у нас имеются для развёртывания производства во второй пятилетке.

У нас теперь созданы все технические предпосылки, для того чтобы добиться резкого повышения производительности труда. Вот почему этот вопрос стоит сейчас с особенной остротой в центре нашего внимания. Правильной организацией труда, большевистской борьбой за воспитание подлинно социалистического отношения к труду, максимальным использованием возросших в огромной степени технических возможностей необходимо обеспечить решающий перелом по линии качественных показателей.

Совершенно очевидно, что огромное строительство основных фондов требовало не менее огромных денежных затрат и затрат в натуральной форме — металла, леса, машин, рабочей силы и т. д., — которые не сразу, а лишь по истечении нескольких лет давали полезный эффект. Это не могло не обусловить известной напряженности во всех отраслях нашего народного хозяйства, в том числе и промышленности. В связи с этим имеют некоторое хождение «теориейки», сочиняющие непримиримое противоречие между основными фондами и оборотными: мы-де из-за строительства основных фондов зарезали оборотные фонды действующих предприятий. Эти «теориейки» ничего общего с марксизмом не имеют. Критикуя теорию основного и оборотного капитала Адама Смита, Маркс подчеркивает, что «одни и те же вещи образуют составную часть оборотного или основного капитала, — в зависимости от того, какую функцию выполняют они в процессе труда»²⁰. Вся практика работы промышленности показывает единство основных и оборотных фондов. Не дать, скажем, Сталинградскому тракторному или любому другому машиностроительному заводу металл, т. е. не дать этим заводам того, что для них является оборотным фондом, это значит получить меньше машин (хотя бы для монтажа на тех же новостройках), тракторов, т. е. того, что для других отраслей является основным фондом. И в самом деле, разве только действующие предприятия ощущают недостаток в металле, лесе и т. д., разве этот недостаток не ощущается на новостройках? Здесь чувствуется общее напряжение, обусловленное огромным размахом строительной социалистической работы.

В этих условиях распределение в известных пропорциях соответствующих частей общественного труда, воплощенных в натуральной форме металла, леса, машин и т. д., имеет чрезвычайно большое значение. Но что значит «в известных пропорциях»? Попробуем ответить

²⁰ «Капитал», т. II, стр. 135; разрядка наша.

на этот вопрос конкретным фактом из нашей действительности. Известно, что при наличии острого дефицита в металле мы развернули гигантское капитальное строительство в области машиностроения, в частности и в особенности строительство огромных заводов металлургического оборудования, которое (строительство) поглощает большие массы металла. Сейчас форсированным темпом идет развертывание Краматорского и Уральского машиностроительных заводов, предназначенных для производства комплектов домен, мартенов и прокатных станов (в том числе блюмингов). Этот пример типичен для большевистской политики пропорциональности. Урал- и Крамашстрой рассчитаны на ежегодное производство оборудования 12 домен, 50 мартенов, 5 блюмингов, 26 прокатных станов, будут давать, иными словами, ежегодно оборудование для выпуска около 5 млн. т чугуна, т. е. такого количества, которое дала вся наша черная металлургия за 1931 г. С точки зрения правооппортунистического «подвижного экономического равновесия» такая политика конечно неверна. С этой точки зрения надо было для поддержания «равновесия» ввезти металл, чтобы сохранить «пропорциональность» между различными сферами и отраслями, с точки зрения же ленинской политики индустриализации, т. е. ломки старых и установления новых пропорций, такое решение вопроса является единственно правильным. Техническую реконструкцию всего народного хозяйства нельзя осуществить на привозном металле, ее можно осуществить на базе своей механизированной, развитой металлургии, и лучше сегодня пожестче экономить металл, заменять его, где-только можно, лесом, мобилизовать внутренние ресурсы, урезать заявки второстепенных участков промышленности и, не равняясь по «узкому месту», ликвидировать его, так как этого требуют задачи технической реконструкции народного хозяйства и самой промышленности. Здесь обнаруживаются большевистская целеустремленность в установлении пропорций, обусловленность их классовыми задачами пролетариата на данном этапе.

Только люди, не понимающие экономики нашего народного хозяйства, в корне извращающие самую суть плановой закономерности, господствующей в условиях переходного периода, могут болтать о диспропорции отдельных отраслей советского хозяйства.

Разве можно говорить о диспропорциях внутри социалистического сектора, соотношения отраслей которого намечаются в плановом порядке пролетарской диктатурой, исходя из хозяйственно-политических задач данного этапа и главного звена, за которое нужно ухватиться, чтобы обеспечить наилучший результат по линии расширенного социалистического производства?

Нам обязательно необходимо было строить машиностроительные заводы, до того как мы имели вполне достаточную для них металлургическую базу. «Для создания этой базы нужны были машины и оборудование на много сотен миллионов рублей. Или мы их должны были производить у себя, или ввозить из-за границы. Мы решили производить их у себя — мы их теперь производим» (Орджоникидзе).

То, что враги пролетарской диктатуры клеветнически выдают за диспропорции, есть в основе своей совершенно закономерное явление, вытекающее из необходимости перейти от старых, унаследованных нами пропорций, соответствовавших отсталой России, на новые пропорции, соответствующие стране индустриальной и передовой.

Из сказанного видно, как неправильно противопоставлять оборотные фонды основным, сочинять непримиримое противоречие между ними. Это не значит, что мы не переживаем напряжения по целому ряду отраслевых балансов. Но дело тут не в том, что мы решали проблему основных фондов за счет оборотных, — без оборотных фондов нельзя получить основных, и обратно. Дело тут в ряде диспропорций, унаследованных нашим хозяйством от дооктябрьской России, составлявших необходимую принадлежность русского капитализма, но никак не соответствующих экономике, преобразовываемой нами в социалистическую. Дело тут и в отставании ряда отраслей нашей промышленности от плана, прежде всего отставании добывающих отраслей от обрабатывающих, в неумении на ряде участков побоевому драться за выполнение плана на основе реализации шести условий т. Сталина.

Сравнивая три ряда цифр: 1) что имелось к началу пятилетки, 2) что намечалось пятилеткой, 3) что мы имеем в действительности на 1 января 1932 г., мы увидим, что изменения, происшедшие в структуре промышленности, отличаются от тех, которые намечались пятилеткой в сторону их перевыполнения главным образом по линии сердцевины тяжелой промышленности — машиностроения. Удельный вес машиностроения вырос значительно больше намеченного. Это является важнейшим показателем, что собственная база для завершения реконструкции всего народного хозяйства действительно создана. Наше социалистическое машиностроение в 1932 г. дало по предварительным данным, опубликованным в ст. т. Межлаука («Большевик» № 1—2), продукции на 7 245 млн. руб., в то время как в предшествовавшем пятилетке 1928 г. оно дало продукции на 1 462 млн. руб., а в 1913 г. — на 697 млн. руб. (в ценах 1926/27 г.).

Этот бурный рост машиностроения, далеко выходящий за установленные пятилеткой плановые наметки, обусловлен коренными сдвигами в соотношении укладов и классов, достигнутыми партией и рабочим классом, обусловлен задачей построения фундамента социалистической экономики. Сплошная коллективизация потребовала значительного ускорения темпов роста машиностроения. В 1931 г. произведено почти в пять раз больше тракторов, чем было намечено пятилеткой для того же года, втрое больше (на 216,0%) тракторных сеялок, в полтора раза больше (на 51,6%) тракторных плугов, чем это было намечено для последнего (1932/33) года пятилетки.

Начальник Россельмаша т. Глебов-Авилев приводит интересные данные, показывающие, как «поправял» производственную программу этого крупнейшего завода бурный рост коллективизации, приведя в конце концов к тому, что завод выпускает исключительно машины для крупного социалистического земледелия. Изменились «пропорции» между укладами и классами, приведя к решающим победам пролетариата в его борьбе за социализм, по-новому встал вопрос о пропорциях внутри промышленности, и — что чрезвычайно характерно — по-новому встал прежде всего вопрос именно о машиностроении.

Каковы основные причины отставания черной металлургии? Несомненно, что важнейшей причиной прорывов в черной металлургии являются неудовлетворительное хозяйственное руководство, плохая организация труда на заводах, уравниловка в заработной плате, ослабление технического руководства на ряде заводов, недостаточно внимательное отношение к таким коренным вопросам, как составле-

ние доменной шихты, и т. д. В 1931 г., а отчасти и в 1932 г., сильно отразилась на металлургии плохая работа транспорта. Но степень отставания черной металлургии можно правильно понять, лишь рассматривая его на фоне завершения экономического фундамента социализма, т. е. на фоне огромного продвижения нашей страны к построению социалистического общества, которое (продвижение) произошло гораздо быстрее, чем это предполагалось по пятилетнему плану, обусловив тем самым иные, чем это было первоначально намечено пятилеткой, пропорции, иные, значительно более быстрые темпы, прежде всего машиностроения, предъявившего в свою очередь дополнительные огромные заявки на металл. Чтобы минимально удовлетворить потребности народного хозяйства — и машиностроения в первую голову, — нам необходимо получить в 1933 г. 9 млн. т чугуна и 8,9 млн. т стали. Мы говорим — минимально, потому что, по данным например т. Пятакова, наше машиностроение уже в 1932 г., имея программу в 6800 млн. руб. валовой продукции, могло дать при наличных и вступивших в строй основных фондах продукции примерно на 9 млн. руб. Таким образом уровень нашей металлургии (и в значительной мере здесь сказывается характер доставшегося пролетарской диктатуре промышленного «наследства») не тот, далеко не тот, которого требует нынешний уровень продвижения СССР к социализму.

Проблема металла может быть решена, и решается на деле, с одной стороны, как проблема максимального использования действующих заводов, а с другой — как проблема создания в кратчайшие сроки новой металлургии, соответствующей задачам реконструкции всего народного хозяйства. При этом создание новой черной металлургии все больше опирается на базу наших, социалистических машиностроительных заводов, а с разворачиванием на полную мощность Краммашстроя и Уралмашстроя целиком будет опираться на них.

Линия развития нашей промышленности, большевистская политика установления необходимых с точки зрения борьбы за социализм пропорций станет понятна, если продумать внимательно такие цифры, как увеличение в 1931 г. в пятеро против 1930 г. выпуска изготовленного на собственных социалистических заводах оборудования для металлургии, угля, нефти, руды, как увеличение в 1932 г. в пятнадцать раз против 1930 г. собственного производства тех же видов оборудования.

Диспропорция между крупной промышленностью и мелкотоварным сельским хозяйством ликвидировалась не путем сокращения темпов развития промышленности и «подтягивания» ее к отстающему сельскому хозяйству, а путем еще более быстрого развития промышленности и обеспечения на этой базе ликвидации чрезмерного отставания земледелия на основе его социалистической переделки. Отставание металлургии от машиностроения ликвидируется не путем сокращения темпов развития машиностроительной промышленности и «подтягивания» ее к отстающей металлургии, а путем еще более быстрого развития машиностроения и окончательной ликвидации отставания черной металлургии посредством резкого улучшения качества ее работы.

Мы не имеем к сожалению возможности остановиться хоть сколь-

ко-нибудь подробно на вопросе о новых отраслях и новых производствах в нашей промышленности. Между тем итоги первой пятилетки и с этой стороны представляют огромный интерес. Приведем лишь данные об удельном весе новых производств в продукции соответствующих отраслей промышленности за 1931 г.

Наименование производств	Удельный вес новых производств в продукции 1931 г.	Продукция новых производств в 1931 г. (в тысячах рублей)
Союзсельмаш	72,4	259 046
Котлотурбина	19,6	49 058
ВОМТ	15,2	31 080
ВАТО	51,1	180 390
ВОВАТ	46,2	100 619
Станкоинструмент ²	33,8	18 665
Союзтекстильмашина	42,6	29 331
Союздормаш	52,1	22 170
Союзпродмаш	30,8	15 655
ВЭО	10,2	72 174
Нефтеобрабатывающая промышленность	5,8	43 870
Калийная	100,0	1 200
Локомотивостроение	9,7	19 532
Основная химическая	12,8	22 072

Здесь перечислены далеко не все, а лишь важнейшие данные о новых производствах, которые в общей сложности дали в 1931 г. продукции значительно больше чем на миллиард рублей.

Нетрудно заметить из таблицы, что центральное место (и по удельному весу и по стоимости продукции) в новых производствах занимает машиностроение. Характерно при этом, что в отношении новых производств в машиностроении мы имели уже в 1931 г. огромный сдвиг не только в отраслях, обслуживающих реконструкцию тяжелой промышленности, но и громадный сдвиг в тех отраслях машиностроения, которые реконструируют на новой технической базе остальные важнейшие отрасли народного хозяйства (Союзсельмаш с удельным весом новых производств в 72,4% и продукцией этих производств в 1931 г. на сумму в 259 млн. руб., автотракторная промышленность с удельным весом новых производств в 51,1% и продукцией на сумму в 180 млн. руб., Союзпродмаш, Союздормаш, Союзтекстильмашина, Локомотив и т. д.). В 1931 г., а затем в 1932 г. машиностроение таким образом сделало серьезные шаги в смысле продвижения на уровень завершения технической реконструкции всего народного хозяйства. Особенно ярки в этом отношении итоги работы тракторной промышленности. За восемь лет, предшествовавших первой пятилетке, сельское хозяйство получило 32 379 тракторов, из них 29 328 импортных тракторов и лишь 3 051 — нашего производства. За один только четвертый год пятилетки сельское хозяйство получит свыше 60 тыс. тракторов, и все они — нашего собственного производства.

Из приведенных цифр видно, как много уже сделано для создания

экономической независимости СССР от стран капитализма, что позволило уже народнохозяйственный план 1932 г. сверстать в основном на базе внутреннего производства, на базе производства нашей собственной социалистической промышленности. Вводом в действие алюминиевых комбинатов, организацией производства уже в заводских масштабах никеля, кадмия и других редких металлов, значительным расширением производства высококачественных сталей, организацией заводского производства каучука, вводом в действие крупнейших станкостроительных предприятий («Фрезер», «Калибр», «Шарикоподшипник»), гигантов металлургического, транспортного, горного, химического машиностроения и т. д. и т. п. за первую пятилетку создана база для окончательного решения во второй пятилетке задачи экономической независимости СССР. А эта задача неразрывно связана с догоном и обгоном передовых стран капитализма в техническом отношении. Организация внутри нашей страны любого нового производства, имевшегося раньше только в капиталистических странах, не только усиливает нашу экономическую независимость, но означает вместе с тем, что, максимально используя достижения капиталистической техники, мы догоняем технический уровень капитализма и перегоняем его, поскольку гораздо более высокий, чем в странах капитализма, тип общественной организации производства вызывает к жизни все новые и новые виды машин и производств, соответствующих социалистическому способу производства и недоступных капитализму.

Крупнейшие успехи в области индустриализации означают вместе с тем решающий сдвиг в деле укрепления обороноспособности СССР, находящегося во враждебном капиталистическом окружении. «Мы восполнили целиком и полностью пробелы в деле обороноспособности страны» (С т а л и н).

Таковы в самых общих чертах важнейшие проблемы, касающиеся структурных сдвигов и создания новых пропорций внутри социалистической промышленности. Само собой разумеется, что даже в пределах этих общих черт не исчерпаны многие вопросы. Но то, что сказано уже о работе промышленности в первой пятилетке, позволяет все же подвести главные, решающие итоги в области социалистической индустриализации. Эти итоги говорят о том, что труднейшая проблема пролетарской революции — создание основных фондов — с честью решена нашей партией и рабочим классом, что тем самым создана база для завершения технической реконструкции всего народного хозяйства, для огромного подъема материально-культурного уровня пролетариата и трудящихся масс, для достижения во второй пятилетке полной экономической независимости СССР от стран капитализма, для решения уже в основном во второй пятилетке задачи «догнать и перегнать». Эти итоги говорят о том, что пятилетка в четыре года успешно выполнена, что СССР превратился в передовую индустриальную страну, что уже достигнуто преобладание I подразделения нашей промышленности во всей ее продукции, что это преобладание прочно закреплено и созданы все условия для его расширения, что создана тем самым база для ликвидации на основе общего быстрого продвижения вперед отставания отдельных отраслей нашего народного хозяйства.

Таковы важнейшие итоги работы промышленности в первой пятилетке. Первая пятилетка отличалась наиболее ускоренными темпами развития. Это вызывалось важнейшими причинами внутреннего и внешнего характера.

Нам нужны были наиболее ускоренные темпы, ибо «нельзя не подгонять страну, которая отстала на сто лет и которой угрожает из-за ее отсталости смертельная опасность» (С т а л и н).

Нам нужны были наиболее ускоренные темпы, ибо только на основе быстрой индустриализации страны можно было обеспечить успешное осуществление политики сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, можно было подорвать корни капитализма в стране.

Менее ускоренные темпы означали в условиях отсталой страны огромную опасность для пролетарской диктатуры со стороны враждебного капиталистического окружения извне и кулачества внутри страны.

Обязанные вести политику наиболее ускоренных темпов, мы вместе с тем имели все в о з м о ж н о с т и для того, чтобы эту политику реализовать на деле.

Эти возможности заключались, с одной стороны, в огромном творческом энтузиазме масс, руководимых ленинской партией, с другой стороны,— и это особенно важно,— они объяснялись тем, что мы тогда опирались главным образом на старые, уже освоенные предприятия.

Иначе обстоит дело во второй пятилетке. В результате гигантских успехов по линии индустриализации и коллективизации наша страна уже перестала быть отсталой; она уже подняла свою обороноспособность на должную высоту. Следовательно, важнейшая причина, требовавшая от нас «как бы подхлестывать страну» (С т а л и н), миновала. Индустриальная мощь и технические возможности СССР в гигантских размерах выросли. Но это вместе с тем означает, что коренным образом изменилось теперь соотношение старых и вновь построенных предприятий. Теперь уже главную роль играют новые гиганты промышленности, техника которых не освоена. А освоить новую технику, особенно в стране, лишь недавно ликвидировавшей свою отсталость, нельзя такими же ускоренными темпами, как использовать старые, освоенные заводы.

Требуется определенный промежуток времени для того, чтобы в процессе самого освоения подготовить в достаточном количестве вполне квалифицированные кадры, способные максимально использовать возросшие возможности.

Диалектика живой действительности не знает плавного, спокойного и постепенного движения вперед. Чтобы обеспечить в дальнейшем еще более быстрое движение, необходимо теперь взять менее ускоренные темпы. Только слепые или озлобленные враги не в состоянии понимать, что выдвигание теперь на первый план не количественных, а качественных показателей органически вытекает из решающих успехов, достигнутых нами по линии социалистической и технической реконструкции и является важнейшим условием подготовки, «скажем, ко второй половине второй пятилетки нового мощного разбега как в области строительства, так и в области прироста промышленной продукции» (С т а л и н).

Троцкий, в унисон со всеми злейшими врагами СССР старающийся вообще наши трудности роста использовать в качестве «доказательства» переменного кризиса советского хозяйства, смакует сейчас свой новый контрреволюционный лозунг отступления.

Надо ли много распространяться на счет того, что этот лозунг есть исключительный плод его антисоветских устремлений и находится в кричащем противоречии с действительностью. Темпы социа-

листического строительства подчинены основной задаче — развернутому наступлению социализма по всему фронту.

В первой пятилетке главным звеном этого наступления на фронте индустриализации было обновление основных фондов при опоре на старые, уже освоенные предприятия; это обусловило необходимость и возможность наиболее ускоренных темпов.

Во второй пятилетке основным звеном развернутого социалистического наступления является освоение новых технических возможностей, что обуславливает необходимость менее ускоренных темпов.

В разных условиях по-разному проявляется одна и та же закономерность социалистического наступления.

Социалистическое сельское хозяйство на подъеме

Народное хозяйство СССР опирается в своем развитии уже не на две разные основы, а на единую в основном базу крупной социалистической промышленности и крупного социалистического земледелия, чем достигнута историческая победа в решении наиболее трудной проблемы пролетарской революции — проблемы преодоления отставания мелкотоварного производства на базе его социалистической переделки.

В ходе развития сельского хозяйства со вступлением в реконструктивный период со всей отчетливостью обнаружилась угроза разрыва между обладающей преимуществами планового социалистического хозяйства крупной промышленностью и мелкотоварным хозяйством середняка с его крайне ограниченными возможностями роста в условиях реконструктивного периода. Но наряду с усилением отставания сельского хозяйства от промышленности усилились необходимые предпосылки для ликвидации этого отставания, предпосылки, обусловленные фактом еще более быстрого, чем это было намечено пятилеткой, роста социалистической индустрии и пролетариата, роста воздействия последнего на ход развития сельского хозяйства, предпосылки, созданные политикой решительного ограничения и вытеснения кулачества, предпосылки в виде гораздо более быстрого, чем это предполагалось пятилеткой, роста колхозного движения, приведшего уже весной 1929 г. к образованию значительного количества районов сплошной коллективизации, особенно в важнейших областях зернового хозяйства с крупными совхозами.

Перейдем к рассмотрению конкретной картины отставания мелкотоварного, мелкособственнического хозяйства, этой «второй основы» воспроизводственного процесса в нашей стране. Вот что говорят по этому поводу цифры (данные показывают движение в процентах по отношению к предыдущему году (см. табл. на стр. 75).

Эта таблица говорит о том, что в восстановительный период мы имели бурный рост и промышленности, и сельского хозяйства. «В итоге восстановительного периода бедняцкое и середняцкое хозяйство освоило не только свои наделные земли, но и основную часть бывших помещичьих, переданных ему казенных и тех кулацких земель, которые были отняты у кулаков». Рост сельского хозяйства с каждым годом все больше замедляется. Дальнейшие возможности расширенного воспроизводства уперлись в необходимость и изменения самого способа производства. Характерно при этом, что как видно из таблицы, рост валовой продукции систематически за все почти годы отстает от роста посевных площадей, рост товарности

Отрасли хозяйства	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Вся цензовая промышленность . . .	152,4	116,7	166,4	138,7	117,3	122,4	124,3
В том числе:							
группа А	163,8	109,7	159,3	137,9	124,8	118,5	124,8
группа Б	143,7	122,8	171,9	138,4	111,8	125,6	123,9
в том числе:							
хлопчато-бумажн. промышленность	145,0	155,2	173,9	136,1	119,7	125,8	105,4
сахарная	166,6	176,5	179,7	103,6	128,9	102,6	105,4
Сельское хозяйство							
Посевная площадь зерновых культур	118,7	105,4	105,3	107,3	101,0	97,1	104,1
Валовая продукция	101,9	89,5	145,2	104,9	99,9	100,7	97,8
Товарная продукция зерновых культур (в млн. рублей) ²¹	—	—	—	—	542,0	452,0	449,0
То же в процентах к предыдущему году	—	—	—	—	—	83,4	99,3
Товарная продукция хлопка	700,0	242,8	158,8	100,0	133,3	113,8	104,8
Товарная продукция свеклы	150,2	122,9	160,1	70,2	163,4	97,4	61,6

в свою очередь не менее систематически отстает от роста валовой продукции. По зерновым культурам за 1927, 1928 и 1929 гг. мы наблюдаем абсолютное падение из года в год количества товарного хлеба. По хлопку мы наблюдаем за те же годы систематически из года в год потухающую кривую роста товарности. И наконец по сахарной свекле также имелось падение товарной продукции.

Чем объясняется обнаружившаяся с такой резкостью именно в реконструктивный период неспособность мелкотоварного хозяйства к расширенному воспроизводству, почему она, эта неспособность, не проявилась в такой мере в период восстановительный? Потому что в восстановительный период исчерпывались и были в основном исчерпаны предоставленные бедняцко-средняцкому крестьянству возможности экстенсивного развития. «В итоге восстановительного периода бедняцкое и средняцкое хозяйство освоило не только свои наделенные земли, но и основную часть земель бывших помещичьих, переданных ему казенных и тех кулацких земель, которые были отняты у кулаков»²².

«Законом докапиталистических способов производства, — писал Ленин в «Развитии капитализма», — является повторение процесса производства в прежних размерах, на прежнем основании». Пока шла речь об экстенсивном развитии земледелия, о восстановлении сельского хозяйства, партия, активно влияя на процесс классового расщепления деревни путем ограничения кулачества и широкой помощи бедноте, сохранила бедняцкое мелкотоварное производство как центральную фигуру сельского хозяйства. Превращение бедняцкого, в основном натурального производства в средняцкое, мелкотоварное производство, восстановление подорванного войной средняцкого хозяйства, — в этом экономическая основа расширенного воспроизводства в сельском хозяйстве в годы восстановительного периода.

²¹ Данные в этой и следующей графе по сельскохозяйственным, а не календарным годам.

²² Резолюции XVI Всесоюзной партконференции, стр. 13.

В своей политике дифференциации партия исходила из замечательного указания Энгельса, который в своей работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» писал: «Чем больше будет число крестьян, которым мы не дадим спустить до пролетариев..., тем быстрее и легче совершится общественное преобразование».

Но партия никогда не исходила из возможности расширенного воспроизводства мелкотоварного хозяйства при сохранении его мелкотоварного характера. Мелкое товарное производство не может расширенно воспроизводиться, оставаясь мелкотоварным. Расширенное воспроизводство мелкотоварного хозяйства означает стихийное постоянное, ежечасное рождение капитализма, означает переход этого хозяйства на капиталистический путь развития.

Реконструкция центрального и основного массива земледелия — мелкотоварного производства — является невозможной при сохранении его мелкотоварного характера. Реконструкция сельского хозяйства, его механизация, его интенсификация возможны только и единственно на основе превращения мелкого производства в крупное, на основе следовательно изменения самого способа производства.

Вот почему с переходом к реконструктивному периоду и особенно с вступлением в первую пятилетку в такой категорической форме был поставлен вопрос: либо путь расширенного воспроизводства сельского хозяйства на капиталистической основе, либо путь расширенного воспроизводства сельского хозяйства на основе социалистической.

Постановка вопроса о расширенном воспроизводстве сельского хозяйства вне этих двух путей представляла собой правооппортунистическую утопию. Именно утопию, поскольку невозможно расширенное воспроизводство мелкотоварного хозяйства при сохранении этого его характера, именно правооппортунистическую утопию, поскольку отказ от реконструкции сельского хозяйства на социалистической основе под активным руководством и воздействием пролетариата означал бы стихийное развитие сельского хозяйства по капиталистическому пути, под активным руководством и воздействием кулака. Проблема расширенного воспроизводства сельского хозяйства была поставлена партией как проблема его социалистической переделки. Реконструкция сельского хозяйства и его коллективизация были поставлены как единая задача.

Расширенное воспроизводство в сельском хозяйстве, ликвидация обострявшейся диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством, реконструкция сельского хозяйства, его коллективизация, укрепление пролетарского руководства крестьянством, возможность перехода от ограничения и вытеснения кулачества к ликвидации его как класса на основе замены кулацкого производства совхозно-колхозным, — все это выступило с полной отчетливостью как неразрывно связанные между собой, взаимообусловленные стороны единой задачи классовой борьбы пролетариата, борьбы за окончательное решение вопроса «кто — кого» в деревне, за окончательную победу социалистической тенденции пролетариата над товарно-капиталистической тенденцией крестьянства.

Только при переходе к сплошной Коллективизации и ликвидации на ее базе кулачества как класса могла быть решена (и была решена проблема расширенного социалистического воспроизводства в первой пятилетке, только на этой базе можно было сделать решающие

шаги на пути к устранению главных диспропорций в нашем хозяйстве, обусловленных наличием двух разных основ его развития.

Первая пятилетка ознаменовалась коренной социальной реконструкцией сельского хозяйства и большим ростом его производитель-

Показатели реконструкции в сельском хозяйстве	1928 год	1932 год в % к 1928 году
	Стоимость основных производственных фондов (в млрд. руб.)	17,9
Доля с/х машин и тракторов в общем объеме вложений в сельском хозяйстве (в %)	18,5	169,2
Стоимость с/х машин (в ценах 1926/27 г. в млрд. руб.)	1,15	200,0
Количество тракторов в колхозах (в тыс.)	20	425,0
Число МТС	—	—
Посевная площадь совхозов (в млн. га)	1,7	794,1
Посевная площадь колхозов (в млн. га)	4,2	2180,9
Посевная площадь технических культур (в млн. га)	8,6	175,0
Валовой сбор хлопка (в% к довоенному)	100,0	163,5
Валовая продукция зерновых (в тыс. тонн)	71 700	108,6
Процент товарности зерн. вых культур	15,0	190,0

ных сил. За последние годы более 30 миллионов крестьян (14 млн. хозяйств) повернули на путь социалистического производства. Колхозы уже объединяют свыше 60% крестьянских хозяйств. Благодаря огромному росту совхозов и колхозов посевные площади увеличилась в СССР на 21 млн. га по сравнению с 1928 г. и на 30 млн. против довоенного. Радикально изменилась техника с.-х. производства. Допотопная соха исчезла, уступив свое место передовому трактору. Ручной посев в основном заменен сеялкой. Серп и коса оттеснены конным уборочным инвентарем и комбайном. Впервые появились в нашем сельском хозяйстве машины по уборке технических культур. Важнейшие итоги пятилетки в области реконструкции сельского хозяйства видны из приведенной выше таблицы.

УРОЖАЙНОСТЬ СОВХОЗОВ И КОЛХОЗОВ В 1931 г. ПО СРАВНЕНИЮ С ЕДИНОЛИЧНЫМИ ХОЗЯЙСТВАМИ-

	Главные зерновые культуры (% к сбору с гектара в единоличных хозяйствах)	
	совхозы	колхозы
УССР	126,9	104,3
Северный Кавказ	137,9	104,2
Средняя Волга	134,8	105,7
Нижегородский край	117,2	106,1
Западная область	118,0	103,1

По мере роста раздробленности хозяйства падала его товарность, по мере укрупнения сельского хозяйства (укрупнения на основе коллективизации) быстро увеличивается его товарность. Распыленное мелкотоварное хозяйство давало потухающую кривую роста посевных площадей, рост коллективизации привел к поднимающейся из года в год кривой роста посевных площадей. Правда, в 1931 г. валовая продукция зерновых культур оказалась несколько меньшей, чем в предыдущем, 1930 г., что объясняется засухой в ряде важнейших краев и областей. Но, несмотря на засуху, эта валовая продукция значительно выше, чем в 1929 г. В первые же годы своего массового развития колхозы и совхозы показали преимущества крупного социалистического земледелия перед мелкотоварным.

У колхозников на одно тягло приходилось в 1932 г. 7,5 га посевов, а на одно тягло в единоличном хозяйстве в 1928 г. приходилось только 4 га. На один колхозный двор приходилось посева в 1932 г. больше 6 га, а на одно единоличное хозяйство приходилось в 1932 г. 3,2 га посева.

«Уже теперь мы имеем такое, не могущее быть кем бы то ни было оспоренным, свидетельство производительности колхозного труда» (Яковлев).

Социалистический сектор сельского хозяйства (совхозы и колхозы) собирает с каждого гектара больше урожая, чем единоличные хозяйства. И это несмотря на то, что в наших колхозах еще уйма всяких недостатков, что в колхозах еще живы мелкособственнические и даже кулацкие пережитки, разжигаемые классовым врагом.

Правда, проблема радикального повышения урожайности в совхозах и колхозах еще только начинает решаться по-настоящему. Успешно решив задачу расширения посевных площадей, колхозы и совхозы должны перенести центр тяжести своей работы на борьбу за урожай, добиться решающих успехов и в этой области, ставшей теперь важнейшей. Но даже в первые годы своего существования, далеко не достаточно занимаясь борьбой за рост урожая, совхозы и колхозы показали и здесь преимущества крупного социалистического земледелия по сравнению с раздробленным мелкотоварным.

Зерновая проблема и проблема технических культур могли быть решены только на путях расширенного социалистического воспроизводства, на путях сплошной коллективизации. Обострявшееся несоответствие между быстро растущей потребностью города и промышленности в хлебе, хлопке, сахарной свекле, льне и т. д. и падавшей товарностью сельского хозяйства могло быть устранено и устраняется на деле только на базе социалистической переделки деревни. Новые пропорции развития зернового хозяйства и технических культур, необходимые с точки зрения расширенного социалистического воспроизводства, могли быть установлены и устанавливаются на деле не на базе сохранения «подвижного экономического равновесия» между двумя разными основами развития нашего хозяйства, а на основе переделки второй, мелкотоварной основы по образу и подобию первой, крупной промышленной, социалистической основы.

В сельском хозяйстве теперь создана база для значительного подъема урожайности. Все дело заключается в том, чтобы правильной

организацией работы максимально использовать эту базу. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов — вот ключ к большевистскому освоению выросших возможностей сельского хозяйства. Уже теперь имеются тысячи хорошо работающих вполне рентабельных колхозов. Они показывают всем остальным колхозам путь к превращению в высокорентабельные.

Совершенно так же стоит вопрос и в отношении проблемы животноводства, расширенного воспроизводства животноводческого хозяйства. Данные о товарности животноводства со всей ясностью показывают, где корни и основные причины затруднений в области животноводства. Если просмотреть эти данные за четыре предшествовавших сплошной коллективизации года, то можно увидеть систематическое снижение товарности животноводства. В 1926 г. товарный выход животноводства (по мясу и салу) составил 33,4% валовой продукции, в 1927—32,9%, в 1928—30,4%, в 1929—29,2%. Корни затруднений в области животноводства заложены в «неустойчивости и экономической ненадежности мелкого и малотоварного хозяйства по житноводству» (Сталин) ²⁶. Большую роль в сокращении животноводства сыграло бешеное сопротивление ликвидируемого кулачества, которое, широко используя извращение директив партии «левыми» загибщиками, добилось известного успеха в своей агитации за вырезку скота.

Животноводческая проблема (так же как зерновая), проблема ликвидации несоответствия между растущими потребностями пролетарского города и социалистической промышленности в мясе, коже, шерсти, молочных продуктах и резко отстающим животноводством, может быть решена и решается только на базе социалистической перedelки животноводства, на базе совхозов и колхозов.

Путь расширенного воспроизводства животноводческого хозяйства, есть путь его социалистического преобразования, путь расширенного социалистического воспроизводства.

Только на этом пути может быть решена и будет решена животноводческая проблема. Преимущество, которым мы обладаем для решения этой проблемы, заключается в том, что оно (решение) происходит в условиях преобладания и в деревне социалистических форм хозяйства, в условиях успешного решения на социалистических путях зерновой проблемы, которая является ключом для решения всех остальных проблем сельского хозяйства, для создания в частности мощной кормовой базы. Решение животноводческой проблемы, с другой стороны, требует более продолжительных сроков; оно затрудняется также тем, что у нас крайне недостаточный опыт ведения крупного животноводческого хозяйства и что мы еще не овладели техникой крупного животноводства.

Однако, несмотря на еще имеющиеся трудности можно уже вполне уверенно утверждать, что «в колхозах создана новая база для восстановления животноводства» (Яковлев). Уже имеется 91 тыс. ферм с поголовьем 5,5 млн. голов рогатого скота, 2,6 млн. свиней и 6,5 млн. голов овец и т. д.

Уже в 1931 г. по данным, оглашенным т. Куйбышевым в его докладе на пленуме ЦК, появились признаки значительного сдвига по свиноводству. Налоговый учет 1932 г. показал дальнейший рост свиного поголовья. В ЦЧО прирост взрослых свиней в 1932 г. по сравнению с 1931 г. составлял 40%, на Сев. Кавказе — 30%, по Средне-

²⁶ Отчет ЦК XVI партсъезду, стр. 29.

волжскому краю—40%. Подобный же прирост имеется и в других основных районах товарного производства. «Второе полугодие 1932 года показывает наступление перелома в росте стада и по всем остальным видам скота» (К у й б ы ш е в).

Первая пятилетка была периодом величайших социальных и технических сдвигов в нашей стране. Как в промышленности, так и в сельском хозяйстве на основе дальнейшего роста и укрепления социалистических форм хозяйства в огромных размерах выросли производительные силы. Важнейшая задача второй пятилетки — добиться полного овладения этими вновь созданными производительными силами, что вместе с тем предполагает необходимость дальнейшего роста производительных сил. Величайшие преимущества социалистической системы хозяйства уже доказаны на деле не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Эти преимущества особенно ярко выделяются на фоне все более углубляющегося кризиса капиталистической системы.

Наша страна обладает теперь передовой технической базой, позволяющей обеспечить значительный рост производительности труда пролетариев и колхозников.

Противоречие между наиболее передовой политической властью в мире и крайне отсталой техникой, о которой в свое время говорил В. И. Ленин, теперь уже снято в результате индустриализации и коллективизации.

Теперь борьбу за рост производительности труда уже не лимитирует техника,—теперь все зависит от нас самих, от нашего умения преодолеть сопротивление классового врага и по-большевистски организовать труд.

Правильное большевистское руководство — вот что полностью решает судьбу борьбы за выполнение качественных показателей как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Программные указания т. Сталина на последнем пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) должны лечь в основу работы на весь предстоящий период борьбы.

Сдвиги в соотношении классов

Наиболее ярким выражением итогов первой пятилетки является решающая победа социализма над капитализмом, достигнутая на основе большевистской политики индустриализации и коллективизации мелкого сельского хозяйства. —

Задачи и итоги каждого этапа борьбы за социализм партия намечает и оценивает, прежде всего исходя из соотношения основных классовых сил и необходимости изменения этого соотношения в пользу социализма. Исходя из анализа именно этого соотношения классовых сил и экономических укладов, т. Сталин на XVI съезде партии установил, что переходный период в 1930 г., после года великого перелома, как небо от земли, отличается от того этапа переходного периода, который рассматривается Лениным например в статье «О «левом» ребячестве». Исходя из этого коренного вопроса о соотношении классовых сил и необходимости решающего его (соотношения) изменения в пользу социализма, т. Сталин несколько ранее, на апрельском пленуме ЦК в 1929 г., поставил вопрос о г л а в-

ной задаче пятилетки как о задаче такого роста производительных сил, который обеспечивал бы достижение систематического перевеса социализма над капитализмом.

Так была определена нашей партией центральная, главная идея пятилетки. И с точки зрения осуществления этой главной, центральной идеи, с точки зрения соотношения сил в борьбе социализма против капитализма, победы социализма, победы партии в этой решающей области превосходят все самые смелые наши предположения.

Социализм победил внутри страны окончательно, а классовый враг находится на краю своей исторической могилы. Нет внутри нашей страны больше таких сил, которые были бы в состоянии повернуть движение вспять, к капитализму. Еще к началу пятилетки, в 1928 г., т. Сталин неоднократно подчеркивал все огромное значение известного ленинского положения о том, что «пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма», о том, что «мы корней капитализма не вырвали и фундамента, основу у внутреннего врага не подорвали»²⁷. За годы пятилетки пролетариат под руководством партии провел гигантскую работу по выкорчевыванию самих корней капитализма. Кулачество, которое к началу пятилетки располагало 600 млн. пуд. хлеба, из которых 130 млн. пуд. входило в товарооборот (при общем государственном плане хлебозаготовок в 666 млн. пуд.), лишено теперь своей производственной базы, разгромлено и в важнейших зерновых районах в основном ликвидировано. Партия добилась тем самым решающих успехов в преодолении противоречия между социалистической крупной индустрией, уничтожающей капитализм, и мелкотоварным крестьянским хозяйством, рождающим капитализм.

«Когда говорят: можно ли построить социализм своими собственными силами, то этим хотят сказать: преодолимы ли противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством в нашей стране, или не преодолимы»²⁸.

Так ставил вопрос т. Сталин. Достигнув охвата преобладающего количества крестьянских хозяйств социалистической колхозной формой, партия на деле доказала преодолимость этих противоречий, победоносно превращая возможность построения социализма в действительность.

Какой жалкий вид в свете этих итогов пятилетки имеет предсказание Троцкого, утверждающего с конца 1926 г., что «за 20 лет мы никак не построим социализма, при отсталости нашей крестьянской страны и за 30 лет не построим»²⁹.

Как смехотворны в свете итогов пятилетки «пророчества» верного теоретического оруженосца троцкизма — Преображенского, утверждающего, что «борьбу с товарным хозяйством мы будем вести через десять и через двадцать, и надо думать и через тридцать лет, будем вести и тогда, когда наша социалистическая промышленность... будет составлять, быть может, район в системе социалистического производства в Европе»³⁰ и т. д.

Победы пятилетки означают полный разгром и правооппортуни-

²⁷ Ленин, т. XXVI, стр. 46.

²⁸ «Вопросы ленинизма», изд. 1929 г., стр. 204.

²⁹ Стенографический отчет XV Всесоюзной партконференции, стр. 531.

³⁰ «Новая экономика», стр. 67.

стической концепции «врастания кулака в социализм», кулацки-реставраторского отрицания правыми уклонистами колхозного строительства как столбовой дороги для приобщения трудящегося крестьянства к социализму, для социалистической переделки крестьянства.

Ленин в своей статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», которую он назвал опытом «конспективного изложения самых существенных... мыслей по данному вопросу», подчеркивает, что «классы остались и останутся в течение эпохи диктатуры пролетариата. Диктатура может быть не нужна, когда исчезнут классы. Они не исчезнут без диктатуры пролетариата. Классы остались, но каждый видоизменился в эпоху диктатуры пролетариата; изменилось и их взаимоотношение»³¹. Этот исторический процесс видоизменения каждого из классов переходного периода и их взаимоотношений никогда еще не протекал так ярко, стремительно и бурно, как в течение первой пятилетки. Основные, решающие линии этого процесса следующие: 1) пролетариат гигантски укрепился как господствующий класс, утвердил за годы пятилетки принципы социализма во всех сферах народного хозяйства, создал собственную материальную базу для социалистической реконструкции всего народного хозяйства, для переделки крестьянства, для ликвидации капиталистических элементов, для переделки самого себя, для выполнения тем самым исторической миссии своей диктатуры — уничтожения классов вообще; 2) мелкобуржуазное крестьянство за годы пятилетки под руководством пролетариата окончательно повернуло на путь социалистического развития сельского хозяйства; 3) капиталистические элементы, в том числе их главный и наиболее многочисленный отряд — кулачество, разгромлены по всему фронту.

Самое главное в этом итоге — видоизменения за пятилетку каждого из классов и отношения между ними; самое главное, определившее весь итог, — это гигантское укрепление пролетариата как господствующего класса. Пролетариат заменил преобладание мелкого производства в стране преобладанием крупного социалистического производства; пролетариат превратил отсталую, аграрную страну в передовую, индустриальную, он создал экономическую базу для уничтожения классов и одновременно материальную основу переделки самого себя, о которой говорили основоположники марксизма.

В наших условиях речь идет не об освобождении техники от человека, не о господстве техники над человеком, как при капитализме, — в наших условиях речь идет о подчинении техники человеку, социалистическому работнику, и следовательно об овладении этим последним техникой.

В наших условиях внедрение машинной техники гигантски облегчает труд рабочего, открывает широчайшие возможности его политического и культурного роста, превращения рабочего не в придаток к машине, как это имеет место при капитализме, а в высококвалифицированного управляющего машиной. Вот почему пролетариат, создав крупную машинную индустрию, реорганизуя земледелие, создал тем самым материальную основу переделки самого себя, добившись в борьбе за пятилетку огромных успехов и в этом отношении. В плане брошюры «О диктатуре пролетариата» Ленин, перечисляя новые формы классовой борьбы, пишет:

³¹ Ленин, том XXIV, стр. 513.

«... (5) Воспитание новой дисциплины.

(а) Диктатура пролетариата и профессиональные союзы.

(б) «Коммунистические субботники».

(в) Очистка партии и ее роль.

(г) Премия и сдельная оплата»³².

За годы пятилетки в масштабах, прежде невиданных, достигнуты победы на фронте классовой борьбы за воспитание новой дисциплины. Школа коммунизма — профсоюзы — теперь обучает новой дисциплине, социалистической дисциплине вдвое больше пролетариев, чем к началу пятилетки. Само это «обучение» поднялось на неизмеримо более высокую ступень. Коммунистические субботники, которые Ленин считал зачатком нового отношения к труду, выросли в ударное движение миллионов пролетариев, охваченных социалистическим соревнованием.

Не так давно вся страна отмечала как одно из завоеваний пятилетки победу Сталинградского тракторного завода. В цифрах овладения проектной мощностью этого индустриального гиганта выражена не только победа высокой машинной техники, но и прежде всего победа людей над этой машинной техникой, победа рабочего класса, который созданными им новыми формами труда, социалистическим соревнованием, ударничеством развивает и укрепляет социалистические производственные отношения, активно перевоспитывая самого себя и те миллионы, которые ежегодно вливаются в ряды рабочего класса.

Исторической заслугой т. Сталина является то, что своими работами о шести условиях победы, своей постановкой вопроса об освоении новой техники как центральной задаче второй пятилетки, он дал развернутую программу классовой борьбы пролетариата за переделку самого себя в коллектив социалистических работников. Шесть сталинских условий, сталинская постановка вопроса об овладении техникой — это программа борьбы за социалистическое отношение к труду, против инертности и косности мелкого производства, против мелкобуржуазной неорганизованности, стихийности.

Ведь именно проявлением этой мелкобуржуазной стихийности является текучесть рабочей силы. Именно проявлением косности мелкого производства, архаичности принципа «равенства товарладельцев» (Ленин) являются уравнительные тенденции. Именно проявлением мелкобуржуазной стихийности, неорганизованности является обезличка. Овладение техникой — это не только сумма технических знаний (при всем огромном их значении) или правильных представлений о машине как таковой; овладение техникой — это сплошь и рядом приобретение совершенно новых трудовых навыков, это — новая, высшая организация труда, новая дисциплина труда.

Процесс создания новых форм труда, новой дисциплины труда идет у нас широко и быстро. Неправильно было бы понимать этот процесс узко, ограниченно, только как процесс развития объективных тенденций переработки машиной, техникой человека, вне связи с субъективным фактором, вне связи с социалистическими производственными отношениями, которые созданы и расширенно производятся пролетариатом. Этот процесс есть процесс классовой борьбы пролетариата в самых разнообразных ее формах,

³² Ленин, том XXV, стр. 7.

классовой борьбы, которая сочетает в себе беспощадное подавление классовых врагов, расползшихся по стране, побравшихся на наши фабрики и заводы, борьбы против прихвостней классового врага (жуликов, хулиганов и неисправимых туеядцев), борьбы, которая сочетает в себе подавление и принуждение с огромной организаторской работой по настойчивому перевоспитанию, по упорной переделке сознания миллионов. Рабочий класс в борьбе за пятилетку поднял себя прежде всего на новую историческую ступень. Пролетариат до пятилетки не имел таких гигантских успехов в овладении наукой управления огромной страной, организации производства, организации величайшей политической и культурной работы, организации невиданной нигде в мире строительной работы.

Рост производительности труда, создание новой дисциплины труда на основе освоения новой техники, упор на качество социалистического труда при наличии уже необходимой материальной базы и дальнейшем расширении последней, — это есть то решающее, что превращает трудящихся теперешнего классового советского общества в социалистических работников, что приведет во второй пятилетке к уничтожению классов, т. е. к построению полного социализма. Та же закономерность, которая действовала в этом отношении в первой пятилетке — закономерность уничтожения классов, — действует теперь во второй пятилетке на гигантски расширенной основе.

Поднимая себя на новую историческую ступень на базе создания крупной машинной индустрии, пролетариат на этой же основе в огромной мере укрепил свою производственную смычку с колхозным крестьянством, в огромной мере укрепил свое руководство этим последним, окончательно завоевал в жестокой классовой борьбе переход основных крестьянских масс на путь социализма. Колхозное хозяйство превратилось в прочную опору социалистического строительства. Победа колхозного строя — это величайшая победа дела уничтожения классов пролетариатом, изменившая коренным образом соотношение классовых сил в стране к началу второй пятилетки.

Этой исторической победы в деле уничтожения классов пролетариат и его партия в противовес правооппортунистическому буржуазному либерализму добились отнюдь не на основе мелкобуржуазной идеализации своего союзника — крестьянства. Когда Ленин и Сталин указывали на существование двух основных классов переходного периода (пролетариат и крестьянство), то это не имеет ничего общего с пресловутой бухаринской «двухклассовой моделью», которая исключала из анализа переходной экономики капиталистические элементы. Ставя вопрос о построении социализма как вопрос о преодолении противоречий между пролетариатом и крестьянством, т. Сталин исходил при этом из двойственной природы крестьянина и из возможности преодоления и разрешения этих противоречий. Он исходил следовательно из возможности социалистической переделки мелкотоварного хозяйства в условиях пролетарской диктатуры при активном руководстве со стороны пролетариата крестьянством и борьбе против его товарно-капиталистической тенденции как основной тенденции последнего. Наличие этого противоречия между пролетариатом и крестьянством предполагает наличие антагонизма в переходной экономике между социализмом и капиталистическими элементами, поскольку мелкотоварное хозяйство постоянно и стихийно рождает капитализм. Вот

почему процесс преодоления противоречия между пролетариатом и крестьянством на основе социалистической переделки крестьянства есть вместе с тем процесс преодоления антагонистического противоречия переходной экономики — противоречия между социализмом и капитализмом внутри страны.

Переведя большинство крестьянства на социалистический путь развития, осуществляя сплошную коллективизацию, пролетариат и его партия добились за годы пятилетки важнейших успехов в преодолении противоречия между пролетариатом и крестьянством, между крупной социалистической индустрией и раздробленным мелкосо-бственническим сельским хозяйством. Осуществляя на базе сплошной коллективизации политику ликвидации кулака как класса, партия и рабочий класс добились за годы пятилетки величайших успехов в деле разгрома капиталистических элементов внутри страны. Капитализм разгромлен по всему фронту, а социализм по всему фронту вышел победителем.

Тем самым по-новому ставится вопрос о разноукладности нашего хозяйства. Сейчас уже нельзя говорить о социалистических формах хозяйства только как о ведущем секторе переходной экономики. Не случайно т. Молотов в своем докладе на последнем объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) подчеркнул, что правильно говорить не о социалистическом секторе, а о социалистических формах хозяйства. В самом деле «сектор», который уже в четвертом году пятилетки составлял девять десятых всего народного дохода (87%), «сектор», который целиком и безраздельно господствует в промышленности (социалистическая индустрия является теперь единственной формой индустрии в СССР), «сектор», который объединяет четыре пятых всех посевных площадей, абсолютно преобладает и в сельском хозяйстве, — такой «сектор» уже не просто сектор, а форма хозяйства, находящаяся накануне того, чтобы стать единственной формой хозяйства в нашей стране. Эту задачу пролетариат решает и победосно решит во второй пятилетке.

Важнейшим условием решения этой задачи является правильная политика пролетариата по отношению к крестьянству. На всех этапах, в разных условиях и в разной обстановке проблема отношения этих двух основных классов являлась главной проблемой социалистического строительства. На всех этапах партия, руководя политикой пролетариата по отношению к крестьянству, осуществляла ленинский принцип соглашения (союза) с крестьянством, исходящий из руководящей роли пролетариата в этом союзе и неослабевающей борьбы против капиталистических элементов в стране, в частности против кулачества.

Наша страна подходила к пятилетке в обстановке обострения классовой борьбы. Кулачество, организовав в 1928 г. саботаж хлебозаготовок, хотело прощупать голодом пролетарскую диктатуру, вынудить ее на уступки капиталистическим элементам, а тем самым ослабить союз пролетариата с середняком. Правая оппозиция исходила целиком из этой кулацкой программы. Правые требовали не мешать кулацкому производству, отказаться от чрезвычайных мер по отношению к кулаку. Беспощадный большевистский нажим на кулака в 1928 г., осуществленный вопреки правой оппозиции, в борьбе с ней, был одной из решающих предпосылок года великого перелома. На базе борьбы с кулаком и его правооппортунистической

агентурой партия добилась поворота середняка на путь социализма, перехода к сплошной коллективизации, добилась тем самым перехода пролетарской революции в следующий, высший этап, добилась вступления СССР в период социализма.

В отношении оценки итогов пятилетки в сельском хозяйстве жалкие остатки разгромленных партией правооппортунистической и троцкистской оппозиций стоят в одной шеренге с наиболее оголтелой частью лагеря международной буржуазии. Отстаивая программу восстановления кулачества, ликвидации совхозов и колхозов, контрреволюционная группа Рютина—Слепкова, а вслед за ней группа Эйсмонта—Смирнова повторяли-зады самой реакционной, самой черносотенной буржуазной прессы насчет провала пятилетки в сельском хозяйстве. Характерно, что на этой махрово-кулацкой, подлинно термидорианской платформе объединились вместе с откровенными правыми оппортунистами и ближайшие соратники Троцкого: Зиновьев, Каменев и присные. Это не случайно. 10-ов Сталин на XVI съезде партии блестяще разоблачил поганенькое капитулянтство троцкистского варианта промышленной пятилетки (так называемой пятилетки Освока), исходившей из «потухающей кривой» индустриализации страны в реконструктивный период.

Согласно троцкистскому варианту перспектив развития нашей страны, весь процесс реконструкции должен был «протекать очень медленно»³³, как «пророчествовал» Преображенский. Намечался такой быстрый рост частнокапиталистических элементов, что их кредитование должно было превратиться «в одно из важнейших орудий перераспределения национального дохода»³⁴. Крестьянское хозяйство должно было, по «наметкам» троцкистов, интенсивно развиваться по капиталистическому пути, поскольку расписанный Преображенским в качестве перспективы огромный рост доходов деревни (втрое!) должен был быть достигнут на базе товарного хозяйства, которому и Троцкий и Преображенский пророчили весьма долголетнее существование (30—50 лет как минимум), отрицая возможность социалистической переделки крестьянства пролетариатом и колхозы как социалистическую форму хозяйства³⁵.

С этой точки зрения особенно смехотворно звучали «утешительные» троцкистские «прогнозы» о том, что «через процесс обращения крестьянское хозяйство будет все более и более втягиваться в социалистическую орбиту»³⁶. Быстро развивающийся по капиталистическому пути способ производства будет втягиваться в социалистическую орбиту через процесс обращения! Подобного рода отравленные басни контрреволюционные троцкисты, точно так же как и правые оппортунисты, целиком заимствовали из вульгарной меновой концепции, своих социал-фашистских соратников.

В непримиримой борьбе с контрреволюционным троцкизмом, в беспощадной борьбе на два фронта — против правого оппортунизма как главной опасности и против «левого» уклона — партия добилась исторической победы первой пятилетки.

Начало борьбы за вторую пятилетку не случайно совпало с облачением «новых» группок окончательно переродившихся оппозиционеров, пытающихся с позиций контрреволюции бороться против

³³ «Ночная экономика», стр. 108.

³⁴ Там же, стр. 88.

³⁵ Там же, стр. 43.

³⁶ Там же, стр. 269.

генеральной линии партии и прежде всего против большевистского руководства партией во главе с т. Сталиным. Буржуазные перерожденцы, твердя зады кулачья, потеряли всякую способность видеть, что нынешние трудности хлебозаготовок — это трудности высшего этапа классовой борьбы за социализм. К началу пятилетки партия вела борьбу за 700 млн. пуд. хлеба, за переход середняка на путь социализма. Разбив кулачество, разбив правую оппозицию, партия добилась того, что середняк повернул окончательно на путь социализма. Сейчас, в начале второй пятилетки, партия ведет борьбу за 1 200—1 400 млн. пуд. хлеба, вдвое больше против начала первой пятилетки. Сейчас партия, выдвигая на центральное место задачу организационного укрепления колхозов и большевистского руководства ими, ведет на этой основе борьбу за переделку колхозного крестьянства в работников бесклассового социалистического общества.

Два этапа, две исторических ступени борьбы за социализм, расстояние между которыми партия прошла в четыре года первой пятилетки. И, так же как прежде большевистская борьба за хлеб, против кулака и его агентуры была мощным рычагом продвижения вперед всего дела завершения фундамента социалистической экономики, так и теперь большевистская борьба за хлеб, против кулака и его агентуры на новом этапе при новых условиях является важнейшим рычагом продвижения вперед всего дела построения на уже завершенном фундаменте бесклассового социалистического общества.

Ленин указывал, что борьба за хлеб — это борьба за социализм. Вся история классовой борьбы пролетариата за переход сельского хозяйства на социалистический путь развития постоянно подтверждала это ленинское указание. Сила кулачества до года великого перелома определялась прежде всего его позициями в производстве хлеба, этой «валюты валют». Задача ликвидации чрезмерного отставания сельского хозяйства упиралась прежде всего в необходимость решения зерновой проблемы, которая «является основным звеном в системе сельского хозяйства» (Сталин). Партия подчеркивала неоднократно, что именно решение зерновой проблемы является ключом к решению всех других проблем сельского хозяйства.

Тов. Сталин в своей последней замечательной речи «О работе в деревне» именно в свете борьбы за хлеб дал блестящий анализ наших недостатков и наших задач в области социалистической переделки крестьянства, развернув программу дальнейшего наступления на капитализм в деревне на данном этапе. Эта программа, исходя из того, что колхозный строй победил окончательно, ставит в центр внимания партии задачу организационного укрепления колхозов и совхозов. Успех в решении этой задачи в значительной степени зависят от преодоления оппортунистической идеализации колхозов, имеющей место в ряде организаций нашей партии. Мелкобуржуазная идеализация колхозов основана на непонимании важнейшего положения марксизма-ленинизма о том, что «сознание людей отстает в своем развитии от фактического их положения. Колхозники по положению уже не единоличники, а коллективисты, но сознание у них пока еще старое, частнособственническое»³⁷. Вредными, оппортунистическими являются всякие теории (имевшие особенное хождение среди экономистов например на Северном Кавказе), счи-

³⁷ Сталин, Доклад на январском пленуме ЦК ЦКК ВКП(б).

тающие, что колхозное крестьянство — это уже не класс, так же как вредными, оппортунистическими являются теории, рассматривающие колхозника как некий новый класс. Колхозное крестьянство еще класс, но не новый класс. Это значит, что еще полностью не уничтожена двойственная природа крестьянина, хотя соотношение между двумя его сторонами (крестьянин-трудящийся, с одной стороны, крестьянин-собственник — с другой) и изменилось принципиально, коренным образом в результате поворота крестьянства на путь социализма. Поэтому требование т. Ленина — неуклонно вести линию разграничения этих двух сторон крестьянина (Ленин видел в этом «суть социализма», уничтожение классов) — сохраняет всю свою силу и сейчас. Это ленинское указание блестяще развито т. Сталиным, применительно к данному этапу, в речи «О работе в деревне». Данный т. Сталиным анализ новой обстановки в деревне, созданной введением колхозной торговли хлебом, указание на то, что колхозная торговля не могла не вызвать у крестьян известной сдержанности в деле сдачи хлеба государству, стремления попридержать хлеб и продать его по более высокой цене свидетельствуют как раз о необходимости трезвого учета двойственной природы крестьянства. Отрицание того, что колхозное крестьянство еще класс, дает как раз теоретическую основу для его мелкобуржуазной идеализации, плодившей в практике работы в деревне забвение задачи заготовки хлеба для пролетарского государства как первоочередной задачи, в связи оппортунистическим «расчетом» на то, что заготовки после проведения коллективизации пройдут самотеком. «Наши деревенские коммунисты, по крайней мере большинство из них, раскусили колхозную торговлю лишь с ее положительной стороны, поняли и усвоили ее положительную сторону, но совершенно не поняли и не усвоили отрицательной стороны колхозной торговли, не поняли того, что отрицательные стороны колхозной торговли могут причинить большой вред государству, если они, т. е. коммунисты, не начнут с первых же дней уборки хлеба подгонять во всю хлебозаготовительную кампанию»³⁸.

Из всего сказанного очевидна исключительная важность стоящей перед теоретическим фронтом задачи глубокой марксистско-ленинской разработки вопросов классовой природы колхозного крестьянства на данном этапе его социалистической переделки на основе учения Ленина и Сталина, на основе того богатейшего материала, который дает сама жизнь, сама практика упорной классовой борьбы за социализм.

Само собой разумеется, что двойственная природа колхозного крестьянства глубоко отлична от двойственной природы крестьянства до его перехода на путь сплошной коллективизации. С осуществлением сплошной коллективизации и ликвидации на ее базе кулачества как класса товарно-капиталистическая тенденция крестьянства утрачивает производственную базу для своей реализации. Большевицкая политика смычки, большевицское руководство пролетариата колхозным крестьянством, подведение материальной (индустриальной) базы под социалистическую переделку крестьянства привели к тому, что неуклонно побеждает социалистический путь развития в деревне.

Материальной основой этого процесса является растущая бурными темпами тракторизация, механизация колхозного производства,

³⁸ Сталин, О работе в деревне.

приведшая к тому, что в средствах производства колхозов, обслуживаемых МТС, преобладают уже государственные, а не артельные средства производства.

Окончательное решение вопроса «кто — кого» и в деревне в пользу социализма не исключает, а предполагает обострение классовой борьбы, особенно в отдельные моменты и на отдельных участках, поскольку, с одной стороны, кулачество хотя и разгромлено, но окончательно еще не уничтожено, а с другой — вступление большинства крестьян в колхозы ни в коем случае не означает превращения сразу, одним махом вчерашних мелких собственников с их двойственной природой в последовательных социалистов, в законченных коллективистов.

Партия, исходя из ленинской теории, из богатейшего опыта своей борьбы знает, что решение задачи — окончательно добить кулака — является важнейшим условием победы в борьбе за организационное укрепление колхозов.

Партия исходит из того, что процесс социалистической переделки крестьянства происходит не самотеком, не по правооппортунистическому принципу мирного вращивания в социализм, партия исходит из того, что этот процесс есть процесс упорной классовой борьбы. Тов. Бухарин писал, что после завоевания власти пролетариатом «дальнейшее развитие к социализму идет эволюционным путем и не может идти иначе. То есть, другими словами, после завоевания власти рабочим классом и начинается действительное вращивание в социализм»³⁹. Таковы исходные установки правооппортунистической концепции, ревизующие марксо-ленинское учение о переходном периоде как периоде революционного преобразования капитализма в социализм, как периоде уничтожения старого, возникновения и развития нового, борьбы нового со старым, победы нового над старым, подменяющие большевистскую форму классовой борьбы «за социализм оппортунистической формулой «склеивания различных частей общественного целого»⁴⁰. Партия разгромила правооппортунистическую концепцию вращивания кулака в социализм. Но это только часть всей теории вращивания в социализм», эволюционного развития переходной экономики в социалистическую. Задача заключается в том, чтобы усилить разоблачение теории «вращивания» во всех ее проявлениях. Одним из основных ее проявлений на данном этапе являются имеющие распространение взгляды, что после организации крестьян в колхозы дело развития колхозного движения пойдет самотеком, по пути вращивания колхозов в социализм. Эта постановка вопроса враждебна ленинизму. Победа колхозного строя не снимает классовой борьбы, а даже обостряет ее, особенно в отдельные моменты, причем теперь центр тяжести борьбы с кулаком перенесен внутрь колхоза. Здесь идет упорная борьба за социалистическую переделку колхозника, за заполнение социалистической колхозной формы большевистским, социалистическим содержанием.

Вот почему партия указывает, что «партийцы и комсомольцы не должны бояться борьбы внутри колхозов и совхозов за изоляцию и изгнание антиобщественных, противоклхозных элементов, ошибочно полагая, что такая борьба может нарушить единство колхоза или совхоза. Нам нужно не всякое единство. Нам нужно такое един-

³⁹ Н. Бухарин, Сборник «Атака», стр. 275—276.

⁴⁰ Там же, стр. 257.

ство в колхозе или совхозе, которое обеспечивает руководство и главенство большевистского ядра, поддерживаемого (беспартийным активом)»⁴¹.

В этой связи следует указать на безусловную ошибочность характеристики нынешних единоличников как некоей «социальной дробы», трактующей этих единоличников в качестве особой классовой группы. Конечно между колхозником и единоличником существует глубокая разница. Но колхозное крестьянство, хотя оно и принципиально отлично от единоличного, является еще классом, потому что оно еще связано с ним очень многими нитями, которые не рвутся сразу фактом вступления в колхоз, потому что колхозник имеет еще частную собственность на некоторые средства производства и может выступать как продавец сельскохозяйственных товаров из той доли общей продукции колхоза, которую он получает по трудодням. Кроме того колхозник по сознанию своему еще мелкий собственник. Последняя ставка кулачества, вредительских, контрреволюционных элементов заключается в том, чтобы, разжигая еще сохранившиеся мелкособственнические инстинкты колхозников, развалить колхоз изнутри.

Новая тактика классового врага, прекрасно проанализированная т. Сталиным в речи «О работе в деревне», заключается в приспособлении кулачества к новой обстановке, созданной окончательной победой колхозного строя. Самый факт перехода кулачества от открытых форм борьбы к скрытым, замаскированным свидетельствует о величайших победах партии в деле социалистической переделки крестьянства.

В 1918 г. Ленин писал: «Реставрация буржуазной эксплуатации грозила нам вчера в лице Корниловых, Гоцов, Дутовых, Гегечкори, Богаевских. Мы их победили. Эта реставрация, та же самая реставрация грозит нам сегодня в иной форме, в виде стихии мелкобуржуазной распушенности и анархизма, мелкособственнического «моя хата с краю», в виде будничных, мелких, но зато многочисленных наступлений и нашествий этой стихии против пролетарской дисциплинированности. Мы эту стихию мелкобуржуазной анархии должны победить, и мы ее победим»⁴².

Сегодня нам внутри страны уже не грозит реставрация, ибо социализм настолько победил, а капитализм настолько разгромлен, что всякие возможности восстановления капиталистического строя силами внутренних врагов в нашей стране полностью и окончательно исключены. Еще в 1925 г. т. Сталин, анализируя итоги перевыборов советов, подчеркнул, что они вскрыли «тот несомненный факт, что в целом ряде районов нашей страны середняк оказался на стороне кулака, против бедняка»⁴³. Эти времена безвозвратно прошли для кулака. Больше того, кулачество уже не в состоянии, как это еще имело место в 1930 г., открыто провоцировать середняка к выходам из колхозов. Несмотря на серьезные ошибки, имевшие место в ряде местных (в том числе и областных) организаций, подвергнутые развернутой критике в речи т. Сталина на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), кулачеству не удалось в 1932 г. вызвать отлив из колхозов. Средняк не хочет уходить из колхоза; он в нем прочно и

⁴¹ Резолюция январского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) по докладу т. Кагановича.

⁴² Собр. соч. т. XXII, стр. 464.

⁴³ «Вопросы ленинизма», стр. 213.

окончательно утвердился. Но было бы наивно полагать, что тем самым уже полностью покончено с мелкобуржуазной распушенностью, с анархизмом, с мелкособственническим «моя хата с краю», о чем писал Ленин. Все эти проявления мелкобуржуазной стихии, еще имеющие место в колхозе, кулачество, контрреволюционные, вредительские элементы и пытаются широко использовать, чтобы тихой сапой, повседневной, будничной дезорганизаторской «работой» по расхищению общественной собственности, расшатыванию трудовой дисциплины и т. п. свести на-нет все огромные преимущества колхозной формы производства, разложить колхоз изнутри, показать крестьянам, что в колхозе оставаться невыгодно, дискредитировать колхоз в глазах крестьянских масс. В этом заключается сейчас существо тактики классового врага, сменившего в основном открытые формы борьбы против колхоза на скрытые, на словах очень часто выступающего даже «за» колхоз.

«Силы ликвидируемых нами остатков враждебных классов тают; однако их еще подкрепляют не только морально, но и материально непримиримо враждебные к стране, строящей социализм, иностранные буржуазные круги»⁴⁴. К услугам этих кругов вся навозная куча белогвардейской эмиграции, содержанки генеральных штабов международных интервентов. Большинство чахлах белоэмигрантских листов и сейчас тянет песню о «провалах» и «крахах» советской власти, расписывает все наше строительство как «потемкинские деревни» и т. д. Вот уже 15 лет раздаются эти громы из навозной кучи. К ним перестали прислушиваться наиболее умные люди даже из лагеря буржуазных покровителей белогвардейщины. Одновременно та группа эмиграции, которая более трезво оценивает победы социализма, меняет тактику своей борьбы, формулируя для остатков враждебных нам классов внутри страны новые лозунги борьбы против диктатуры пролетариата. В этом отношении стоит остановиться на «полемике» одного из видных представителей белой эмиграции И. И. Бунакова с неудачливым кандидатом в Наполеоны русской буржуазии небезызвестным Керенским. Этот хлестаковский типа болтун и хвастунишка с предельной откровенностью мечтает вслух на эмигрантских собраниях о водворении на прежние насиженные места господ фабрикантов и помещиков, о беспощадной расправе с большевистской диктатурой. Верный соратник и друг Керенского, матерой белогвардеец Бунаков — враг более умный. Никаких расхождений с Керенским в программе реставрации капитализма у Бунакова конечно нет. Расхождения касаются исключительно тактических вопросов. «Зачем, — восклицает Бунаков, — А. Ф. Керенский так упорно противопоставляет советскому хозяйству капиталистическое. Можно ли делать такие тактические ошибки... Керенский не ощущает всей назревающей катастрофы. Он не чувствует, что земля трясется и уходит из-под ног...». Да, земля действительно уходит из-под ног. Полный и жалкий крах «расчетов» международной буржуазии и белогвардейщины на срыв пятилетки, на срыв индустриализации, на срыв коллективизации ставит крест на связанных со всем этим надеждах на реставрацию капитализма в СССР. И Бунаковы, единственная мечта которых посадить на шею советским пролетариям капиталистов, а крестьянам — помещиков и кулаков, — Бунаковы меняют тактику. Они для вида прячут в карман свою действительную программу кровавого подавления про-

⁴⁴ В. Молотоз, Доклад на январьской сессии ЦИК СССР.

летарской революции. Они предлагают новый план действия. Бунаков объявляет себя даже сторонником... индустриализации, но... без пятилетки. Он заявляет, что стоит за советы, но конечно «за честные и свободные советы», т. е. за советы без коммунистов. Бунаков идет еще дальше. Этот представитель самого правого крыла право-эсеровской кулацко-помещичьей партии объявляет себя другом... колхозов. Он, видите ли, только против «насильственной коллективизации, за свободу выхода из колхоза». Вообще же Бунаков предлагает белогвардейщине заявить, что «мы (т. е. они — белогвардейцы.— Авторы) против восстановления миллионов межей, — мы будем вести пропаганду за артельную и кооперативную обработку полей».

Исторические победы пятилетки, победа колхозного строя вынудили верных помещичьих холопов рядиться в одежды друзей колхоза и даже «пропагандистов» в области коллективизации. Нельзя не видеть теснейшей связи между этой новой тактикой господ Бунаковых и новой тактикой кулачества внутри нашей страны. Ленин в свое время разоблачил истинную природу лозунга вдохновителя кронштадтского восстания Павла Милюкова — «советы без коммунистов». Бунаковщина есть прямое продолжение милюковщины применительно к данному этапу, когда конечно о Кронштадте и мечтать нечего, но когда еще можно пытаться тихой сапой вредить и пакостить, разлагая колхозы изнутри. Враг перестроился. Он понял, что колхозная форма победила, завоевала уже твердо основные массы крестьянства, и поэтому враг ставит своей задачей всюду, где только удастся, заполнить эту форму своим, враждебным ей содержанием и этим путем постепенно пытаться привести ее к взрыву. Перед всей партией стоит задача — усвоить новую тактику кулачества, чтобы суметь ловить его у каждой новой лазейки, в которую он пытается пролезть, — ловить и беспощадно добивать.

В решении единой задачи организационного укрепления колхозов и окончательного уничтожения капиталистических элементов известную и притом весьма важную роль играет принуждение. Этого не хотят понять только либералы из правооппортунистических перерожденцев. Это и по адресу таких либералов Ленин писал: «Они «готовы» были бы признать социализм, если бы человечество перескочило к нему сразу, одним эффектным прыжком, без трений, без борьбы, без скрежета зубами со стороны эксплуататоров, без многообразных попыток с их стороны отстоять старину или вернуть ее обходом, тайком, без новых и новых «ответов» революционно-пролетарского насилия на такие попытки. Эти интеллигентские прихлебатели буржуазии «готовы» вымыть шкуру, по известной немецкой поговорке, только с тем чтобы шкура все время оставалась сухой». Ильич с большевистской уверенностью в победе тут же продолжает: «...чем разнообразнее будут попытки, пути эксплуататоров отстоять старое, тем скорее будут пролетариат выгонять своих классовых врагов из последних их закоулков»⁴⁵.

В другом месте Ленин пишет: «И, разумеется, все элементы разложения старого общества, неизбежно весьма многочисленные, связанные преимущественно с мелкой буржуазией... не могут не «показать себя» при таком глубоком перевороте. А «показать себя» элементы

⁴⁵ Собр. соч., т. XXII, стр. 156—157; разр. наша.

разложения не могут иначе, как увеличением преступлений, хулиганства, подкупа, спекуляций, безобразий всякого рода. Чтобы сладить с этим, нужно время и нужна железная рука»⁴⁶.

Ленин гениально предвидел все многообразие попыток классового врага вернуть старину «обходом, тайком». Ленин требовал применения революционного насилия, железной руки пролетарской диктатуры для беспощадной борьбы с такими попытками. Сила принуждения пролетарской диктатуры в том, что она применяется огромным большинством трудящихся против ничтожного меньшинства паразитических капиталистических элементов и их помощников — жуликов, воров, тунеядцев. Сила принуждения пролетарской диктатуры заключается в том, что она сочетается с огромной большевистской работой по убеждению, перевоспитанию миллионов.

Наконец сила принуждения пролетарской диктатуры заключается в том, что она базируется на сочетании личного интереса колхозника с интересом пролетарского государства в целом при решающей роли второго. Достаточно просмотреть все решения партии по вопросам колхозного строительства хотя бы за последний период, чтобы в этом убедиться. Возьмем например решение партии о колхозной торговле, свидетельствующее в частности вопреки «левакам» о борьбе партии за дальнейшее укрепление торговой смычки на производственной базе. Оно, это решение, исходит из необходимости первоочередного выполнения государственного плана заготовок, обязательств перед государством. Оно при большевистском его проведении воспитывает в колхознике сознание ответственности за выполнение социалистического плана заготовок, производственного плана колхозов, одновременно заинтересовывая лично каждого колхозника в выполнении этих планов, поскольку это именно и обеспечивает колхознику получение большего количества хлеба и большие ресурсы для колхозной торговли. Или например последнее решение ЦК и Совнаркома об обязательной поставке зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами — разве оно, это решение, требуя со всей твердостью безусловного первоочередного выполнения в точно установленные сроки имеющих силу налога обязательств перед государством, не связано вместе с тем с принципом создания личной заинтересованности каждого колхозника в выполнении этих обязательств!

Данные о затратах труда на производство хлеба в колхозах и единоличных хозяйствах свидетельствуют об огромных преимуществах колхозов перед единоличными хозяйствами. Между тем в ряде колхозов эти преимущества не дают себя чувствовать, потому что слаба дисциплина, велики прогулы, отсутствуют учет и контроль над мерой труда и мерой потребления. Наряду с тысячами прекрасных колхозов, которые показывают завтрашний день всего колхозного движения, имеются и такие колхозы, которые в силу указанных причин еще далеко не показывают на деле колхознику всех гигантских преимуществ обобщественного производства.

Ленин писал, что мелкобуржуазная стихия сказывается именно в том, что слабо сознание связи всех наших недостатков «с распушенностью всех и каждого в деле организации и дисциплины, что держится прочно мелко собственнический взгляд: мне бы урвать побольше, а там хоть трава не расти»⁴⁷. Нечего доказы-

⁴⁶ Собр. соч., стр. 458—459; разрядка Ленина.

⁴⁷ Собр. соч., т. XXII, стр. 460.

вать, что этот взгляд еще имеет место в наших колхозах, что задача преодоления этого взгляда должна стоять в центре работы политотделов и парторганизаций. Важнейшее дело при этом — показать и доказать колхознику на многочисленных конкретных примерах, как распушенность, недисциплинированность, слабая охрана общественной собственности, подрывая интересы пролетарского государства, колхоза в целом, подрывают одновременно материальное благополучие самого колхозника.

Особенно огромное значение для данного этапа колхозного строительства имеют учет и контроль. В резолюции пленума по докладу т. Кагановича указывается, что наши колхозы и совхозы переживают в своем организационном строительстве приблизительно такой же период, какой переживали наши фабрики и заводы в 1920—1921 гг. Из этого вытекает между прочим двойная актуальность всего того, что говорил и писал в тот период Ленин об учете и контроле, всего того, что разработано в этой области т. Сталиным и ЦК нашей партии. Характерно, что классовый враг, искать которого нужно прежде всего не вне колхозов, а внутри них, стремится захватить в свои руки именно те должности, которые относятся главным образом к учету и контролю — должности бухгалтеров, кладовщиков, завхозов, бригадиров.

Партия, исходя из положения о том, что «безотчетность в деле производства и распределения продуктов есть гибель зачатков социализма, есть казнокрадство» (Ленин), со всей остротой поставила как единую задачу классовой борьбы против кулака, за социалистическое перевоспитание колхозника — задачу охраны общественной собственности и организации учета и контроля.

Необходимо твердо помнить указание т. Сталина о том, что главное средство в борьбе классовых врагов против пролетарской диктатуры, «главное в деятельности этих бывших людей состоит в том, что они организуют массовое воровство и хищение государственного имущества, колхозной собственности».

Большевистская партия вступает во вторую пятилетку, гигантски обогащенная опытом борьбы и победы социализма. Твердо и уверенно борется партия за разрешение исторических задач построения социалистического общества. Партия знает, что эти задачи будут решены в ожесточенной классовой борьбе, что только через нее лежит путь к полному уничтожению классов. Поэтому двумя решающими лозунгами второй пятилетки являются: дальнейшее укрепление диктатуры пролетариата, дальнейшее укрепление самой партии! Роль партии как передового отряда рабочего класса еще больше возрастает. Еще вреднее, чем прежде, всякие мелкобуржуазные теории насчет растворения партии в классе, насчет вовлечения в ряды партии большинства рабочих и т. д. Тов. Сталин учит нас, что «различие между передовым отрядом и остальной массой рабочего класса, между партийными и беспартийными не может исчезнуть, пока не исчезнут классы, пока пролетариат будет пополняться выходцами из других классов, пока рабочий класс в целом будет лишен возможности подняться до уровня передового отряда»⁴⁸. Из этого вытекает огромная роль

⁴⁸ «Вопросы ленинизма», стр. 143.

чистки партии, освобождения ее от чуждых, примазавшихся элементов, от оппортунистических, буржуазных перерожденцев, от нестойких, политически не твердых людей. Задачи, стоящие перед партией, выросли в огромной степени. Только при строжайшем единстве ее рядов, при наличии в каждом отряде партии умения сочетать большевистскую бдительность, непримиримость к классовому врагу и его оппортунистической агентуре с конкретным руководством делом организации производства, организационного укрепления колхозов, организации труда, на которую Ленин в наброске тезисов «О диктатуре пролетариата» указывал как на фронт классовой борьбы и которая теперь является важнейшим фронтом этой борьбы, — только при этих условиях будут обеспечены новые величайшие победы социализма, за которые партия ведет бой во второй пятилетке.

У нас еще немало трудностей, немало недостатков. Тов. Сталин дал в своей речи «О работе в деревне» открытую и острую большевистскую критику этих недостатков, большевистский анализ этих трудностей. Тов. Сталин подчеркнул, что в серьезных недостатках наших колхозов и совхозов виноваты мы сами, мы, коммунисты, и только мы. Оппортунистические перерожденцы вместе с кулаком не прочь спекулировать на этих недостатках для дискредитирования колхозов и совхозов. Не пройдет! Постановка т. Сталиным вопроса о наших недостатках отличается мастерским применением материалистической диалектики, показывает диалектику положительного и отрицательного в нашем строительстве. О чем говорит тот факт, что в недостатках колхозов и совхозов виноваты мы, коммунисты, и только мы? Он говорит о том, что теперь от нас и только от нас зависят целиком успехи колхозного и совхозного строительства. Разве раньше, когда в деревне преобладало единоличное хозяйство, когда «партия могла ограничить свое вмешательство в дело развития сельского хозяйства отдельными актами помощи, совета или предупреждения», разве раньше, когда «единоличник сам должен бы взвалить ответственность за это хозяйство», разве раньше можно было ставить вопрос так, что только от нас самих зависит все дело развития сельского хозяйства. Право на такую постановку вопроса партия завоевала историческими победами социализма в деревне. Преобладание совхозов и колхозов гигантски увеличивает наши заботы о сельском хозяйстве, целиком переносит ответственность за недостатки в совхозах и колхозах на нас, на коммунистов, но ведь именно этот факт является как раз показателем величайших наших побед.

Партия твердо и уверенно вступает во вторую пятилетку. Она ведет за собой в последний бой против остатков капитализма миллионные массы пролетариев и всех трудящихся, опираясь на историческое указание Ленина: «Если взамен старого класса приходит новый, то только в бешеной борьбе... он удержит себя и только в том случае он победит до конца, если сумеет привести к уничтожению классов вообще»⁴⁹.

Выполняя это указание Ленина, партия добилась решающих побед социализма; выполняя это указание Ленин, партия осуществит построение бесклассового общества.

⁴⁹ Собр. соч., т. XXV, стр. 104.

Социал-фашистская клевета на пятилетку

Пятилетка сыграла большую роль в борьбе социализма с капитализмом внутри СССР. Она обеспечила прочную и несокрушимую победу социалистической системы хозяйства. Тем самым она стала величайшим фактором борьбы за социалистическую революцию во всем мире. Она доказала на опыте, что пролетариат не только умеет строить хозяйство, но строит несравненно лучше, чем капиталисты, которые не в состоянии спасти народное хозяйство от тягчайших кризисов. Пятилетка, укрепив основательно позиции социализма в стране, являющейся ударной бригадой международного пролетариата, усилила тем самым позиции последнего в его борьбе за свержение капитализма во всем мире.

Отсюда ясно, что апологеты капитализма должны были взять нашу пятилетку под обстрел, пытаясь умалить, затушевать и свести на-нет ее величайшее революционное значение. Правда, в их среде не было и нет полного единодушия в тактических проблемах, вызванных успешным выполнением пятилетки. Не все они единодушны в определении той тактики, которую следует применять в отношении СССР. Но все они единодушны в стремлении тем или иным путем, теми или иными методами сорвать успешный ход строительства социализма, ярчайшим символом которого стала пятилетка.

Особо враждебную политику ведет важнейший отряд апологетов капитализма, главная социальная опора буржуазии — социал-фашизм. Он старается всемерно сорвать авторитет пятилетки в глазах международного пролетариата, оклеветать величайшее дело, творимое в первой стране пролетарской диктатуры, и подготовить срыв социалистического строительства в СССР. Каждый удар по кулачеству социал-фашизм воспринимает как удар по его собственным позициям.

Ленин писал: «Когда дело касается интересов, тогда самые бесспорные истины, как известно, начинают оспариваться» (Собр. соч., т. IX, изд. 1-е, стр. 231).

Это ленинское утверждение блестяще подтвердилось на отношении всего капиталистического лагеря, в том числе и социал-фашистов, к пятилетке.

В течение истекших четырех лет социал-фашистам приходилось неоднократно менять внешне свою тактику под давлением действительности, под страхом полной потери влияния среди пролетариата. Но неизменно стараются они оклеветать пятилетку вопреки «бесспорным истинам», которые явно противоречат их интересам.

Враждебное свое отношение к пятилетке они очень ярко проявили с самого начала в самой оценке ее характера и причин ее появления.

Известно, что пятилетка ознаменовала собой развернутое наступление социализма по всему фронту как результат крупнейших успехов, достигнутых нами на предыдущих этапах. Это, однако, не помешало Фридриху Адлеру и Карлу Каутскому врать насчет того, что она является «шагом отчаяния», вызванного, якобы, ухудшившимися перспективами на победу мировой революции. Привыкшие рассматривать свою собственную болтовню о социализме как вынужденное мероприятие, навязанное давлением масс, они и подлинное наступление социализма в СССР не могут понять иначе как навязанное мероприятие.

Строить социализм, не будучи в отчаянном положении, — этого Каутские и Адлеры никак понять не могут. Извратив в корне при-

ч и ну появления пятилетки, они насквозь сфальсифицировали самую ее суть.

Наша партия поставила перед пятилеткой величайшую историческую задачу «создание собственной передовой технической базы для социалистической реконструкции всего народного хозяйства» (из резолюции январского пленума ЦК и ЦКК по докладам тт. Сталина, Молотова и Куйбышева). СССР должен был превратиться в страну индустриальную, чтобы на этой основе укрепить позиции социализма во всем народном хозяйстве не только в городе, но и в деревне. Пятилетка призвана была ломать старые, унаследованные нами от прошлого пропорции в народном хозяйстве, чтобы заменить их новыми, соответствующими интересам социализма. Но этого-то как раз социал-фашисты никак стерпеть не могли. В унисон с «нашими» вредителями они подняли по сему поводу отчаянный вой: «Что значит ломать старые пропорции? Разве возможны какие-нибудь иные, помимо капиталистических пропорций?» И как все более тонкие апологеты капитализма, они апеллировали к «объективности», к «науке», к «реальности».

Югов, написавший специальный трактат о пятилетке и мобилизовавший всевозможные доводы в целях ее дискредитирования, вопил о том, что большевики «насилуют экономические законы». «Пятилетка, — утверждал он, — есть голое «волевое устремление», не обоснованное никакими реальными возможностями». Этот «волевой» конек насилуется на разный лад социал-фашистами во всех их писаниях. А Каутский пытался апеллировать прямо к Марксу против... большевистской пятилетки. Маркс, зудил он, всегда подчеркивал необходимость соблюдения постоянных пропорций в народном хозяйстве. Это есть важнейший закон всякого хозяйства. Пятилетка же представляет собой полное игнорирование пропорциональностей. «Разрыв» с Марксом налицо. Отрицая закономерность принципиально иных, кроме капиталистических, пропорций, Каутский объявил нашу борьбу за отмену старых пропорций отказом от пропорциональностей вообще. А раз пропорции игнорируются, раз между отраслями нет никаких правильных отношений, то разве не ясно, что пятилетка безусловно обречена на провал, что она неизбежно закончится катастрофой? И все социал-фашистские писаки пророчили провал пятилетки в результате прогрессирующей анархии производства. А Каутский — этот наиболее воинственный враг СССР — уверенно заявлял, что сама система советского хозяйства ведет к роковому развалу.

Каркая таким образом вместе с Черчиллями и Мильеранами о явной утопичности пятилетки, социал-фашисты вместе с тем пытались вытравить полностью и ее социалистическое нутро, столь импонирующее международному пролетариату. Социализм, провозглашали они с «ученым» видом, означает «больше хлеба», большевистская же пятилетка делает основной упор на машины, а не на хлеб. Не ясно ли, что пятилетка не имеет ничего общего с социализмом? Вытравив из социализма его подлинное ядро — новый способ производства, новые производственные отношения, сведя его суть к мещанской мечте о сытой и спокойной жизни, они заодно «вытравили» из пятилетки ее социалистическое нутро.

Нам придется в дальнейшем, в другой связи, обстоятельно осветить этот вопрос. Пока же важно заметить, что пятилетку социал-фашисты с самого начала вполне единодушно объявили делом явно утопическим, не имеющим ничего общего с социализмом. Оба эти момента призваны были дискредитировать авторитет СССР в

качестве форпоста мировой социалистической революции. Но если вначале все социал-фашисты в одинаковой степени апеллировали и к утопичности и к несоциалистичности пятилетки, то чем больше пятилетка перевоплощалась из плановой наметки в реальное дело миллионов, чем больше она стала олицетворяться крупнейшими гигантами индустрии и десятками тысяч колхозов, тем труднее стало апеллировать к первому аргументу, особенно на фоне все более углубляющегося кризиса капитализма. Факты влияли на психологию масс. СССР все более стал восприниматься ими как страна не только социалистической системы хозяйства, но и величайшего хозяйственного строительства.

Каутский завопил о том, что в рядах II Интернационала появилась «большевистская мода». Доманевская открыла, что рабочие «некритически» восхищаются Советским союзом. Явление это конечно весьма неприятное для социал-фашистов! Но против фактов ничего не поделаешь. Надо к ним приспособляться. И все эти Каутские, Бауэры и Адмеры стали приспособливаться, стараясь в новой обстановке добиться того же результата — дискредитации СССР новыми методами. Социал-фашисты стали петь в унисон с «некритически» восхищенными рабочими, они стали «признавать» наши успехи. Бауэр первый решился менять вехи. Он писал: «Когда был опубликован пятилетний план, большинство из нас считало его утопией. Сегодня мы знаем: этот план должен был несколько раз подвергнуться изменениям. Он не будет осуществлен на все сто процентов. Но его результат будет бесспорно заключаться в изумительно сильном увеличении русской промышленности, значительном усилении русских производительных сил, в значительном увеличении производительности русского труда». Югов признал, что пятилетка принесет «очень большой» количественный эффект и существенный успех в смысле технической эмансипации от иностранной зависимости. И крайне характерно, что они сочли себя вынужденными признать наши успехи и в области коллективизации.

Тот же Югов отметил, что в первый же год коллективизация выявила свои экономические преимущества, обеспечив выполнение важнейшей задачи — роста товарности сельского хозяйства.

Более того, если раньше они считали, что наша система хозяйства неизбежно обрекает все хозяйственное строительство на провал, то теперь даже «Форвертс» стал доказывать, что наиболее ценное в русском опыте — это есть именно планирование, как новая система хозяйства, которая на практике доказала свои преимущества. Казалось бы, полная смена вех! Но в том-то и дело, что вынужденные под давлением фактов и масс признавать реальность наших успехов, они тем энергичнее насели на второй свой аргумент, пытаются представить СССР как страну не социализма, а капитализма. Да и несмотря на признание реальности наших хозяйственных успехов, достигнутых на основе пятилетки, социал-фашисты умудряются все-таки объявить пятилетку как план великих работ.. провалившейся. И этот весьма странный вывод органически вытекает из всей их теоретической концепции планирования. План для них есть не боевая программа борьбы, рассчитанная на творческую инициативу и самоотверженную работу миллионов, а точно зафиксированное задание; базирующееся на полном предвидении всех возможностей и тормозов; задание, рассчитанное на точное, плановое и бесперебойное выполнение. Все, что отклоняется от зафиксированного в плане, все, что

связано с усилением борьбы и идет вразрез с плановостью, есть, в соответствии с этой концепцией, нарушение плановости. Именно поэтому социал-фашисты умудрились как раз то, что свидетелем об исключительном успехе пятилетки, объявить доказательством полного... провала нашего планирования.

Ежели план намечен на пять лет, то не смейте его выполнять в четыре года, ибо это нарушает бесперебойность производства. Ежели пятилетка намечала 20% коллективизации, не смейте обеспечить 60%, ибо это также нарушает бесперебойность. Если же действительность складывается иначе, чем намечалось в плане,— пусть она даже будет более благоприятной для социализма,— план все равно провален.

Таким образом социал-фашисты умудрились и наши успехи «использовать» как орудие... против СССР.

Но основной упор, как уже отмечалось, делается на второй аргумент. Да, повторяют почти все они, СССР индустриализируется, в этом сомневаться не приходится. Однако, что здесь особенного? При чем здесь социализм? Разве самые доподлинные капиталистические страны не индустриализировались? Более того, все эти индустриальные гиганты, которыми так восхищаются большевики, есть не что иное, как достижения техники, заимствованные ими в передовых странах капитализма. Этот «довод» о капиталистическом характере нашего строительства очень пришелся по сердцу и Каутскому, и Ф. Адлеру, и Троцкому, и многим другим столпам социал-фашизма.

При этом все они конечно полностью игнорируют в интересах международного империализма коренное новое в производственных отношениях, господствующих в наших социалистических предприятиях, по сравнению с производственными отношениями капитализма.

Наряду с этими формами клеветы социал-фашисты стараются также использовать всевозможные софистические аргументы в целях умаления, затушевывания и даже полной дискредитации наших успехов, которые ими формально «признаются». Наиболее ярким примером в этой области является, пожалуй, их отношение к ликвидации безработицы. Известно, что именно этот факт является величайшим доказательством преимуществ социалистической системы хозяйства; именно он в колоссальной степени увеличивает притягательную силу СССР во всем мире. Отрицать этот факт социал-фашисты не в состоянии; они его «признают». Но зато они пытаются так «разъяснить» его, что он приобретает характер чуть ли не... поражения. Они стараются уверить, что безработица ликвидирована не в результате огромного роста строительства, вызвавшего колоссальный рост рядов рабочего класса, а в результате... уменьшения этих рядов, вызванного... бегством рабочих из городов в деревню. Абсурдность и клеветнический характер этого «объяснения» слишком очевидны. Но Каутский и Югов не гнушаются прибегать и к таким методам клеветы в расчете на то, что кое-какие следы от нее все-таки останутся. И так «истолковывают» они не только факт ликвидации безработицы, но и другие не менее яркие наши достижения. Достаточно сказать, что соцсоревнование, по Дану, есть метод воспитания завистников, что важнейший мобилизующий лозунг «догнать и перегнать» объявляется шовинизмом, а колхозы — школой зяблых собственников.

Лишенные теперь возможности огульного отрицания реальности пятилетки, социал-фашисты наряду с «признанием» ее успеш-

ности стараются: 1) так «истолковать» наши успехи, что они порою приобретают характер тягчайших поражений, и 2) вытравить социалистическое содержание нашего строительства, чтобы тем самым подорвать авторитет СССР в глазах международного пролетариата.

Успехи пятилетки вынудили весь социал-фашистский фронт менять формы своей клеветнической кампании против СССР. Эти же успехи внесли известный разброд в ряды II Интернационала, поскольку даже социал-демократические рабочие все более и более убеждаются в правильности того пути, по которому идет СССР. Конфликт на этой почве между предательскими вождями и трудящейся массой в рядах социал-фашистских партий безусловно усиливается. По всем жгучим вопросам политики, при единой сути, среди социал-фашистов имеется известное «разделение труда», рассчитанное на завоевание симпатии среди самых разнообразных слоев. Вопрос об отношении к СССР — этот центральный вопрос современности — так же породил своеобразное «разделение труда» внутри социал-фашизма. Имея единую установку — дескредитировать методы, применяемые в СССР, Каутские, Бауэры и Адлеры по-разному формулируют ее. Здесь нет возможности подробно изложить содержание тех дискуссий, которые неоднократно развертывались в партиях II Интернационала в связи с проблемами СССР. Ограничимся лишь чрезвычайно сжатым анализом основных точек зрения. Если расположить их в определенной последовательности в зависимости от степени явной враждебности к нам, то придется начать с Каутского, который все время отстаивает наиболее открыто резко враждебные взгляды в отношении социалистического строительства в нашей стране. Он поступает гораздо последовательнее, с точки зрения социал-фашистской теоретической концепции, всех остальных столпов II Интернационала. Как апологет капитализма он и до сих пор продолжает утверждать, вопреки очевидным фактам действительности, что наша система хозяйства не только не имеет особых преимуществ, но, наоборот, значительно уступает капиталистической системе хозяйства. Капиталистическая промышленность, утверждает он, работает настолько хорошо, что в состоянии обеспечить высокую прибыль. Советская же еле покрывает и заработную плату. Каутский настолько озлоблен против СССР, что считает возможным совершенно пройти мимо колоссального размаха социалистического строительства, объявляя все построенное нами «потемкинскими деревнями». Пусть в капиталистических странах свирепствует наиболее тяжелый кризис; пусть, наоборот, в СССР быстрыми темпами растет хозяйство, — Каутскому до этого никакого дела нет; он все это объявляет несущественным и как старательный, но мало способный ученик, он до тошноты повторяет вызубренный однажды урок: в СССР обязательно должно быть хуже, чем в капиталистических странах. Он не только отвергает социалистический характер того, что творится в СССР, но прямо заявляет, что даже перспективы социализма в СССР гораздо хуже, чем в странах капитализма. Ибо, брызжет злобой этот в конец изолгавшийся патриарх социал-фашизма, СССР есть не что иное, как новый эксплуататорский строй, военная деспотия, госрабство... Без насильственного свержения большевиков нечего и мечтать о каких-либо серьезных шагах по пути к социализму. И все это он, по существу, «мотивирует» лишь одним и тем же «доводом»: социализм есть свобода, а в СССР господствует диктатура. Что диктатура господствует фактически и в странах капитала, что пролетарская диктатура не большевиками измышлена, а есть основной,

элемент марксовой теории классовой борьбы, что нет и невозможна свобода вообще и что именно пролетарская диктатура обеспечивает наибольшую свободу для трудящихся — все это Каутский начисто... отрицает. Он согласен только на демократию. Пусть она базируется на капиталистической собственности, пусть она сопровождается тяжчайшими кризисами и растущим обнищанием масс,— все это для него пустяки. Он знает одно: демократия приведет к социализму, а диктатура,— безразлично какого класса,— есть деспотия и рабство.

Капиталистическое нутро позиций Каутского настолько выпирает наружу, что от него считают необходимым внешне отмежеваться даже сами... социал-фашисты. Они превосходно понимают, что подобной твердолобой политикой можно лишь ускорить отход масс от социал-демократии. Ту же, по существу, позицию, что и Каутский, но выраженную не столь твердолобым языком, занимает Ф. Адлер. И он считает, что в СССР нет никакого социалистического строительства, что там существует не диктатура пролетариата, а диктатура над жертвами... индустриализации. Но он в отличие от Каутского не считает возможным полностью отрицать те грандиозные успехи, которые достигнуты нами в области хозяйственного строительства.

Главная особенность точки зрения Ф. Адлера заключается в его «теории» первоначального капиталистического накопления. Эта «теория» служит превосходным образчиком того, как социал-фашисты, полностью фальсифицирующие и отрицающие материалистическую диалектику, превращают часто марксовы положения, органически вытекающие из данной конкретной обстановки, в голые абстракции, «годные» при любых условиях. Суть этой насквозь пошлой «теории» сводится к следующему. Капитализм обеспечил возможность огромного роста крупной промышленности предварительным процессом первоначального накопления, сопровождавшегося всеми теми ужасами, которые так мастерски описаны Марксом в известной главе I тома «Капитала». В этом историческая миссия капитализма. На основе первоначального накопления он в конце концов обеспечивает гигантский рост и высокий уровень производительных сил, необходимый для перехода к социализму. Лишь после того, как индустриализация полностью совершена капитализмом, можно приступить к строительству социализма. Ошибка большевиков заключается, по Ф. Адлеру, в том, что они поспешно принялись строить социализм до того, как этот уровень был достигнут. Поэтому им приходится самим осуществлять первоначальное накопление, которого царский строй до советской власти не успел провести в России. Таким образом большевики занялись делом, которое самой историей возложено на капитализм и которое есть не что иное, как первоначальное капиталистическое накопление, совершаемое без участия частных капиталистов. Антимарксистский, буржуазно-вульгарный характер этой «теории» совершенно ясен. Ф. Адлер совершенно игнорирует коренное отличие социального содержания процесса индустриализации в СССР. Ему дела нет до того, что наша индустриализация совершается пролетарским государством в интересах самого пролетариата и как средство полного искоренения капитализма. Он зазубрил, что в передовых странах капитализма она была делом капиталистов, и на этом основании заключает, что индустриализация сама по себе, вне зависимости от ее социального носителя, есть мероприятие капиталистическое. А если СССР индустриализируется, то ясно, что в нем совершается капиталистическое накопление.

Порочность этой «теории» настолько очевидна, что она подвергается критике даже со стороны отдельных социал-фашистов, о которых в последующем придется писать особо. Пока же, в порядке указанной выше последовательности перейдем к О. Бауэру, позиция которого вызвала наибольший шум в рядах II Интернационала, где ее пытались окрестить чуть ли не большевистской, но которая является по своей сути резко антисоветской. Коньком Бауэра является его «теория» двух путей к социализму.

Вопреки Марксу О. Бауэр, как и все социал-фашисты, считает, что наиболее идеальным путем к социализму является путь буржуазной демократии, выдаваемой ими за надклассовую. Вне этой демократии он не признает никакого социализма. Но в исключительных случаях, если страна еще не доросла до демократии, путь к социализму может лежать и через диктатуру, как в России. За признание возможности этого второго пути Бауэр подвергся резким нападкам со стороны подавляющего большинства своих соратников, которые заподозрили его чуть ли не в большевизме. Надо однако отдать справедливость «пострадавшему» Бауэру,— при более внимательном ознакомлении в его «теории» не только нет большевизма, но нет по существу и второго пути. В самом деле. Считает ли он возможным прийти к социализму через диктатуру, минуя буржуазную демократию? Безусловно нет. Диктатура есть лишь промежуточный этап, от которого обязательно необходим предварительный переход к демократии, без которой социализм, по Бауэру, невозможен. Мало того, Бауэр прямо заявляет, что в СССР придется «брать свободу с боя», т. е., что для перехода к демократии придется очевидно свергнуть пролетарскую диктатуру. Но разве можно в таком случае всерьез толковать о двух путях? В действительности и Бауэр признает один путь. Его «поправка» сводится лишь к добавлению промежуточного этапа, который по существу не есть социалистический, а выполняет лишь в лучшем случае ту же миссию, что и капитализм.

На Бауэра его соратники напали особенно за то, что он признает рост в СССР элементов социализма. Но о каких элементах он говорит? Не о тех ли самых, которые, по его же словам, лучше вызревают при капитализме,— о росте производительных сил? Он ведь и намека не допускает насчет того, что в СССР уже строится социализм.

Правда, в отличие от открыто мракобесовского заявления Каутского о наличии у нас военной деспотии, Бауэр считает, что наше правительство есть надклассовое. Но разве и это не есть злейшая клевета на СССР, призванная дискредитировать его авторитет в глазах международного пролетариата? Нападки вождей социал-фашизма на Бауэра за подобные заявления свидетельствуют лишь о той степени ненависти, которую сами они питают к очагу мировой социалистической революции. Бауэр по существу не так уже сильно отличается от Каутского. Но его «теория» еще вреднее, ибо «когти» ее спрятаны глубже и поэтому она может служить большей приманкой для широких масс.

«Левее» всех выступает издавна в лагере социал-фашистов по вопросам СССР широко известный спец по части революционной фразеологии Макс Адлер. Он «резко» нападает на тех, кто считает экономику СССР капиталистической. Октябрьская революция, пишет М. Адлер прямо и решительно, «раз и навсегда положила конец всем формам частнокапиталистической собственности, как в ее городском, так и в аграрном проявлении». Он даже позволяет себе утверж-

дать, что «цель второй пятилетки... указывает на... победоносный путь первой пролетарской социалистической революции». Макс Адлер не стыдится, вопреки активной антисоветской политике всех социал-демократических партий, «наивно» декларировать, что развитие Советской России так, как она есть... сегодня, с ее гигантской работой... является нашим собственным делом, делом международной социал-демократии».

Было бы однако преступным легкомыслием заключить на основании этих громких заявлений о лояльном его отношении к социалистическому строительству в нашей стране. Вся подлинная деятельность самого Адлера и всех его соратников говорит о противоположном — о воинственной вражде. Да и в самих его заявлениях имеется прямое доказательство этого. Признает ли он, что мы сейчас строим социализм? Считает ли он, что в нашей стране господствует пролетарская диктатура? В том-то и дело, что наряду с «дружественными» фразами М. Адлер умудряется, — и в этом суть, — полностью смазать социалистический и пролетарский характер нашего строительства. Он не гнушается врать рабочим, что в СССР диктатура «часто» (?!) действует против (?!) рабочих, что она есть безусловно диктатура над крестьянством, что там лишь «подготавливается почва» для социализма. И что чрезвычайно важно и существенно, он, как и все другие социал-фашисты, всеми силами старается уверить международный пролетариат в абсолютной непригодности для него русского пути, обильного жертвами, в необходимости завоевания социализма на основе демократии. Не ясно ли из этого, что все «дружественные» фразы по адресу СССР являются лишь замаскированным маневром и прикрытием для завоевания симпатий многомиллионных масс, восхищенных успехами социалистического строительства в нашей стране; маневр, имеющий основной целью сорвать подлинную борьбу за социализм в странах капиталистического мира? Не ясно ли, что «левая» фразеология М. Адлера призвана по существу сделать «приемлемыми» для этой массы его клеветнические утверждения о диктатуре против рабочих.

В последнее время Ольга Доманевская попыталась перекрыть «левого» Макса и выступила с рядом «дружественных» заявлений по отношению к СССР.

В журнале швейцарской с.-д. «Роте реву», подводя итоги первой пятилетки, она сочла себя вынужденной объявить чепухой все утверждения ее соратников по социал-фашизму о госкапиталистическом характере госпредприятий в СССР, ибо последние «совершенно свободны от влияния капиталистического класса». Она считает, что у нас существует переходное хозяйство (между капитализмом и социализмом). Она отмечает, что советской власти удалось полностью пресечь термидорианские тенденции на основе гигантского роста социалистического сектора. И она вынуждена признать органическую связь, существующую между советским правительством и рабочими массами. Признание весьма знаменательное в устах социал-фашиста!

Но подлинный смысл ее неожиданной «левизны» и «дружбы» к СССР безусловно сводится к тому же маневру, что и «левизна» Макса Адлера. И она не отрицает социалистический характер нашего хозяйства. И она пророчит нам верную гибель в случае, если международный пролетариат в срочном порядке не свергнет власть империалистов. И она больше всего хлопочет о том, чтобы пролетарии Запада не пошли по нашему пути. Социал-фашистские «комплименты» по

нашему адресу есть в их руках лишь орудие для дискредитации и социалистического характера нашей экономики и для срыва героической борьбы компартии за подготовку подлинно пролетарских революций по ленинскому образцу.

Какой основной вывод напрашивается из краткого и схематического анализа социал-фашистских откликов на пятилетку? Этот вывод сводится к тому, что в результате гигантских наших успехов им становится все труднее действовать с «открытым забралом» и они вынуждены скрывать свое антисоветское жало под маской «дружественной» фразеологии. Этот вывод сводится к тому, что социал-фашизм, вынужденный маневрировать, продолжает однако по-старому пользоваться орудием клеветы для подрыва авторитета Советского союза и для подготовки антисоветской интервенции. Эти отклики полностью подтверждают, что социал-фашизм есть главная социальная опора буржуазии в ее борьбе против социалистического строительства в СССР.

Успехи пятилетки вынуждают ее врагов перестраиваться, менять свою фразеологию, но их враждебность ничуть не ослабла. Наоборот, чем больше крепнут позиции социализма в СССР, тем больше усиливается злоба империалистов и их лакеев против страны пролетарской диктатуры. Вот почему и во второй пятилетке, опираясь на уже достигнутые успехи в этой области, мы обязаны еще больше укреплять тяжелую промышленность — крепость экономической независимости СССР и важнейшее условие его обороноспособности.

К ВОПРОСУ

О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КООПЕРАЦИИ ТРУДА

Хозяйственное строительство СССР доказало не только практическую осуществимость, но и огромные преимущества социалистической кооперации труда.)

Развитие социалистической кооперации в период социализма актуализирует задачу теоретического осмысливания ее сущности и характерных особенностей.

Общие основы теории социалистической кооперации труда разработаны Марксом, Энгельсом и Лениным (см. «Критику Готской программы», «Анти-Дюринг», «Государство и революция» и другие работы). Конкретные формы и способы строительства социалистической кооперации труда в период диктатуры пролетариата намечены Лениным в многочисленных речах и статьях, посвященных экономике переходного от капитализма к социализму периода («Великий почин», «Очередные задачи советской власти», «О едином хозяйственном плане», «Как организовать соревнование» и т. д. и т. д.) и т. Сталиным в ряде докладов и выступлений последних лет. Тов. Сталин дал блестящее развернутое четкое применение марксо-ленинской теории социалистической кооперации к реконструктивному периоду.

Разработанная Лениным и Сталиным теория социалистической кооперации вскрывает конкретные пути развития предприятия социалистического типа и таким образом содержит дальнейшее последовательное опровержение троцкистской клеветы о госкапиталистическом характере отношений в обобществленном секторе. Вместе с тем эта теория бьет как правооппортунистическую недооценку скрывающихся в новых формах организации труда возможностей и необходимости напряженной борьбы за их реализацию, так и «левацкое» перепрыгивание через стимулирование повышения производительности труда личной материальной заинтересованностью рабочего.

Классический анализ кооперации, данный Марксом в «Капитале» и Лениным в «Развитии капитализма», сохраняет огромное значение при изучении расширенного воспроизводства в социалистической промышленности, земледелии и транспорте. Не только главы, посвященные крупной индустрии, но и главы, исследующие мануфактуру и простую кооперацию, содержат ряд ценнейших для понимания социалистической кооперации положений.

Проведение электрификации, механизации, химизации как генеральной линии нашей технической реконструкции не исключает, а предполагает на современном этапе использование на отдельных участках наряду с экскаваторами лопаты, наряду с врубовой машиной — обушка, наряду с непрерывным потоком — простой кооперации.

Если законченное производство на основе простой кооперации — архаическая редкость даже в самых отсталых отраслях, то как звенья широко разветвленной системы труда группы простой кооперации сохраняются в самых высоко организованных индустриях.

Основанная на разделении ручного труда кооперация в обобщественном секторе СССР не только исчезает вследствие широко проводимой механизации, но одновременно частично и возникает в результате массовой переделки бедняцко-средняцких и кустарных хозяйств.

Эта переделка в крупное социалистическое производство технически на первых порах нередко означает простое сложение ремесленных орудий. Механизация распространяется лишь на отдельные операции, и предприятие в целом находится на самых первых ступенях перерастания в законченное машинное производство, в систему машин. В таких предприятиях использование производительной силы сложной кооперации ручного труда является одним из крупнейших преимуществ объединенного труда перед раздробленным трудом самостоятельных мелких производителей. Как звенья более широко разветвленной системы группы сложной кооперации ручного труда сохраняют еще огромное значение почти во всех отраслях.

Однако к моменту социалистического переворота капитализм уже создал развитое машинное производство. Решающая командная высота — крупная национализированная промышленность — уже на другой день после захвата власти пролетариатом позволяет развертывать социалистическую кооперацию на базе машинной техники.

Гигантская техническая реконструкция делает в период социализма кооперацию на базе машинной техники абсолютно преобладающей во всем народном хозяйстве.

Именно такая кооперация представляет главный предмет нашего изучения.

Пролетариат не свободен в выборе производительных сил, «потому что всякая производительная сила есть сила уже завоеванная, продукт предшествующей деятельности»¹. Однако, разбив общественную форму, в которой были скованы производительные силы капиталистического общества, пролетариат устраняет вытекающие из нее препятствия дальнейшего их развития. После захвата власти пролетариат располагает в основном тем же вещественным костяком производства, теми же зданиями, машинами, запасами сырья, наконец теми же в отношении квалификации людскими кадрами, которые имел капитализм². Однако, изменив форму, «внутреннее строение» производительных сил, пролетариат создает новые материальные общественные условия использования элементов производительных сил.

Переворот в способе производства и возникновение социалистических производственных отношений кладут начало новой кооперации труда.

Создание новой кооперации труда есть первое преобразование, внесенное пролетариатом в унаследованные от капитализма производительные силы. Это преобразование вытекает непосредственно из нового характера и способа соединения рабочих и средств производства. При изучении социалистической кооперации активная роль производственных отношений выступает с огромной осязательной силой. Новая кооперация, новая производительная сила создаются

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. V, стр. 284.

² Собственно говоря, в первое время после захвата власти пролетариат располагает далеко не всеми теми элементами производительных сил, которые имел капитализм, вследствие разрушения в период гражданской войны фабрик, заводов, физических потерь в рабочем классе, саботажа специалистов и т. д.

переворотом в отношениях собственности, хотя дальнейшее развитие вширь и вглубь самих новых производственных отношений неразрывно связано с экстенсивным и интенсивным ростом этой новой кооперации и ее технической базы.

Итак, создание новой кооперации является исторически и логически первым звеном преобразования производительных сил пролетариатом. Опираясь на это преобразование, пролетариат реализует затем при правильной политической линии возможность гигантской реконструкции всего народного хозяйства, возможность невиданных темпов, возможность создания адекватного социалистическим отношениям технического базиса.

Это создание адекватного социалистическим отношениям технического базиса требует осуществления ленинского плана «электрификации всей страны», требует создания соответствующей плановому единству социалистического хозяйства единой энергетической системы и соответствующего новому творческому характеру труда типа рабочей машины. Революция в этих двух взаимно друг друга оплодотворяющих звеньях предполагает и обуславливает коренное изменение и передаточного аппарата: единую высоковольтную сеть, индивидуальный привод и т. п.

Техническая революция в свою очередь ведет к дальнейшему развитию социалистической кооперации, к дальнейшему развитию социалистического качества труда.

В настоящей статье речь идет о социалистической кооперации в том ее виде, как она сложилась еще на старой в основном технической основе.

Социалистическое строительство есть величайшая критика, которой история подвергает капитализм, есть отрицание основ и внутренних законов капитализма практической деятельностью миллионов.

Говоря о применении марксова анализа кооперации к социалистической промышленности, необходимо не упускать из виду принципиального отличия капиталистической и социалистической кооперации труда. Капиталистическая кооперация строится на антагонистических отношениях между владельцами средств производства и наемными рабочими. В социалистической кооперации средства производства являются общественной собственностью. Исходным пунктом социалистической кооперации является превращение монополистической собственности буржуазии в собственность пролетарского государства.

Размеры капиталистической кооперации труда ограничены процессом концентрации и централизации капитала. «Концентрация значительных средств производства в руках отдельных капиталистов есть материальное условие кооперации наемных рабочих, и размеры кооперации и масштаб производства зависят от степени этой концентрации»³.

Размеры социалистической кооперации определяются размерами обобществленного хозяйства⁴. Труд является непосредственно общественным, планомерно организуемым трудом в рамках всего социалистического сектора⁵.

³ Маркс, Капитал, т. I, стр. 247.

⁴ См. статью т. Кривицкого «Капиталистическая и социалистическая кооперация труда» в журнале «Проблемы экономики» № 4—5 за 1931 г.

⁵ Эта планомерность труда развивается с расширением и укреплением социалистической экономики. Непосредственно общественный характер труда неодинаково развит на различных этапах и в различных частях этой экономики: в первый период она и в реконструктивный период; до и после завершения фундамента социалистической

Это различие между капиталистической и социалистической кооперацией даже на ее первых ступенях отнюдь не является чисто количественным различием. Плановая концентрация, распределение и использование в государственном масштабе трудовых ресурсов и вещественных условий процесса производства, новое отношение к труду сразу вносят существенные качественные изменения. Даже на первых этапах социалистического обобществления, когда совместность новой гигантской кооперации совершенно недостаточно пронизана, скреплена тысячами нитей непосредственных технико-экономических связей и зависимостей, средства производства имеют характер условий социалистически объединенного в государственном масштабе труда. Возможность их не ограниченного узлами капиталистической собственности планового перемещения и комбинирования открывает эпоху нового использования производительных сил.

Концентрация производства на технически наилучше оборудованных и географически наилучше расположенных предприятиях уже в первый период нэпа — яркий факт функционирования средств производства как условий новой социалистической кооперации труда.

Какое значение имеет уничтожение свойственной буржуазному обществу «войны всех против всех», «всеобщего беспорядка и всеобщей эксплуатации» для использования величайшей производительной силы — рабочего класса, — молодой Энгельс гениально предвидел почти 90 лет тому назад. В 1845 г. в «Эльберфельдских речах» он писал, что

«... преимущества, которые дает коммунистическое устройство посредством использования р а с х и щ а е м ы х р а б о ч и х с и л, е щ е н е с а м ы е з н а ч и т е л ь н ы е. Самое большое сбережение рабочей силы заключается в соединении отдельных сил в социальную коллективную силу и в устройстве, основанном на этой концентрации, до сих пор противопологавшихся друг другу сил»⁶.

Это соединение в социальную коллективную силу до сих пор противопологавшихся друг другу сил, это создание новой кооперации труда основывается на подчинении обобщественного хозяйства плановым закономерностям, на его социалистическом единстве.

Лозунг «Магнитогорск строит вся страна», переключка заводов, сквозные бригады, общественные буксиры, социалистические договоры между производственно взаимосвязанными предприятиями выражают процесс оформления этого факта в сознании миллионов, процесс привлечения миллионов к реализации огромных возможностей новой гигантской кооперации. Обращение автозавода им. Сталина, Сталинградского тракторного, Кузнецкстроя и десятки других обращений и писем — вот яркие исторические документы этого процесса. Забота о дальнем становится повседневной заботой широчайших масс. Каждая новая победа на хозяйственном фронте рождает расходящийся по всей стране отклик⁷.

экономики; в секторе государственной промышленности и в секторе коллективизированного сельского хозяйства. Особенности имущественных отношений в такой форме социалистического производства, как артель (средства производства — общественная собственность добровольно объединившихся трудящихся крестьян, а не национализированная собственность пролетарского государства), накладывают отпечаток на организацию труда в колхозах и находят свое выражение в характерной мере труда и потребления — «трудодне».

⁶ М а р к с и Э н г е л ь с, Собр. соч., т. III, стр. 280.

⁷ Наши газеты ежедневно пестрят телеграммами и заметками, идущими из самых отдаленных мест, вроде: «Получив сообщение о том, что 3 апреля 3-я домна кузнецкого металлургического гиганта выдала чугуна, наша 13-я бригада диагональной шахты Кемеровского рудника объявляет себя ударной бригадой имени кузнецкой плавки».

Что сознательный рабочий уже чувствует себя не только хозяином на своем заводе, но и представителем всей страны (Ленин), доказывает огромный размах борьбы за экономическую независимость СССР, действительное участие миллионов в реализации лозунга «догнать и перегнать передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении».

Развитие вширь и вглубь процессов социалистического обобществления, социалистическая реконструкция сельского хозяйства, укрепление плановости, контроля и учета, электрификация, районирование, комбинирование, специализация и т. д., — все это обнаруживает новые моменты производительной силы социалистически объединенного труда, формирует законченную социалистическую кооперацию.

Хотя социалистическая кооперация труда есть кооперация в масштабе всего обобществленного хозяйства и внутреннее строение и развитие отдельного предприятия нельзя понять оторванно от ее общих законов движения, однако в силу разделения труда, в силу территориального, отраслевого, хозяйственно-административного и тому подобного расчленения производства предприятие сохраняется как относительно самостоятельное единство.

Параллельный анализ ряда основных моментов капиталистической кооперации в масштабе предприятия и социалистической кооперации, в масштабе всего обобществленного хозяйства есть механическое сравнение вещей, лежащих в разных плоскостях.

Преимущества, качественные особенности новой кооперации можно ярко проследить и в характере движения ее отдельной клеточки — предприятия.

Потому в дальнейшем при сравнении капиталистической и социалистической кооперации берется преимущественно основная клеточка последней — предприятие.

I. Совместность труда

Кооперация — это «форма труда, при которой много лиц планомерно и совместно участвуют в одном и том же процессе труда или в разных, но связанных между собой процессах труда»⁸. Совместность и планомерность — отличительные признаки всякой кооперации — имеют однако специфический характер в каждой исторически обусловленной общественной системе.

В силу антагонистического характера капиталистических отношений общественный характер кооперации труда противостоит рабочему как чуждая враждебная сила. Развиваемая кооперацией наемных рабочих производительная сила является для ее участников последствием их принудительно объединенных волей капитала усилий, предстает и присваивается как производительная сила капитала.

Производительная сила социалистической кооперации является общественной не только по характеру возникновения, но и по характеру присвоения.

Осуществляя апрельское задание по угольной промышленности, мы в ознаменование пуска 1-й кузнечной домны дали встречный план в 210 т; вместо суточной выдачи в 52 т обязуемся выдавать 70 т.

... Выполняя этот встречный план, мы за 1 апреля выдали 61 т, за 2-е — 69 т и за 3-е и 4 апреля — по 80 т («Советская Сибирь» от 11 апреля 1932 г.).

⁸ Маркс, Капитал, т. I, стр. 243.

Социалистическая кооперация есть реализация связи, уже имеющейся между производителями в силу общей собственности на средства производства. В противоположность этому капиталистическая кооперация возникает не из отношения рабочих друг к другу, а из продажи каждым из них своей рабочей силы одному и тому же капиталисту, из отношения к одному и тому же владельцу средств производства. «Кооперация наемных рабочих есть только результат деятельности капитала, применяющего этих рабочих одновременно»⁹.

«Как независимые личности рабочие являются индивидуумами, вступившими в определенные отношения к одному и тому же капиталисту, но не друг к другу. Их кооперация начинается лишь в процессе труда, но в процессе труда они уже перестают принадлежать самим себе»¹⁰.

Этот специфический характер капиталистической кооперации труда своеобразно отражается в индивидуальном, глубоко «робинзонадовском» подходе агентов буржуазного производства к изучению отдельных работ. Маркс показал кладку кирпича как один из классических примеров комбинированной простой кооперацией труда. Тэйлор, сообщая результаты применения «науки об управлении» к кладке кирпича, совершенно опускает анализ кооперации. Он отмечает лишь стандартизацию орудий и рабочих условий, уменьшение отдельных движений с 18 при старом методе до 5 при обычной кладке и до 2 — при одном, очень простом типе кладки, уплотнение рабочего дня и т. д.¹¹.

«Науку о работе лопатой» Тэйлор сделал предметом продолжительных исследований. Его выводы касаются размеров нормальной нагрузки на одну лопату, упрощения движений, их последовательности и увязки в один напряженный непрерывный поток, организации контроля управления и т. д. Применение простой кооперации при работе лопатой сознательно элиминировалось, исследуемые рабочие размещались по одному. При этом гипертрофировалась функция капиталистического надзора. К каждому рабочему приставлялся отдельный надсмотрщик¹². Все внимание Тэйлора сосредоточено на выжимании максимума из каждого рабочего. Понятно, что выводы из его «опытов» неразрывно соединяют ряд «богатейших научных завоеваний в деле анализа механического движения при труде» с «утонченным зверством буржуазной эксплуатации»¹³.

Понятно, что отдельные ценные положения в работах Тэйлора буквально тонут в мусоре наглых апологетических «откровений» и пошлостей, вроде: высокая заработная плата не в интересах рабочих, так как «большинству людей вредно очень быстрое обогащение»¹⁴ или «интересы рабочих и хозяев совпадают»¹⁵ и т. п.

Сугубо индивидуалистический подход к рабочему, как к субъекту, движимому исключительно эгоистическими принципами «великой» бентамовской философии, характерен для всей тейлоровской плеяды деятелей. Поскольку кооперация привлекает их внимание, они стараются использовать ее путем внедрения в среду рабочих капиталистического принципа конкуренции. Их рецепты — старые, испытан-

⁹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 246.

¹⁰ Там же, стр. 249—250.

¹¹ Тэйлор, О тэйлоризме, стр. 64—68.

¹² Там же, стр. 31—34.

¹³ Ленин, т. XXII стр. 453.

¹⁴ Тэйлор, Административно-техническая организация предприятия, стр. 108.

¹⁵ Там же, стр. 156.

ные в капиталистической практике средства. Тэйлор например рекомендует «убеждение по одиночке», отбор более выносливых рабочих (второй из четырех знаменитых принципов управления), «прибавки за скорость», хитроумную дифференциальную систему заработной платы и т. д.

Насколько многообразно и широко распространены подобного рода приемы, можно судить по материалам обследования, проведенного по 122 предприятиям различных отраслей германской РПО в конце 1931 г.

Анкеты обследования упоминают о следующих методах: премия, прибавка за выработку, особые прибавки, прибавки на квалификацию, прибавки за качество, система участия в прибыли, введение большого количества слесарных расписок, система чеков, выдача синих костюмов, минутная система, выача напрос, выдача различных компенсаций, система Бедо, система коэффициентов и т. д.¹⁶

В капиталистической кооперации выдвинутые на низшие командные посты наиболее преданные хозяину рабочие подкупаются, прикармливаются за счет известной части прибавочной стоимости. В силу антагонистического характера капиталистических отношений в процессе непосредственного производства подъема даже на первые ступени иерархической лестницы разделения труда обычно означает переход в лагерь враждебного класса, в лагерь надсмотрщиков, погоняльчиков, подручных капитала в бешеной эксплуатации труда. Выполнение даже самых элементарных функций управления и контроля в капиталистической кооперации неразрывно связано с ролью промышленного унтер-офицера, помощника по выколачиванию прибавочной стоимости, с ролью хозяйского агента, стремящегося расколоть единство рабочих.

«Обучение, выдвижение, материальное поощрение передовиков, инициаторов соцсоревнования, вожakov ударных бригад, практических вдохновителей трудового подъема масс» (Сталин) в социалистической кооперации есть выдвижение и поощрение героев социалистического труда, сплывающих в борьбе за план рабочие коллективы.

Исторически ограниченному характеру капиталистической кооперации, так осязательно выступающему в тэйлоровской совокупности людей, работающих лопатами, противостоит социалистическое использование комбинированного труда.

Капиталистическому применению кооперации противостоит социалистический принцип соревнования, включающий как неотъемлемую часть товарищескую взаимопомощь, методы общественного буксира, шефство передовых ударников над отстающими, менее подготовленными рабочими и т. д.

Повышение жизненной энергии, вызываемое общественным контактом, проявляется в капиталистической кооперации в чрезвычайно ущербленном, искаженном, неполном виде. В социалистической кооперации по мере ее развития соревнование, вызываемое общественным контактом, поднимается на высоту социального соревнования.

Массовая сила социалистической кооперации есть новая массовая сила. Внутренний характер сцепления образующих эту новую общественную силу индивидуальных сил умножает ее дееспособность. Производительность труда в результате сознательной коллективной борьбы, в результате внедрения новой дисциплины, новых стимулов труда, труда на себя резко возрастает. Ударная бригада означает

¹⁶ Бюллетень социально-экономического отдела Профинтерна за январь 1932 г., стр. 11.

новую расстановку сил, новые приемы, новые темпы, новую непрерывность кооперативного труда. Участие масс в планировании, конкретные договорные обязательства в порядке соцсоревнования, разнообразные формы социалистической взаимопомощи повышают согласованность кооперативного труда совершенно недоступными для капитализма методами.

Итоги всесоюзного конкурса-переключки новостроек демонстрировали всему миру преимущества социалистической кооперации. Бригада землекопов Филиппова на Кузнецкстрое давала свыше удвоенной нормы в день на человека (7 446 кубометра земли); бригада Бубнова на Крамашстрое добилась мирового рекорда кладки кирпича (4 326 штук на человека в смену); бригада Бурцева коксового цеха Кузнецкстроя укладывала от 4,3 до 4,6 т огнеупорного кирпича в день на человека, почти удесятеренную максимальную норму, намеченную французскими специалистами. Таких примеров можно было бы привести десятки и сотни, и с каждым днем их становится все больше и больше.

На опыте социалистического строительства в СССР подтверждается факт большей производительности труда в социалистической кооперации по сравнению с капиталистической. Отдельные достижения ярко иллюстрируют огромные возможности новой общественной связи, новой организации труда. Эти возможности требуют для своего осуществления большевистской руководимой упорной борьбы масс. Каждый день приносит новые и новые известия, свидетельствующие, с какой быстротой эти возможности становятся повсеместной действительностью.

В свое время буржуазия и ее меньшевистские и эсеровские прихвостни издевались над надеждами, возлагаемыми большевиками на первые ростки коммунистического труда — субботники, называли эти надежды «бао-бабом в горшке от резеды» и указывали на массовые случаи упадка производительности, хищений и пр. Ленин отвечал им: «Издевательство над слабостью ростков нового, дешевенький интеллигентский скептицизм и пр., — все это в сущности приемы классовой борьбы буржуазии против пролетариата, в защиту капитализма, против социализма. Мы должны тщательно изучать ростки нового, помогать их росту и «ухаживать» за этими слабыми ростками».

«Когда новое только что родилось, — подчеркивает Ленин, — старое всегда остается в течение некоторого времени сильнее его. Это всегда так бывает и в природе и в жизни»¹⁷.

Для того чтобы оценить значение тех или иных фактов, нужно брать их в связи с решающими условиями экономики и политики. Тогда то, что само по себе представляется сегодня еще слабым и единичным, может быть понято как массовое и необходимое завтрашнего дня. Тупость буржуазной и социал-фашистской критики наших недостатков и достижений в том-то и заключается, что они «упускали» и «упускают» из виду такие решающие факторы, как диктатуру пролетариата, руководство коммунистической партии и т. д. Поэтому их мрачные предсказания неизменно проваливаются. Те самые слабые ростки нового труда, над которыми они так издевались, на современном этапе нашли широчайшее распространение, охватив огромное большинство рабочего класса. «Теперь дело соревнования и ударничества является завоеванным и закрепленным»¹⁸.

Социалистическая совместность труда возникает в результате переворота в материальных общественных отношениях. Однако разви-

¹⁷ Ленин, Собр. соч., т. XXIV стр. 340—341.

¹⁸ Ленин, Вопросы ленинизма, изд. 7-е, стр. 742.

тие ее есть длительный процесс, этапы которого неразрывно связаны с общими этапами переходной экономики.

С возникновением массового движения соцсоревнования и ударничества новое качество социалистической совместности труда находит свое наиболее яркое проявление.

В реализации возможностей новой кооперации соцсоревнование и ударничество означают новую ступень всемирно-исторического значения. План осознается, творится и осуществляется как непосредственный план миллионных масс, что в колоссальной степени умножает его материальную силу. Однако совершенно неправильно заключать отсюда, что преодоление исторической ограниченности капиталистической кооперации, реализация огромных преимуществ социалистически объединенного труда начинается лишь с развитием массового движения соцсоревнования и ударничества. Тов. Эскин в недавно вышедшей брошюре пишет следующее:

«В социалистическом характере производства заложены гигантские возможности для развертывания потенциальной производительной силы общественного труда и устранения ее капиталистических границ, за пределы которых эти силы в своем развитии не могли перешагнуть. С развитием ударного движения возможность превратилась в реальную действительность»¹⁹.

По т. Эскину выходит, что до начала массового движения соцсоревнования и ударничества, т. е. до 1929 г., наша промышленность не использовала возможностей, вытекающих из ее социалистического характера, из плановости, из нового отношения к труду. Устранение границ, за пределы которых не могло перешагнуть развитие производительных сил общественного труда при капитализме, превращается в реальную действительность лишь в начале второй пятилетки. Но тогда остаются совершенно необъяснимыми невиданные при капитализме темпы развития нашей социалистической промышленности в восстановительный период и в первые годы реконструктивного периода.

Цитированные положения отнюдь не являются у Эскина случайной обмолвкой. Подводя итоги на стр. 45—46, он формулирует аналогичную мысль еще более ярко и резко:

«Противоречие нашей системы хозяйства, — пишет он, — выразилось в несоответствии между уровнем производительных сил, унаследованных от помещичье-капиталистического строя, и созданными Октябрьской революцией социалистическими производственными отношениями. Оно выступило в виде несоответствия старой формы организации труда и унаследованных от капитализма трудовых пропорций новому типу социалистических отношений. В ходе развития социалистического хозяйства создавались условия для преодоления этих противоречий. Возможность такого преодоления заключалась с самого начала в социалистическом характере производства. Но лишь на основе ударничества, как дальнейшего развития социалистических отношений, возможность превращается в действительность» (разрядка наша).

Итак, до поднятия нового отношения масс к труду на уровень ударничества имеются лишь возможности и условия для устранения капиталистической формы организации труда и капиталистических трудовых пропорций. Оказывается, по т. Эскину, что оппортунистический «закон трудовых затрат» теряет свою реальную власть над экономикой социалистической кооперации лишь во втором десятилетии господства пролетариата. Оказывается, что унаследованная от капитализма организация труда сохранилась у нас до 1929 г., несмотря на социалистический характер кооперации. Непонимание социалистического характера закономерностей движения нашей круп-

¹⁹ «Социалистические формы труда», Партиздат, 1932 г., стр. 16.

ной промышленности в восстановительный период, отрыв нового этапа, новых явлений от предшествующего развития — вот основа путаных рассуждений т. Эскина о месте и роли соцсоревнования в развитии новой кооперации труда.

Несмотря на неоднократное подчеркивание органической связи социалистического соревнования с предшествующими этапами переходной экономики, у т. Эскина господство плана и социалистический характер отношений в обобществленном секторе начинают проявлять себя по существу лишь с развитием массового ударного движения.

Хотя т. Эскин совершенно правильно оценивает²⁰ как троцкизм попытку одного из авторов сборника «Соцсоревнование в промышленности» рассматривать социалистическое соревнование «как один из важнейших этапов на пути перерастания производственных отношений, переходного периода в социалистические производственные отношения», однако непонимание им самого места социалистического соревнования в развитии плана как закона движения нашей экономики приводит его к аналогичной грубой ошибке, к абсурдному утверждению, будто сквозная бригада замещает в основном межотраслевую капиталистическую конкуренцию, а общественный буксир — внутриотраслевую²¹. Но сквозная бригада и общественный буксир нашли распространение примерно лишь в 1930—1931 гг. Следовательно, по т. Эскину, в течение тринадцати лет социалистического строительства внутриотраслевая и межотраслевая капиталистическая конкуренция в обобществленном секторе ничем в основном не были замещены. Более того, и в настоящее время в ряде отраслей и районов сквозные бригады и общественные буксиры не нашли еще достаточно широкого применения. По т. Эскину, в этих отраслях и районах продолжает господствовать капиталистическая конкуренция.

Конкуренция есть форма проявления и осуществления имманентных законов стихийного хозяйства. Законом движения нашей экономики является диктатура пролетариата, осуществляющая план социалистического строительства. План ведет свое начало с первых дней завоевания власти пролетариатом. Обусловленное этим планом развитие социалистического обобществления расширяет и укрепляет его материальные основы. Планом создаются и реализуются межотраслевые связи и подымаются на высшую ступень отставшие в техническом и организационном отношении предприятия внутри отдельных отраслей. Сквозные бригады и общественный буксир, как и другие формы соцсоревнования, являются определенными моментами развития этого плана, могучими средствами мобилизации для классовой борьбы за его осуществление революционной активности миллионов масс.

Исторически массовое движение соцсоревнования возникает как неотъемлемая часть развернутого большевистского наступления по всему фронту, как источник ускорения темпов и преодоления трудностей реконструктивного периода.

Заводы-передовики, вписавшие в летопись социалистической индустрии ряд решающих побед, явились вместе с тем заводами, кото-

²⁰ См. примечание на стр. 13.

²¹ «Соцсоревнование как вид товарищеской взаимопомощи получило в частности выражение в таких формах, как сквозная бригада и общественный буксир. Эти два вида соцсоревнования наряду с другими формами соцсоревнования и на их основе замещают собой в основном два вида капиталистической конкуренции — внутриотраслевой и междуотраслевой» («Социалистические формы труда», стр. 66).

рым принадлежит почин широкого использования новых методов мобилизации воли и энергии рабочего класса. В недрах наиболее передовой обученной закаленной части пролетариата родились новые формы социалистической организации труда.

Эти формы являются той конкретизацией путей к социализму, опытом миллионов, о которой в свое время писал Ленин.

II. План

Капиталистическая кооперация возникает и развивается на основе стихийных товарных отношений.

Планомерность разделения труда внутри капиталистического предприятия носит исторически ограниченный стихийный характер.

Капитализм не только ставит плану внешние узкие границы, но и определяет специфичность его внутренней природы, связей, пропорций. Основное противоречие капитализма, противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения, существует и проявляется и в процессе непосредственного производства. Это противоречие накладывает свою печать на характер плана капиталистического предприятия.

Внутренняя пропорциональность капиталистического предприятия формируется под воздействием беспорядочных рыночных колебаний.

В отличие от плана — директивы социалистической кооперации — план капиталистического предприятия выступает как предвидение стихии, которая непрерывно настигает капиталиста в его «собственном доме», вносит элемент случайного в продуманную систему внутризаводских пропорций.

Внешний деспотический характер кооперации наемных рабочих обуславливает внешний принудительный характер плана.

Связь их функций, их единство как производительного тела лежит вне их самих, в капитале, который их связывает и сдерживает вместе. «Связь их работ противостоит им, идеально как план, практически, как авторитет капиталиста, как власть чужой воли, подчиняющей их деятельность своим целям»²². Капиталистическое разделение труда «предполагает безусловный авторитет капиталистов по отношению к рабочим, которые образуют простые части принадлежащего ему совокупного механизма»²³.

Этот автократический характер плана прекрасно осознается передовым капиталистическим практиком. «Одному цеху, — пишет Форд, — вовсе незначительно знать, что происходит в других: Дело руководящих лиц, которые составляют все планы работ, следить за тем, чтобы все цехи работали согласованно в направлении к общей цели»²⁴.

Капиталистическое использование рабочего как придатка машины, сведение его деятельности к простейшим автоматическим движениям предполагает сколачивание человеческой кооперации наподобие внешнего механического согласования частей машины, закрепляет и развивает исторически обусловленный характер плана капиталистической кооперации.

«Для новой экономической организации, — признается Зомбарт, — нужны были обездушенные, обезличенные, проникнутые одним духом люди, которые способны были стать частями или, точнее сказать, колесиками этого сложного механизма, ибо зависимость и вза-

²² М а р к с, Капитал, т. I, стр. 248—249.

²³ Т а м ж е, стр. 269.

²⁴ Ф о р д, Моя жизнь.

имодействие многих людей должны были вызвать мощное, увеличение производительных сил, к развитию которых призван был капитализм»²⁵.

В противоположность этому план социалистической кооперации является выражением внутренней, все более и более осознаваемой связи.

План социалистической кооперации есть план, который разрабатывается, дополняется, совершенствуется миллионами людей, впитывает их волю, знание, предприимчивость.

На разборе работы любой действительно ударной бригады, как в капле воды, можно увидеть, что социалистический производственный план есть «живая практическая деятельность миллионов людей, что реальность этого плана — миллионы трудящихся, творящих новую жизнь, их воля к труду, их готовность работать по-новому, их решимость выполнить план» (Сталин).

В условиях социалистической кооперации доведение плана до низовых звеньев, вскрывая четко и ясно реальные взаимосвязи и зависимости данной группы с другими, приводит к разнообразным формам участия многомиллионных масс не только в выполнении плана, но и непосредственно в составлении его как своего собственного плана. Встречный промфинплан означает высокую степень осознания производителями своего единства в труде, планомерно организованном в гигантском общегосударственном масштабе, как реализации уже имеющейся между ними в силу общей собственности связи.

Только по 130 предприятиям Москвы в проработке встречного на 1932 г. участвовало 150 тыс. чел. Поступило около 50 тыс. предложений, вносящих в фонд социалистического накопления десятки миллионов рублей экономии.

На Электрозаводе на собраниях и беседах по проработке встречного плана технико-экономической независимости приняло участие около 8 тыс. чел.

К июню 1932 г. общая сумма экономии от технически разрешенных предложений исчислялась свыше 3 млн. руб.²⁶

На «Красном путиловце» для непосредственной работы по составлению встречного плана была организована 181 планово-оперативная группа с охватом 1 029 рабочих и ИТР, опиравшихся на 20-тысячную массу рабочих. В помощь планово-оперативным группам были созданы бригады технической помощи из ИТР и рабочих-ударников, которые выявляли пропускную мощность оборудования, проводили паспортизацию, проверяли технологические процессы от первой до последней операции. Была выявлена пропускная способность отдельных групп станков, загруженность оборудования в станкоочасах, резерв и недостатки оборудования на отдельных участках, было собрано выше тысячи рабочих предложений.

Ярким фактом, раскрывающим историческое значение встречного промфинплана как средства мобилизации творческой энергии рабочего класса, является история борьбы за встречный план на ленинградском заводе им. Сталина.

В нашедшей широкое распространение практике ежедневных 10—15-минутных совещаний производственных бригад перед началом работы для выдвижения сменновстречного новый характер плана получает свое дальнейшее развитие и оформление.

В социалистической кооперации при достаточно конкретной и тщательной проработке бригадой спущенного задания встречный план возникает необходимо. Встречный промфинплан является ярким выражением той «деловой революционной самокритики масс, опирающейся на творческую инициативу миллионов трудящихся», о которой писал т. Сталин в предисловии к брошюре «Соревнование масс». Для выявления скрытых возможностей рационализации технического процесса, экономии сырья, увеличения нагрузки оборуду-

²⁵ З о м б а р т, Современный капитализм, т. III, ч. 1, стр. 438.

²⁶ «Ударник» № 13 за 1932 г., статья Левина, стр. 10—11.

дования, уплотнения рабочего дня, уменьшения брака, сокращения импорта и т. д. привлекается опыт миллионов. План становится непосредственно осознанным выражением коллективной воли его исполнителей, результатом их массового творчества.

Новой качественной ступенью встречного промфинплана является бригадный техпромфинплан. Здесь уже планирование масс идет не путем прикидок «на-глазок», не путем установления общих показателей на основе статистически обобщенного опыта прошлой работы, а путем намечения связного ряда необходимых конкретных технических мероприятий. Такой техпромфинплан содержит четкую последовательно развернутую программу путей и методов осуществления намеченных качественных и количественных показателей. Опыт массы участников не только обобществляется, но и поднимается на более высокую ступень, подкрепляется данными заграничной техники, результатами хронометража, технического анализа мощности оборудования и т. д.

Чрезвычайно интересным в этом отношении является опыт составления техпромфинплана бригадой т. Пятышева на «Севкабеле». Бригада т. Пятышева начала свою работу по выявлению производственных возможностей с того, что проанализировала шаг за шагом технологический процесс и организацию труда при освинцевании телефонного кабеля. Детальному обсуждению подверглось использование оборудования материалов и рабочей силы на каждой последовательной производственной операции. В результате было выдвинуто повышение производительности труда на 26,1% против 21% по плану. Но на этом работа бригады не могла остановиться. При техпромфинплане передовая бригада самой логикой производственного процесса наталкивается на необходимость подтягивания отстающих бригад, на необходимость организационного воздействия на весь производственный поток. «Инициатива зародившегося в одном звене технологического потока, требует помощи соседней бригады. Рост производительности в бригаде прессовщиков требует точно такого роста бригады скрутки, изолировки, волочилки. Встречный план одной бригады становится буксиром цеха всего завода»²⁷. Рабочий приобщается к руководству целым предприятием, охватывает полностью значение своей работы, ее взаимосвязи и место.

В техпромфинплане уничтожение противоположности между умственным и физическим трудом получает свое дальнейшее движение. Изобретательность, предприимчивость, творческая активность масс находят форму плодотворной реализации.

За период разработки техпромфинплана, декабрь—январь, число рабочих изобретений на заводе «Светлана» достигло рекордной цифры: 568 заявок, зафиксированных бризом. В бригаде т. Моторного механизация штамповки ножек повысила производительность станка с 10 д 150 шт.

В бригаде т. Ивановой в техпромфинплан было внесено 6 рационализаторских предложений, упрощающих технологический процесс. Одно из них—соединение резки и выдувания в одну операцию—увеличивает вдвое выработку (см. «Красную газету» от 20 марта 1932 г.).

При проработке техпромфинплана на «Севкабеле» было проведено 357 бригадных производственных совещаний, 14 цеховых конференций, партийная заводская конференция. Было внесено 1 200 предложений по повышению технического уровня завода, введено 300 новых в СССР конвейерных производств, импорт был уменьшен за счет супрогатиrowания на 2½ млн. руб. Изделия завода были охвачены стандартами на 93% и т. д.

Как совершенно правильно отмечает т. Эскин²⁸, усиление плановости внутри бригад как отдельных клеточек требует углубления пла-

²⁷ Д а в ы д о в и ч и Д р е й з и н, Техпромфинплан бригады.

²⁸ «Социалистические формы труда», стр. 28.

новости между клеточками, преодоления внутренней ограниченности хозяйничания в рамках небольшого производственного участка. Социалистическая кооперация предполагает повседневное и планомерное участие непосредственных производителей в разработке и осуществлении не только бригадных планов, но и цеховых, общезаводских, народнохозяйственных. В этом находит яркое выражение новый характер и масштаб социалистической кооперации, не ограниченной рамками одного предприятия. Наиболее распространенными формами организаторской и плановой работы масс по устранению межцеховых и межзаводских разрывов, неувязок, диспропорций узких мест являются общественный буксир, сквозные бригады, плано-оперативные группы.

На опыте СТЗ доказано, что сквозные бригады играют совершенно исключительную роль в деле предупреждения разрывов потоков, в деле организации налаживания поточного производства. Сквозная по масляному насосу дала 1 тыс. штук за день, повысив качество; сквозная — по ремонту механосборочного цеха, взявшая шефство над 7-м и 9-м пролетами, вывела их из прорыва. Эта же сквозная бригада провела большую работу по освобождению от импорта, наладив изготовление масляных насосов Ойлгипра²⁹. Сквозная по инструменту на 70% освободила завод от импорта инструментов. Сквозная по коробкам скоростей ликвидировала крупнейший дефект в корпусе коробки скорости (пролив)³⁰.

В капиталистической кооперации рабочий принудительно подчиняется слепой необходимости как господствующей над ним силе вещей. В социалистической кооперации, он, чем дальше, тем все больше, подчиняет мир вещей осознанной необходимости, напряженно ищет и находит тысячи новых способов овладения этим миром.

III. Хозрасчетная бригада как характерная форма социалистической кооперации на современном этапе

Во всякой кооперации постройки, оборудование и сырье утилизируются лучше, чем в раздробленном хозяйстве. Даже тогда, когда рабочие объединены пространственно, а не совместностью самого труда, средства производства имеют характер условий общественного труда; их полезный эффект резко возрастает.

Но в капиталистической кооперации средства производства противостоят рабочему как чужая собственность, как поработощающая его сила. Отсюда необходимость усиленного внешнего контроля над их целесообразным использованием. В социалистической кооперации экономия на общественных условиях труда перестает быть отчужденной от рабочего операцией, и становится плановой задачей самих непосредственных производителей. Коренное изменение отношения к средствам производства находит на современном этапе свое наиболее действенное и яркое выражение в движении хозрасчетных бригад.

Учет и экономное расходование каждой гайки, каждого килограмма сырья, замена дефицитных дорогостоящих материалов, бережное отношение к станку, сокращение потребления энергии, света, материала на единицу продукции становятся буквально знаменем масс.

На «Красном выборжке», по материалам ВЦСПС, хозрасчетные бригады дали с января по сентябрь 1932 г. около 210 тыс. руб. экономии.

«Раньше, когда не было хозрасчета, — говорит работница 13-й хозрасчетной бригады Краснохолмской фабрики, т. Алексеева, — раскололся челнок — давай новый, а теперь

²⁹ По материалам бригады ВЦСПС под руководством т. Перимана.

³⁰ Т о ж е.

расколотый челнок можно скленть и работать так же, как и на новом. Раньше: перервался ремешок—выбрасываем, давай новый, а теперь ремешок связываем и работаем бесперебойно. Больше того, совершенно негодные челноки также не выбрасываются, а собираются вместе, и из отдельных частей челноков составляется совершенно пригодный челнок.

Ткач 12-й хозрасчетной бригады ткацкого отдела т. Тихомиров рассказывает: «В нашей бригаде, по плану, угаров должно было быть 0,91%, а фактически вышло 0,76%, значит сырье, которое пошло бы в отходы, пошло на хороший материал. . . Так же обстоит дело и с зачинами: теперь стали больше доделывать кощы, меньше сырья идет в отходы».

Работница 4-й бригады сушильного цеха, т. Караткина, говорит: «Раньше мы никогда не следили, сколько пара уходит на сушке, а теперь следим и экономим. Следим, чтобы электрические лампочки не горели даром: в обеденный перерыв лампочки всегда потушены. Раньше этого не было. Из челноков, ремешков, угаров, зачинов складываются миллионы рублей экономии».

Вот отчет 13-й хозрасчетной бригады: за декабрь получено экономии на вспомогательных материалах 43 коп. на 100 м, по текущему ремонту—31 коп. на 100 м, по цеховым расходам—88 коп. на 100 м, а всего экономии в бригаде за месяц 489 руб.³¹

Хозрасчетная бригада буровой $\frac{12}{5}$ Грозненских новых промыслов из отпущенных на январь на материалы 900 руб. израсходовала 41 руб. 91 коп., так как работала старыми цепями, перебирая их и ремонтируя. Экономно расходовали смазочные и обтирочные материалы. Стоимость метра проходки была снижена с 80 руб. 70 коп. до 51 руб. 41 коп.³²

По депо Москва-Бутырская Северной ж. д. из шести учетных паровозов за сентябрь 3 хозрасчетных дали в среднем по 232 руб. экономии, а три нехозрасчетных—лишь по 164 руб.³³

Разница между фактическими расходами, приходящимися в среднем на один хозрасчетный и нехозрасчетный паровоз, составляла в Пензе в месяц от 10 до 237 руб., в Сызрани—от 176 до 655 руб., в Варшавском депо Октябрьской ж. д.—145 руб. и т. д.

Бригадный хозрасчет обнаруживает неожиданные источники снижения себестоимости при выполнении самых простых, десятилетиями изученных операций.

Бригада т. Терасса в деревообделочном цехе вагоностроительного завода им. Егорова пишет: «Наша бригада — бригада стариков, нас шесть человек, и самому молодому из нас уже «под сорок».

Мы работаем в разметке деревянных частей для вагонных корпусов ленинградского завода им. Егорова. Операция ручной разметки несложна и изучена вдоль и поперек. Таково во всяком случае было убеждение бригадников еще год тому назад. Казалось, не было никаких возможностей поднять производительность труда, сэкономить материал, повысить зарплату бригадников.

Так было до перехода бригады на хозрасчет. Но с этого момента перед нами открылись новые возможности, которых мы за несколько десятков лет нашей работы и не подозревали.

Хозрасчет заставил нас пересмотреть трудовой процесс. Раньше считалось неизбежным, что при разрезке брусков отрезаются концы по 20—30 см, которые идут в кочегарку. Теперь же мы были хозяйственно заинтересованы в экономии дефицитного материала. Мы стали работать по-новому. Примеряя брусы по длине вагона, нам удалось располагать их так, что стало возможным отрезать не от каждого бруса по 20—30 см, а от последнего значительный кусок в 2—3 м, который использовался нами для следующего вагона. Этот способ дал огромные результаты. За 1931 г. выпущено сверх программы за счет экономии материалов 38 лиш. их вагонов.

В первые месяцы 1932 г. экономия поднялась уже до 40%. Брак изжит совершенно. Проголов не стало («Известия» от 29 апреля 1932 г.).

И опять-таки эти факты должны учитываться как одни из многих фактов мобилизации хозрасчетными бригадами внутренних ресурсов, хозяйственного умения контролировать рублем. Там, где мысль миллионов работающих непосредственно на производстве бьется над задачами повышения производительности труда, снижения себестоимости и улучшения качества, там открываются такие источники, такие резервы, такие формы и методы борьбы, какие раньше трудно было даже себе представить.

Хозрасчетная бригада есть высшая на современном этапе форма

³¹ Газета «Труд» от 3 марта 1932 г.

³² «Грозненский рабочий» от 25 апреля 1932 г.

³³ «Гудок» от 17 апреля 1932 г.

реализации хозяйского отношения к средствам производства, высшая форма практического проведения массами лозунгов, которые Ленин считал при наличии диктатуры пролетариата очередными, главными лозунгами: «Веди аккуратно, — писал Ленин, — и добросовестно счет денег; хозяйничай экономнее, не лодырничай; не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде».

Именно эти лозунги, сплошь и рядом осменявшиеся революционными пролетариями тогда, когда буржуазия прикрывала подобными речами свое господство как класса эксплуататоров, становятся теперь, после свержения буржуазии, очередными и главными лозунгами момента»³⁴.

В разнообразных формах организации труда на современном этапе, в богатстве форм мощно развивающегося социалистического соревнования можно наглядно проследить разносторонние методы участия масс в управлении, методы уничтожения разрыва между функциями контроля и исполнения, между умственным и физическим трудом.

Последовательность и многообразие форм социалистического соревнования выражают последовательность и дифференциацию встающих перед социалистическим строительством задач и методов классовой борьбы. Необходимость социалистического накопления вызывает бригады по мобилизации внутренних ресурсов. Необходимость повышения качества продукции — бригады борьбы с браком, бригады по улучшению качества продукции. Борьба за овладение техникой — рационализаторские бригады, техпромфинплан. Борьба за экономическую независимость Союза — диповские бригады и т. п.

Каждая из этих форм по существу решает часть одной и той же задачи, что находит свое выражение в синтетической форме соревнования, в хозрасчетной бригаде.

Движение хозрасчетных бригад уже носит в СССР массовый характер, становится основной формой социалистического соревнования. На 1 апреля по неполным данным ЦК Союза процент охвата рабочих бригадным хозрасчетом достиг в промышленности, не включая строительства, 39,1%, включая строительство — 35%.

Хозрасчетная бригада является сейчас важнейшей формой социалистической организации труда, потому что она дает форму, понятную самым широким слоям пролетариата, включает в себе соответствующее современному этапу соединение личного материального интереса каждого из участников с историческими интересами рабочего класса в целом, с интересами социалистического строительства. Мощное движение за поднятие производительности труда хозрасчетная бригада направляет по пути всеобщего в период нэпа принципа учета и контроля рублем. Поэтому разнообразные у истоков формы борьбы масс за выполнение и перевыполнение плановых показателей, за ликвидацию обезлички и уравниловки, за мобилизацию внутренних ресурсов, за дальнейшую механизацию, повышение квалификации и т. д. в своем развитии необходимо перерастают в хозрасчетную бригаду. Хозрасчетная бригада — первичная ячейка комплексной реализации шести условий т. Сталина.

История огромного количества ударных бригад наглядно показывает, как их борьба за качественные показатели на определенной ступени развития подводит вплотную к организации хозрасчетных бригад.

³⁴ Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 443.

В конце I квартала профсоюзными организациями Ленинграда было проведено обследование по 15 предприятиям 1 705 хозрасчетных бригад. Результат обследования: норма производительности труда достигнута в 53% бригад, перевыполнена—в 25%. Плановые нормы расхода сырья и материалов превышены только в 9% бригад. Только 4% бригад не уложились в лимиты по вспомогательным материалам. На заводе «Светлана» цехи со сплошным бригадным хозрасчетом работали с перевыполнением всех качественных и количественных показателей.

По данным ХТЗ, сравнение производительности хозрасчетных и нехозрасчетных бригад по одним и тем же деталям за декабрь 1931 г. дает следующие результаты:

Производительность труда

Номера деталей	В хозрасчетных бригадах	В нехозрасчетных бригадах
152	268	161
17	81,87	22,4
695	151,2	114,6
710	148,3	132,4
696	173,5	129,8

На СТЗ на 1 января 1932 г. по кузнице насчитывалось 95 хозрасчетных бригад, выполнивших программу на 150—200%. Бригада зуборезов 31 и 32-го пролетов механосборочного цеха добилась снижения брака в 5 раз против плановых заданий, за 3 мес. сэкономила режущего инструмента на 3 800 руб., совершенно ликвидировала прогулы, добила сокращения рабочей силы: вместо положенных по штату 72 чел.—33 чел.⁸⁵

147 хозрасчетных бригад в целом по 15 Гостресту в Москве за декабрь 1931 г. дали следующие показатели:

Производительность труда	До хозрасчета 114, 9%	При хозрасчете 130%
Прогулы	2,05%	0,8%
Средний заработок в день	4 руб. 67 коп.	5 руб. 59 коп.
Экономия в материалах (в рублях)		25 683
Экономия в человекоднях		52 168 ⁸⁶

Хозрасчет резко повышает использование механизмов.

Экскаватор на Магнитострое был загружен в среднем на 30%. После перехода на хозрасчет экскаватор № 16 дал 71% полезной работы, вынув 2 500 куб. м земли за сутки. Электрический экскаватор № 500 дошел до 75% полезной работы, вынув около 3 тыс. куб. м земли за сутки. Это были рекордные цифры. При прорытии Панамского канала только один экскаватор давал в среднем 65% полезной работы.

Данные по отраслям показывают однако значительную неравномерность охвата рабочих бригадным хозрасчетом.

Наиболее высокий процент охвата показывает на 1 апреля текстильная промышленность: льноконоево-джутовая—57%, хлопчатобумажная—46,3%; наиболее низкий—строительство—22,8%, и, как это ни неожиданно, автотракторостроение—20,9%. Еще более резкие колебания дает процент охвата рабочих бригадным хозрасчетом по отдельным предприятиям. «Севкабель», завод-передовик, вписавший в историю социалистической индустрии ряд решающих побед, является заводом сплошного бригадного хозрасчета. На заводе им. Лепсе, одном из многих, выполнивших задание по снижению себестоимости в хозрасчетных бригадах, было организовано на 1 апреля 1932 г. 80% рабочих, швейная фабрика им. Володарского (Ленинград) дает 90,3% охвата, Чернореченский комбинат—59,9%, Подольский механический завод—52,3%, мариупольский им. Ильича—52,9% и одновременно по Чубаровскому рудоуправлению—всего 8,5%, по Челябинстрою—3%, по Тагилстрою—9,4% и т. д.⁸⁷

Вместе с тем материалы ВЦСПС показывают известную неустойчивость хозрасчетных бригад на отдельных крупных предприятиях.

⁸⁵ По материалам бригады ВЦСПС под руководством т. Першмана.

⁸⁶ «Рабочая Москва» от 6 марта 1932 г., «Постройка» от 28 февраля 1932 г.

⁸⁷ По материалам ВЦСПС и конференции по Бобриковскому строительству.

Так, за 3 месяца (с 1 апреля по 1 июля) на заводе им. Рыкова (Донбасс) число ударных бригад снизилось с 219 до 167; на заводе им. Сталина (Ленинград) — с 373 до 231; на заводе «Коммунар» (Запорожье) — с 987 до 317. На Кольчугинском заводе с января по сентябрь 1932 г. число хозрасчетных бригад уменьшилось с 941 до 144. На ХЭМЗ с марта по август 1932 г. охват рабочих бригадным хозрасчетом снизился с 27,5% до 19%. В ламповом отделе Электростроительного завода в июле 1932 г. было 120 хозрасчетных бригад, в сентябре осталось 6. По электропромышленности в целом охват рабочих бригадным хозрасчетом снизился с 30,9% в марте до 27,6% в августе.

По 20 учтенным предприятиям цветной металлургии на 1 января 1932 г. было 1 296 бригад (39,6% охвата рабочих), на 1 июля осталось 399 бригад (19% охвата рабочих)³⁸.

Низкий процент охвата и развал значительного количества бригад на отдельных предприятиях отнюдь конечно не являются доказательством нежизнеспособности бригадного хозрасчета, а лишь показателями плохого хозяйственного, партийного и профессионального руководства на некоторых предприятиях.

Важнейшими извращениями бригадного хозрасчета являются следующие: 1) отсутствие конкретной систематической повседневной помощи и инструктажа, с одной стороны, с другой стороны — административное насаждение бригад сверху, без необходимой массовой подготовительной работы; 2) гипертрофия функций хозрасчетных бригад, бюрократическое перенесение на хозрасчетные бригады материальной ответственности за убытки, расширение состава бригад, превращение их путем насильственного технологического процесса в самостоятельную административно-хозяйственную единицу, своего рода маленький цех, с одной стороны, и почти полное лишение права маневрировать отпущенными в договорном порядке средствами — с другой стороны; 3) невыполнение администрацией взятых на себя в договорах обязательств, в частности обязательств в отношении снабжения материалами, своевременности, количества и качества этого снабжения, в отношении закрепления за бригадой оборудования, условленной работы и определенного состава рабочих, премирования за экономию и т. д.³⁹

Огромные достижения хозрасчетных бригад основаны на привлечении к непосредственному хозяйствованию миллионных масс. Это привлечение требует коренной перестройки системы внутризаводского планирования и учета.

Наряду с уточнением натурально-технических показателей необходима тщательная разработка бригадной себестоимости. Своевременный спуск твердых конкретных плановых показателей, единая первичная документация, паспортизация оборудования, установление норм расходования материалов, энергии, света и т. д., уточнение работы по технормированию, подетально операционная калькуляция, массовая регулярная проверка выполнения договоров — вот необходимые условия успешной работы хозрасчетных бригад.

На работе хозрасчетных бригад резко отражается практика частого изменения задания на ряде предприятий («Электрик», ХЭМЗ и др.).

На заводе «Электрик» (Ленинград) задание по установочному цеху на сентябрь 1932 г. менялось 5 раз.

1-й раз	программа предусматривала выпуск продукции на	923	тыс. руб.
2-й	• • • • •	831	• •
3-й	• • • • •	1 900	• •
4-й	• • • • •	1 000	• •
5-й	• • • • •	1 505	• •
6-й	• • • • •	1 100	• •

³⁸ По материалам ВЦСПС.

³⁹ По материалам ВЦСПС.

Таким образом администрация в цехе остановилась на выполнении программы по последнему варианту, а бригадам дали задание из расчета 4-го варианта-цех программу выкопчил и получает премию, а бригады не выполнили своих заданий.

На Харьковском электромеханическом заводе (сварочное производство) задание на сентябрь вместо 16 бригад дали только 2 бригадам с опозданием на 10 дней. По изоляционному производству задание доведено лишь 11 сентября. По проверке 26 заданий, доведенных в сентябре до бригад на ХЭМЗ, выявилось, 1066, что ни одно не отвечает требованиям типового положения о хозрасчетных бригадах, так как в них кроме типа изделия и количества изделий никаких показателей не дается.

Это несвоевременное доведение заданий одновременно сопровождается несвоевременным заключением хозрасчетных договоров. Отсутствие заданий некоторых цехов на заводе Севкабель не дало возможности цехам заключить хозрасчетные договора с бригадами. Это приводило к тому, что хозрасчет выпадал из всего цеха⁴⁰.

На московском Электрозаводе в I квартале 1932 г. систематическое запоздывание с разработкой производственных программ превратило в ряде случаев заключение договора в пустую формальность. Последствия: падение хозрасчетной дисциплины и уменьшение числа хозрасчетных бригад. На ленинградском заводе «Русский дизель» в I квартале 1932 г. распалось около 50 бригад. Причины: ненадежность учета и крупные недочеты низового планирования, отсутствие норм вспомогательных материалов, незакрепленность определенных деталей за станками, несвоевременность разработки ряда показателей. На ХТЗ и СТЗ причинами, мешающими выявить бригаде свое хозрасчетное лицо, явились: стандартный, неконкретный характер договоров и отсутствие учета экономии на нефти, смазочных маслах, фрезолы и т. п., что обусловило полную безответственность и обезличку в расходовании этих материалов⁴¹.

Для полного учета своей работы хозрасчетная бригада требует простого наглядного свосвременного и всестороннего заводского учета⁴².

На заводе сплошного бригадного хозрасчета «Севкабель» все формы учета (сводная калькуляция, калькуляция зарплаты, учет производства, простоев, прогулов, брака, итогов рационализации и т. д.) были приспособлены к оперативному обслуживанию работы хозрасчетных бригад. В отдельных цехах были установлены измерительные приборы. Так, в резиновом цехе были поставлены специальные весы для взвешивания полученных в работе бригад отходов. Каждая бригада получала свой особый ящик вспомогательных материалов — материальный склад в миниатюре.

Полное обобществление труда предполагает в числе других условий такую культуру, точность, оперативность учета снизу, для которой бригадный хозрасчет является массовой школой, необходимой переходной ступенью.

Развитие бригадного хозрасчета как формы низового планирования контроля и учета представляет важнейший момент завершения обобществления труда в социалистической кооперации, преодоления мелкобуржуазных навыков, влияний, распыленности, расхлябанности, недисциплинированности, безответственности.

Капиталистическая кооперация строится на последовательной жесткой, замкнутой централизации всех функций контроля и учета. «То самое буржуазное сознание, — пишет Маркс, — которое прославляет безусловное подчинение частичного рабочего воле капитала, с одинаковой горячностью поносит всякий сознательный общественный контроль и регулирование общественного производства, как покушение на неприкосновенные права собственности, свободы и само-

⁴⁰ По материалам ВЦСПС.

⁴¹ По материалам бригады ВЦСПС под руководством т. Першмана.

⁴² Насколько тесно вопросы бригадного хозрасчета связаны с вопросами учета и контроля, можно ярко проиллюстрировать на обсуждении техпромфинплана второй пятилетки бригадами № 46 и 47 цеха № 42 на Севкабеле (см. стенограмму заседания от 8 февраля 1932 г., стр. 37).

Обсуждение вопросов бригадного хозрасчета практически свелось к предложениям, идущим по линии дальнейшего углубления и дифференциации учета, как-то: введение сменной калькуляции, графиков Ганта, установление измерительных приборов для точного определения расхода электрической сети или пара и газа у каждого пресса и т. д.

определяющегося «гения» индивидуального капиталиста»⁴³. Неприкосновенность частной собственности требует засекреченной, тщательно скрываемой от всякого общественного контроля калькуляции. Бухгалтерия — святая святых капиталистического предприятия, куда вход посторонним строго воспрещен.

В социалистической кооперации привлечение к маневрированию наличными ресурсами в целях выполнения и перевыполнения общего плана широких масс теснейше связано не только с развертыванием гласного, доступного учета, но и с непосредственным участием в учете самих рабочих.

Большинство ударных и тем более хозрасчетных бригад имеет своих планозиков, учетчиков, общественных контролеров качества, «бухгалтеров» и т. д. Тетради учета, так называемые «бригадные копилки», — необходимая принадлежность развернутого бригадного хозрасчета. Инициатива масс непрерывно обогащает практику контроля и учета снизу все новыми и новыми формами.

Каменская бумажная фабрика организовала встречный конвейер социалистического исполнения, т. е. постоянную массовую общественную проверку работы всех последовательных звеньев бригад в обратном течении производственно-технологического процесса порядке: от сортировки до поступления сырья на фабрику.

На заводе им. Осоевнорма были выдвинуты выборные контрольные посты сплошного конвейерного кольца для обеспечения согласованности, непрерывности быстрого темпа работы всех последовательных участков производства целого. На ряде фабрик были установлены цеховые черные столы по борьбе с браком.

В сменновстречном, сменночасовом учете и анализе расходования каждой минуты рабочего времени достигают хронометражной точности, перерастают в социалистический хронометраж снизу.

Простой, наглядный оперативный учет — важнейший момент развития социалистической кооперации. «Социализм — это учет» — неоднократно отмечал Ленин. И не просто учет, а массовый, «всемирный учет и контроль снизу», борьба передового авангарда с мелкобуржуазной расхлябанностью и безответственностью, нарушающими планомерность крупного социалистического производства. Эту борьбу Ленин считал имеющей величайшее всемирно-историческое значение борьбой социалистической сознательности против буржуазно-анархической стихийности.

Какое значение имеет массовый повседневный практический учет и контроль как форма классовой борьбы на современном этапе, доказывает богатый опыт колхозного движения, в котором проникновение кулацких, антисоветских элементов на должности счетоводов, учетчиков, кладовщиков оказало крайне разлагающее влияние на организацию труда.

Хозрасчетная бригада является на современном этапе первичной ячейкой привлечения масс к общегосударственному контролю и учету.

Составление сметы — обычно первый шаг в организации хозрасчетных бригад. Бригада т. Чистяковой ткацкого отдела Краснохолмской фабрики начала свою работу с подсчета количества нужных для выполнения месячной программы челноков, ремешков, электрических лампочек, с определения количества зачинов, узора и нормы расходов вспомогательных материалов. Именно такая смета, но уже на основе точного повседневного учета бригадной работы, легла в основу выдвинутых сменновстречных планов⁴⁴.

⁴³ Маркс, Капитал, т. I, стр. 269.

⁴⁴ Газета «Труд» от 3 февраля 1932 г.

Дифференциация и углубление плана, рост его всепроникающей разветвленности (доведение плана до станка, бригадный техпромфинплан и т. д.) предполагают и обуславливают разветвленный по агрегатам, станкам, деталям, операциям массовый учет снизу, проверку миллионами глаз и рук.

IV. Историческое содержание контроля и учета в социалистической кооперации и мелкобуржуазные корни уравниловки.

Процесс труда в капиталистической кооперации носит двойственный характер: с одной стороны, это общественный процесс труда, имеющий целью изготовление продукта, с другой стороны — процесс самовозрастания капитальной стоимости ⁴⁵.

Беспредельная жажда прибавочной стоимости определяет расширенное воспроизводство общественных отношений и вещественных элементов при капитализме. Умнейшие буржуазные идеологи (Зомбарт, Эккерт, Гриневицкий) с поразительным цинизмом превозносят «ненадломленную, часто ужасающую жадность к прибыли» как движущий мотив «здорового» капиталистического хозяйства.

Всякий непосредственно общественный процесс труда требует контроля и управления. Но в социалистической кооперации речь идет лишь о необходимости представить общую связь и внутреннее единство процессов одной управляющей волей. В капиталистической кооперации труд руководства и наблюдения непосредственно вытекает из классовой противоположности рабочего и владельца средств производства, из принудительного характера буржуазного труда.

Соответственно двойственному характеру производства руководство и контроль в капиталистической кооперации также носят специфический двойственный характер. «Управление капиталиста есть не только особая функция, возникающая из самой природы общественного труда и входящая в состав последнего, оно есть в то же время функция эксплуатации этого общественного процесса труда ⁴⁶.

Необходимо к тому же отметить, что современный капитализм уже давно устранил необходимость капиталиста как управляющего, заменив его наемным аппаратом и сведя функцию частного собственника к голому присвоению прибавочной стоимости.

В социалистической кооперации двойственный характер капиталистического контроля исчезает. Функция капиталистического надзора как обусловленная неустранимым антагонизмом между эксплуататором и сырым материалом его эксплуатации отпадает. Но до вступления в высшую фазу коммунизма, вплоть до действительно массового применения коммунистического труда в самом узком и строгом смысле этого слова как бесплатного добровольного труда только «по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу» (Ленин), труд вознаграждается по количеству и качеству произведенной работы и подлежит следовательно связанному с этим обязательному общественному контролю.

«До тех пор, пока наступит высшая фаза коммунизма,— писал Ленин,— социалисты требуют строгой меры контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления» ⁴⁷.

⁴⁵ Маркс, «Капитал», т. I, стр. 248.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Ленин, Собр. соч. т. XXI, изд. 3-е, стр. 436.

О необходимости при социализме контроля и надзора в связи с сохранением «родимых пятен» капиталистических отношений Ленин писал неоднократно: «Учет и контроль повсеместный, всеобщий, универсальный — учет и контроль за количеством труда и распределением продуктов — в этом суть социалистического преобразования, раз политическое господство пролетариата создано и обеспечено»⁴⁸.

«Социализм предполагает, — говорил он в своем докладе о субботниках на московской конференции РКП, — общественный труд при строжайшем учете, контроле и надзоре со стороны организованного авангарда передовой части трудящихся, причем должны определяться и меры труда и его вознаграждения»⁴⁹.

Требование равной оплаты в социалистической кооперации переходного периода есть просто кулацкая дамагогия. «Никакого равенства не может быть, пока есть классы и пока есть труд квалифицированный и неквалифицированный (см. «Революция и государство» Ленина), надо говорить не о неопределенном равенстве, а об уничтожении классов, о социализме»⁵⁰.

Но лозунг «неопределенного равенства» — наиболее распространенный, засасывающий, живучий предрассудок огромных масс мелкой буржуазии. Вот почему всякий оппозиционный обстрел генеральной линии партии, начиная с рабочей оппозиции и кончая троцкистами и правыми, неизбежно начинался с нитья по поводу этой любимой мозоли мелкого буржуа. На лозунге «равенство» усиленно спекулирует и заграничная меньшевистская печать. «ВКП одушевлена, — пишет «Социалистический... сплетник», — отнюдь не идеалами равенства. В эпоху канонизации сдельщины равенство официально объявлено мелкобуржуазной уравниловкой»⁵¹.

Но не равная оплата, а оплата по труду есть основной принцип социалистического распределения. Злобное хихиканье «Социалистического сплетника» лишний раз доказывает, как основательно «забывают» меньшевики прямые указания Маркса, когда дело касается клеветы на Советский союз. «Рабочелюбью» этих истинных друзей капиталистического класса необходимо противопоставить четкое понимание марксо-ленинской теории производства и распределения в социалистическом обществе.

«Реальное содержание пролетарского требования равенства сводится к требованию уничтожения классов»⁵².

Конкретное историческое равенство социалистической кооперации заключается в уничтожении частной собственности на средства производства, в уничтожении классовых различий в производстве, а следовательно и в потреблении. Однако тем самым отнюдь не снимается различие в вознаграждении отдельных индивидуумов, вытекающее из различия их способностей и квалификации.

Равенство в социалистической кооперации заключается не в получении равного продукта, а в применении для определения доли каждого из участников общего для всех мерила — труда.

Неравенство в распределении социалистической кооперации вытекает не из неравного права, а из неравного участия отдельных работников в производительной деятельности общества. Именно «равное

⁴⁸ Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 163.

⁴⁹ Там же, т. XXIV, изд. 3-е, стр. 650.

⁵⁰ Сталин, Об оппозиции, изд. 3-е, стр. 220.

⁵¹ Цитировано по книге Неманова. «Пути и методы перестройки зарплат», стр. 13.

⁵² Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 5-е, стр. 97.

право» всех индивидуумов получать пропорционально затраченному труду обуславливает неравенство в распределении; «каждый отдельный производитель получает от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему»⁵³.

«За часть труда, которую он (производитель) дал обществу в одной форме, возвращается ему в другой форме».

Хотя внешне таким образом господствует тот же принцип, который регулирует товарообмен, поскольку товарообмен есть обмен эквивалента, однако с обобществлением средств производства содержание и форма этого принципа меняются коренным образом, так как этот принцип служить лишь для распределения средств потребления в соответствии с качеством и количеством затраченного труда.

Однако применение этого принципа означает конечно формальное, а не фактическое равенство, равенство, ограниченное узким горизонтом буржуазного права. Как и всякое право, это право есть применение одинакового масштаба к неодинаковым на деле людям. Необходимость такого права обусловлена уровнем и характером развития производительных сил, необходимостью стимулировать участие в общественном производительном труде индивидуальным распределением средств потребления. Это право выражает основное противоречие социализма: противоречия между производительными силами и производственными отношениями, между уровнем материального производства и потребностями социалистически организованных производителей на той ступени развития этого единства противоположностей, на которой коммунистическое общество еще не имеет своей собственной основы, т. е. не имеет того уровня развития непосредственно общественного производства, при котором может быть устранено такое «родимое пятно» старого общества, как контроль над индивидуальной мерой труда и потребления.

Лишь когда все источники общественного богатства польются полным потоком и труд станет первой жизненной потребностью, историческое равенство социалистического общества сменится коммунистическим принципом «каждый по своим способностям, каждому по его потребностям», и отпадет необходимость общественного контроля над индивидуальной мерой труда и потребления.

Но осуществление лозунга «по потребностям» отнюдь не означает «дележку поровну», ибо потребности людей различны. отождествление коммунистического строя с тупым обезличивающим мещанским равенством, при котором все люди получали бы одну и ту же плату, одинаковое количество мяса, одинаковое количество хлеба, носили бы одни и те же костюмы, получали бы одни и те же продукты в одном и том же количестве⁵⁴, является наряду с другими подобными кулацкими выдумками сознательной карикатурой классового врага на социализм.

Идеологически уравнивательные тенденции коренятся в пережитках примитивного крестьянского «коммунизма», в патриархальных общинных воззрениях с их историческим «едоцким» принципом, в утопическом мелкобуржуазном социализме.

Навязчивая идея равенства является характерным выражением противоречий мелкотоварного производства, противоречий между частным и общественным, индивидуальным и общественно-необходимым характером труда, между самостоятельностью мелкого хозяйчика и подчинением его деятельности стихийно регулирующему воздейст-

⁵³ М а р к с, Критика Готской программы, стр. 25.

⁵⁴ См. беседу т. Сталина с Э. Людвигом.

вию общественных законов, между его громко провозглашенной независимостью и равноправием и необходимостью отдавать свой труд согласно его общественной мере.

Мелкий буржуа не против частной собственности на средства производства и обусловленного ею индивидуального обмена. Это — его стихия, которую он абсолютизирует как вечный, неустранимый закон природы. Мелкий буржуа не ставит вопроса об устранении этой стихии, а лишь о ее реформировании согласно его вкусам и потребностям. Он не собирается уничтожать основы товарного производства, а лишь преобразовать их «справедливым» образом на началах равенства.

В чем заключаются эти начала равенства в представлении мелкого буржуа, можно ярко проиллюстрировать на ложных выводах, сделанных Прудонем из теории трудовой стоимости Рикардо. Эти выводы заключаются в том, что «всякий день труда стоит другого дня труда, т. е. взятый в равном количестве труд одного рабочего стоит труда другого рабочего: между ними нет качественной разницы. При равном количестве труда продукт одного обменивается на продукт другого»⁵⁵.

Таким образом «достаточно будет, — отмечает Маркс, — употребить на производство предмета 6 часов труда, чтобы иметь право требовать за него, по теории г-на Прудона, в шесть раз больше, чем требует тот, кто потратил лишь один час на производство такого же предмета»⁵⁶.

Уравнительное применение формулы Рикардо, согласно которой стоимость продуктов определяется затраченным на их производство рабочим временем, для устранения заключенных в индивидуальном обмене противоречий составляет основу большинства утопических проектов социалистического преобразования общества, сочиненных идеологами мелкой буржуазии.

Сисмонди горько сокрушался, что меновая стоимость всегда определяется в конечном счете не количеством труда, действительно на нее потраченного, а тем, который необходим при данных, быть может усовершенствованных средствах производства. В этом Сисмонди видит источник всех противоречий между современной ему промышленностью и торговлей⁵⁷.

Брэй, Грэй в Англии, Прудон во Франции последовательно провозглашали как последнюю теоретическую истину и радикальное практическое средство ту или иную разновидность уравнительного применения формулы Рикардо.

Однако все попытки устранить противоречивость индивидуального обмена, не устраняя самого индивидуального обмена, не уничтожая обуславливающих его имущественных отношений, являющихся, как говорит Маркс, попытками перестроить общество на основе, которая представляет лишь его собственную разукрашенную тень. «По мере того как эта тень облекается плотью, оказывается, что вместо рисовавшегося светлого образа плоть эта является лишь современным общественным телом»⁵⁸.

Идея мелкобуржуазного равенства представляет, говорил Ленин, лишь слепок с товарных отношений.

Итак, суть пронесенной через столетия реакционной мечты мелкого

⁵⁵ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. V, стр. 315.

⁵⁶ Там же, стр. 328.

⁵⁷ Там же, стр. 327.

⁵⁸ Там же, стр. 234.

буржуа о равенстве, суть его «социалистического рая» заключается в том, что 8 часов труда Петра должны быть равны 8 часам труда Павла, несмотря на различие квалификации, технической вооруженности и т. д.

Мелкий буржуа хочет сохранить свою мастерскую и следовательно товарное производство, но вместе с тем избавиться от развития имманентных законов этого товарного производства, от безжалостного кнута конкуренции, от разорения и гибели вследствие поступательного хода крупной машинной индустрии⁵⁹.

Не превратиться в пролетария — вот крик сердца мелкого буржуа. Возврат назад к мирному укладу прошлых времен — вот реакционная, утопическая суть его требований⁶⁰.

Внутренняя противоречивость этих требований ярко выражает исторические противоречия в положении мелкого буржуа в условиях развитого товарного хозяйства.

Но при всей утопичности и реакционности ведущей идеи мелкого буржуа о равенстве она содержала в определенные исторические периоды антикапиталистическое острие, направленное против крупной собственности на средства производства⁶¹. При диктатуре пролетариата с обобществлением крупной собственности это антикапиталистическое острие окончательно отпадает. Идея уравнительности, применительно к нашим социалистическим предприятиям, где различия в вознаграждении вытекают из различия в качестве и количестве труда, имеет сугубо реакционное значение.

Идея уравнительности на наших социалистических предприятиях выражает протест зараженной мелкобуржуазными предрассудками и привычками части рабочего класса против подчинения плановой общественной мере качества и количества труда, против подчинения требованиям социалистической организации труда.

Эта идея нередко является прикрытием эксплуататорских поползновений со стороны пробравшихся на социалистические предприятия остатков разгромленных паразитических классов. Стремление со стороны закоренелых туенядцев, дармоедов, сознательных классовых врагов присвоить под флагом уравнительности труд передовых добросовестных работников особенно ярко выступает в колхозах.

Борьба пролетариата с уравниловкой, с разнузданными мелкособственническими инстинктами, с рваческими настроениями есть классовая борьба против мелкобуржуазной стихии и порождаемого ею капитализма, против использования крупного социалистического производства для целей частного обогащения.

⁵⁹ Ленин, т. II, изд. 3-е, стр. 62—63.

⁶⁰ Поскольку конкуренция составляет источник постоянного беспокойства буржуа, он присоединяется к воплям мелкого собственника о равенстве об отношении пропорциональности, о добросовестных ценах, вкладывая однако в эти лозунги иное содержание, а именно: невинное пожелание честного человека и доброго буржуа, «чтобы товары производились в пропорциях, позволяющих продавать их по добросовестным ценам» (Маркс и Энгельс, т. V, стр. 329).

Нередко требование равенства в устах капиталиста означает, как это наблюдалось при проведении фабричных законов, требование равенства условий эксплуатации рабочего. Лозунг равенства может служить прикрытием различных классовых интересов. Необходимо сугубо конкретный исторический подход к анализу содержания этого лозунга.

⁶¹ В условиях современных капиталистических государств требование экономического равенства в его мелкобуржуазном понимании широко используется как демagogическое средство привлечения мелкобуржуазных слоев вождями фашистского движения и имеет ярко выраженный антипролетарский характер.

Уравнивательные тенденции в социалистической кооперации ведут к усилению текучести рабочей силы, к притуплению чувства ответственности, к ослаблению стимулов к добросовестной работе и к повышению квалификации, означают подрыв социалистического производства и потому становятся знаменем кулацкой агитации⁶².

Характерным проявлением непонимания сущности социалистической оплаты по труду является стыдливое отношение некоторых работников к сдельщине. Сдельщина трактуется как использование для социалистического строительства капиталистических по существу, методов интенсификации труда и оправдывается лишь в силу нашей исторической отсталости. Такого рода «объяснения», совсем нередкие в практике нашей агитационной и пропагандистской работы, являются полным отступлением от марксистских теоретических позиций и по сути дела открывают прямой путь для социал-фашистской критики отношений на наших предприятиях последовательно социалистического типа как отношений госкапиталистических. Это представление о несоответствии сдельщины социалистическим отношениям собственности исходит из троцкистского разрыва отношения производства и распределения в переходный период. Еще в «Новой экономике» Преображенский, полностью отождествляя сдельщину капиталистическую и сдельщину на наших социалистических предприятиях, писал, что «система сдельщины позволяет выжать все возможности из индивидуальных буржуазных стимулов к труду, которые при социализации средств производства означают, вообще говоря, отставание от новых форм собственности на целую эпоху»⁶³.

По мнению г. Преображенского, система сдельщины с определенного момента тормозит новую систему организации труда и воспитания новых стимулов к труду.

В действительности наша сдельщина ничего общего не имеет с капиталистической сдельной формой заработной платы. Что такое капиталистическая сдельная или поштучная форма заработной платы? «Поштучная плата представляет лишь превращенную форму повременной платы, точно так же как и сама повременная плата есть превращенная форма стоимости или цены рабочей силы». «Поштучная плата есть форма заработной платы, наиболее соответствующая капиталистическому способу производства»⁶⁴.

Поскольку у нас нет купли-продажи рабочей силы, а следовательно стоимости и цены рабочей силы, категория заработной платы в этом смысле вообще неприложима к нашим социалистическим предприятиям. Наша сдельщина есть соответствующая современному этапу форма социалистической оплаты по труду, одна из форм осуществления социалистического контроля над мерой труда и потребления. Капиталистическая же сдельщина, как и всякая форма заработной

⁶² Историческая речь т. Сталина помогла каждому заводу вскрыть десятки фактов вопиющей уравниловки. На Ленинградском заводе им. Сталина чернорабочий в кузнице получал сдельно столько же, сколько рабочий 4-го разряда средней квалификации,—1 рубль в час. В механическом цехе рабочий 7 разряда получал 1 руб. 38 коп. в час, рабочий 6-го—1 руб. 42 коп. В кузнице рабочий 7-го разряда—1 руб. 05 коп., 6-го—1 руб. 40 коп. В котельной рабочий 8-го разряда—1 руб. 30 коп., рабочий 6-го—2 руб. 11 коп. и т. д. (см. открытое письмо рабочих, ИТР и хозяйственников завода им. Сталина).

На ивановской фабрике «Заря социализма» зарплата крутильщицы кофты тарифицировалась по 4-му разряду и составляла 4 руб. 68 коп., а зарплата подмастера жаккардовца, тарифицируемого по 17-му разряду, неподнималась выше 4 руб. 26 коп. (газета «Труд» от 20 октября 1932 г.).

⁶³ Преображенский, Новая экономика.

⁶⁴ Маркс, Капитал, т. I, стр. 430, 434.

платы, лишь по видимости представляет оплату в соответствии с количеством и качеством затраченного труда. Именно «на этой внешней форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношений прямо противоположных, покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии свободы, все апологетические увертки вульгарной экономики»⁶⁵.

Что капиталистическая сдельщина есть превращенная иррациональная форма цены рабочей силы, определяемой всеобщим законом капиталистического накопления, и следовательно ничего общего не имеет с социалистическим принципом «равной оплаты за равный труд», прекрасно доказывается общеизвестным фактом более низкой оплаты «дешевого» цветного, женского и детского труда. Соответственно квалификации и интенсивности труда женщины, дети, негры, китайцы сплошь и рядом получают меньше взрослых белых мужчин.

Денежная форма нашей сдельщины, связанная с сохранением некоторых моментов косвенного планирования всего народного хозяйства, с незавершенностью процессов обобществления, не должна замаскировывать ее социалистической сущности как оплаты по труду. Именно социалистическая сущность нашей сдельщины объясняет ее экстенсивное распространение и интенсивное внедрение в период социализма. С переходом к полному социалистическому обществу сдельщина не только не отпадет, но, напротив, сущность ее как оплата по труду найдет наиболее всеобщую полную форму проявления. Поэтому совершенно неправильно приводимое т. Эскиным⁶⁶ противопоставление социалистических стимулов труда сдельщине как чему-то неразрывно связанному с нэпом. Это противопоставление основано не только на извращенном представлении о сущности сдельщины на наших социалистических предприятиях, но и на ошибочном полном отождествлении социалистических и коммунистических стимулов труда.

V. Контроль и учет в социалистической кооперации переходного периода

В социалистической кооперации переходного периода необходимость оплаты по количеству и качеству труда усугубляется ожесточенной классово-борьбой за социалистическую организацию труда, за уничтожение обезлички, за искоренение вековых мелкобуржуазных производственных навыков и капиталистических пережитков.

С принципом оплаты по качеству и количеству затраченного труда мелкобуржуазная обезличка вступает в жесточайшее противоречие. В общей массе обезличенного труда погашается результат различных по своей эффективности работ, не учитываются и не выявляются достижения и недостатки отдельных участников кооперации. Виновники поломок оборудования, брака, небрежной растраты материала скрываются за спинами добросовестных работников. Отсюда невозможность социалистического вознаграждения по труду, вознаграждения согласно общественной, определяемой планом, мере труда. Отсюда притупление стимулов к выполнению и перевыполнению важнейших плановых показателей. «Недаром говорят рабочие, — пишет т. Сталин, — мы бы подняли производительность труда и улучшили бы дело, но кто нас оценит, когда никто ни за что не отвечает?»⁶⁷.

⁶⁵ Маркс, Капитал, т. I.

⁶⁶ Социалистические формы труда, стр. 46.

⁶⁷ Сталин, Новая обстановка, новые задачи хозяйственного строительства, стр. 7.

Обезличка, мелкобуржуазная уравниловка в распределении и учете труда неизбежно порождают уравниловку в оплате труда со всеми ее последствиями. С другой стороны, уравниловка — сильнейший тормоз уничтожения обезлички. При уравниловке рабочий не заинтересован в точном определении и учете его работы. Уравниловка и обезличка — два важнейших мелкобуржуазных пережитка в организации труда — теснейше связаны друг с другом. Уничтожение обезлички на всем пути продвижения продукта, борьба с обезличкой вплоть до ликвидации самых живучих и самых замаскированных ее форм — важнейшее условие ликвидации наиболее трудно искореняемых разновидностей уравниловки — внутрибригадной и межсменной.

Наиболее распространенной является обезличка, связанная с частыми произвольными перебросками рабочих с одной работы на другую, со станка на станок. Рабочий, чувствуяющий себя у станка временным гостем, резко снижает выработку вследствие слабой заинтересованности, а отчасти и известной неприноровленности к этой случайной работе, небрежно обращается с оборудованием, «бракоделствует» и т. д.

Уничтожение этой формы обезлички означает, прежде всего значительное повышение производительности труда.

В механосборочном цехе СТЗ работница Пластикова по детали № 115 до закрепления за определенным станком давала 45 штук, после закрепления довела выработку до 75 штук. Станочник 1-го пролета т. Крутов после закрепления повысил выработку с 40—45 блоков до 70. Станочник 3-го пролета т. Теменов с 40—45 валов повысил выработку до 95.

Тов. Салацкий из 9-го пролета в ноябре перебрасывался трижды со станка на станок и давал 800 штук, после закрепления стал давать 1 125. Тов. Смирнов до закрепления давал до 120 деталей № 441, после закрепления—236.

Выборочное обследование, проведенное членом бригады ВЦСПС т. Красильниковым, дало следующие наглядные результаты.

**Анализ выполнения норм временно и постоянно работающих стола мелкого конвейера⁶⁸
(работа ручная)**

Номера рабочих	На какой работе	Номера операций	Процент выполнения нормы
20 381	Постоянной	XV	125
	Временной	XVII	40
20 308	Постоянной	IV	103
	Временной	XIX	55
20 271	Постоянной	XIX	110
	Временной	IV	78

С возрастанием сложности и размеров производства незакрепленность рабочих и оборудования за четко определенными функциями дезорганизует весь ход производственного процесса. Усиление зависимости всего процесса от выполнения мельчайшей из операций требует постоянного ответственного исполнителя на каждом конкретном участке работы. Необходимость известной специализации и овладения техникой вступает в непримиримое противоречие с массовыми бессистемными перебросками. Растут изнашиваемость и поломки дорогостоящего оборудования, растет брак.

На СТЗ в шпательном отделе литейного цеха размер брака являлся в свое время одним из главных тормозов выполнения производственной программы завода в целом. Основной причиной брака была обезличка в организации труда. Несмотря на ликвидацию бумажной непрерывки, бесконечные переброски с работы на работу носили массовый характер. Так,

⁶⁸ По материалам бригады ВЦСПС под руководством т. Першица.

в ручной формовке для выполнения месячной программы по шпиге № 31 (деталь № 163) требовался 1 чел. с нагрузкой не более 3 часов в день; работало в течение месяца 25 чел. Для выполнения программы по шпиге № 2 (деталь № 104) требовался 1 чел. Перебывало на этой работе 34 чел. Соответствующие цифры по шпиге № 5 (деталь № 1) 2—56 чел. На деталь 37—4 затрачено рабочего времени в месяц 14,25 час., рабочих 9 чел.

»	168—16	»	»	»	»	9,26	»	»	7	»
»	163—25	»	»	»	»	13,5	»	»	9	»
»	500—1	»	»	»	»	21,5	»	»	16	»
»	471—1	»	»	»	»	131,4	»	»	40	»
»	507—6	»	»	»	»	6,7	»	»	7	»

Таким образом детали, требующие 1—2 дней работы одного рабочего, проходили через руки 7—9 чел. В общем на мелкой ручной формовке через руки рабочих проходило за месяц в среднем примерно 18 деталей.

Немногом лучше обстояло дело в машинной формовке, где в среднем каждый рабочий за месяц перебрасывался с одной детали на другую до 7 раз, а отдельные рабочие нередко меняли характер работы до 5—6 раз в день⁶⁹.

Бесконечная чехарда перебросок наносит сильнейший удар мощному подъему производительности труда на основе социалистического соревнования, на основе участия масс в руководстве, планировании и учете. Невозможность предусмотреть даже за день работу, выполняемую каждым из участников, превращает договоры из сильнейшего орудия мобилизации новых резервов в бумажку, не оказывающую никакого влияния на действительный ход производства.

Обезличка в огромной степени препятствует развертыванию бригадного хозрасчета. Хозрасчет не имеющего хозяина станка — немалая вещь. Текучесть состава и незакрепленность оборудования и деталей — бич хозрасчетных бригад.

Власть обезлички есть подчинение организации труда мелкобуржуазной стихийности. Эта власть вытекает из оппортунистического нежелания и неумения овладеть механизмом, четкого планового регулирования трудовых процессов, из известной склонности отдельных работников идти по линии наименьшего сопротивления, двигаться самотеком. Обезличка вступает в непримиримые противоречия с требованиями высшей мобильности, согласованности, четкости и бесперебойности работы, выдвигаемыми крупным социалистическим производством. Непрерывность есть закон крупного социалистического производства. Мелкобуржуазная стихийность извращает это крупнейшее преимущество социалистической кооперации в обезличку, безответственность, беспорядок в организации труда... «непрерывка, предоставленная воле стихии, превратилась в обезличку, в результате мы имеем на ряде предприятий бумажную, словесную непрерывку и небумажную реальную обезличку»⁷⁰.

Социалистическая кооперация, развертывающаяся в условиях сохранения остатков капитализма, в условиях значительного мелкобуржуазного окружения, постоянно всасывает, впитывает массы невышколенных, не приученных к планомерности крупного производства рабочих, рабочих, в сильнейшей степени зараженных мелкобуржуазными взглядами и привычками. Борьба с косными мелкобуржуазными трудовыми навыками и пережитками раздробленного хозяйства, с расхлябанностью, распущенностью, бессистемностью, с психологией дележки всех благ поровну наталкивается в такой кооперации на значительное сопротивление. Это сопротивление оформляется, возглавляется, сознательно используется осколками разбитых клас-

⁶⁹ По материалам бригады ВЦСПС под руководством т. Першмана.

⁷⁰ Ст а л и н, Новая обстановка, новые задачи хозяйственного строительства, стр. 7.

сов, проникшими в дыры и щели социалистического предприятия. Понятно, что эти трудности и противоречия особенно сильно сказываются на такой форме социалистической кооперации, как колхозы.

В колхозах вредительство, саботаж, массовое воровство и хищения являются распространенной формой последнего сопротивления классового врага. «Бывшие люди из рядов эксплуататорских классов используют частнособственнические привычки колхозников, чтобы организовать расхищение общественного имущества и тем поколебать основу советского строя — общественную собственность»⁷¹.

Мелкобуржуазная стихийность и порождаемый ею капитализм являются главным врагом той планомерной, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой формы в деле производства и распределения продуктов организации, без которой, как писал Ленин в «Продналоге», немислим социализм⁷². Борьба с мелкобуржуазной стихийностью — это борьба со страшной силой привычки миллионов, десятков миллионов, это борьба с той «сухаревкой», которая живет в душе и действиях каждого мелкого хозяина и остатки которой он приносит с собой, становясь работником социалистической кооперации.

Поэтому Ленин закрепление повседневной трудовой дисциплины считал задачей гигантской трудности и вместе с тем решающей для пролетарской диктатуры задачей.

«Особенно большое внимание обратить на развитие и укрепление товарищеской дисциплины трудящихся и всестороннее повышение их самостоятельности и сознания ответственности. В этом состоит главнейшее, если не единственное средство окончательно преодолеть капитализм и привычки, созданные господством частной собственности на средства производства»⁷³.

Классовое историческое содержание контроля определяется основными общими противоречиями данной исторической формы кооперации.

Основным историческим содержанием контроля и надзора в капиталистической кооперации является подавление растущего сопротивления рабочих процессу самовозрастания капитала.

Главное историческое содержание контроля и надзора в социалистической кооперации переходного периода составляет борьба с мелкобуржуазной обезличкой и уравниловкой, «стирающими грань между хорошей и плохой работой», борьба за новую дисциплину, охрана священной и неприкосновенной общественной собственности.

VI. Конкретные формы контроля и учета в социалистической кооперации переходного периода

Не менее резко отличаются контроль и руководство социалистической кооперации от контроля и руководства капиталистической кооперации по форме. Маркс неоднократно подчеркивал мелочный, отвратительный казарменный деспотизм капиталистического управления⁷⁴.

В отличие от социал-фашистских болтунов буржуа открыто провозглашает самодержавие капитала во внутренней организации капиталистического предприятия как высший принцип.

⁷¹ Сталин, Итоги первой пятилетки, стр. 45.

⁷² Ленин, т. XXVI, стр. 325.

⁷³ Ленин, т. XXIV, стр. 101.

⁷⁴ Капитал, т. I, стр. 269.

Зомбарт называет капиталистические фабрики «чудесами иерархического подчинения и соподчинения людей-машин»⁷⁵.

«Для демократии, — пишет Форд в своей последней книге (Und Trotzdem Vorwärts, стр. 160), — в хозяйственной жизни нет места...»

Этот автократический характер капиталистического управления отнюдь не вытекает из природы самого крупного производства. «Фабричный кодекс, в котором капитал в частнопроводимом порядке и самовластно, без разделения властей вообще, столь дорогого буржуазии, и без представительной системы, еще более дорогой для нее, формулирует свое самодержавие над рабочими, — этот кодекс есть просто капиталистическая карикатура того общественного регулирования процессов труда, которое становится необходимым при кооперации в крупном масштабе и при совместном применении средств производства, особенно машин»⁷⁶.

Это общественное регулирование процесса производства в социалистической кооперации заключается в соединении принципа единоначалия, принципа беспрекословного подчинения воли тысяч воле одного лица во время работы с соревнованием масс, с бурным, бьющим весенним половодьем, вытекающим из всех берегов, митинговым демократизмом трудящихся масс (Л е н и н).

Деспотический централизм капиталистической кооперации сменяется в социалистической кооперации демократическим централизмом, при котором единство воли, достигаемое подчинением одному ответственному лицу, представителю общественной власти, воплощает единство воли огромного, многообразными путями контролирующего коллектива.

Планомерность, четкость, бесперебойность крупного социалистического производства обеспечиваются сознательной борьбой за ее единоначалие самих передовых рабочих, самой пролетарской общественности, руководящего авангарда пролетариата — партии.

Организация руководства и управления на предприятии последовательно социалистического типа является ярким выражением «диктатуры пролетариата в экономической области жизни» (Л е н и н), развертывания новой пролетарской демократии, активности, творческой самодеятельности масс и укрепления железной дисциплины и порядка, беспощадного подавления мелкобуржуазной разлагающей стихии, разнузданности, расхлябанности, анархо-синдикалистских влияний и настроений в среде самого рабочего класса.

Ленин неуклонно требовал учета особенностей переходного периода, в который должны быть, с одной стороны, заложены основы социалистической организации соревнования, а с другой стороны, необходимо применение принуждения «так, чтобы лозунг диктатуры пролетариата не осквернялся практикой киселеобразного состояния пролетарской власти»⁷⁷.

«Сантиментальность, — писал он, — есть не меньшее преступление, чем на войне шкурничество.

Тот кто отступает теперь от порядка дисциплины, тот впускает врагов в свою среду»⁷⁸.

В переходный период, в «реальной обстановке бешеного и многообразного сопротивления со стороны буржуазии», в условиях сохранения классов или остатков классов, этапы развертывания методов,

⁷⁵ «Современный капитализм», т. I, стр. 325.

⁷⁶ Там же, III, ч. I, стр. 438.

⁷⁷ Л е н и н, т. XXII, стр. 455.

⁷⁸ Л е н и н, т. XXVII, стр. 45.

мобилизующих на социалистическое наступление, активность, инициативу и творческий почин миллионов, «тесно связаны с этапами классовой борьбы, необходимо включают классовую борьбу, которая состоит в том, чтобы охранять интересы рабочего класса от тех горсточек, групп, слоев рабочих, которые упорствуют, держатся традиций (привычек) капитализма и продолжают смотреть на советское государство попрежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже, содрать «с него» денег побольше»⁷⁹.

Борьба с пережитками капиталистического отношения к труду, борьба со случайными рваческими элементами в собственных рядах пролетариата, борьба против мелкобуржуазной расхлябанности и недисциплинированности — важнейшая задача стоящего у власти пролетариата.

Борьба за дисциплину в капиталистической кооперации закрепляется как особая функция за иерархией платных надсмотрщиков.

Тэйлор отмечает «систематическую медлительность, развивающуюся, по его мнению, благодаря общению рабочих между собой». Он подчеркивает, что это явление распространено именно в многолюдных, основанных так сказать на сотрудничестве предприятиях промышленности, а не среди «извозчиков, садовников или каких-либо других одиночек».

Суть рекомендуемых Тэйлором мероприятий для борьбы с «умышленно» медленными темпами коллективной работы в основном сводится к усилению капиталистического надзора. Четвертый, важнейший принцип научного управления требует «постоянного и задушевного (!) сотрудничества между работниками управления и рабочими». Намечаемая Тэйлором для механических мастерских чудовищная пропорция — 1 надсмотрщик на 3 рабочих — осуществлена уже на многих капиталистических предприятиях, в том числе и на германских химических заводах Леуна, где кроме этой огромной своры чиновников имеется еще своя фабричная полиция и разветвленная сеть шпииков для особо деликатного надзора.

Борьба за дисциплину в социалистической кооперации есть дело самих масс.

«Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится, и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся»⁸⁰.

Бауэр в последней работе говорит об «атмосфере террористической диктатуры» на наших предприятиях.

Каутский в гнуснейшем пасквиле на достижения пролетарской революции «Большевизм в тупике» пишет о «бюрократической скованности советской промышленности», о «перенесении методов монархического абсолютизма из политики в промышленность» и т. п.⁸¹

Практика борьбы за новую дисциплину — лучший ответ старым социал-фашистским клеветникам. Эта практика породила наряду с методами прямого административного взыскания разнообразные формы контроля и воздействия снизу, со стороны организованной общественности: товарищеские суды, железные рабочие заслоны, занесение на черную доску, вызовы, выговоры бригад, черные обозы бракованных деталей, рогожное знамя, орден почетного лодыря, знаменитый сталинградский орден верблюда, пионерские агитзаслоны, производ-

⁷⁹ Ленин, т. XXIII, изд. 3-е, стр. 213.

⁸⁰ Ленин, т. XXIV, стр. 336.

⁸¹ Каутский, Большевик в тупике; стр. 59—60.

ственные лозунги на коробках спичек и других товарах ЗРК, собрания жен прогульщиков, демонстрации жен рабочих и т. д. и т. д. Пролетарская гласность: собрания и печать, кино и клуб, школа и семья, стихи и карикатуры, книга и плакат — все мобилизуется в поход против конкретных носителей зла — прогульщиков, симулянтов, лентяев, хулиганов, «бракоделов», «станколомов», летунов.

Социалистическая кооперация развертывает невиданный в истории человечества процесс переделки людей. Ленин жестоко высмеивал грошью интеллигентскую идеализацию рабочего класса. «Социализм приходится строить из того человеческого материала, который оставлен в наследство капитализмом» (из резолюции IX съезда РКП). Идея предварительного, парникового воспитания хорошеньких, чистеньких, прекрасно обученных людей, которые будут строить социализм, эта идея, так увлекавшая старых социалистов-утопистов, для Ленина — «кукольная игра», забава кисейных барышень от социализма, но не серьезная политика»⁸².

Социализм приходится строить из людей, которые только что вышли из капиталистической грязи, «которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены, но зато им закалены в борьбе»⁸³.

При диктатуре пролетариата кроме миллионов крестьян, мелких хозяйчиков, сотен тысяч служащих, чиновников, буржуазных интеллигентов, которых приходится перевоспитывать для социалистического труда, подчинять пролетарскому государству и пролетарскому руководству, пролетариат должен переделывать самого себя. «Необходимо перевоспитать в длительной борьбе на почве диктатуры пролетариата и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божьей матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой, трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями»⁸⁴.

В отличие от капиталистической кооперации социалистическая кооперация есть объединение «рабочников, не знающих над собой никакого ига и никакой власти кроме власти их собственного объединения, их собственного; более сознательного, смелого, сплоченного, революционно выдержанного авангарда»⁸⁵. Отсюда огромное значение руководства, огромное значение борьбы с самотеком.

Преимущества социалистической кооперации даны не автоматически. Эти преимущества реализуются в напряженной, сознательно руководимой борьбе, и о роли в этой борьбе авангарда как в повседневной «мелкой» работе, так и в дни решающих штурмов свидетельствуют многочисленные факты.

Настоящая статья является попыткой рассмотрения только некоторых отличительных черт социалистической кооперации, нашедших свое наиболее яркое проявление на современном этапе, как-то: новый характер совместности труда, плана, управления, контроля, учета и т. д. Проблема масштаба кооперации, новый характер применения машин, разделения труда и другие вопросы должны найти освещение в следующей статье.

⁸² Ленин, т. XXIV, стр. 64.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Ленин, т. XXV, изд. 1-е, стр. 247.

⁸⁵ Ленин, т. XIV, изд. 3-е, стр. 340.

ГРАНИЦЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО КОМБИНИРОВАНИЯ

1. Введение

Границы капиталистического комбинирования получают тройкое выражение.

Во-первых, они состоят в том, что капитализм задерживает и затрудняет переход к высшим типам комбинатов. По мере перехода от комбинатов, основанных на сочетании последовательных стадий обработки сырья, к комбинатам, основанным на комплексном использовании материи, возрастают противоречия комбинирования. Эти противоречия достигают наибольшего обострения в более сложных комбинатах, которые получают наиболее ограниченное развитие в рамках капитализма.

Во-вторых, границы комбинирования состоят в том, что капитализм не только задерживает и затрудняет переход к высшим формам комбинирования, но также ограничивает массовое распространение уже достигнутых форм комбинирования. Комбинирование в целом при капитализме не может уже рассматриваться как эпизодическое, случайное, преходящее явление: комбинирование несомненно уже выросло в общую тенденцию капиталистического развития, но оно далеко еще не стало господствующей тенденцией, оно далеко еще не получило того распространения и размаха, которые возможны при современном уровне техники.

В-третьих, эти границы выражаются в том, что даже в пределах уже существующих комбинатов, на достигнутой уже технической базе, в рамках уже реализованных форм комбинирования последнее не проводится последовательно. Диспропорции капиталистических комбинатов являются в известной мере оборотной стороной границ комбинирования. Эти диспропорции в своеобразной форме, в форме нарушения количественных соотношений между отдельными частями комбинатов, выражают противоречия последних.

Противоречия капиталистического комбинирования являются производными от общих противоречий капитализма эпохи империализма. Поэтому разрешение проблемы границ комбинатов может быть поставлено на правильные рельсы лишь в том случае, если эти границы выводятся из всей совокупности противоречий империализма. Империализм, как известно, представляет лишь особую и последнюю стадию в развитии капитализма. Поэтому основное противоречие капитализма между общественным характером производства и частным способом присвоения, заключающее в себе, по словам Энгельса, все противоречия капитализма, продолжает оставаться основным противоречием эпохи империализма. Это противоречие достигает в эпоху империализма огромного обострения и получает целый ряд проявлений и особенностей, которые имеют чрезвычайно существенное значение при разрешении проблемы границ комбинирования.

Переход к монополистическому капитализму знаменует собой громадное развитие обобществления труда. Это обобществление находит также свое выражение в росте монополий. Развитие монополий Ле-

нин рассматривает как яркое проявление капиталистического обобществления труда. «Обобществление труда в тысячах форм, идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся за те полвека, которые прошли со смерти Маркса, особенно наглядно в росте крупного производства, картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала,— вот главная материальная основа наступления социализма»¹. Этот рост обобществления труда в огромной степени усиливает основное противоречие капитализма. «Производство становится обобществленным, но присвоение остается частным. Общественные средства производства остаются частной собственностью небольшого числа лиц. Общие рамки формально признаваемой конкуренции остаются, и гнет немногих монополистов над остальным населением становится во сто раз тяжелее, ощутительнее, невыносимее»². Происходит не только количественный рост этого противоречия, но и нарастание качественно новых форм последнего. Основное противоречие и его важнейшее проявление — противоречие между буржуазией и пролетариатом — обостряется в такой мере, что начинает угрожать самому существованию капиталистического способа производства. Пролетарская революция непосредственно ставится в порядок дня. «Империализм есть канун социальной революции пролетариата»³.

Одним из важнейших качественно новых противоречий капитализма в эпоху империализма является противоречие между монополией и конкуренцией. Это противоречие, как увидим ниже, имеет решающее значение при объяснении границ капиталистического комбинирования.

Энгельс в «Анти-Дюринге» отметил, что «противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает наружу как противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе». Это проявление основного противоречия получает специфически новую форму в эпоху империализма. Монополистические союзы пытаются, хотя это им не удастся и не удастся, подчинить своему руководству и устранить конкуренцию в рамках больших объединений предприятий. Но рост монополии сопровождается обострением конкуренции и анархии производства во всем капиталистическом обществе. «Монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом»⁴. Ленин выводит особое обострение противоречий эпохи империализма из сосуществования монополии и конкуренции. «Монополия, вырастая из свободной конкуренции, не устраняет ее, а существует над ней и рядом с ней, порождая этим ряд острых и крупных противоречий, трений, конфликтов»⁵.

Следующим весьма существенным моментом, имеющим важное значение при рассмотрении проблемы границ комбинирования, является огромное обострение в период империализма противоречия между тенденцией к развитию капитализмом производительных сил и возможностями расширения рынка, ограничиваемыми целым рядом специфических причин, условий и обстоятельств эпохи империализма.

Обострение данного противоречия находится в определенной связи

¹ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 25.

² Ibid., т. XIX, стр. 89.

³ Ibid., стр. 77.

⁴ Ibid., т. XIX, стр. 92.

⁵ Ibid., стр. 142.

и с изменениями в характере развертывания цикла в период империализма. Вопреки троцкистской теории стагнации капитализма циклическая форма движения капиталистического хозяйства в период империализма не ликвидируется, заменяясь хроническим кризисом или хронической депрессией, цикл только претерпевает крупные изменения; эта деформация выражается прежде всего в значительном ослаблении и сокращении периода подъема, в усилении и удлинении депрессии, в обострении неравномерности развертывания подъема в разных странах и отраслях и наконец в резком усилении всеобщего характера кризиса.

Общая тенденция к сужению рынка (не исключая возможности абсолютного расширения спроса для отдельных периодов) сопровождается усилением таможенных барьеров, резким обострением конкуренции, усилением демпинга и других форм борьбы монополистических организаций. Комбинирование является выражением концентрации производства: оно предполагает громадное укрупнение производства, и в связи с этим эта тенденция к изменению цикла, которая с особенной яркостью выступает в эпоху всеобщего кризиса капитализма, не может не привести к задержке роста комбинирования.

Чрезвычайно важную роль для правильного понимания ограниченности капиталистического комбинирования играет тенденция к загниванию капитализма эпохи империализма, обусловленная ростом монополий (во всех их формах). Ленин неоднократно подчеркивал, что империализм есть загнивающий капитализм. «Империализм есть особая историческая стадия капитализма. Особенность эта тройкая: империализм есть 1) монополистический капитализм, 2) паразитический или загнивающий капитализм, 3) умирающий капитализм. Смена конкуренции монополией есть коренная экономическая черта, суть империализма». Эта тенденция к загниванию капитализма в эпоху империализма находит свое яркое выражение также и в загнивании капиталистической техники. Тенденция к техническому загниванию имеет решающее значение при характеристике технического развития капитализма. Отсюда конечно не следует, что для эпохи империализма характерна тенденция к установлению абсолютного технического застоя. Техническое развитие несомненно происходит. В частности процесс монополизации приводит к тому, что «обобществляется и процесс технических изобретений и усовершенствований»⁶.

Тенденция к техническому загниванию выражается в резком усилении неравномерности технического развития отдельных стран, отраслей и предприятий. Это связано с громадным усилением возможностей активного торможения технического развития. В основе этих выросших возможностей лежит господство монополий, которые оказывают активное противодействие введению целого ряда технических усовершенствований. Комбинирование связано с определенными техническими сдвигами в производстве. В связи с этим тенденция к техническому загниванию не может не выступить в роли фактора, задерживающего рост комбинирования.

Рост противоречий между монополиями (в их многообразных формах) находит себе выражение в огромном обострении неравномерности развития, которое имеет исключительно важное значение при рассмотрении границ капиталистического комбинирования. Огромное обострение неравномерного развития в эпоху империализма, как указывает т. Сталин, определяется «двумя главными обстоятельствами:

⁶ Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 86.

во-первых, тем, что раздел мира между империалистическими группами закончен, «свободных» земель нет больше в природе и передел поделенного является абсолютной необходимостью для достижения экономического «равновесия» путем империалистических войн; во-вторых, тем, что небывалое раньше колоссальное развитие техники в широком смысле этого слова облегчает одним империалистическим группам перегонять и опережать другие империалистические группы в борьбе за завоевание рынков, в борьбе за захват источников сырья и т. д.»⁷. Вопрос о законе неравномерного развития в эпоху империализма получил классическое решение в работах т. Сталина, который дал сокрушительную критику троцкистской теории, смазывающей различие между неравномерностью развития домонополистического и монополистического капитализма. «До империализма, — указывает т. Сталин, — развитие капитализма шло более или менее плавно, более или менее эволюционно, и одни страны опережали другие в продолжение долгого периода времени без скачков и без обязательных военных столкновений мирового масштаба. Речь идет теперь не об этой неравномерности. Что же такое в таком случае закон неравномерного развития при империализме? Закон неравномерного развития в период империализма означает скачкообразное развитие одних стран в отношении других, периодические переделы уже поделенного мира в порядке военных столкновений и военных катастроф, углубление и обострение конфликтов в лагере империализма, ослабление фронта мирового капитализма, возможность прорыва этого фронта пролетариями отдельных стран, возможность победы социализма в отдельных странах»⁸. Вместе с обострением неравномерного развития капиталистических стран происходит обострение неравномерного развития отдельных отраслей капиталистического хозяйства, отраслей промышленности, трестов, отдельных монополий и т. д. Ленин в «Империализме» указывает, что «равномерного развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности стран при капитализме быть не может»⁹.

Обострение закона неравномерного развития капитализма в период империализма влечет за собой и обострение противоречий капиталистического комбинирования. Громадное обострение конкуренции в силу развития монополий, усиление конкуренции между монополиями приводит к тому, что рост одних монополистических союзов совершается на костях других монополий. Усиление одних монополий сопровождается ослаблением и даже распадом других.

Современный экономический кризис дает целый ряд иллюстраций того, как неравномерно происходит рост монополий. Кризис показал, что цены отдельных монополизированных товаров резко снижаются и притом снижаются чрезвычайно неравномерно. Попытки монополий задерживать или в сколько-нибудь значительной мере ослабить падение цен в целом ряде случаев привели к полному провалу. Кризис показал, что огромная неравномерность существует не только в движении цен на товары монополистических и немонополистических предприятий, но что очень значительная неравномерность существует в движении цен на отдельные монополизированные товары. Эта неравномерность движения цен отражает (и в свою очередь усиливает) неравномерность развития отдельных монополий.

⁷ И. Сталин, О социал-демократическом уклоне в нашей партии, Гиз, 1927 г., стр. 102.

⁸ Сборник «Пути мировой революции», т. II, стр. 318.

⁹ Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 167.

Неравномерность развития отдельных отраслей существовала в эпоху промышленного капитализма, но тогда она носила совершенно иной характер. Эпоха империализма характеризуется скачкообразным развитием стран и отраслей, причем рост одних стран и отраслей сопровождается длительным упадком других. Расцвет одних отраслей в условиях загнивающего капитализма сопровождается упадком других отраслей. Неравномерность развития получила колоссальный размах в эпоху послевоенного капитализма.

Для послевоенного капитализма характерны также обострение конкуренции между отдельными отраслями промышленности и возникновение хронической депрессии в ряде отраслей.

Так например, длительную депрессию до современного экономического кризиса переживали такие отрасли, как текстильная, угольная и т. д. Эта депрессия, в основном обусловленная резким обострением противоречия между производственными возможностями и узкими границами рынка, обострилась в результате конкуренции других отраслей. Если в эпоху промышленного капитализма и довоенного империализма сильный рост «новых» отраслей приводил лишь к снижению темпов роста «старых» отраслей, то в эпоху всеобщего кризиса мы наблюдаем застойное состояние в ряде отраслей. Так например, громадный рост производства искусственного шелка (в обстановке колоссального обнищания пролетариата и широких масс крестьянства) усилил депрессию текстильной промышленности.

Кризис в угольной промышленности, обусловленный общими противоречиями эпохи империализма, обострился в результате уменьшения спроса на уголь на базе улучшения теплового хозяйства промышленности (в частности в результате развития комбинирования в металлургии и других отраслях). Длительную депрессию также переживает судостроение, которое чрезвычайно развилось в период империалистической войны и которое после ее окончания оказалось перед фактом громадного перепроизводства.

Это обострение неравномерности развития отдельных отраслей промышленности имеет очень существенное значение для развития комбинирования. Дело в том, что комбинат по самой своей природе представляет сложный комплекс, состоящий из различных отраслей промышленности. Неодинаковые условия развития отдельных отраслей, неодинаковая конъюнктура на рынке сбыта продукции разных отраслей, вытеснение одной отрасли другой, — все это не может не отразиться на существующих комбинатах, не может не создавать диспропорций между отдельными частями комбината, не может не ослаблять стимула к дальнейшему комбинированию. Необходимость соблюдения определенной пропорциональности в комбинате, диктуемой производственно-техническими условиями, вступает в противоречие с неравномерностью развития отдельных отраслей, которая резко обостряется в эпоху империализма и в особенности в его последней фазе — в фазе всеобщего кризиса капитализма.

2. Влияние неравномерности концентрации и монополизации

Выше мы отметили, что из противоречий монополистического капитализма наиболее существенное значение при определении границ капиталистического комбинирования имеет противоречие между монополией и конкуренцией. Неравномерное развертывание процессов концентрации и монополизации, неравномерное движение цен на отдельные монополизированные товары приводят к тому, что в

ряде случаев монополистическому предприятию выгоднее покупать сырье на рынке, нежели самому его производить. Тот же процесс концентрации, который в одних случаях толкает на путь включения в состав основного предприятия ряда других отраслей, в других случаях (при значительном ослаблении монополий, производящих средства производства) толкает на путь разрыва установившихся комбинатских связей.

Обострение конкуренции между монополиями (как в разных отраслях, так и в одной и той же отрасли) приводит к усилению неравномерного развития процессов концентрации и монополизации. А этот процесс имеет исключительно важное значение для роста комбинатов. Возьмем например такую проблему — чем объясняется неравномерное развитие комбинирования в отдельных отраслях? Тут первую роль играет (наряду с целым рядом других факторов) неравномерность развертывания процесса концентрации в разных отраслях. Нужно отметить, что даже в родственных отраслях мы наблюдаем весьма большую неравномерность. Возьмем например электротехническую промышленность. Здесь существует значительное различие между производством сильных и слабых токов. В последнем, в силу его более трудоемкого характера, концентрация слабее развита, чем в промышленности сильных токов¹⁰. Например в германской промышленности слабых токов существует значительное число мелких единичных предприятий.

В качестве другого примера можно взять химическую промышленность. В некоторых отраслях последней (в так называемой Kleipchemikalien) до сих пор сохранились сильные остатки мелкого производства, например в производстве минеральных красок, в получении некоторых фармацевтических материалов, эфирных масел и т. д. Здесь имеется очень мало акционерных обществ. Преобладают индивидуальные предприятия. Массовое производство здесь неразвито. В связи с этим данные предприятия менее подвержены тенденции к комбинированию¹¹.

Число этих иллюстраций можно продолжать. Разумеется, что и в родственных отраслях промышленности (с точки зрения используемого сырья, общности технологических процессов и т. д.) возможна очень сильная неравномерность в развитии комбинирования, ибо решающее значение тут имеет крайняя неравномерность концентрации и степени монополизации.

Анализ неравномерности развития концентрации производства и монополизации дает возможность ответить и на другой вопрос о причинах, обуславливающих неодинаковую интенсивность комбинирования между отдельными отраслями. Почему например комбинирование между металлургией и угольной промышленностью или железорудной осуществляется значительно чаще, нежели между металлургией и машиностроением? Почему комбинирование металлургии с углем осуществляется яснее, по крайней мере до империалистической войны, чаще, нежели с рудой? Почему комбинирование доменного производства с тяжелым прокатом осуществляется чаще, нежели с легким прокатом? Почему в текстильной промышленности комбинирование развивается значительно слабее, чем в металлургии? Конечно нельзя в одной формуле дать исчерпывающий ответ на все эти вопросы. При

¹⁰ Промышленность слабых токов позднее и слабее реагирует на циклические колебания, нежели промышленность сильных токов. Последняя зависит от конъюнктуры сырья и колебаний вексельных курсов в гораздо большей степени, чем электротехническая промышленность слабых токов (Репке, Конъюнктура, стр. 121).

¹¹ W i c d e n f e l d, Gewerbepolitik, 1927., стр. 81.

рассмотрении комбинирования отдельных отраслей нужно учитывать все специфические технические и экономические условия этих отраслей. Но встает вопрос: какова основная причина, определяющая эти различия? Если обратиться к буржуазной литературе, то там мы встречаем один ответ: «Различие в степени и характере комбинирования в отдельных отраслях определяется в основном техническими особенностями производственного процесса». В буржуазной литературе очень много внимания уделяется вопросу о причинах недостаточного комбинирования между металлургией и металлообрабатывающей промышленностью (преимущественно машиностроением). Существует специальная монография Вискота, посвященная анализу взаимоотношений этих отраслей.

Ахиллесова пята Вискота заключается в полном выхолащивании социально-экономических моментов, в замазывании особенностей монополистического капитализма. Машиностроение, по Вискоту, по самой своей природе неспособно к массовому производству. Различие в степени концентрации обеих отраслей Вискот считает вечным, независимым от экономических условий. С этим положением вполне гармонирует вывод Вискота о том, что комбинирование между металлургией и машиностроением (мы рассматриваем последнее, поскольку оно является ведущей и наиболее крупной отраслью металлообрабатывающей промышленности) не может дать никаких выгод при любых условиях в силу резкого расхождения природы этих отраслей. Между тем достаточно беглого ознакомления с аргументами Вискота, чтобы убедиться в их абсолютной шаткости. Вискот например ссылается на то, что живой труд в машиностроении играет значительно большую роль, чем в металлургии. Рост механизации и автоматизации производства в машиностроении может и должен изменить картину этой отрасли промышленности, техника которой далеко не развивается при капитализме такими гигантскими темпами, как это указывает Вискот. Наоборот, в ряде отраслей машиностроения при капитализме архаические методы сохраняются сильнее, чем в ряде других отраслей и в частности чем в металлургии. То обстоятельство, что в машиностроении так широко применяется живой труд, не есть показатель каких-то вечных свойств этой отрасли промышленности. Точно так же нет каких-то непреложных технических запретов для применения массового производства в машиностроении. Нет ничего технически невозможного в создании крупнейших заводов, которые изготовляли бы одну какую-либо деталь или даже машину совершенно определенного стандарта. Достаточно только сослаться на громадные автомобильные заводы Форда и других. Вискот только мимоходом упоминает об узких и ограниченных рынках сбыта продукции металлообрабатывающей промышленности. Здесь и лежит одна из причин того, что ряд отраслей современного капиталистического машиностроения сохранил отсталую структуру и чрезвычайно медленно, лишь на отдельных участках перестраивается по пути специализации. Большинство машиностроительных заводов выпускает самую разнообразную продукцию, состав которой подвергается значительным изменениям в зависимости от характера заказов. Для того чтобы перейти к массовому производству отдельных деталей и стандартизованных машин, требуется громадное расширение рынка. В частности наличием более обширного рынка в САСШ объясняется то, что там специализация в машиностроении развита в большей степени, чем в капиталистической Европе. Та реконструкция социалистического машиностроения, которая производится в СССР, в особенности то громадное строительство

машиностроительных заводов, которое намечается и проводится в УКК, является прекрасной иллюстрацией того, что машиностроение может быть в такой же мере отраслью крупного массового производства, как и металлургия.

Отсюда становится понятным, что основная причина недостаточности комбинирования металлургии и машиностроения лежит не в самой природе технического процесса производства в этих отраслях, а в значительной степени в неравномерности развития концентрации и вытекающей отсюда монополизации этих отраслей (уровень концентрации определяет технический уровень отдельных отраслей и степень технической выгоды их комбинирования). А эта неравномерность в свою очередь вытекает из целой совокупности социально-экономических условий. Очевидно, что для небольшого машиностроительного завода, потребляющего лишь очень незначительную часть продукции металлургического завода, нет достаточных оснований для комбинирования с последним. Но эта проблема решается по-иному для гигантского машиностроительного завода, потребляющего колоссальное количество металла. Поэтому наиболее крупные машиностроительные заводы, например Круппа, б. Тиссена, Ганиэля (М. А. Н.), электротехнические заводы АЕГ Форда, Международной жатвенной К° и т. д., комбинируются с металлургическими заводами. В частности в этом отношении имеется значительное различие между отдельными странами. Так например, в Германии комбинирование металлургии и машиностроения встречается значительно чаще, чем во Франции, что объясняется отчасти более отсталым характером французского машиностроения, в котором еще очень много мелких индивидуальных предприятий. В частности со стороны французских машиностроительных заводчиков указывалось на то, что недостаточная специализация французской металлургии затрудняет комбинирование этих отраслей¹².

Процесс концентрации в отдельных отраслях разворачивается чрезвычайно неравномерно. Обострение процессов концентрации в одних отраслях может временно вызвать увеличение числа мелких предприятий в других отраслях.

«С развитием капиталистического способа производства возрастает минимальный размер индивидуального капитала, который требуется для ведения дела при нормальных условиях. Поэтому сравнительно мелкие капиталы устремляются в такие сферы производства, которыми крупная промышленность овладевает лишь спорадически или не вполне. Конкуренция свирепствует здесь прямо пропорционально числу и обратно пропорционально величине соперничающих капиталов. Она всегда кончается гибелью многих мелких капиталистов, капиталы которых отчасти переходят в руки победителя, отчасти погибают»¹³.

Неравномерность процесса концентрации производства определенным образом обуславливает и неравномерность развития монополии в отдельных отраслях. А эта неравномерность имеет очень важное значение для объяснения неравномерности развития комбинирования. Если взять производство сырья, то здесь в этом отношении наблюдается довольно большая нестрога. Так например, в области сельского хозяйства в целом ряде отраслей влияние монополий является значительно более слабым, чем в промышленности.

Неравномерность развития монополизации в отдельных отраслях

¹² Schneider, Der Wiederaufbau der Grosseisenindustrie an Rhein und Ruhr, S.57.

¹³ «Капитал», т. 1, гл. 23, стр. 617

является также фактором, задерживающим комбинирование с последующими стадиями обработки сырья. Дело в том, что комбинирование возникает в процессе борьбы монополий между собой за дележ сверхприбыли, за получение возможно более высокой монополистической сверхприбыли. Если в отрасли, представляющей последующую стадию обработки сырья, господствуют мощные монополии, которые более решительно борются за низкий уровень сырьевых цен, которые пытаются эмансипировать себя от зависимости от монополий в области производства сырья, то для последних жизненным вопросом является присоединение предприятий последующих стадий. Только такое присоединение обеспечивает монополиям в области производства сырья получение монопольной сверхприбыли, которая в противном случае может быть поглощена монополией в последующей стадии обработки. Но если в последующей стадии обработки нет сильных монополий, если там господствуют сравнительно мелкие предприятия, то в этом случае для отраслей, производящих сырье, в ряде случаев нет особой экономической необходимости присоединять к себе последующие стадии обработки. Крупные монополии, с одной стороны, извлекают в процессе обращения в свою пользу достаточно крупную часть прибавочной стоимости, производимой в некартелированной промышленности, с другой стороны, они стараются освободиться от риска, связанного с ведением предприятий последующих стадий обработки. Подчинение отраслей, в которых преобладают мелкие предприятия, отраслям с преобладанием крупных предприятий не обязательно происходит в форме поглощений предприятиями одной отрасли предприятий другой. Этот процесс принимает весьма различные и многообразные формы. Монополии прибегают к прямому поглощению, т. е. включению в свое предприятие последующих стадий обработки лишь в тех случаях, когда они сталкиваются с серьезным противником, когда их монопольной сверхприбыли грозит серьезная опасность.

Весьма интересную иллюстрацию связи между процессами комбинирования и развитием концентрации производства дает сопоставление европейской медной и цинковой промышленности. Большая часть цинковой жести выходит из прокатных цехов, которые являются не самостоятельными предприятиями, а лишь составной частью цинкоплавильных заводов. Между тем в европейской медной промышленности существует особая инстанция — крупные самостоятельные меднопрокатные предприятия. Маркус, один из крупнейших буржуазных специалистов по экономике цветных металлов, приводя этот пример, указывает: «Их самостоятельное существование обусловлено тем, что в Европе нет, как известно, крупного производства сырой меди (в отличие от производства цинка — И. В.); если бы последнее существовало, то оно вызвало бы образование крупных комбинатов, которые объединили бы медеплавильные и медепрокатные предприятия»¹⁴.

На основании учета неравномерности процессов концентрации и монополизации легко объяснить поставленные выше вопросы. Например комбинирование между металлургией и угольной промышленностью осуществляется чаще, нежели комбинирование между металлургией и машиностроением, поскольку концентрация и монополизация в угольной промышленности значительно более развиты, нежели в машиностроении. Поскольку в области лег-

¹⁴ Маркус, Изменения в структуре международного рынка цветных металлов, «Вопросы торговли» № 12, 1929 г., стр. 47.

кого проката процесс монополизации получил значительно меньшее развитие, нежели в области тяжелого проката, постольку в первой процесс комбинирования с металлургией слабее развит, чем во второй. Поскольку в угольной промышленности монополии раньше образовались, нежели в железнорудной, и получили большую мощь (что нашло свое отражение в том, что рост цен на уголь до войны обогнал рост цен руды), постольку комбинирование металлургии с углем раньше выступает на сцену и в больших размерах, чем комбинирование с рудой.

3. Комбинирование и техническое загнивание

При рассмотрении вопроса о границах капиталистического комбинирования необходимо особое внимание уделить вопросу о техническом загнивании. Тенденция к техническому загниванию вытекает из природы монополистического капитализма. «Поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно и ко всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является далее экономическая возможность искусственно задерживать технический прогресс... Конечно монополия при капитализме никогда не может полностью и на очень долгое время устранить конкуренцию с всемирного рынка. Конечно возможность понизить издержки производства и повысить прибыли посредством введения технических улучшений действует в пользу изменений. Но тенденция к застою и загниванию, свойственная монополиям, продолжает в свою очередь действовать и в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известные промежутки времени она берет верх»¹⁵.

Хотя отдельные монополии затрачивают крупные средства на научные исследования, на содержание больших лабораторий, на покупку патентов, хотя технические нововведения большей частью исходят от монополистов, а не от аутсайдеров, но монополии задерживают массовое распространение новых технических методов, хотя это им не всегда удается в силу роста конкуренции; они применяют новые методы лишь в той мере, в какой это им выгодно, и постольку, постольку это не связано с обесценением больших масс старого основного капитала, сосредоточенного у этих монополий. Развитие техники выдвигает в порядок дня такие проблемы, которые вступают в противоречие со всей структурой капиталистического общества, с господствующей анархией производства, с узкими рамками частной собственности, с недостаточно высоким уровнем концентрации производства и централизации. То обострение противоречий между монополией и конкуренцией, о котором мы говорили выше, не только ослабляет экономические стимулы к комбинированию, но в то же время задерживает возможность осуществления наиболее грандиозных проектов в технической реконструкции производства, которые имеют очень важное значение для поднятия комбинирования на новую ступень и в частности для раздвижения территориальных границ комбинатов. Обострение конкуренции в известной мере стимулирует техническое развитие, но при этом нужно помнить, что речь идет не о свободной конкуренции, а о конкуренции, скованной монополиями, которая оказывает противоречивое влияние на техническое развитие, в основном задерживая последнее.

¹⁵ Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 151.

Частная собственность делает невозможным осуществление единого плана электрификации для целых районов, создание разветвленной системы дальних передач энергии и включение в единый комбинат максимального числа отраслей по принципу наиболее полного и все-стороннего использования всех отходов и отбросов. Создание сверхмощных районных электроцентралей и их интерконнекция приводят к колоссальной централизации энергетического аппарата общества. Вместо множества распыленных и относительно незначительных паросиловых установок возникает одна гигантская энергетическая система, питающая из одного центра самые разнородные предприятия, разбросанные на обширной территории. Очевидно, что централизация производства электроэнергии требует централизации и планомерной организации вокруг энергетических центров всех предприятий, пользующихся этой энергией. Ясно, что такая централизация электроэнергии не может не вступить в противоречие с условиями капиталистической анархии, со стремлением отдельных предприятий к самостоятельности, с невозможностью плановой организации при капитализме.

Современная техника позволяет уже ставить в порядок дня вопрос об объединении высоковольтной сетью электростанции ряда стран. Достаточно указать на то, что в последнее время выдвинут ряд проектов по кольцеванию всех электростанций Европы единой сетью. Так, имеется швейцарский проект Мюллера, французский проект Вьеля, германский проект Оскара Оливена. Все эти проекты, выражающие империалистические устремления отдельных стран, выражающие их тенденции сосредоточить у себя центр производства электроэнергии и осуществить контроль над другими странами, конечно в рамках капитализма абсолютно неосуществимы и представляют лишь благие пожелания отдельных группировок буржуазии.

Наряду с электрификацией и химизация является очень мощным фактором комбинирования. Но развитие химизации в рамках капитализма тоже натывается на целый ряд препятствий и в частности на узость сбыта. Химизация является очень мощным фактором увеличения продукции. Но в условиях резкого обострения борьбы за рынки сбыта, в условиях замедленного роста всего общественного производства и наличия хронической депрессии в ряде отраслей, химизация не имеет благоприятных условий для своего развития. Возьмем например основное производство химической промышленности — производство серной кислоты. Это производство в эпоху послевоенного капитализма испытывает длительную депрессию (например в Германии) и уступает свое первенство производству связанного азота. Узкие рамки частной собственности сильнейшим образом тормозят развертывание реализации дальних передач коксовых газов, на основе которых (передач) возможно широкое развитие комбинирования. В области техники дальних передач коксового газа после войны произошли большие сдвиги, и теперь нет никаких технических препятствий для осуществления этих передач. Задерживает реализацию этих передач капитализм. Даже официальное германское обследование («Ausschuss») угольной промышленности вынуждено было признать, что реализация этих передач задерживается в силу того, что она предполагает высокую плановость в техническом и экономическом отношении¹⁶. Привлеченные анкетной комиссией эксперты показали, что бесперебойное снабжение путем дальних передач коксовых газов целых обширных областей возможно лишь в том случае, если в этом

¹⁶ Ausschuss zur Untersuchung der Erzeugung- und Absatzbedingungen der deutschen Wirtschaft. Die Kollennwirtschaft.

снабжении участвует организованно вся угольная промышленность, а не отдельные шахты или предприятия, потому что всегда требуется большой резерв газов¹⁷. Далее, реализации этих дальних передач коксового газа препятствует конкуренция множества мелких газовых заводов, связанных длительными договорами с городскими самоуправлениями и работающих с неполной нагрузкой ввиду недостаточности спроса. В частности — эксперты вынуждены были подчеркнуть огромное препятствие для этих дальних передач, связанное с тем, что потребление газов совершенно не находит себе места в сельском хозяйстве¹⁸.

За последнее время начинают вырисовываться контуры новой конкуренции в области передач газов между рурской каменноугольной и среднегерманской бурогоугольной промышленностью. Передаваемый из Рура газ, получаемый путем коксования каменного угля, начинает проникать в области, где имеются богатые источники газа на основе газификации бурого угля. Это обстоятельство не может не оказать задерживающего влияния на дальние передачи газов.

Техническое развитие выдвигает все новые и новые возможности в области комбинирования.

Так например, получение синтетической нефти из угля ставит совершенно новую проблему комбинирования угольной промышленности с целым рядом производств, связанных с переработкой нефти. Нужно однако отметить, что развитие этого типа комбинирования может поставить угольную промышленность при капитализме в весьма тяжелое положение, ибо получение в массовом масштабе дешевого и высококалорийного топлива может привести к сокращению спроса на уголь; в этом случае мощные угольно-нефтяные комбинаты будут получать огромные сверхприбыли при резком снижении прибылей «чистых» предприятий. Реализация методов Бергюса получения сахаристых веществ из древесины создает техническую базу для комбинирования лесной промышленности и сахарной.

Нужно отметить, что влияние технического развития на комбинирование является противоречивым. С одной стороны, развитие техники создает все новые и новые возможности комбинирования, открывает все новые типы сочетания различных отраслей. Развитие техники открывает новые перспективы в области самых неожиданных методов использования отходов. Но, с другой стороны, технический прогресс, вызывая часто переход от одного вида сырья к другому, требует такой подвижности предприятия, возможности его быстрой перестройки и перехода к новому производству, которая неосуществима в рамках данного комбината. И, наоборот, комбинат, в котором имеются предприятия, производящие совершенно определенное сырье, будет всячески препятствовать такой перестройке производства, которая потребует перехода к новым видам сырья, не производимым в данном комбинате. В связи с этим в тех отраслях, где технические методы производства и применяемое сырье изменяются наиболее быстро (например в химической промышленности) при капитализме, комбинирование развито последовательнее, чем в металлургии. Это объясняется отчасти тем, что эти отрасли (в особенности химическая) используют самое разнообразное сырье и в то же время должны учитывать возможность в силу технического развития перехода к все новым и новым видам сырья, замены старых материалов другими и

¹⁷ Ibid., стр. 540.

¹⁸ Ibid., стр. 541.

т. д. Последовательное соединение всех стадий производства данного товара, начиная от первичного сырья, получает свое наиболее законченное выражение в тех отраслях, где установились более или менее определенные виды сырья, как например в металлургии.

То обстоятельство, что развитие техники может ослаблять также и стимулы к комбинированию, по существу выражает роль капиталистических комбинатов как активного фактора технического загнивания. В случае выдвигания новых технических методов, требующих реконструкции производства и в частности изменения сырьевой базы, возможно одно из двух: или предприятие, ориентируясь на быстрый рост техники и на необходимость перехода к новым сырьевым материалам, воздерживается от проведения комбинирования, или предприятие, которое уже обзавелось определенной сырьевой базой, пытается задержать применение новых технических методов, требующих использования других источников сырья. Мы раньше рассмотрели первую тенденцию. Теперь перейдем к рассмотрению второй тенденции.

Прежде всего необходимо отметить, что комбинированное предприятие, как и всякое капиталистическое предприятие, враждебно техническому прогрессу в той мере, в какой он приводит к моральному обесценению громадных масс основного капитала и поскольку на рынке имеется дешевая рабочая сила. Функционирующий комбинат, представляющий одну ступень технического развития, осуществляющих одну форму технических связей между отдельными отраслями промышленности, задерживает переход к комбинированию, представляющему более высокий уровень технического развития. Необходимо учитывать, что капиталистические комбинаты, как правило, являются составной частью более обширных монополистических объединений (картелей, трестов, концернов), которые располагают значительно более мощными орудиями в области торможения технического развития, чем отдельные мелкие предприятия.

Как известно, комбинирование сильнее всего развито в черной металлургии. В обследовании германской черной металлургии целый ряд экспертов указал на то, что в последней не наблюдается никаких технических сдвигов, что темп усовершенствования оборудования металлургических заводов значительно отстает от технического развития в других отраслях, что современный уровень техники позволяет значительно усовершенствовать и тепловое хозяйство, и целый ряд процессов на металлургических заводах, но что реализация этих технических нововведений упирается в наличие громадных функционирующих капиталов¹⁹. Один из крупнейших германских капиталистов, руководитель стального треста Тиссен вынужден был отметить, что техническое развитие в металлургии наталкивается на особые трудности вследствие громадной недогрузки предприятий²⁰. Парадоксальность технического развития в условиях господства монополий заключается в том, что всякий шаг вперед, сделанный на данном участке, на определенное время затрудняет (но конечно не исключает абсолютно) дальнейшее продвижение вперед.

Задерживающее влияние капиталистических комбинатов на техническое развитие особенно наглядно выступает в тех случаях, когда полная реализация всех технических преимуществ комбинирования становится возможной лишь при наличии очень крупного мас-

¹⁹ «Ausschuss zur Untersuchung der Erzeugungs- und Absatzbedingungen der deutschen Wirtschaft. Die deutsche eisenerzeugende Industrie».

²⁰ Ausschuss u. s. w. «Wandlungen in der Rechtsformen der Einzelunternehmungen und Konzern», S. 373.

штаба производства, превосходящего рамки даже наиболее гигантских предприятий.

Возьмем опять ту же отрасль, где комбинирование при капитализме проведено наиболее полно, — металлургию. Известно, какую огромную роль в развитии металлургического комбинирования играет правильно поставленное газовое хозяйство. Но поставить правильно последнее в рамках замкнутого завода является весьма трудным делом. Не всюду и не в каждый момент могут быть использованы полностью доменные газы. У небольших заводов выход газов вообще является неравномерным. У предприятий без достаточного развития последующих стадий обработки не всегда имеется достаточная потребность в газах, чтобы полностью использовать газы, произведенные в данном предприятии. Количество выпущенных газов очень сильно колеблется в зависимости от колебаний масштаба производства данного предприятия. При большом расширении производства растет избыток газов, при сужении производства, наоборот, ощущается недостаток в газах. Колебания в сортах выпускаемого железа также мешают полному использованию газов в металлургических комбинатах²¹. Таким образом потребности комбината в газах и выпуск последних не развиваются равномерно. Существование хотя бы мощных газгольдеров не может выравнять для более продолжительных периодов это расхождение. Далее необходимо учесть, что для некоторых металлургических заводов в силу их географического положения, в силу своеобразия их производства целесообразно употребление некоторых количеств угля или других видов топлива. В связи с этим на данных заводах некоторое количество газов может оставаться неиспользованным²².

Далее необходимо учитывать, что на отдельных металлургических заводах избыток газов сильно колеблется в течение дня в связи с чрезвычайно изменчивым потреблением его в сталеплавильном и прокатном производствах. Эти внезапные пики являются очень серьезной проблемой для отдельной станции на металлургическом заводе.

Развитие техники диктует необходимость перехода к комбинатам более обширным и сложным. Но такое раздвижение рамок старых комбинатов на основе расширения территориального охвата комбината, на основе включения новых производственных единиц той же отрасли и других отраслей очень часто оказывается непосильным в силу наличия частной собственности и анархической структуры капитализма. В связи с этим в условиях технического развития может происходить распад или ослабление старых типов комбинатских связей при отсутствии новых, более высоких организационных форм.

В этом отношении весьма интересен пример германской Рейнско-вестфальской электростанции. Создание мощных электроцентралей, вообще значительное развитие и централизация энергетического хозяйства делают устарелой идею замкнутого теплового баланса в пределах отдельного предприятия, выдвигают необходимость создания более обширных энергетических комплексов. В частности Рейнско-вестфальская электростанция снабжает, с одной стороны, электрической энергией не только ряд городов и трамвайных линий, но и ряд предприятий тяжелой промышленности; с другой стороны, эта станция потребляет излишки доменных и коксовых газов. Рейнско-вестфальская электростанция не имеет своих каменноугольных шахт (кроме бурогольных): она преимущественно базируется на исполь-

²¹ Ausschuss u. s. w. «Die deutsche eisenerzeugende Industrie», S. 154.

²² Статья «Die Kraftwirtschaft auf deutschen Eise nhütten», «Stahl und Eisen» за 1930 г., № 25, стр. 858.

зовании отходов промышленных предприятий Рейнско-вестфальской области²³. Развитие электрификации привело к ослаблению старого типа комбинатских связей (прорыв схемы замкнутого теплового баланса, покупка энергии и продажа последней на сторону). Но в то же время не возник новый более могучий комбинат. Совершенно очевидно, что в настоящих условиях Рейнско-вестфальская электроцентраль совершенно не обладает той экономической мощностью, которая позволила бы этой станции стать руководящим центром всей колоссальной промышленности Рейнско-вестфальской области, питающей данную станцию своими отходами и потребляющей ее электроэнергию. Очевидно, что в рамках капитализма создание такого гигантского комбината является невозможным. Противоречивость капиталистического комбинирования в частности находит себе выражение в том, что техническое развитие на определенной стадии приводит к ослаблению технических связей внутри капиталистических комбинатов, ибо более высокая техническая ступень комбинирования может быть осуществлена лишь в социалистическом хозяйстве.

Было бы ошибочно думать, что функционирующие комбинаты остаются чисто пассивными факторами, — они оказывают определенное задерживающее воздействие на переход к более мощным энергоцентралям. Капиталистические комбинаты, воплощающие в себе всю ограниченность частных предприятий, всю ограниченность капиталистического обобществления, становятся активными факторами технического загнивания в тех случаях, когда новая техника может быть реализована лишь при очень значительном масштабе производства, превышающем рамки даже очень крупных капиталистических предприятий.

Тенденция к сохранению своей независимости от мощных электросиловых концернов задерживает развитие электрификации транспорта и промышленности и приводит к возникновению массы самостоятельных заводских электростанций, работающих на каменном, а не на белом угле (гидроэлектростанции составляют меньшинство в общем электрохозяйстве САСШ, несмотря на большое богатство последних в области белого угля). Масштаб отдельных капиталистических предприятий, даже и очень крупных, обычно является совершенно недостаточным для построения собственной гидроэлектростанции, которая предполагает очень большое производство электроэнергии. С другой стороны, в тех случаях, когда устанавливаются прочные связи между промышленными предприятиями и электростанциями (например в алюминиевой промышленности), затрудняется создание новых комбинатов в данной отрасли промышленности. Так например, обладание алюминиевыми трестами своими мощными электростанциями и создание на этой почве сильных связей с электропромышленностью должно крайне затруднить снабжение новых алюминиевых заводов дешевым током. Именно в этой связи алюминиевой и электрической промышленности и находится основа монопольного положения существующих алюминиевых компаний, которое обеспечивает за ними господство на алюминиевом рынке и в том случае, если эти компании перестанут быть привилегированными держателями сырья²⁴.

Выше мы указали, какую роль в задержке технического развития

²³ Wiedenfeld — Gewerbepolitik, 1927 г., стр. 34—36, подробному описанию этой станции посвящена книга «Asriel, Rheinisch—Westfälische Elektrizitätswerke».

²⁴ Статья Маркуса «Изменения в структуре международного рынка цветных металлов», «Вопросы торговли» за 1929 г. № 9—10, стр. 63.

капитализма играет комбинирование производства сырья с производством готового продукта. Еще более отчетливо эта задерживающая роль комбинатов выступает в случае комбинирования производства оборудования с производством готового продукта. Этот тип комбинатов своей непосредственной целью ставит монополизацию новых технических методов, установление контроля над техническим базисом своей промышленности в интересах своей промышленности, в интересах своего предприятия. На примере табачного треста в САСШ, который между прочим приводит Ленин в главе I своего «Империализма», очень наглядно выступает, что комбинирование специального машиностроения с данной отраслью позволяет комбинату получать огромную сверхприбыль, пока новый технический метод остается в секрете. Наличие такого вида комбинирования означает установление препятствий для других предприятий той же отрасли использовать новые методы производства.

Капиталистическое комбинирование может в известных случаях задержать развитие специализации в области производства отдельных видов сырья внутри комбината (хотя конечно это нельзя возводить в общее правило). Капиталистическому комбинату важно иметь свое собственное производство сырья, хотя бы последнее получалось по более высоким издержкам производства, нежели то сырье, которое можно купить на рынке. В том случае, когда комбинированное предприятие предъявляет спрос на разнообразное сырье, в частности на разные сорта одного и того же сырья, последовательное проведение комбинирования, при недостаточно широких рамках всего предприятия в целом, может задержать осуществление специализации внутри комбината. Монополистическому предприятию выгоднее иметь собственную сырьевую базу, хотя бы последняя была дальше расположена, чем предприятие, продающее сырье, в котором нуждается данное предприятие.

Конечно было бы грубейшей ошибкой забывать о том, что комбинаты являются технически наиболее развитыми капиталистическими предприятиями. Эта сторона дела имеет чрезвычайно важное значение при оценке границ капиталистического комбинирования. Узкие границы капиталистического комбинирования, в особенности в области наиболее развитых форм, очень ярко свидетельствует о том, что наиболее передовая техника, которая может быть реализована в пределах комбината, уже не вмещается в рамки капиталистического способа производства, а потому не может получить сколько-нибудь полного развития, не разорвав их. Пропасть между возможностями, которые обеспечивают новейшие достижения техники, и теми узкими рамками использования их, которые ставит капитализм, очень наглядно свидетельствует о банкротстве капитализма, о его кризисе и является одним из существеннейших элементов этого кризиса «В этом случае капиталистический способ производства впадает в новое противоречие. Его историческое призвание — безудержное, подгоняемое вперед в геометрической прогрессии, развитие производительности человеческого труда. Он изменяет этому призванию, поскольку он, как в настоящем случае, препятствует развитию производительности. Этим он только снова доказывает, что он дряхлеет и все более и более переживает себя»²⁵. В свете рассмотрения вопроса о границах комбинирования выступает вся лживость и оппортунистическая сущность «теорий» о том, что послевоенный капитализм переживает вторую техническую революцию.

²⁵ Маркс, Капитал, т. III, гл. 15.

4. Комбинирование и кризисы

Вопрос о влиянии на комбинирование противоречия между ростом производительных сил и суженным рынком, вызываемого противоречием общественного производства и частного присвоения, является весьма актуальным потому, что это противоречие получает особую остроту в эпоху всеобщего кризиса капитализма. Данное противоречие получает целый ряд специфически новых выражений, которые отсутствовали не только в эпоху промышленного капитализма, но даже в период довоенного империализма. Как известно, природа всеобщего кризиса капитализма характеризуется прежде всего расколом мирового хозяйства, развитием системы советского хозяйства, потерей капитализмом свободы распоряжаться русским рынком, резким обострением борьбы между бурно растущим социализмом и загнивающим капитализмом, постоянной недогрузкой промышленного аппарата, огромной хронической безработицей, сильным обострением неравномерности развития, расшатыванием устоев империализма в колониальных странах, обострением борьбы за рынки сбыта и рынки сырья, усилением абсолютного обнищания широких трудящихся масс, длительным аграрным кризисом, огромным ростом маринизма и милитаризма и т. д. и т. п.

Вместе с тем для всеобщего кризиса капитализма характерны новые изменения в самом капиталистическом цикле. Для капиталистического цикла эпохи всеобщего кризиса капитализма одной из весьма характерных черт является длительная депрессия, которая накладывает определенный отпечаток на всю экономику. Удлинение депрессии, выступающее в качестве одного из показателей изменений цикла, выражает не только изменение продолжительности отдельных фаз, но также изменение их интенсивности. Кризисы становятся все более глубокими и опустошительными, подъемы и периоды оживления — более вялыми и слабыми.

В основе этих сдвигов лежит вся совокупность процессов, характеризующих послевоенный капитализм. Очень яркую и исчерпывающую характеристику последовательного цикла дает резолюция ИККИ по вопросу о современном мировом экономическом кризисе.

«Значение кризиса перепроизводства в САСШ усугубляется тем, что он разворачивается в условиях особенно резкого обострения противоречия между ростом производительных сил и суженными рынками сбыта, когда остро проявляется общая для всех капиталистических стран тенденция к удлинению периодов депрессии, принимающей хронический характер, когда ряд одних важных отраслей мирового хозяйства (уголь, текстиль, судостроение и т. д.) в течение нескольких лет не выходит из кризиса, ряд других вступает в него, когда капиталистические страны и колонии охвачены уже острым аграрным кризисом... Американский кризис застает уже значительную часть мирового капиталистического хозяйства в состоянии затяжной экономической депрессии. В ряде стран Восточной и Центральной Европы (Польша, Прибалтика, Австрия, Балканы) длительные экономические депрессии и кризисы, развивающиеся на основе чудовищного обнищания масс, обостряемые послевоенной раздробленностью, феодальными пережитками кабальной зависимости от мирового империализма, создают все большие предпосылки для общеполитического кризиса. В колониях кризис связан с развитием хищнических форм финансового капитала, опирающегося на туземный феодализм, с широко распространенным типом монокультурного хозяйства, ставящего колониальную экономику в полную зависимость от колебаний

хозяйственной конъюнктуры в империалистических странах (Индия, Египет и т. д.), с особенно резким падением цен на колониальное сырье, обгоняющим понижение цен на все другие промышленные и с.-х. продукты. Особую остроту кризис в странах колониального типа приобретает потому, что закабаление трудящихся масс империалистами и туземными помещиками и буржуазией связано здесь с неслыханным обнищанием рабочих и крестьян».

В этой цитате дана характеристика основных противоречий современного капитализма, которые в своей совокупности обуславливают также изменение капиталистического цикла. Крупнейшую роль в обострении этих процессов играют раскол мирового хозяйства, выпадение из-под контроля мирового капиталистического хозяйства одной шестой части мира (СССР), которая развивается по совершенно иным экономическим законам.

Эти изменения цикла выражаются и в том, что фаза подъема становится более короткой, подъем становится менее интенсивным и разворачивается крайне неравномерно в отдельных странах и отраслях промышленности.

Достаточно сопоставить динамику подъема, предшествовавшего современному кризису в Англии и САСШ, чтобы увидеть эти изменения цикла. В ряде стран мы за все время, отделяющее современный экономический кризис от кризиса 1920—1921 гг., не имели сколько-нибудь резко выраженного оживления. Подъем прерывался депрессиями для разных стран в разное время (например в САСШ в 1924 и 1927 гг.). В ряде отраслей в течение всего послевоенного периода развития наблюдалась длительная депрессия (например в угольной промышленности, судостроении, текстильной, кожевенной и т. п.). С другой стороны, депрессия становится более длительной, кризис достигает необычайной силы и остроты, принимая очень затаенный характер, охватывая целиком весь капиталистический мир (а не концентрируясь на отдельных, хотя и очень обширных и очень важных участках, как это было до империализма и частично в предвоенный период империализма). В ряде случаев кризис непосредственно следует за депрессией.

Проблема исследования всей совокупности причин, определяющих изменение капиталистического цикла, является большой и самостоятельной проблемой. Мы хотели только коснуться вопроса о том, какое влияние оказывает это изменение цикла на общее развитие комбинирования. Решение этого вопроса находится в зависимости от решения более общего вопроса, как происходит комбинирование в разные фазы цикла и как влияет кризис на комбинирование.

Кризис оказывает сложное и противоречивое влияние на процессы комбинирования. Во время кризиса борьба между «чистыми» и комбинированными предприятиями достигает наибольшего обострения. (Но это конечно не означает, что во время подъема борьба между «чистыми» и комбинированными предприятиями не развивается.) С вступлением кризиса в свои права начинается грандиозная «чистка» капиталистических предприятий. «Чистые» предприятия, как предприятия более слабые, экономически и технически хуже вооруженные, лопаются значительно чаще, чем комбинированные; что касается «чистых» предприятий аутсайдеров, то их положение еще более тяжелое. Разумеется, что кризис отражается и на положении комбинированных предприятий.

Относительное увеличение во время кризиса процента комбинированных предприятий является следствием того, что «чистые»

предприятия переносят на себе большую часть тяжести кризиса, чем комбинированные, и больше подвергаются банкротствами, чем комбинированные предприятия. Но во время кризиса комбинированные предприятия также абсолютно уменьшаются.

Но этим еще полностью не разрешается вопрос о влиянии кризисов на процессы комбинирования.

Гильфердинг выдвинул положение, что во время подъема преобладает восходящее комбинирование, а во время кризиса — нисходящее комбинирование. Эта точка зрения, которая пользуется довольно широким распространением у нас, переносит центр тяжести вопроса в область исследования направления комбинирования, игнорируя самое существенное различие между отдельными фазами цикла с точки зрения их влияния на комбинирование. Гильфердинг тем самым игнорирует действительное влияние кризиса на комбинирование. Основное различие между фазами состоит в том, что экономические кризисы сильнее всего задерживают абсолютный рост комбинирования. Но это решающее влияние кризиса на комбинирование совершенно затушевывается Гильфердингом. В основе этого неверного положения Гильфердинга лежит его ревизионистский тезис, выраженный уже в «Финансовом капитале», о том, что в период империализма кризисы «смягчаются», и развитый им в дальнейшем до полного отрицания кризисов в эпоху империализма. Поэтому неслучайно Гильфердинг даже и не ставит вопрос о сильнейшей задержке абсолютного роста комбинирования во время кризиса.

Во время кризиса антагонизм между отдельными отраслями достигает наибольшего обострения. Монополии, господствующие в области производства средств производства, сбывают эти средства производства по относительно высокому (для кризиса) монопольному ценам обрабатывающей промышленности. Значительное расхождение между монопольными и немонопольными цен, которое усиливается во время кризиса, является могучим рычагом перекачивания прибавочной стоимости из немонополизированных отраслей в монополизированные. Монополии располагают кроме того целым рядом других методов улавливания прибавочной стоимости, производимой в обрабатывающей промышленности.

Кризис приостанавливает новое строительство, задерживает техническую реконструкцию производства, приводит к значительному сокращению загрузки функционирующих предприятий. Все это не может не сказаться самым отрицательным образом на росте комбинирования; поскольку приостанавливается (за немногими исключениями) новое строительство и техническое переоборудование старых предприятий, постольку исключается возможность сколько-нибудь широкой реализации новых технических достижений. В связи с этим устанавливается почти полный застой в области технического уровня комбинирования, наблюдается отсутствие новых форм сочетания отдельных отраслей производства. В условиях резкого обострения трудностей сбыта и колоссальной недогрузки функционирующего капитала не наблюдается не только продвижения вперед в области комбинирования, но и распространения наиболее передовых форм комбинирования, уже реализованных в отдельных пунктах. Напротив, колоссальное сокращение нагрузки предприятий, громадное сокращение спроса на целый ряд продуктов приводят к ослаблению и сокращению комбинирования в целом ряде пунктов.

В данном вопросе можно установить очень интересную закономерность — кризис с наибольшей силой затрагивает наиболее развитые формы комбинирования. То положение, что по мере развития ком-

бинирования происходит обострение противоречий комбинатов и сужение границ последних, демонстрирует свою правильность и в данном вопросе. Это объясняется тем, что более развитые формы комбинирования (например основанные на комплексном использовании сырья) являются значительно более мощными факторами развития производительной силы труда. Поэтому они вступают в более острое противоречие с суживающимися границами рынка. Далее, более развитые формы комбинирования предполагают значительно более резкую взаимосвязь между отдельными отраслями производства. Поэтому обострение неравномерности развития особенно чувствительно для таких комбинатов. Кризис с наибольшей силой затрагивает более сложные комбинаты, в частности для комбинатов, основанных на комплексном использовании материи, влияние кризиса является более разрушительным, чем для комбинатов, основанных на сочетании последовательных стадий обработки сырья.

Весьма яркую иллюстрацию влияния кризиса на комбинирование дает производство синтетического аммиака по методу глубокого охлаждения (например в Германии). Это производство базируется на использовании водорода коксовых газов. Оно комбинируется с коксовой промышленностью и с черной металлургией. Огромное падение выплавки чугуна, в связи с этим и сокращение выжигания кокса, лишило некоторые аммиачные заводы коксового газа и не позволило им вести производство. Этим в частности воспользовалось I. G. Farbenindustrie, на заводах которого применяется конверсионный метод.

Так например, в данное время в силу падения цен на серную кислоту приостановлена в ряде пунктов переработка сернистых газов медеплавильных заводов в серную кислоту. В силу резкого падения цен на побочные продукты коксования многие немецкие коксовые установки отказываются от дальнейшей химической переработки коксового газа²⁶. Нужно отметить, что значительное снижение цен на ряд товаров (например на естественную нефть, естественный каучук) значительно задерживает развитие ряда отраслей синтетической химии (например производство искусственного бензина, искусственного каучука и т. д.) и тем самым ставит развитие комбинирования в ряде отраслей в тяжелое положение²⁷.

В качестве примера, задерживающего влияние кризисов на комбинирование, можно привести энергетическое хозяйство доменных заводов. Известно, что количество доменных газов изменяется не прямо пропорционально расширению или сужению продукции. С сокращением производства чугуна количество получаемых доменных газов сокращается в значительно большей степени. Это обстоятельство, с одной стороны, заставляет доменные заводы в ряде случаев поддерживать производство чугуна на высоком уровне для того, чтобы

²⁶ Menzel, Die deutsche chemische Industrie in der Krise «Wirtschaftsdienst» № 46 за 1931, стр. 1872.

²⁷ В частности снижение цен на натуральный каучук задерживает не только развитие производства синтетического каучука, но и регенерацию каучука, использование отбросов резинового производства. Так например, в Германии еще до начала современного мирового кризиса обанкротилось крупнейшее предприятие по регенерации каучука Runde Werk в Шшидау. Низкие цены на натуральную нефть, несмотря на тенденции германских капиталистов эмансипироваться от ввоза торфа, страшно задерживают производство синтетического бензина, например в Германии производство последнего сосредоточено только на одном заводе (в Leuna). В 1929 г. было получено около 100 тыс. т искусственного бензина, что составляет около 15—20% германского импорта бензина (данные взяты из «Wirtschaftsjahrbuch für Industrie und Handel» за 1929/30 г., стр. 420).

обеспечить себе энергетическую базу. Но, с другой стороны, это же обстоятельство в случае громадного перепроизводства чугуна не может не сказаться в сокращении основного производства металлургического комбината, в ослаблении роли использования доменных газов, в ослаблении последовательности комбинирования. В частности, для современной германской черной металлургии характерны вопли о недостатке газа, о газовой нужде (*Gasnot*) в связи со значительным сокращением доменного производства. Для современных германских металлургических заводов характерен рост потребления угля и коксовых газов на тонну чугуна и стали. Кризис таким образом привел не только к снижению цен на чугун, но и к значительному росту издержек производства в связи с сокращением таких могучих энергетических ресурсов, как доменные газы.

Кризис раскрывает с предельной резкостью всю глубину противоречия между развитием производительных сил и капиталистическими производственными отношениями. Кризис знаменует собой громадное расхищение производительных сил (и прежде всего основной производительной силы — рабочего класса), обрекает на полное или частичное бездействие наиболее мощные предприятия, исключает почти всякую возможность технического продвижения вперед, приводит к техническому застою, к пропаганде технически реакционных методов. Достаточно указать только на получивший такую широкую известность за последний год «план кирки и лопаты»²⁸. Та громадная централизация капитала, которая имеет место во время кризиса, оказывается совершенно бессильной перевести хозяйство на более высокую техническую ступень. Она не может стать исходным пунктом (во время кризиса) развертывания, расширения производства, укрупнения предприятий на базе их технической реконструкции.

В качестве иллюстрации влияния современного экономического кризиса на комбинирование можно привести предприятия Форда, у которого комбинирование (если взять капиталистический мир) проведено наиболее последовательно. В настоящее время Форд проявляет тенденцию передать максимум операций на чужие заводы. Например цех рам закрыт, и в ближайшее время рамы для автомобилей будет изготовлять фирма Маррей. Все кузова для автомобилей производятся вне фордовских заводов и т. д.

Если с этой точки зрения рассмотреть, как влияет изменение капиталистического цикла на развитие комбинирования, то отсюда получаются совершенно определенные выводы. Все, что сокращает фазу подъема, ослабляет интенсивность подъема, ограничивает сферу осуществления подъема в отдельных отраслях и странах, — все это не может не влиять задерживающим образом на развитие комбинирования. По существу, в этом изменении цикла находит себе своеобразное выражение также все растущая трудность сбыта, растущее сужение рынка, которое составляет одну из характерных особенностей эпохи всеобщего кризиса капитализма.

Эта особенность послевоенного капитализма играет очень круп-

²⁸ Так например, в подробной инструкции относительно производства зимних дорожных работ, изданной дорожным управлением штата Мичиган, указано, что использование механического оборудования не разрешается (в том числе даже кранов для установки стальных конструкций до 60 футов). При отдельно оговоренных исключениях предписывается производить руками все работы по нагрузке и разгрузке. Ручные лопаты, тачки или тележки должны быть единственными орудиями работ (цитирую по ст. М. Рубинштейна «План кирки и лопаты в действии», «Правда» от 1 февраля 1932 г.).

ную роль (хотя не в качестве единственного фактора) при объяснении таких существенных особенностей послевоенного капитализма, как хроническая безработица, громадная недогрузка основного капитала, хроническая депрессия в ряде отраслей (ошибочно последнюю объяснять только ростом конкуренции со стороны новых отраслей). Это обострение трудностей сбыта (которые конечно никоим образом нельзя истолковывать в смысле невозможности расширенного воспроизводства) затрудняет развитие таких форм комбинирования, которые предполагают обязательное укрупнение масштаба производства, значительное увеличение выпускаемой продукции и т. д. Изменение цикла создает все новые препятствия для технического продвижения комбинирования.

Необходимо отметить, что рост комбинирования в свою очередь оказывает некоторое влияние на изменение цикла.

Прежде всего рост комбинирования в капиталистических условиях обуславливает обострение кризисов. Это вытекает из того, что рост комбинирования приводит к укрупнению производственных единиц, к повышению производительной силы труда, к росту производительной мощи капитализма. Далее комбинирование сопровождается ростом органического состава капитала и приводит к обострению всеобщего закона капиталистического накопления. Комбинирование приводит к значительному усложнению зависимостей между отдельными отраслями, поскольку комбинированное предприятие сбывает самую разнородную продукцию. Поэтому кризис, охвативший одну отрасль, быстрее передается по всей промышленной системе; с другой стороны, комбинирование сокращает число звеньев в сфере обращения, через которые проходит сырье. А это обстоятельство позволяет скорее выявить перепроизводство, ибо чем больше звеньев, через которые проходит товар, тем дольше перепроизводство, уже имеющееся в конечной стадии производства, может быть замаскировано в предыдущих стадиях.

Известный интерес представляет вопрос о том, какое влияние оказывает комбинирование на самый процесс движения капиталистического цикла. Монополии не устраняют кризисов, а придают им целый ряд новых особенностей. В статье «Марксизм и ревизионизм» Ленин по этому поводу писал:

«Что кризисы не отжили свое время, это показала ревизионистам очень быстро действительность: кризис наступил после процветания. Изменились формы, последовательность, картина отдельных кризисов, но кризисы остались неизбежной составной частью капиталистического строя. Картели и тресты, объединяя производство, в то же время усиливали на глазах у всех анархию производства, необеспеченность пролетариата и гнет капитала, обостряя таким образом в невиданной еще степени классовые противоречия. Что капитализм идет к краху — и в смысле отдельных политических и экономических кризисов и в смысле полного крушения всего капиталистического строя — это с особенной наглядностью и в особенно широких размерах показали как раз новейшие гигантские тресты»³⁰.

Влияние монополий на кризис очень ярко подчеркивалось также т. Сталиным на XVI съезде ВКП(б).

«Нынешний капитализм в отличие от старого капитализма является капитализмом монополистическим, а это предопределяет неизбежность борьбы капиталистических объединений за сохранение высоких монопольных цен на товары, несмотря на перепроизводство.

³⁰ Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 1, стр. 57—58.

Понятно, что это обстоятельство, делая кризис особенно мучительным и разорительным для народных масс, являющихся основными потребителями товаров, не может не повести к затягиванию кризиса, не может не затормозить его «рассасывание»³¹.

Развитие монополий обостряет кризис, затягивает его «рассасывание» и задерживает переход от депрессии к подъему. Понятно, что и комбинирование, будучи неразрывно связано с монополиями, оказывает обостряющее влияние на кризис. Вместе с этим комбинирование оказывает некоторое влияние и на изменение цикла.

Необходимо отметить, что новейшие технические сдвиги, приводящие к сокращению сроков строительства, повышению в ряде случаев производительной силы труда без дополнительных новых затрат капиталов оказывают определенное влияние на изменение цикла в сторону сокращения продолжительности подъема.

Чрезвычайно ярким примером метода повышения эффективности производственного процесса без дополнительных затрат является применение катализаторов. Введение катализаторов значительно повышает эффективность производственного процесса без сколько-нибудь значительных затрат на увеличение капиталов³².

На эту сторону дела обратил внимание Маркс: «Каждое завоевание в области химии не только умножает число полезных веществ и число полезных применений уже известных веществ, вызывая таким образом рост капитала и расширение сферы его приложения, прогресс химии научает также вводить экскременты процесса производства и потребления обратно в кругооборот процесса воспроизводства и создает таким образом матерью нового капитала без предварительной затраты капитала. Подобно тому как усиленная эксплуатация природного богатства достигается просто повышенным напряжением рабочей силы, точно так же наука и техника сообщают функционирующему капиталу способность к расширению, не зависящую от его данной величины»^{32а}.

Все эти методы повышения производительной силы вложений без больших затрат капитала оказывают определенное влияние на процесс развертывания цикла. С одной стороны, они значительно повышают производственную способность предприятия и в известной мере облегчают расширение производства, с другой стороны, они не способствуют значительному повышению спроса на элементы нового основного капитала, они не дают толчка для подъема производства средств производства, они не могут стать исходным пунктом промышленного подъема. В связи с этим совершенно ошибочно и апологетично утверждение буржуазных экономистов о том, что развитие например метода катализатора должно привести к смягчению циклических колебаний, к смягчению кризисов и т. д.³³. Напротив, осуществление всех этих методов должно затруднить подъем, ослабить его интенсивность и продолжительность, ибо эти методы, способствуя громадному росту предложения, не стимулируют роста массового обновления основного капитала, не развязывают тех сил, которые лежали в основе бурных подъемов домонополистического капитализма.

³¹ И. Сталин, Отчет ЦК XVI съезду ВКП (б), стр. 11.

³² По данным «Chemikerzeitung» за 1931 г., I. G. Farbenindustrie удалось найти катализаторы, которые повышают способность этого треста производить бензин со 100 тыс. *m* до 350 тыс. *m* без значительных новых инвестиций (цитирую по статье Menzel «Wirtschaftsdienst», № 46 за 1931 г.).

^{32а} «Капитал», т. I; гл. 22, разд. 4.

³³ См. статью Menzel, цитированную в предыдущем примечании.

Существенно и то, что комбинирование обостряет перепроизводство и в известной степени затрудняет рассасывание товарных запасов.

Это особенно ярко выступает на примере комбинатов, основанных на комплексном использовании сырья. В этих случаях комбинат выпускает разнородную продукцию. Соотношение масштабов отдельных производств (например цветных металлов и серной кислоты на базе использования сернистых газов) определяется технико-производственными пропорциями. Поэтому весьма часто встречаются случаи, когда предприятие расширяет выпуск какого-либо товара, несмотря на выявившееся перепроизводство последнего, на том основании, что спрос на сопряженный товар, получаемый из того же сырья, растет или во всяком случае не сокращается.

В тех случаях, когда комбинат выпускает на рынок однородную продукцию, требования технико-производственной пропорциональности могут также затруднить сокращение данного производства. Возьмем пример металлургического комбината. Известно, какое огромное значение в экономике последнего играет газовое хозяйство, тесно связанное с доменным производством. Сокращение доменного производства обуславливает значительно большее сокращение производства выпускаемых газов и в связи с этим приводит к нарушению энергетического баланса данного комбината. Перед комбинатом стоит дилемма: а) или пойти по линии сужения комбинирования; б) или в интересах сохранения своей энергетической независимости пойти по линии расширения производства чугуна, хотя последнее не оправдано с точки зрения требований рынка. Известно, что металлургические комбинаты часто становятся на второй путь. Но это значит, что интересы сохранения своей энергетической сырьевой и всякой иной независимости от других монополий толкают часто комбинаты на такое расширение производства основного продукта, которое неизбежно должно привести к обострению его перепроизводства. В данном случае требования технико-производственной пропорциональности навязывают производству основного продукта темпы, которые отчасти вытекают из необходимости расширения производства побочных продуктов, играющих чрезвычайно существенную роль во всем комбинате. В этом случае комбинирование опять-таки обостряет кризис.

Отсюда конечно нельзя делать вывода о том, что комбинированные предприятия оказываются в худших условиях, чем «чистые» предприятия той же отрасли производства. Комбинирование приводит к обострению перепроизводства для всей данной отрасли производства. От этого перепроизводства «чистые» предприятия данной отрасли страдают больше, чем комбинированные предприятия той же отрасли. В данном случае можно провести аналогию с влиянием монополий на кризисы. Рост монополий обостряет анархию производства в капиталистическом обществе, взятом в целом. Монопольные цены значительно обостряют длительность кризисов и их остроту. Но отсюда конечно не следует, что монополистические предприятия оказываются в худших условиях, чем немонаполистические предприятия.

Итак, развитие комбинирования делает механизм капиталистического подъема менее гибким, затрудняет приспособление предложения к спросу, сокращает число промежуточных стадий, через которые проходит сырье, и тем самым ускоряет выявление тенденций перепроизводства, обостряет последнюю тенденцию своей ориентацией на те отрасли комбината, которые находятся в более выгодных условиях

с точки зрения рыночной конъюнктуры. В связи с этим рост комбинирования способствует сокращению и ослаблению подъема, углублению и заострению кризиса. Далее, поскольку комбинирование, как мы показали выше, является одним из факторов обострения неравномерности развития отдельных стран и отраслей промышленности, постольку развитие комбинирования оказывает свое влияние на неравномерное течение подъема и кризиса в разных странах и отраслях.

5. Неравномерность развития комбинирования в отдельных странах и отраслях

Для характеристики развития комбинирования особенно крупное значение имеет, с одной стороны, неравномерность в развитии промышленности и сельского хозяйства, а с другой стороны, неравномерность развития производства, средств производства и производства предметов потребления.

Очень большое задерживающее влияние на развитие капиталистических комбинатов оказывают монополия земельной собственности и связанное с последней отставание сельского хозяйства от промышленности. Указанная монополия вопреки апологетическим утверждениям Брентано и К^о о стимулирующем влиянии ренты на техническое развитие является сильнейшим тормозом на пути развития сельского хозяйства.

Наличие монополии земельной собственности определенным образом обуславливает отставание сельского хозяйства от промышленности и в области органического состава капитала, и в области концентрации, и в области технического развития. Это отставание особенно усилилось в эпоху длительного аграрного кризиса, который начался вскоре после окончания империалистической войны.

Правда, финансовый капитал подчиняет себе сельское хозяйство регулируя его сбыт. Но финансовый капитал проникает в сельское хозяйство, своеобразно контролируя сбыт сельскохозяйственных продуктов, в большинстве случаев не подчиняя себе непосредственно процесс производства, не устраняя архаических методов, господствующих в последнем. В связи с этим влияние финансового капитала на сельское хозяйство не дает особых стимулов к комбинированию промышленности с сельским хозяйством.

И в действительности область сельского хозяйства при капитализме остается почти чуждой процессам комбинирования. Это нельзя объяснить отсутствием технологических связей между отдельными отраслями сельского хозяйства и промышленностью. В действительности можно строить очень сложные комбинаты на основе комплексного использования отдельных растений. Так например, из кукурузы можно добывать крахмал, пищевой и технический, сахар, масла, резиновый клей, корма для животных и т. д. Вокруг производства хлопка можно построить ряд разнообразных производств, например текстильное (производство самых разнообразных тканей вплоть до выделки автомобильных шин и аэростатной ткани). Бумажное (линтер дает сырье для бумаги, а также на бумагу идут стебли хлопчатника), производство целлюлоида, эмульсии для фотографических пластинок, взрывчатых веществ, применяемых для подрывных работ, коллодиума, мыла, ваты, разнообразных сортов пищевых и технических масел, азотистого жмыха и т. д. Число этих примеров можно значительно

увеличить. Они показывают, какие огромные возможности таит в себе комбинирование промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Между тем в условиях капитализма все эти богатейшие возможности остаются под спудом, без всякой реализации.

Даже в тех отраслях промышленности, которые непосредственно связаны с сельским хозяйством, например в винокуренной, пивоваренной, сахарной и т. д., комбинирование чрезвычайно слабо развито. На первых стадиях развития сахарной промышленности, когда свеклосахарные заводы являлись подсобным предприятием в крупных имениях, комбинация культуры с производством была типическим явлением в Европе. Но по мере того как промышленность специализировалась, заводы расширялись и принимали более крупные размеры, переработка исключительно своей свеклы делалась для них все более и более затруднительной. Ведь при расширении завода нужно было расширять и имение, а это не всегда было возможно да обыкновенно и стоило очень дорого³⁴.

Здесь мы имеем яркую иллюстрацию того, как расширение сырьевой базы промышленного предприятия, перерабатывающего сельскохозяйственное сырье, упирается в монополию земельной собственности, в барьер высоких земельных цен. В связи с этим нет ничего удивительного в том, что в САСШ случаи комбинирования в сахарной промышленности встречаются чаще, чем в Европе. Но и тут монополия земельной собственности, хотя в более слабой форме, чем в Европе, выступает в качестве крупнейшего задерживающего фактора. Поэтому комбинирование свеклосахарных заводов с плантациями встречается преимущественно там, где посевы свеклы недостаточны или где требуются единовременные очень крупные затраты на мелиорацию. Например в штате Колорадо, где функционируют наиболее крупные свеклосахарные заводы, культура свеклы была невозможна без предварительного орошения, и последнее сопряжено с очень большими затратами, недоступными единичному фермеру. В этом отношении весьма любопытно сопоставить комбинирование в свеклосахарной промышленности с комбинированием производства тростникового сахара с обслуживающими его плантациями. В области производства тростникового сахара комбинирование встречается чаще, чем в области свекловичного сахара. Это объясняется в основном тем, что тростниковые плантации находятся в районах с меньшей плотностью населения, с большим земельным простором, с меньшим давлением земельной собственности (например на о. Кубе)³⁵.

Было бы неверно думать, что монополия земельной собственности задерживает только развитие по этой линии. Необходимо отметить, что монополия земельной собственности влияет задерживающим образом на развитие комбинирования в самой промышленности. В качестве очень яркой иллюстрации этого процесса можно привести химическую промышленность. Дело в том, что главным потребителем химической продукции является сельское хозяйство (до войны основными потребителями химикалий были текстильная и строительная промышленность). Отставание роста сельского хозяйства сильнейшим образом задерживает рост химической промышленности и тем самым развитие в последней комбинирования.

³⁴ Назаревский, Очерки по истории и теории коллективно-капиталистического хозяйства, стр. 218.

³⁵ Согласно данным американского переписи 1919 г., с сельским хозяйством было скомбинировано 9,1% заводов по выработке свекловичного сахара и 46,8% заводов по выработке тростникового.

Если обратиться к цветной металлургии САСШ, то мы обнаружим там очень слабое комбинирование цветной металлургии с химией: «Из осмотренных нами заводов цветной металлургии в САСШ мы установили, что только совершенно незначительная часть предприятий цветной металлургии использует сернистые газы для производства серной кислоты. Объясняется это не тем, что заводы вырабатывают дорогую серную кислоту, а тем, что эти предприятия расположены далеко от рынка ее потребления. Главное производство серной кислоты в Америке основано на таком сырье, как сера, которая в громадном количестве по недорогой цене доставляется в штаты, расположенные около Атлантического океана. В Америке имеется только один медеплавильный комбинат, который полностью использует отходящие сернистые газы от медеплавильного производства (расположен в штате Теннесси, принадлежит Теннесси и К^о)³⁶. Большинство заводов выпускают в воздух сернистые газы, сооружая для этой цели трубы громадной высоты (до 150 м). Точно так же на подавляющем большинстве предприятий ограничиваются обезвреживанием отходящих газов в целях улавливания металлов, содержащихся в пыли отходящих газов. В несколько большем масштабе используются сернистые газы цинковых заводов. Но и здесь нужно отметить, что значительное количество заводов не использует отходящих газов. К числу их нужно отнести такие гиганты, как заводы по производству электролитного цинка в Грет-Фолсе и в Ананконде, выпускающие до тысячи тонн серной кислоты в воздух в сутки³⁷.

Причины этого явления не заключаются только (или, вернее, столько) в том, что цветная металлургия САСШ расположена далеко от районов потребления серной кислоты. Это препятствие вовсе не является непреодолимым. Широкое развертывание в СССР комбинирования цветной металлургии с химической промышленностью поставило со всей остротой вопрос об изменении размещения цветной металлургии в направлении приближения к потребителям серной кислоты. Одна из важнейших причин задержки развития комбинирования цветной металлургии и химии заключается в слабой химизации американского сельского хозяйства. По своей урожайности САСШ занимают одно из последних мест в мире.

Решающая причина слабой химизации американского сельского хозяйства лежит в обострении противоречия между промышленностью и сельским хозяйством, в длительном аграрном кризисе, в массовом разорении фермеров. Все эти процессы, обусловленные экономической структурой капитализма, отозвались на развертывании комбинирования цветной металлургии с химией.

При рассмотрении капиталистических комбинатов, включающих в себя и отрасли сельского хозяйства (например в сахарной промышленности), необходимо помнить, что эти комбинаты фактически закрепляют отставание сельского хозяйства от промышленности. В этих комбинатах мы преимущественно имеем односторонний поток продуктов от сельскохозяйственной части к промышленной части комбинатов. Эксплуатация производительных сил сельского хозяйства внутри капиталистических комбинатов достигает наивысших форм. Очевидно, что широкое развертывание комбинирования между промышленностью и сельским хозяйством при

³⁶ В. С. Гулин и Н. С. Харитончиков, Современное состояние цветной металлургии, стр. 183.

³⁷ Там же, стр. 203.

капитализме невозможно. Комбинирование ломает перегородки между отдельными отраслями, уничтожает их цеховую ограниченность, связывает отдельные отрасли в один тесный производственный узел. Современная угольная промышленность настолько тесно переплетается с химической, что их трудно отделить. Точно так же цветная металлургия и химия при наличии широкого их комбинирования представляют одно производственное целое. Широкое развертывание высших форм комбинирования между промышленностью и сельским хозяйством означало бы, что последнее теряет свою историческую обособленность, что оно превращается в индустриальную отрасль, тесными узами связанную с другими отраслями промышленности. Очевидно, что такого типа комбинирование возможно лишь после уничтожения капитализма, при установлении в сельском хозяйстве такой технической базы, которая по своему уровню не уступала бы технической базе промышленности, при радикальном изменении методов труда в сельском хозяйстве и облика его работников, при установлении высокой концентрации производства сельского хозяйства, при уничтожении противоположности между городом и деревней и т. д. Очевидно, что ожидание реализации этих предпосылок в рамках капитализма является вреднейшей социал-фашистской утопией. Капитализм не пошел дальше развертывания самых элементарных форм комбинирования промышленности с сельским хозяйством в крайне ограниченных размерах. Сельское хозяйство от этого комбинирования ничего не выигрывает, его техническая база остается неизменной; идиотизм деревенской жизни нисколько не смягчается в результате этого комбинирования; диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством в результате этого комбинирования не смягчается, а обостряется.

Наряду с отставанием сельского хозяйства от промышленности для капитализма характерно отставание производства предметов потребления от производства средств производства. Этот факт находится в определенной связи с присущей капитализму тенденцией отставания потребления от производства, обусловленной антагонистическими условиями производства и вытекающим отсюда нищенским состоянием масс, общей тенденцией к ограничению их потребления и т. д. Мы не можем представить себе капитализма без несоответствия между производством и потреблением. Выражается это несоответствие (как явно показано Марксом в его схемах) в том, что производство средств производства может и должно обгонять производство предметов потребления³⁸. Отсюда конечно не вытекает, что рост I подразделения не связан с состоянием потребительского рынка. Первое подразделение дальше отстоит от потребителя. Поэтому зависимость I подразделения от состояния потребительского рынка проявляется более сложным, запутанным путем, так сказать, более окольным путем. Между тем II подразделение значительно теснее связано с потребительским рынком, и поэтому развивается оно значительно слабее и менее интенсивно. Наряду с общей узостью потребительского рынка для капитализма характерна большая дифференциация потребления, вытекающая из антагонистических отношений производства. Абсолютное обнищание пролетариата и широких масс трудящихся в связи с пролетаризацией и пауперизацией населения задерживает рост производства предметов широкого потребления, т. е. того производства, которое в силу своего массового характера при-

³⁸ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 422.

меняет технически более развитые способы производства; с другой стороны, громадный рост прибавочной стоимости, получаемой капиталистическим классом, стимулирует рост производства предметов роскоши с чрезвычайно дифференцированным ассортиментом и очень узким кругом потребителей. В связи с этой дифференциацией и отсутствием массового производства вытеснение ручного труда из области производства предметов роскоши происходит значительно медленнее, чем из других областей. «Открываются новые отрасли производства, базисом для которых служило именно такое относительное перенаселение, зачастую освобождающееся вследствие преобладания постоянного капитала в других отраслях производства; отрасли, производящие предметы роскоши, напротив основываются на преобладании в них элементов живого труда и лишь постепенно проходят тот же самый путь развития, как и другие отрасли производства»³⁹.

Общая узость потребительского рынка и его высоко дифференцированный характер приводят к тому, что темпы концентрации и масштаб последней во II подразделении значительно отстают от I подразделения. В связи с этим комбинирование во II подразделении чрезвычайно отстает от I подразделения.

Те комбинаты, которые имеются во II подразделении, ни в каком сравнении не идут с теми гигантскими предприятиями, которые имеются в I подразделении. Комбинаты во II подразделении развиты гораздо меньше, чем комбинаты в I подразделении.

Так например, редки случаи комбинирования всех стадий текстильного производства, включая аппретуру, окрашивание и вообще заключительные стадии процесса производства. Еще реже встречаются случаи комбинирования текстильного и швейного производства. Точно так же очень редки случаи комбинирования кожевенной и обувной промышленности. Такой гигант, как предприятие Томаса Бати, является исключением⁴⁰. Несклько чаще встречаются случаи комбинирования типографий и бумажных фабрик.

Исходя из того, что комбинирование в текстильной промышленности спорадически уже имело место в начале XIX века, буржуазный исследователь комбинирования Рузье делает вывод о том, что развитие машинной техники подрывает комбинирование в текстильной промышленности. «Интеграция не только не вытекает из роста машинной техники (machinisme), наоборот, росту интеграции угрожает и действует на него разрушительным образом прогресс оборудования, который приводит к более интенсивной горизонтальной концентрации. Отсюда антагонизм между этими двумя формами индустриальной концентрации («горизонтальной» и «вертикальной» — И. Б.). Он проявляется в текстильной промышленности в том, что чем более развито машинное производство, тем менее развита интеграция»⁴¹.

Интеграция в текстильной промышленности, по Рузье, сохраняется только там, где сохранились старинные методы производства или где действуют специфические причины, ничего общего не имеющие с машинным производством⁴². Эти положения Рузье свидетельствуют об его буржуазной ограниченности. Задержку развития комбинирования в текстильной промышленности, вытекающую из совокупности условий, характеризующих капиталистическое производство, Рузье

³⁹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, гл. 14, стр. 225.

⁴⁰ Ф и л и п п - Р у д о л ь ф, Неизвестный диктатор Томас Батя, стр. 97—98.

⁴¹ «Les grandes industries modernes, III. Les industries textiles», 2 edition, стр. 129—130.

⁴² I b i d, стр. 131—132.

выводит из роста машинного производства, рассматриваемого изолированно от капиталистической экономики. Рузье ставит вещи на голову. В действительности комбинирование в текстильной промышленности, как и во всякой другой отрасли, задерживается не чрезмерным ростом машинного производства и концентрации производства, а, наоборот, недостаточными темпами технического развития, недостаточным уровнем концентрации производства и другими факторами. В социалистическом обществе создаются совершенно новые условия для развития II подразделения, в том числе и текстильной промышленности. Техника в этих отраслях развивается гигантскими шагами. Укрупнение производства в легкой промышленности достигает таких масштабов, которые немыслимы в капиталистическом обществе. И именно благодаря этим условиям комбинирование в текстильной промышленности должно в социалистическом обществе получить огромное развитие. Пример гигантских советских текстильных комбинатов (например Иваново-вознесенского меланжевого комбината) красноречиво говорит о том, в каком направлении идет основная линия развития⁴³.

На развитие комбинирования задерживающее влияние оказывают не только резко выраженный дифференцированный характер личного потребления при капитализме, но и частые колебания спроса на отдельные товары, связанные с господством прихотливых и капризных вкусов в области личного потребления. Эти колебания приводят к тому, что рынок требует все новых и новых товаров, получаемых из другого сырья или из другой комбинации сырьевых материалов, чем раньше. Поэтому ткацкой фабрике нет смысла связываться с одной прядильной фабрикой, ибо ей могут потребоваться самые разнообразные сорта пряжи, в зависимости от колебаний моды. Поэтому швейной фабрике нет смысла связываться с определенной ткацкой фабрикой, ибо ей могут потребоваться самые различные сорта тканей. В связи с этим комбинированные предприятия распространены также неравномерно между отдельными отраслями текстильной промышленности. Они находят преимущественно распространение в тех отраслях, которые производят однотипные малодифференцированные ткани, т. е. там, где существуют более благоприятные условия для развития массового производства. В частности прядильно-ткацкие предприятия более распространены в джутовой, пеньковой промышленности и в изготовлении более грубых хлопчатобумажных тканей (например ситца). Даже внутри одной и той же отрасли прядильно-ткацкие предприятия распространены неравномерно. Так например, в грубошерстной они распространены значительно больше, чем в камвольной. В последней имеется еще одна стадия, предшествующая прядению, — чесание. Как правило, чесальни являются самостоятельными предприятиями, причем подобно отделочным фабрикам они не покупают шерсть за свой счет, а берут от прядильных фабрик или от торговых фирм шерсть для подготовки ее к прядению. И в этом случае тенденция развития капиталистической промышленности состоит

⁴³ При объяснении границ комбинирования в легкой промышленности необходимо учитывать своеобразие их сырьевой базы, имеющей большей частью сельскохозяйственный характер. Монополия земельной собственности задерживает применение научных методов в области развития технических культур. В связи с этим здесь наблюдаются частые колебания урожая, обуславливающие частые колебания сырьевых цен. Эти колебания делают невыгодным для предприятий легкой промышленности присоединение к себе сырьевой базы. С другой стороны, монополия земельной собственности задерживает концентрацию в области технических культур, а тем самым и развитие монополии в последней области. В связи с этим у легкой промышленности нет достаточного стимула к присоединению сырьевой базы.

во все большем отделении чесальных фабрик от прядильных. Наиболее слабо прядильно-ткацкие фабрики представлены в шелковой промышленности, льняной, комвольной, в области производства тонкого сукна и тонких, а также пестрых, хлопчатобумажных тканей. В Америке, где стандартизация предметов потребления проведена более полно, чем в Европе, комбинированные предприятия в текстильной промышленности встречаются чаще, чем в Европе.

Весьма характерно, что в той отрасли легкой промышленности, где комбинирование более всего развито,—в бумажной, наблюдается большая разница между производством газетной бумаги, которое имеет массовый характер и совершенно не зависит от влияния спроса, и производством писчей бумаги, в особенности высших сортов последней, которое обслуживает очень узкий рынок, зависящий от прихотливых колебаний индивидуальных вкусов. Комбинирование наблюдается главным образом в производстве газетной и частично оберточной бумаги. Оно значительно слабее в производстве печатной и писчей бумаги, имеющих более индивидуализированный характер⁴⁴. Можно привести еще ряд иллюстраций влияния этого фактора⁴⁵.

Те комбинированные предприятия, которые имеют место в легкой промышленности, несоизмеримы с комбинатами тяжелой промышленности. То обстоятельство, что в тяжелой промышленности несравнимо больше комбинированных предприятий, говорит о достигнутом высоком уровне концентрации и монополизации; вместе с тем это обстоятельство является фактором, значительно усиливающим позиции монополии в тяжелой промышленности. Неравномерность развития комбинирования в тяжелой и легкой промышленности, будучи результатом целой совокупности экономических моментов, определяющих неравномерность развития этих отраслей, в свою очередь является фактором, обостряющим эту неравномерность. Пользуясь своей лучшей организованностью, своей большой экономической мощью, тяжелая промышленность при помощи механизма монопольных цен присваивает значительную часть прибавочной стоимости, произведенной в предприятиях легкой промышленности — это с одной стороны. С другой стороны, развитие технически наиболее передовых форм комбинирования, например в химической промышленности, приводит к развертыванию таких производств, которые непосредственно конкурируют с легкой промышленностью и которые тем самым ограничивают ее рынок. Достаточно указать на искусственную шерсть, искусственный шелк, искусственную кожу и т. д. Мы не говорим уже о том, что развитие комбинирования в тяжелой промышленности, знаменуя собой рост органического состава капитала, приводит к относительному сокращению спроса на рабочую силу и тем самым обостряет трудности сбыта для легкой промышленности.

⁴⁴ Pred ö l, Die Wanderung der amerikanisch-kanadischen Papierindustrie, «Weltwirtschaftliches Archiv», 29. Band. 2. Heft, S. 291—300.

⁴⁵ Нужно учесть также влияние сезонных колебаний спроса, которые дают себя весьма сильно чувствовать в легкой промышленности и которые сильно задерживают в ней развитие комбинирования. Предприятию, которому приходится периодически в течение года сокращать свое производство, нет особых экономических выгод в наличии собственного производства сырья, которое также должно периодически сокращаться или работать на суженный (в это время) рынок. Наличие сезонных колебаний усиливает стимулы к покупке средств производства на рынке, ибо тогда тяжесть сезонных колебаний падает на производителей сырья. Нужно отметить, что этот момент имеет известное влияние для некоторых отраслей тяжелой промышленности, например для сельскохозяйственного машиностроения, автомобильной промышленности. Этим частично объясняется, что в данных отраслях комбинирование сравнительно слабо развито (пример Форда не типичен для всей автомобильной промышленности).

Наряду с неравномерностью развития между отдельными отраслями необходимо учитывать неравномерность между отдельными странами.

Обострение противоречий между империалистическими державами создает ряд трудностей для развития комбинирования в отдельных странах. Так например, обострение тенденций к протекционизму, которое характерно для эпохи империализма, в частности задерживает развертывание комбинирования в странах-производительницах сырья. В тех случаях, когда империалистические державы не располагают собственной сырьевой базой, они путем таможенного тарифа всячески задерживают ввоз готового продукта, способствуя развитию переработки внутри страны сырья или полуфабриката, ввозимого из-за границы. Такая политика задерживает возможность развертывания последовательного комбинирования в странах-производительницах сырья. В качестве яркой иллюстрации можно привести шведскую бумажную промышленность. Швеция является первым производителем в Европе целлюлозы. Известны значительные технические преимущества, которые получаются в результате комбинирования целлюлозного производства (а также древесномасляного) с бумажным. Если обратиться к структуре шведской бумажной промышленности, то увидим, что в основном она является производителем целлюлозы, а не бумаги. В экспорте Швеции решающую роль играет вывоз целлюлозы, а не бумаги.

Это обстоятельство, которое сильнее всего задерживает развитие в Швеции комбинирования целлюлозной и бумажной промышленности, находит себе объяснение в том, что империалистические страны, заинтересованные в развитии своей бумажной промышленности, задерживают ввоз бумаги. Даже в Англии в 1926 г. введены покровительственные пошлины на все сорта упаковочной бумаги в размере 16 $\frac{2}{3}$ % ad valorem. В Германии высокие пошлины на бумагу почти граничат с запретительной системой ввоза бумаги. Между тем крупнейшие империалистические державы не могут обойтись без ввоза целлюлозы ввиду недостатка основного сырья для производства последней — лесных материалов. Империализм всячески затрудняет рост законченного комбинирования в небольших странах, играющих подчиненную роль в системе современного империализма, располагающих узким местным рынком, работающих преимущественно на внешний рынок.

Если обострение тенденций к протекционизму затрудняет развитие комбинирования в странах, вывозящих сырье, то широкое развертывание демпинга затрудняет рост комбинирования для тех стран, куда ввозятся товары по бросовым ценам. Продажа по демпинговым ценам приводит к тому, что товар можно получить по цене ниже не только цены производства, но и издержек производства. В случае экспорта средств производства для страны, ввозящей последние, отпадают экономические стимулы к комбинированию разных стадий производства. Как бы ни был технический эффект комбинирования, последний может быть перекрыт при том условии, если сырье можно получать по ценам, значительно более низким, чем издержки производства. Яркую иллюстрацию задерживающего влияния демпинга на рост комбинирования дает нам черная металлургия Англии. Благодаря тому, что европейские страны и САСШ вырабатывают на английский рынок чугун и сталь по бросовым ценам в значительных размерах, черная металлургия и машиностроение Англии значительно отстают от континента и САСШ в отношении развития комбинирования.

Как видим, рост протекционизма и демпинг действуют в одинаковом направлении — в направлении географического разрыва стран-производительниц сырья и полуфабрикатов, с одной стороны, и стран, перерабатывающих эти материалы, с другой. Протекционизм задерживает переработку сырья в экономически более слабых странах, а демпинг задерживает в них производство первичного сырья или полуфабрикатов, которые превращаются в монополию некоторых империалистических стран (например металлургия, машиностроение).

Нужно отметить, что если демпинг, с одной стороны, задерживает рост комбинирования в странах, куда ввозятся товары по бросовым ценам, то, с другой стороны, само комбинирование облегчает проведение демпинга. Комбинированные предприятия, которые являются очень крупными предприятиями, располагающими передовой техникой, пользующимися огромным техническим и экономическим преимуществом над «чистыми» предприятиями, имеют возможность продавать товары по бросовым ценам в большей степени, чем всякое другое предприятие⁴⁶. Рост комбинирования, усиливая монополию, обостряет борьбу между империалистическими странами, обостряет тенденцию к демпингу. Здесь мы имеем своеобразное выражение весьма интересного факта, заключающегося в том, что развитие комбинирования в одной стране задерживает рост комбинирования в другой стране. Антагонизм между отдельными империалистическими странами выступает здесь в новой и очень резкой форме, точно так же мы сталкиваемся здесь с определенным моментом в неравномерности капиталистического развития в период империализма.

Крайняя неравномерность развития империалистических и колониальных стран находят себе в частности выражение в неравномерном развитии в них процессов комбинирования. Вопреки утверждениям оппортунистической теории деколонизации мы не имеем в колониях такого промышленного развития, которое приблизило бы их к тому уровню, который имеет место в метрополии. Промышленное развитие колониальных и полуколониальных стран идет по двум линиям — по линии добывающей промышленности и по линии легкой промышленности. Из тяжелой промышленности развивается только добывающая промышленность, производящая первичное сырье, т. е. развиваются только те виды производства, которые при всем желании иностранного капитала не могут быть перенесены в метрополию. Все же последующие стадии переработки сырья, например все металлургические процессы, машиностроение, обычно переносятся в метрополию. Вся политика империалистических стран направлена к тому, чтобы задержать индустриальное развитие колониальных и полуколониальных стран. Так например, в Бразилии, располагающей развитой горной промышленностью, имеются всего 4 предприятия металлургического производства. Все машинное оборудование, в частности для собственной горной и легкой промышленности, котлы и их части, электрическую аппаратуру, всякого рода железнодорожные материалы эти страны получают из метрополий. Иностранный капитал, господствующий в горной промышленности колониальных и полуколониальных стран, всячески задерживает развитие последующих стадий переработки и в особенности машиностроения в этих странах, направляя заказы на оборудование в метрополию. В этом отношении весьма показательна структура черной металлургии коло-

⁴⁶ На это обстоятельство обратили внимание исследователи демпинга, например Pese «Das Dumping», S. 23, 51, 66.

ниальных стран. Общая тенденция развития черной металлургии заключается в значительном отставании производства стали от производства чугуна.

Эта тенденция значительного перевеса производства чугуна над производством стали объясняется тем, что метрополия, будучи заинтересована в том, чтобы не лишиться в колониях своего рынка железа и стали, всячески затрудняет развитие переработки чугуна в сталь в колониях. Но такая политика не может не означать значительного ограничения комбинирования в черной металлургии. В качестве иллюстрации можно привести пример из манчжурской черной металлургии. Хотя в Манчжурии имеются исключительно благоприятные условия для развития черной металлургии, Япония всячески задерживает развитие последующих стадий обработки руды, концентрируя эту переработку в самой Японии, хотя там существуют наименее благоприятные условия для металлургии (Япония после Италии дает наиболее дорогой чугун). Весьма красноречива таблица, говорящая о распределении в процентном отношении отдельных стадий металлургии в колониях»⁴⁷.

Среднее за период 1915 — 1930 гг.

	Собственно Япония	Колониальные владения
Добыча железной руды	13	87
Выплавка чугуна	71	29
Выплавка стали	95	5

Нечего говорить о том, что машиностроение сосредоточено исключительно в Японии. Политика монополистического капитала кладет тут лимит развертыванию последующих стадий обработки сырья в колониях⁴⁸.

Весьма яркую иллюстрацию дает размещение алюминиевой промышленности. Производство окиси алюминия в большинстве случаев оторвано от сырьевой базы — бокситов, хотя бокситы являются весомым веществом. Это объясняется тем, что бокситы преимущественно находятся в отсталых странах, как Гвиана, Югославия и т. д. Империалистические страны меньше всего заинтересованы в создании в отсталых странах с большой сырьевой базой развитой химической промышленности, без которой невозможна переработка бокситов в алюминий.

В результате капиталистическое комбинирование развертывается крайне неравномерно. Эта неравномерность прежде всего касается отдельных стран. Выше мы показали, какое огромное различие с точки зрения условий развития комбинирования существует между империалистическими странами и колониальными (а также полуколониальными).

Но нужно отметить, что очень большая неравномерность в развитии

⁴⁷ К. Попов, Япония, 1931 г., стр. 302.

⁴⁸ В этой связи любопытно отметить, что иностранный капитал часто прибегает к задержке развития комплексного использования сырья и производства на этой базе более сложных продуктов в тех странах, куда он импортируется. Весьма яркую иллюстрацию этого факта дает развитие коксобензолной промышленности в Донбассе до революции. Германские капиталисты, которые играли доминирующую роль на мировом химическом рынке, применяли систему дотаций владельцам русских коксобензолных заводов, взамен получая обязательства не производить на указанных заводах улавливания и в особенности очистки побочных продуктов коксования. (Эти сведения взяты нами из неопубликованной работы И. П. Э. И. Наркомтяжпрома — статьи Чудновского «О технологических связях в коксохимии».)

комбинирования существует между отдельными империями и капиталистическими странами. Так например, рост комбинирования в Англии, если даже ограничиться той отраслью, в которой оно более всего развито в Англии — в черной металлургии (в других отраслях оно развито значительно слабее), значительно отстает от комбинирования в Германии и САСШ, хотя за время войны и в эпоху послевоенного капитализма Англия сделала значительный сдвиг в этом направлении. На это обстоятельство указывает современный исследователь монополий в Англии Фитцджеральд. Процесс роста монополий в Англии после войны значительно продвинулся вперед. «Так например, — указывает Фитцджеральд, — если в 1914 г. было 100 производителей чугуна и 102 производителя стали, то в 1927 г., несмотря на увеличение производственной мощности английской черной металлургии, в ней было 70 производителей чугуна и 75 производителей стали. Почти 75% производства чугуна и стали контролируется 30 фирмами, занимающими одинаково мощные позиции и в той и в другой отрасли производства»⁴⁹. Процесс слияния отдельных компаний очень усиленно происходит в последние годы, причем инициативу в этом процессе обнаружили самые большие металлургические компании. В связи с ростом монополистических тенденций в английской металлургии в ней наблюдается в послевоенный период известное усиление комбинирования.

Но все же необходимо констатировать, несмотря на известное развитие комбинирования в послевоенной Англии, значительное отставание последней от наиболее передовых капиталистических стран — САСШ и Германии. Комитет по изучению металлопромышленности Англии под председательством Бальфура дал ряд материалов, рисующих техническую отсталость английской металлургии и ее большую пестроту. Так, по этим данным, одна домна, в Южном Уэльсе дает в год в среднем 97 600 т чугуна, на северо-восточном побережье Англии — 50 900 т, в Шотландии — 20 500 т (для сравнения достаточно показать, что в 1928 г. средняя годовая мощность германских доменных печей равнялась 170 тыс. т). Комитет Бальфура установил также, что в силу отсутствия организационной связи между отдельными районами в одних районах (например Южном Уэльсе, Шеффилде) ощущается недостаток чугуна для переделки в сталь, который (чугун) получался из-за границы, а в других районах (например на северо-восточном побережье) ощущается избыток чугуна, который вывозился за границу. В связи с более низким уровнем концентрации, монополизации и целым рядом добавочных моментов (например влияние демпинга) комбинирование Англии является более отсталым. Удельный вес чистых предприятий в английской металлургии значительно больше, чем на континенте. Связи угольной промышленности и железорудной не являются столь систематическими, как на континенте (это объясняется слабостью монополий в английской угольной и железорудной промышленности). Технический уровень комбинирования в Англии весьма низок, в частности не получила всеобщего распространения переработка отходов коксовой промышленности, слабо используются доменные газы. Отметим, что случаи комбинирования в других отраслях промышленности (кроме металлургии) в Англии реже встречаются, чем на континенте.

Нужно отметить, что внутри одной и той же страны мы имеем неравномерное развитие комбинирования в различных районах.

⁴⁹ Fitzgerald, Industrial combination England, 1927 стр. 38.

Возьмем например черную металлургию Германии. Наиболее развитые формы комбинирования встречаются в Рейнско-вестфальской области. В Зигерланде комбинирование развито значительно более слабо. Там нет коксовых печей, которые использовали бы свои газы. Тенденция к сочетанию в одном предприятии всех стадий металлургического производства не проведена там так последовательно, как в Вестфалии. Точно так же более отсталым является комбинирование в Верхней Силезии⁵⁰.

В качестве другого примера можно взять черную металлургию САСШ; как известно, в САСШ три основных металлургических района — Питтсбургский (использование дешевой переброски водным путем коннельсвилльских коксующихся углей), Чикагский (основное преимущество — дешевая руда, добываемая у Верхнего озера), Бирмингемский (заводы работают на углях южных отрогов аппалахской горной цепи, залегающих в непосредственной близости от местной руды). Наиболее полно проведено комбинирование в Чикагском районе — наиболее молодом металлургическом районе САСШ. Здесь мы имеем также и очень сильную территориальную концентрацию производства. Почти все важнейшие заводы Чикагского района распланы в одном центре — у самого города Чикаго, на южном берегу озера Мичиган и у соседнего города Жалье. В Питтсбургском районе (металлургические заводы концентрируются вокруг самого города Питтсбурга в расстоянии от него от 75 до 150 км) наибольшая часть продукции получается из комбинированных предприятий, но в некоторых районах еще сохранился сильный процент чистых предприятий. Если взять Бирмингемский район, то там комбинированные предприятия встречаются в самом Бирмингеме и Алабаме (в последней частично). В остальных частях этого района, в Кентукки, Теннесси, Виргинии, в значительной части Алабамы имеется большое количество изолированных доменных заводов с небольшой производственной опособностью. Что же касается наиболее старого района североамериканской металлургии — восточного, прилегающего к Атлантическому океану (штаты Нью-Йорк, Нью-Джерси, восточная часть Пенсильвании, Вифлеемский район и т. д.), то там процент комбинированных предприятий является наиболее слабым⁵¹. Там существуют менее благоприятные условия для развертывания комбинирования, концентрация производства там более низкая, методы производства более отсталые. Таким образом в САСШ, в технически наиболее передовой стране капитализма, мы имеем еще в целом ряде районов низкий уровень комбинирования, господство «чистых» предприятий. Это объясняется тем, что мелкие заводы обслуживают узкий местный рынок. «Чистые» доменные заводы строятся обычно в районах нахождения небогатых рудных запасов, а «чистые» сталелитейные заводы — в районах больших запасов металлического лома, например в районе Филадельфии.

Рассмотрение этого факта неравномерного распределения комбинирования по отдельным районам позволяет нам сделать вывод о зависимости между комбинированием и пространственной концентрацией (сосредоточением предприятий на возможно более узких территориальных участках). Маркс отметил ту связь, которая существует между пространственной концентрацией и общей концентрацией капитала. «Эта особенная легкость сообщений и ускоренный благодаря ей оборот капиталов (поскольку он обуславливается временем обращения)

⁵⁰ Ausschuss u. s. w. «Die deutsche eisenerzeugende Industrie» S. 155.

⁵¹ Predöhl Die örtliche Verbindung und der amerikanischen Eisen- und Stahlindustrie Weltwirtschaftliches Archiv, Band 1, Hft. f. 241—247.

вызывает ускоренную концентрацию, с одной стороны, центров производства, а с другой — рынков для сбыта. С ускоренной таким образом концентрацией массы людей и капиталов в определенных пунктах прогрессирует концентрация этих масс капиталов в немногих руках»⁵². Это обстоятельство является чрезвычайно существенным. Развитие концентрации в определенных районах создает предпосылки для развития комбинирования в последних. Комбинаты оседают в немногих густо населенных и высоко индустриализированных районах. Комбинаты со своей стороны стягивают целый ряд производств в районы расположения их основного предприятия в целях обслуживания последнего (например строительство тяжелого машиностроения в районе металлургии), в целях использования отходов (например цементное производство на основе переработки шлаков доменных заводов). Комбинирование в условиях капитализма является таким образом фактором чрезмерного развития одних районов за счет других, фактором чрезмерного обострения неравномерности между отдельными экономическими районами. Здесь лежит одно из существеннейших отличий между капиталистическим и социалистическим комбинированием. Рост комбинирования в одних районах при капитализме часто приводит к хирению и отставанию других районов. Весьма яркую иллюстрацию этого факта дает борьба Рурского и Лотарингского металлургических районов в довоенной Германии. Первоначальное разделение труда между этими районами базировалось на том, что Лотарингия доставляла Руру чугуна для передела в сталь и прокатные изделия. С развитием комбинированных металлургических предприятий в Рууре спрос на лотарингский чугун сократился, и это поставило в весьма тяжелое положение местную промышленность. Правда, через некоторое время комбинированные предприятия начали возникать и в Лотарингии, но в связи с этим резко обострилась конкуренция между этими районами. В этом отношении весьма характерно то, что рурская металлургия, которая раньше энергично боролась за канализирование Мозеля в целях удешевления доставки лотарингской руды, в последние годы стала ожесточенным противником этого проекта под влиянием обострения конкуренции со стороны лотарингской промышленности.

Этот вывод не случаен. Развитие капиталистического комбинирования в определенных районах не может не способствовать обострению конкуренции между этими районами. Дело в том, что развитие комбинирования в определенном районе приводит к тому, что этот район начинает выпускать более разнообразную продукцию, что он начинает объединять разные стадии производственного процесса, что он начинает группировать в комбинатах вокруг основного производства целый ряд таких производств, которые раньше в данном районе не развивались, и т. д. Но это не может не приводить к обострению конкуренции между отдельными районами, к экономическому подавлению более слабых районов. Это не может не приводить к обострению неравномерности в развитии отдельных районов.

Выше мы проанализировали ряд границ капиталистического комбинирования. Переход к социалистическим производственным отношениям сразу целиком и полностью снимает все эти границы. В связи с этим вполне естественно, что в рамках социалистического хозяйства комбинирование, которое имеет совершенно иную природу, чем капи-

⁵² «Капитал», т. II, гл. XII, стр. 207—208.

талистическое комбинирование, получает неизмеримо более полное и развернутое развитие. Чрезвычайно существенное значение имеет и то обстоятельство, что социалистические производственные отношения обеспечивают бурные темпы расширения производства. Гигантский размах реконструкции производства, колоссальное новое строительство, развертывающееся в целом ряде отраслей, не может не способствовать возникновению новых комбинатов. Поскольку развертывается колоссальное новое строительство в плановом порядке, постольку большинство новых предприятий сразу строится как комбинированные предприятия. Мы уже имеем в СССР новые металлургические, химические и другие комбинаты, построенные по последнему слову техники.

В связи с этим очевидно, что роль комбинирования в условиях социалистического общества является совсем иной по сравнению с ролью комбинирования в рамках капитализма. Это обстоятельство имеет чрезвычайно важное значение при разрешении проблемы «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении. Тот факт, что капиталистические страны не могут осуществлять в таких размерах комбинирование, создает сильнейшее преимущество для социалистической системы и в значительной мере облегчает процесс обгона наиболее развитых капиталистических стран.

КОНЕЦ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ

I

Решения XII пленума ИККИ о конце капиталистической стабилизации имеют всемирно-историческое значение. Они отображают огромный шаг вперед в ходе практического развертывания борьбы за мировую пролетарскую революцию, еще раз ярко подтверждают историческую правильность марксистско-ленинской теории крушения капитализма, ленинской теории империализма как умирающего капитализма.

Марксистский анализ конца капиталистической стабилизации, как и всего периода относительной стабилизации в целом, должен опираться на два старых и испытанных принципа материалистического понимания истории: изучения последней «как единого закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса» (Ленин) и «всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии, сведения внешнего, кажущегося к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе»¹.

В применении к проблеме относительной стабилизации это означает необходимость анализа ее как одного из своеобразных и специфических этапов на пути движения капитализма к гибели. Противоречия стабилизации, приведшие в своем развитии к ее концу, необходимо исследовать на основе анализа обострения противоречий капитализма в эпоху империализма, и в особенности той стадии последней, которая характеризуется всеобщим кризисом капиталистической системы.

Полемизируя с Бухариным, Ленин в своей речи на VIII съезде партии говорил: «Коренные вопросы можно рассматривать только с точки зрения империализма (подчеркнуто мной — П. Ш.). Нет ни одного крупного вопроса внутренней или внешней политики, который мог бы быть решен иначе, как с точки зрения этой тенденции»².

Применяя эту мысль Ленина к анализу конца капиталистической стабилизации, можно сказать, что ни одного крупного вопроса здесь нельзя решить правильно, не исходя из ленинской теории империализма в целом, из своеобразия отдельных фаз и ступеней развития империализма в отдельности. В отношении к послевоенному капитализму такими фазами являются всеобщий кризис капиталистической системы и развертывающийся на его основе современный мировой экономический кризис. Только в их свете можно правильно понять современные противоречия капитализма, которые, обусловив существование относительной стабилизации, вместе с тем в своем развитии привели к ее концу.

Известно, что в основе контрреволюционной троцкистской постановки вопроса о стабилизации лежит полнейшее отрицание или в луч-

¹ Ленин, т. XVIII, стр. 248.

² Ленин, т. XXIV, стр. 134.

шем случае игнорирование ленинской теории империализма. Эта постановка базируется на полном смешении отдельных этапов внутри империализма, на нежелании различать эпоху всеобщего кризиса от довоенного капитализма и наконец на отрицании всеобщего кризиса как важнейшей ступени процесса крушения капитализма.

Троцкизм противопоставил свою «теорию» стагнации производительных сил самой возможности относительной стабилизации капитализма, утверждая, что если бы последняя произошла, то это означало бы историческую несвоевременность, а следовательно неизбежную гибель пролетарской революции.

«Совершенно очевидно, — говорил Троцкий, — что если бы невозможное стало возможным, если бы невероятное стало действительным, если бы мировой и в первую очередь европейский капитализм нашел новое динамическое равновесие (? — П. Ш.) для своих производительных сил, это означало бы, что капитализм не исчерпал своей исторической миссии и что развертывающаяся империалистическая фаза вовсе не является фазой упадка капитализма, его конвульсий и загнивания, а лишь предпосылкой его нового расцвета» (Троцкий, К социализму или капитализму).

В статье «К вопросу о стабилизации мирового капитализма»³ Троцкий дальше пишет: «Производительные силы Европы перестали развиваться. Мы имеем стагнацию (застой, задержка) с острыми неправильными колебаниями вверх и вниз, которые не дают возможности даже уловить конъюнктуру». Разумеется, что подобная исходная «позиция» анализа не только не могла повлиять на увязку проблемы относительной стабилизации с общими противоречиями империализма, но на деле не могла привести ни к чему иному, как к отрицанию самого факта частичной стабилизации. Это не помешало троцкистам теперь, когда пролетарская революция в ряде стран стала насущной задачей дня, выступать в авангарде контрреволюционной буржуазии против всякого коммунистического движения.

Правые во главе с Бухариным, так же как и троцкисты, не могли и не сумели поставить проблему относительной стабилизации в связи со сложно развивающимися общими противоречиями империализма. Они не могли применить учение о всеобщем кризисе капиталистической системы к анализу частичной стабилизации капитализма и всех противоречий, внутри ее происходящих. Отсюда их оценка стабилизации как «прочно реконструирующегося капитализма», их полнейшая беспомощность там, где проблема относительной стабилизации смыкается с проблемой краха, крушения капитализма, их антидиалектическое противопоставление одного другому:

Решение XII пленума ИККИ о конце капиталистической стабилизации, отразившее реально произошедший процесс взрыва относительной стабилизации на основе развития внутренних ее противоречий, еще раз особенно ярко обнаруживает всю политическую гнилость, вредность и контрреволюционную сущность троцкистских и правооппортунистических оценок стабилизации и глубокую историческую правильность ленинской оценки путей развития послевоенного капитализма, особенно ярко выраженной в работах т. Сталина.

Ленинская оценка послевоенного капитализма опирается на его теорию империализма, которая в свою очередь исходит из марксистского анализа путей движения капитализма к гибели на основе развития его внутренних противоречий.

³ «Плановое хозяйство» № 6 за 1925 г.

Маркс вскрыл экономический закон движения капитализма — закон его зарождения, развития и гибели. Движение капитализма представляет собой внутренне обусловленный исторический процесс развития и обострения основного противоречия капитализма, противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения, противоречия, которое неотделимо от капитализма на всем пути его развития.

Период частичной стабилизации капитализма не только не смягчает, а, наоборот, обостряет классовые антагонизмы, ведущие капитализм к краху.

Основная линия развития современного периода заключается в движении по пути к пролетарской революции. Эту основную линию развития факт относительной стабилизации не только не мог изменить, но резко усилил.

Ленинское учение империализма в целом наиболее концентрированно выражает общемарксистскую установку о неизбежности революционного краха капитализма.

В противоположность Каутскому (и всей социал-демократии), считающему, что «капитализм выдержал огненное испытание войны и стоит в настоящее время с экономической точки зрения прочнее, чем когда-либо»⁴, Ленин ставит со всей резкостью вопрос о том, что империалистическая война 1914 г., возникнув в момент, «когда вполне созрели объективные условия осуществления социализма»⁵, поставила пролетарскую революцию непосредственно в порядке дня мировой истории, что социалистическая революция придвинута ходом войны. При анализе проблемы конца относительной стабилизации капитализма вопрос о характере и последствиях мировой войны имеет особое значение. Усилив загнивание капитализма, обострив борьбу за рынки сбыта, создав хроническую, многомиллионную безработицу и наконец (с а м о е г л а в н о е) расколов весь мир на два исключаящих друг друга лагеря (СССР и капиталистический мир), они — эти последние — определили невозможность сколько-нибудь длительной и прочной полосы даже относительной стабилизации капитализма.

Проанализировав «неслыханное обострение всех капиталистических противоречий», созданное войной, Ленин обосновал всемирно-исторически важный тезис о послевоенной эпохе как эпохе общего кризиса капиталистической системы, как эре мировой пролетарской социалистической революции. «Эта эра началась. Только пролетарская социалистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом и империалистическими войнами. Каковы бы ни были трудности революции и возможные временные неудачи ее или волны контрреволюции, окончательная победа пролетариата неизбежна»⁶.

Провозглашая начало эры мировой пролетарской революции, Ленин однако не представляет ее себе как результат какого-то краткого и одновременного акта. Со всей силой обрушивается он на доктринерски-механистическое и абстрактное противопоставление капитализма социализму как представление о переходе от первого ко второму в виде мгновенного скачка.

«Скачком учителя социализма называли перелом под углом зрения поворота всемирной истории, а что такого рода скачки обнимают

⁴ Die materialistische Geschichte, Sauffassung, S. 559.

⁵ Ленин, т. XVIII, стр. 125.

⁶ Ленин, т. XXIV, стр. 90.

периоды лет по 10, а то и больше, об этом не умеют подумать большинство так называемых социалистов»⁷.

Отсюда ясно, что в пределах этого исторического скачка, реально протекающего как мучительный поворотный перелом мировой истории, могут уместиться более или менее длительные периоды взлета и отлива революционной волны, возрастание и замедление темпов накопления факторов, толкающих капитализм к гибели и уничтожающих его.

Революционного марксиста-диалектика, вскрывающего за внешней видимостью явлений их внутреннюю сущность, обнаруживающего коренные движущие силы, — различные уклонения движения не могут заставить потерять правильную перспективу основного направления движения. Именно это умение правильно развить и применить в новых условиях материалистическую диалектику помогло Ленину в 1915 г., за два года до Октябрьской революции, в полемике с Потресовым заявить: «Бесспорно, мы живем на рубеже двух эпох, и происходящие перед нами величайшей важности исторические события могут быть поняты лишь при анализе, в первую голову, объективных условий перехода от одной эпохи к другой. Речь идет о больших исторических эпохах. В каждой эпохе бываю т и будут различные уклонения от среднего типа и от среднего темпа движения (подчеркнуто мной — П. Ш.). Мы не можем знать, с какой быстротой и с каким успехом разовьются отдельные исторические движения данной эпохи. Но мы можем знать и мы знаем, какой класс стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития...»⁸.

Излишне доказывать, что наступившая вскоре Октябрьская революция проверила в огне непосредственной революционной практики правильность этого ленинского положения.

Для того чтобы правильной подойти к вопросу об относительной стабилизации капитализма как к своеобразной зигзагообразной линии на пути от капитализма к социализму, линии, ни в коем случае не изменяющей общего направления движения, крайне необходимо вспомнить исключительные по своему значению высказывания Ленина после Октябрьской революции, в период, когда надежды на непосредственную после Октября революцию в ряде капиталистических стран не оправдались. Еще в момент, когда эти надежды были сильны (1917—1918 гг.), Ленин в ответ на смешные потуги «левых» коммунистов предсказать точно начало мировой революции и заявлявших например, что «в течение ближайшей весны и лета должно начаться крушение империалистической системы», писал: «Ни один серьезный политик никогда не скажет, когда «должно начаться» то или иное крушение «системы» тем более, что крушение системы уже началось, а речь идет о моменте взрывов в отдельных странах»⁹.

В своем докладе о тактике III конгрессу КИ Ленин говорил: «Развитие международной революции, которую мы предсказывали, идет вперед. Но это наступательное движение не такое прямолинейное, как мы ожидали... Мы должны использовать эту краткую передышку для того, чтобы приспособить нашу тактику к этой зигзагообразной линии истории»¹⁰.

⁷ Ленин, т. XXII, стр. 466.

⁸ Ленин, т. XVIII, стр. 107.

⁹ Ленин, т. XXII, стр. 507.

¹⁰ Ленин, т. XXVI, стр. 452.

Таково отношение Ленина к зигзагам исторической линии в момент поступательного развития международной революции в целом. Таковы те принципиальные основы, которые должны быть приложены к общей оценке частичной стабилизации капитализма.

В обстановке, когда мировой капитализм восстановил, а ряд стран (Америка, Япония) превзошел довоенный уровень производства (главнейшая экономическая основа частичной стабилизации), в обстановке, когда капитализму удалось разгромить ряд крупнейших революционных очагов Европы (главнейшая политическая основа относительной стабилизации), Коминтерн поставил правильный «диагноз» частично стабилизирующемуся капитализму как капитализму, продолжающему гнить и умирать, несмотря на свои послевоенные успехи.

Это было сделано в 1925 г. т. Сталиным в его речи об итогах XIV конференции РКП(б). Теперь, когда стабилизация капитализма кончилась, особенно рельефно выступают контуры той исторически правильной оценки стабилизации, которые дал тогда т. Сталин. Исходным пунктом своей оценки частичной стабилизации т. Сталин делает ленинскую теорию революции. Он говорил: «Революция развивается обычно не по прямой восходящей линии, в порядке непрерывного нарастания подъема, а путем зигзагов, путем наступлений и отступлений, путем приливов и отливов, закаляющих в ходе развития силы революции и подготовляющих ее окончательную победу»¹¹. Затем, т. Сталин ставил вопрос о наличии двух стабилизаций: «Мы имеем две стабилизации — временную стабилизацию капитализма и стабилизацию советского строя». В этой же речи т. Сталин дает развернутый анализ первой (капиталистической) стабилизации как такой полосы развития капитализма, которая, лишь временно усиливая капитализм, вместе с тем обязательно приводит к обострению всех его противоречий.

Иного результата, по Сталину, стабилизация дать не могла, ибо само «развитие капитализма не может не порождать условий, обостряющих противоречия капитализма».

Эта историческая оценка т. Сталиным капиталистической стабилизации легла в основу всей последующей линии оценок Коминтерна стабилизации как шаткой, гнилой, временной, неослабляющей, а усиливающей разрушительное действие противоречий капитализма.

Через год в тезисах VI пленума ИККИ говорилось: «Под стабилизацией КИ ни в коем случае не понимает, что капитализм, в особенности европейский капитализм, вышел из периода загнивания и заката, что капитализм залечил раны, нанесенные ему первой всемирной империалистической войной, что он преодолел противоречия, особенно наглядно обнаруженные и в чрезвычайной мере обостренные». Иными словами, Коммунистический интернационал во главе с т. Сталиным еще на заре капиталистической стабилизации ясно видел ее неизбежный конец.

Стабилизация капитализма с самого ее начала рассматривалась не в виде каутскианско-гуверовского взлета капитализма, а как своеобразная форма зарождения и накопления условий, ведущих капитализм к гибели.

¹¹ «Вопросы ленинизма», стр. 110.

Наиболее полно отражен анализ проблемы относительной стабилизации в политических отчетах т. Сталина XIV, XV и XVI съездам партии.

На протяжении всего послевоенного периода, периода всеобщего кризиса капиталистической системы, основные противоречия капитализма выражаются в следующих пяти указанных т. Сталиным главных направлениях: а) противоречия между пролетариатом и буржуазией в капиталистических странах, б) противоречия между империализмом и освободительным движением колоний и зависимых стран, в) противоречия между государствами-победителями в империалистической войне и между государствами побежденными, г) противоречия между самими государствами-победителями, д) противоречия между СССР и капиталистическим миром в целом.

Эти противоречия делали стабилизацию капитализма весьма относительной и частичной. Уже на XIV съезде партии т. Сталин заявил: «Временная стабилизация капитализма... есть стабилизация гнилая, выросшая на гнилой почве».

На XV съезде партии он говорил, что «стабилизация капитализма становится все более и более гнилой и неустойчивой».

А на XVI партсъезде т. Сталин, гениально предвидя обострение противоречий капитализма, заявил, что «стабилизации капитализма приходит конец».

Эта исключительная по своей яркой последовательности и исторической правильности цепь оценок состояния мирового капитализма могла иметь место лишь потому, что партия в каждый данный момент, руководствуясь и применяя диалектический метод марксизма-ленинизма к анализу исторически складывающейся обстановки, ясно видела действие противоречий капитализма, подрывающих стабилизацию, а вместе с ней и устои всей капиталистической системы.

Решения Коммунистического интернационала между V (1925 г.) и XII (1932 г.) пленумами ИККИ, отражая всякий раз углубление старых и нарастание все новых и новых противоречий капитализма, последовательно на протяжении всех этих лет доказывают, что развитие мирового капитализма шло именно в направлении, указанном т. Сталиным. Анализ этих решений ИККИ нагляднее всего доказывает центральную мысль т. Сталина, что на всем протяжении периода капиталистической стабилизации не было ни одного дня, когда бы она не выступала как шаткая, неустойчивая и гнилая.

VI пленум ИККИ подтверждает решения V пленума о частичной стабилизации, перечисляет следующие факты, подтверждающие ее гнилость: явления промышленного кризиса в Англии, инфляционный кризис во Франции, хозяйственный кризис в Германии (начало действия плана Дауэса), почти полную хозяйственную катастрофу Польши. Кроме того пленум подчеркивает, что «частичная стабилизация в Европе достигается неслыханным нажимом на рабочий класс, нажимом на колонии, получением американских займов, закабаляющих Европу».

VII пленум ИККИ (декабрь 1926 г.) подтверждает оценку стабилизации, данную VI пленумом, и дополняет эту оценку констатацией наличия огромного противоречия между производительной способностью производства аппарата капитализма и фактическими размерами производства, указанием на наличие «совершенно исключительной по своей величине хронической безработицы», указанием на рост социализма в СССР как на особо важный фактор, пробива-

ющий брешь в процессе капиталистической стабилизации, указанием на неслыханное обострение классовой борьбы в Англии и всемирно-историческое значение национально-революционного движения в Китае.

Кроме того пленум со всей силой отмечает крайний рост неравномерности капиталистического развития и выдвигает следующую характеристику относительной капиталистической стабилизации применительно к 1926 г.: «В настоящее время нельзя уже ставить вопрос о капиталистической стабилизации в его общей постановке. Необходимо различать примерно шесть групп стран с резко выраженными особыми чертами развития»: 1) САСШ и Япония — страны еще могучего, развивающегося капитализма; 2) СССР — страна растущего социалистического строительства; 3) Англия — страна продолжающегося и резко выраженного упадка капитализма; 4) Германия и Франция — страны, в которых стабилизация, хотя и в разных формах, но делает наибольшие успехи; 5) Австрия и Польша (а также в известной мере Чехо-Словакия и балканские страны) — хронически гниющие страны, находящиеся под сильным обстрелом аграрного кризиса; 6) Китай, Индонезия, в части которых идет прямая гражданская война и где поэтому «ни о какой стабилизации не может быть и речи». Общий вывод, к которому приходит пленум, следующий: «Таким образом переживаемая полоса может быть определена как межреволюционная, как этап от одного революционного подъема к другому, к которому неизбежно приведет ход исторического развития и к наступлению которого... компартии должны быть подготовлены».

VIII расширенный пленум ИККИ (май 1927 г.) еще раз ставит вопрос о крайне относительном характере частичной стабилизации, ставит вопрос, что одно лишь наличие таких двух факторов, как национально-революционное движение в колониях и пролетарская революция в России, «исключает возможность устойчивости капиталистического порядка». Кроме того пленум констатирует, что борьба капиталистических стран за рынки «принимает такие ожесточенные формы, каких не знало никогда довоенное капиталистическое хозяйство».

VI конгресс КИ (1928 г.) принимает историческое решение о третьем периоде развития послевоенного капитализма и характеризует этот период следующим образом: «Для капиталистического мира этот период есть период... мощного развития противоречий мирового хозяйства, движущегося в формах, определяемых всем предыдущим ходом общего кризиса капитализма (суженные рынки, СССР, колониальное движение, рост внутренних противоречий империализма). Этот третий период, особенно резко обостривший противоречия между ростом производительных сил и суженным рынком, делает неизбежной новую полосу империалистических войн между империалистическими государствами и войн против СССР... Обостряя все международные противоречия... обостряя внутренние противоречия капиталистических стран, развязывая колониальное движение, этот период неизбежно ведет через дальнейшее развитие противоречий капиталистической стабилизации к дальнейшему расшатыванию капиталистической стабилизации и к резкому обострению общего кризиса капитализма» (из резолюции VI конгресса КИ).

X пленум ИККИ (июль 1929 г.) подтверждает целиком и полностью анализ VI конгресса и отмечает, что «вопреки пророчествам

социал-демократии стабилизация капитализма не только не стала прочной, а, наоборот, все более и более расшатывается». Пленум заостряет вопрос о глубоких противоречиях, связанных с капиталистической рационализацией и обостряемых ею (гигантский рост безработицы и обнищания). Пленум также ставит вопрос о крайнем обострении противоречий, связанных с репарационной проблемой (обострение борьбы за рынки, за источники сырья, за экспорт капитала).

Расширенный пленум ИККИ (февраль 1930 г.) принимает решение о наступлении «ускорения темпа расшатывания капиталистической стабилизации» и дает развернутую оценку начавшемуся мировому экономическому кризису. «Экономический кризис углубляет общий кризис капиталистической системы, обостряя ее внутренние противоречия, разваливая неустойчивую капиталистическую стабилизацию (подчеркнуто мной—П. Ш.) и ускоряя темп революционного подъема как в капиталистических странах, так и в колониях».

XI пленум ИККИ (апрель 1931 г.) отмечает, что «пройденный со времени последнего расширенного президиума ИККИ год, являясь годом исторического перелома (подчеркнуто мной—П. Ш.), показал растущий кризис и обреченность капиталистической системы и победоносный подъем социалистического строительства». Далее, пленум констатирует: «Капиталистическая стабилизация и приходит конец (подчеркнуто мною—П. Ш.). В СССР завершается построение фундамента социалистической экономики».

И наконец последний, XII, пленум ИККИ завершает своим историческим решением о конце капиталистической стабилизации этот исключительно последовательный и блестяще оправданный всем ходом исторического развития анализ Коммунистическим интернационалом неуклонного движения капитализма к его гибели.

В свете этой общей оценки Коммунистическим интернационалом всего периода относительной стабилизации капитализма принципиально и политически неправильной выглядит попытка некоторых товарищей переоценить значение этого периода. В работах отдельных товарищей период относительной стабилизации характеризуется как период восстановления довоенного единства мирового рынка капиталов, мирового рынка товаров и мировой денежной системы.

В основе подобных «откровений» лежат три обстоятельства:

Во-первых, игнорирование многочисленных указаний партии на реально происшедший раскол мирового хозяйства на два лагеря (СССР и капиталистический мир), который, даже будучи взят сам по себе, предполагает полнейшую невозможность воссоздания довоенного единства мировой экономики.

Во-вторых, игнорирование в огромной степени выросших после войны противоречий внутри лагеря капиталистов, противоречий, связанных с Версалем в первую голову.

И наконец, в-третьих, механическое противопоставление третьего периода (периода развала капиталистической стабилизации) второму периоду (периоду возникновения и развития относительной стабилизации).

Если внимательно просмотреть все решения ИККИ и все работы т. Сталина, посвященные анализу относительной стабилизации, то легко заметить, что там нигде и ни разу не говорится о стабилизации как о восстановленном довоенном единстве.

Партийных документов, могущих хотя в какой бы то ни было степени подкрепить подобный «тезис», в природе не существует.

Наоборот! Еще в 1925 г. т. Сталин говорил: «Единого и всеохватывающего капитализма нет больше в мире, потому что мир раскололся на два лагеря: на лагерь капиталистов во главе с англо-американским капиталом и лагерь социализма во главе с Советским союзом»¹². Через 5 лет в своем политотчете XVI съезду партии т. Сталин говорит: «Общий кризис капитализма означает, что капитализм уже не представляет единственной и всеохватывающей системы мирового хозяйства...»

Реальная жизнь идет как раз в обратном направлении к тому, как представляют себе «теоретики», доказывающие воссоздание единства мировой экономики. Процесс распада мирового капиталистического хозяйства, перешедший на новую ступень фактом откола от него СССР, не только не прекратился в полосе относительной стабилизации капитализма, но, наоборот, именно на основе развития противоречий последней гигантски вырос, приняв в настоящее время громадные размеры.

Именно этот процесс наиболее полно выражает отмеченная XII пленумом ИККИ огромная волна роста протекционизма, роста таможенных барьеров между капиталистическими странами, роста тенденции к так называемой хозяйственной автаркии, охватившей все основные капиталистические государства мира вплоть до Англии — этой прославленной цитадели фритредерства.

«Мировое капиталистическое хозяйство никогда не представляло собой стройного единства, но и то относительное единство мирового капиталистического хозяйства, которое было до мировой войны (до войны!! — П. Ш.) было взорвано пролетарской революцией в России, разбившей мировое хозяйство на два совершенно разных мира... Но нынешний экономический кризис произвел дальнейшие опустошения в лагере мирового капиталистического хозяйства. Он разбил это хозяйство на его национально-государственные куски»¹³.

В связи с этим необходимо особенно резко подчеркнуть полную несостоятельность механического противопоставления третьего периода второму. Ошибочна трактовка второго периода как периода сплошного и гладкого роста стабилизирующих капиталистическую экономику тенденций, и третьего периода как опять-таки сплошного развала этих тенденций.

Неправильность подобного подхода заключается в том, что в данном случае действие противоречий, развитие которых привело к окончанию капиталистической стабилизации, ограничивается только рамками третьего периода и совершенно игнорируется их наличие во втором, в силу чего второй период горе-теоретики представляют как освобожденный от этих противоречий, как восстановленное довоенное единство. Между тем для всякого марксистски грамотного человека должно быть ясно, что противоречия, обусловившие наступление стабилизации, были заложены и действовали на всем протяжении относительной стабилизации (именно поэтому последняя всегда выглядела как относительная, шаткая и гнилая), но действовали с разной силой.

Специфика третьего периода в отличие от второго заключается не

¹² «Вопросы ленинизма», стр. 111.

¹³ В. Мануильский, «Большевик» № 16 за 1932 г.; подчеркнуто мной.

в том, что он создал эти противоречия, а в том, что он в крайней степени обострил их действие, поднял их на новую ступень.

Следовательно задача, стоящая перед марксистским обоснованием конца капиталистической стабилизации, заключается не в том, чтобы «изобразить» этот конец «детисшем» последних четырех лет развития мирового капитализма, а в том, чтобы показать, что он является результатом действия противоречий всей послевоенной эпохи, как эпохи всеобщего кризиса, особенно обострившихся во время экономического кризиса; причем такого действия, которое протекает в различных формах и с разной силой на различных фазах развития этого всеобщего кризиса, протекает в связи с особой специфичностью и своеобразием послевоенного цикла развития мирового капитализма.

Только при условии такого подхода возможно понять процесс превращения факторов, действовавших в сторону стабилизации мирового капиталистического хозяйства, в свою противоположность, т. е. в факторы, продолжающие историческое дело развала этого хозяйства и определившие наступление конца стабилизации.

В нашей экономической литературе, посвященной анализу трех периодов развития послевоенного капитализма, часто встречается путаница, заключающаяся в том, что происшедшее за второй период послевоенного капитализма частичное укрепление международных экономических связей, разрушенных за время войны, понимается как воссоздание довоенного единства мировой капиталистической экономики.

Тов. Сталин, выступая в 1925 г. на ленинградском активе, с исключительной ясностью показал, что укрепление международных экономических связей, действительно происшедшее в период относительной стабилизации капитализма, выразилось в глубоко антагонистической форме сговора относительно способов ограбления Германии, способов установления сфер влияния в Китае и ограбления трудящихся масс последнего, сговора «насчет взаимного невмешательства в дело ограбления и угнетения своих колоний». Антагонистическая форма этого империалистического сговора заключалась прежде всего в том, что сам «сговор», основанный на огромном усилении эксплуатации и обнищания многомиллионных масс, заключал такие противоречия, которые не могли не взорвать его изнутри.

«Можно ли назвать этот сговор, — говорит т. Сталин, — прочным? Нет, нельзя. Потому, во-первых, что он заключен без хозяина, т. е. без германского народа; во-вторых, потому, что этот сговор означает двойной гнет над германским народом... сговор этот произошел за спиной китайского народа... и т. д.»

В этой оценке «сговора» бесспорно находится ключ к правильному пониманию всей глубокой антагонистичности послевоенных международных связей, что исключает возможность принятия этих связей за восстановление довоенного единства.

В резолюциях XV съезда партии, посвященных анализу как раз того периода, который в писаниях некоторых экономистов выглядит как восстановленное довоенное единство, вопрос ставится лишь об «известном (! — П. III.) движении вперед капиталистических государств», о «некоторой (! — П. III.) «нормализации» международных отношений», причем такого движения и такой «нормализации», на

основе которых «обостряются непримиримые противоречия мировой капиталистической системы, обостряется неравномерность развития капиталистических стран».

Таким образом постановка вопроса о периоде частичной стабилизации капитализма, данная в решениях XV съезда партии, так же как во всех предыдущих и последующих партийных документах, сводится к тому, что «из частичной стабилизации вырастает усиление кризиса капитализма, растущий кризис разбивает стабилизацию».

Даже при самом беглом анализе хотя бы некоторых из тех факторов, которыми в свое время определялось наступление полосы частичной стабилизации капитализма, становится ясным, что развитие этих факторов проходило в таких антагонистических формах, что взрыв стабилизации изнутри был неизбежен.

По линии производства второй период послевоенного капитализма характеризовался тем, что капитализм выбрался из послевоенного хаоса, достиг (и в ряде стран превзошел) довоенных норм.

Однако вместе с тем этот процесс проходит в форме крайнего обострения неравномерности развития. К апрелю 1927 г. объем продукции крупной промышленности главных капиталистических стран по отношению к 1913 г., принятому за 100, равнялся (в процентах):

Для САСШ	137	по добывающей промышленности
»	160	по обрабатывающей . . . . .
» Англии	99,1	
» Германии	111,7	
» Франции	122,3	

Америка далеко опередила Европу, Англия уже здесь выступает как яркий образец загнивающего капитализма.

Неравномерность в развитии производства сопровождается крайне противоречивым положением мирового капиталоборота.

Это прежде всего выражается в том, что, как констатирует т. Сталин в политотчете XIV съезду, «центр финансового могущества в капиталистическом мире, центр финансовой эксплуатации всего мира из Европы переместился в Америку». Уже к 1925 г. цифра государственной задолженности Европы Америке составляет не менее 26 млрд. руб.

Таким образом сам стабилизационный процесс не мог не включать в себя противоречий, препятствующих росту моментов стабилизации. Вспышка англо-франко-американских противоречий — в связи с необходимостью уплаты к 15 декабря 1932 г. Англией и Францией очередного взноса Америке в счет погашения послевоенной задолженности — наглядно показывает неравномерность развития мирового производства в годы относительной стабилизации, которая обострялась и выражалась еще в том, что рост производства проходил в условиях общего кризиса капиталистической системы и что одним из выражений последнего в эти годы был растущий антагонизм развития промышленности и сельского хозяйства. Если промышленность в основных европейских странах к 1925 г. подошла (а в ряде стран превзошла) к довоенному уровню, то по отношению к сельскому хозяйству (по производству хлеба) достигнутый к этому году уровень равнялся (1913 г. = 100):

	В процентах
Англия	80—85
Франция	83
Германия	68

Весь процесс частичной стабилизации капитализма от начала до его конца проходил на фоне развивающегося аграрного кризиса.

Если взять за исходную точку 1920 г. и проследить динамику движения мировых цен на пшеницу, то картина представится в следующем виде:

Годы	Рублей за тонну
1920	190
1926	116
1927	111
1928	101
1929	91
1930	75
1931	48

Процесс развала капиталистического сельского хозяйства, красной нитью проходящий через весь период частичной стабилизации капитализма, с 1929 г. гигантски ускоряется наступившим мировым экономическим кризисом. Последний, с самого начала выступив как переплетение промышленного кризиса с аграрным, форсированными темпами способствовал приближению момента взрыва стабилизации.

Анализ противоречий, заложенных с самого начала внутри стабилизационного процесса, был бы неполон, если бы мы не подчеркнули того, что само развитие экономической основы стабилизации, т. е. достижение (и переход за пределы) довоенного уровня производства, проходило в условиях хронической недогрузки производственного аппарата, проходило в форме бешеного взлета капиталистической рационализации, сопровождавшейся прогрессивным ростом абсолютного обнищания и деградации широких трудящихся масс. Яркой иллюстрацией хронической недогрузки может служить следующая таблица.

РАЗМЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ 5 ДОМЕННЫХ ПЕЧЕЙ ЗА 1924—1928 гг.

Д а т а	Полное количество доменных печей	Действующие домы
1924	215	106
1925	211	83
1926	206	109
1927	191	116
1928	184	101

Недогрузка металлургических предприятий в САСШ, даже по официальным данным, в такой год относительной капиталистической стабилизации, как 1926, характеризуется следующими цифрами нагрузки (в процентах):

Бессемеровское производство	83
Доменные печи	81
Мартеновские печи	75
Электронечи	55

Последующий катастрофический рост недогрузки, связанный с углублением противоречий капиталистической стабилизации и выражающий крайнее обострение основных противоре-

чий капиталистической системы, бесспорно сыграл огромную роль в деле экономической подготовки конца капиталистической стабилизации.

Капиталистическая рационализация, характерная для значительной части второго периода развития послевоенного капитализма и ряда лет третьего периода, явилась выражением попыток буржуазии обойти неразрешимую для монополистического капитализма проблему рынков.

Понижение в результате капиталистической «рационализации» за счет заработной платы рабочего издержек производства в сочетании с высокими ценами, устанавливаемыми монополистическими трестами и картелями внутри страны, должны были, по замыслу буржуазии передовых капиталистических стран, расширить контингент экспортируемых (хотя бы по бросовым ценам) товаров. Однако бешеная борьба за рынки, за источники сырья, за вывоз капитала, за расширение сфер его приложения явилась тем узлом, в котором скрылись гигантские противоречия мирового капитализма.

Эти противоречия выразились прежде всего в колоссальном росте заградительной политики империалистических стран, в обострении процессов распада мирового хозяйства на части. Волна протекционизма, воспрещения вывоза валюты, таможенных войн, контингентирования, преференций и т. п. являлась тем общим фондом, на котором протекал последний этап капиталистической стабилизации. Отмеченный XII пленумом ИККИ раскол мирового капиталистического хозяйства на его национально-государственные куски является могильным памятником частичной стабилизации капитализма.

Раскол этого является одним из самых ярких выражений конца капиталистической стабилизации.

Разрушение мирохозяйственных капиталистических связей проявляется наглядно в том резком сокращении внешней торговли капиталистических стран, которое сейчас происходит: в 1932 г. обороты мировой торговли за первое полугодие составили 51 млрд. марок против 126,2 млрд. марок за первое полугодие 1929 г., т. е. сократились на 60%.

А если проследить этот процесс по отдельным странам, то получится следующая картина: по сравнению с максимальным предкризисным уровнем экспорт САСШ в августе 1932 г. составлял 20,9%, Англии — 40%, Германии — 34,2%, Франции — 34,8%.

Таким образом мероприятия монополистического капитала в период частичной стабилизации капитализма, направленные на то, чтобы разрешить проблему рынка, не только не достигли цели, но окончились полным крахом.

Капиталистическая «рационализация», в свое время трижды прославленная трубадурами «процветания», возведенная социал-фашистами в главнейшую предпосылку наступления новой эры «организованного» капитализма, на деле привела к огромному возрастанию элементов загнивания современного капитализма, к огромному обострению внутренних противоречий его развития.

Другим, не менее важным результатом капиталистической «рационализации» было огромное обострение в полосе частичной стабилизации обнищания масс и безработицы. Достаточно указать на то, что только по трем важнейшим индустриальным странам мира (Германия, Англия и САСШ) число фактически безработных (не считая работающих неполное время) достигает 25 млн. В этой цифре выра-

жается вся изнанка капиталистической стабилизации. Огромный рост обнищания в условиях современного экономического кризиса знаменует собой не только один из важнейших факторов окончания частичной стабилизации, но одновременно не может не означать расширения базы нарастания революционного кризиса.

Анализ внутренних противоречий частичной стабилизации капитализма, приведших в своем развитии к ее взрыву, был бы неполон, если бы мы хотя бы в кратких чертах не коснулись и того в империалистического сговора о способах ограбления Германии, способах установления сфер влияния в Китае и ограбления его трудящихся масс, сговора насчет взаимного невмешательства в дело ограбления своих колоний.

На известном отрезке времени (в период действия плана Дауэса) поток государственных (преимущественно краткосрочных) инвестиций иностранного капитала¹⁴ в германское народное хозяйство явился формой выражения империалистического сговора о новых способах выколачивания из него репарационных платежей и вместе с этим одним из выражений частичной стабилизации капитализма. Однако содержанием этого «стабилизирующего» фактора явилось усиление двойного гнета над германскими трудящимися, и в силу уже одного этого он не мог не определить дальнейшего обострения версальских противоречий.

Стремление германской буржуазии переложить всю тяжесть платежей по репарациям и процентов по иностранной задолженности на трудящиеся массы видно хотя бы из следующих данных:

Прямое налоговое обложение на душу населения в Германии изменилось (в марках) следующим образом:

1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
5,70	19,35	23,80	27,75	39,70

Ряд драконовских чрезвычайных декретов Брюнинга и Папена последних лет явились лишь логическим развитием этой линии на ограбление рабочего класса Германии.

Неслучайно поэтому Германия сейчас в итоге частичной стабилизации капитализма является узловым пунктом международной пролетарской революции.

Из изложенного должно быть ясно, что если сейчас, в условиях конца стабилизации, банкротство всей системы репараций и надлом Версаля стали совершившимися фактами, то в полосе частичной стабилизации капитализма (даже на ее отрезке до третьего периода), противоречия этой системы ни на минуту не переставали действовать и возрастать. Вся послевоенная эпоха является прекрасной иллюстрацией правильного прогноза, сделанного Лениным в 1918 г., незадолго до заключения Версальского мира. Он тогда сказал:

«Они (капиталисты — П. Ш.) себе готовят гибель этим миром».

Что касается «сговора» между империалистическими странами мира, об условиях нажима на трудящиеся массы Китая и других колониальных стран, то крах его лучше всего выражен словами резолюции XII пленума ИККИ по докладу т. Куусинена:

«Захват Японией Манчжурии и нападение на Шанхай взорвали прежний сговор между САСШ, Японией и Англией об установлении сфер влияния в Китае...»

¹⁴ За период с 1924 по 1928 г. вложения в германское народное хозяйство равняются 41,6 млрд. марок, из них иностранных капиталов — 31,6 млрд. марок. я

Последствия этого для капиталистического мира ясны: империалистические войны, вооруженная борьба империалистов за передел мира вновь ставится в порядок дня. Еще раз оправдывается ленинское определение империализма как эпохи войн и пролетарских революций.

Империалистическая война окончательно выступает как такая форма движения, которая имманентно присуща современному этапу развития империализма. Старые «мирные» формы движения, характерные для эпохи классового капитализма, на основе развития основного противоречия капиталистической системы окончательно превратились в свою противоположность. Загнивающий капиталистический мир в момент окончания капиталистической стабилизации стоит на грани новых империалистических войн. Конец стабилизации означает вместе с тем возрастание военной опасности и угрозы нападения на СССР — страну строящегося и побеждающего социализма.

«Силы социалистической революции растут и поднимаются во всем мире. Но одновременно ведет все более ожесточенное наступление мировая контрреволюция. Империалистические правительства готовы бросить народы в самую преступную из всех преступных грабительских войн»¹⁵.

Если частичная стабилизация капитализма упирается одним своим концом в ликвидацию последствий мировой империалистической войны, то другим своим концом она открывает переход к «новому туру войн и революций».

Наступивший конец капиталистической стабилизации заставляет еще раз остановиться на некоторых особенностях послевоенного цикла развития мирового капитализма.

Известно, что Маркс, разрабатывая теорию кризисов, пришел к выводу о неизбежности циклической формы движения капитализма, причем основа циклического движения заложена, по Марксу, в антагонистических противоречиях самого капиталистического способа производства. «Двигает вперед данную область явлений диалектика ее собственного движения». Противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения лежит в основе циклической формы движения капитализма вообще и циклическости в эпоху империализма в послевоенную эпоху в особенности.

Действие этого основного противоречия проявляется в виде скачкообразного процесса нарастания диспропорции между составными частями производительного капитала.

Один и тот же процесс накопления, вызывающий специфически капиталистические особенности возрастания органического состава капитала, приводит к образованию избыточного капитала при избыточном населении.

Отсюда вытекает реально происходящий в условиях капитализма интенсивный процесс роста противоречий в области возмещения и расширения основного капитала, с одной стороны, и потребительского фонда рабочего класса — с другой.

В работах Маркса и Энгельса прекрасно показано действие основного противоречия капитализма через ожесточенную конкуренцию и борьбу между отдельными капиталистами (и группами капиталистов) между собой за более высокую норму прибыли (борьба эта не только не суживается, а, наоборот, воспроизводится на расширенной основе в эпоху империализма). Выражением этой борьбы является необходи-

¹⁵ Из резолюции XII пленума ИККИ.

мость в постоянно совершающихся «переворотах в средствах производства» (Маркс). Отсюда тенденция «капиталистического производства развиваться производительные силы с такой интенсивностью, как будто их границей является лишь абсолютная потребительная способность общества»¹⁶. А между тем сам процесс капиталистического накопления порождает прогрессивную «бедность» и ограниченность потребления масс, обострившуюся в эпоху империализма до невиданных размеров.

Маркс еще в доимпериалистическую эпоху заявлял, что «весь процесс накопления принимает вид избыточного производства», что в условиях капитализма избыточный капитал и избыточное население существуют рядом друг с другом и «взаимобусловливают одно другое»¹⁷. Для современной эпохи — эпохи всеобщего кризиса капиталистической системы — трижды применимы как это указание Маркса, так и формула Энгельса, данная им в «Анти-Дюринге» и гласящая, что «весь механизм капиталистического производства начал надламываться под тяжестью им же созданных производительных сил».

Современный экономический кризис, проходящий на базе всеобщего кризиса капиталистической системы в целом и приведший уже в своем развитии к концу частичную стабилизацию капитализма, бесспорно является выражением того «нового мирового краха неслыханной силы», того «грандиозного будущего кризиса», неизбежность наступления которого 40 лет назад гениально предсказана Энгельсом¹⁸.

Мировое производство, за исключением СССР, в 1932 г. составляет лишь 83% производства 1913 г., а по отдельным видам продукции мировое производство достигло рекордно низкого уровня. Так например, мировое производство угля находится на уровне 1899 г., стали — на уровне 1904 г., чугуна — на уровне 1890 г. и т. д. По отдельным странам и отраслям снижение производства еще большее. Так например, если в САСШ основная автомобильная промышленность в 1929 г., накануне кризиса, была нагружена на 50% своей производственной мощности, а черная металлургия — на 60—80%, то теперь, в 1932 г., нагрузка по автомобильной промышленности составляет 10%, а по черной металлургии 25—30%. Размеры производительного и личного потребления дошли до того, что в такой например стране, как САСШ, 24% всех угольных копей (при полной нагрузке) могло бы удовлетворить весь спрос на уголь, и 14% всех обувных фабрик страны могли бы обеспечить покрытие всего платежеспособного спроса на обувь. Таким образом противоречия между производственной возможностью капиталистической промышленности и суженными рамками платежеспособного спроса достигли колоссальных размеров, отражая этим самым гигантскую ступень развития основных противоречий капитализма.

Огромное перепроизводство, являясь характернейшей чертой всего современного экономического кризиса, в одинаковой степени глубоко задело как промышленность, так и сельское хозяйство. Энгельс еще в прошлом столетии писал Марксу: «Пока перепроизводство ограничивается промышленностью, — это еще полбеды. Но когда оно захватывает и земледелие, тогда все принимает грандиозный размер»¹⁹.

¹⁶ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2.

¹⁷ Маркс, Капитал, т. I, гл. 23.

¹⁸ См. его 8-е примечание к III тому «Капитала».

¹⁹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XXII, стр. 268.

Глубокая правильность этого замечания Энгельса сейчас наглядно проверена практикой.

В огромных размерах современного экономического кризиса отражается особая специфичность развития цикла всего послевоенного капитализма. Это отражается наиболее ярко именно в кризисной фазе цикла. Кризис выступает как важнейшая фаза цикла, как фаза, определяющая всю его внутреннюю динамику. Если цикл в целом является специфически капиталистической формой движения воспроизводственного процесса, то в кризисе взрываются и разрешаются противоречия этого процесса. Кризис, по Марксу, выступает как насильственное осуществление на время единства фаз воспроизводства, ставших самостоятельными. С развитием капитализма противоречия, возникающие на антагонистической основе капиталистического воспроизводственного процесса, периодически развиваются настолько, что дальнейшее их движение становится невозможным. И кризис является именно тем моментом, который на время насильственно приводит к единству фаз воспроизводства, ставших насильственно самостоятельными, и тем самым обеспечивает движение противоречий до нового кризиса.

Чем разрушительней, затяжней и болезненней проходит кризис, чем большая масса производительных сил приводится им в негодность, тем более глубокие противоречия находят в кризисе свое выражение.

Именно поэтому с развитием капитализма, с переходом последнего в империализм противоречия капитализма становятся все более острыми, глубокими, и растет разрушительная сила и продолжительность кризисов. «Монополия,— говорит Ленин,— усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству» («Империализм»).

В отношении к послевоенному циклу движения капитализма это положение Ленина особенно применимо, ибо этот цикл, являясь формой развития общего кризиса капиталистической системы, особенно выделяется усилением скачкообразности и неравномерности своего развития, убыстрением процесса смены фаз, отсутствием всеобщих и

Годы	Страны кризиса	Страны депрессии	Страны оживления (подъема)
1920/21	Англия, САСШ и все другие	—	Германия, Франция
1923	Германия	—	Англия, Франция, САСШ
1924	САСШ, Германия	Англия	Франция
1925	Германия	"	САСШ, Франция
1926	—	Англия и Германия	" "
1927	—	Англия, САСШ	Германия, Франция
1928	—	—	САСШ, Германия, Франция (подъем) Англия (оживление)
1929	САСШ, Германия	Англия	Франция
1930	} Мировой экономический кризис		
1931			
1932			

интенсивных подъемных фаз и, наоборот, и наличием глубоких затяжных фаз упадка.

Динамика развития послевоенного цикла капиталистической экономики во всей ее неравномерности и скачкообразности прекрасно видна из таблицы на стр. 195.

Несмотря на то, что таблица охватывает только 4 главнейшие страны мира, она выпукло показывает лихорадочный и неравномерный характер развития послевоенного капитализма.

Маркс исходит из того, что кризисы (всегда завершающие цикл) являются переломным моментом в развитии капитализма; это значит, что каждый новый кризис выступает как историческая веха, отмечающая приближение капитализма к его гибели.

Это тем более правильно, что исторический путь движения капитализма обнаруживает явную тенденцию возрастания разрушительной силы каждого нового кризиса по сравнению с предыдущим и уменьшения «оздоровительной» силы каждого первого подъема по сравнению с предыдущим подъемом. В отношении к послевоенному циклу эта тенденция проявляет себя особенно ясно. Об этом свидетельствуют хотя бы следующие два факта.

По данным «Анналиста», во время мирового хозяйственного кризиса 1920/21 г. мировое производство снизилось на 23%, а к апрелю 1932 г. индекс производства упал на 55,6 пункта, или почти на 50% по отношению к 1929 г. (1929 г. — 110,1; 1932 г. — 56,5).

По линии продолжительности: кризис 1920/21 г. продолжался 20 мес., а кризис 1929—1932 гг. продолжается уже 40 мес., и конца его не предвидится.

Современный экономический кризис является циклическим кризисом, но уже в самой его глубине и затяжном характере (а последнее в значительной степени предопределило окончание частичной стабилизации) отражается особенная специфичность, отличающая современный цикл и кризис, протекающий на фоне исторического кризиса капитализма, от цикла и кризисов в эпоху классического капитализма.

Бесспорно, что самой решающей и вместе с тем самой общей основой необычайной глубины и продолжительности современного экономического кризиса являются два обстоятельства: в о-п е р в ы х, то, что современный экономический кризис является кризисом м о н о п о л и с т и ч е с к о г о капитализма; в о-в т о р ы х, что он протекает на базе всеобщего кризиса капитализма.

Современный экономический кризис, приведший в своем развитии к концу капиталистической стабилизации, что знаменует собой переход к новому туру войн и революций, до конца обнаружил, что монополии не только не создают «планового» капитализма, но, напротив, обостряют противоречие конкуренции, хаос капиталистической экономики до последних пределов.

Ленин в «Империализме», говоря об обострении монополистическим капиталом всех противоречий капитализма, указывает на «дороговизну и гнет картофелей». Эта характеристика появления монополии находит сейчас усиленное выражение, несмотря на падающие под ударами кризиса цены.

Создавая, с одной стороны, огромный разрыв между ценами на промтовары и на продукты сельского хозяйства, монополии (особенно торговые картели) смазывают разницу между дешевыми оптовыми и дорогими розничными ценами на эти продукты. Этим

самым огромная тяжесть кризиса перекладывается на плечи трудящихся масс.

Чудовищное обнищание последних усугубляется еще более тем, что миллионы рабочих выталкиваются из производственного процесса благодаря тому, что монополии, стремясь сохранить монопольные цены и прибыли, в неслыханных размерах сокращают производство, снося с лица земли в угоду своих прибылей целые заводы и промышленные города.

Монополия становится фактором, затрудняющим выход из кризиса, следовательно фактором дальнейшего гигантского обострения его последствий.

Второй общей основой длительности и затяжности современного экономического кризиса является то, что он протекает на базе общего кризиса капиталистической системы.

Что это означает? На этот вопрос отвечает т. Сталин в своем докладе на XVI съезде партии. В свете анализа т. Сталина самым ярким и решающим выражением общего кризиса капитализма является то, «что наряду с капиталистической системой хозяйства существует социалистическая система, которая растет, которая преуспевает, которая противостоит капиталистической системе и которая фактом своего существования демонстрирует гнилость капитализма, расшатывает его основы».

Отсюда ясно, что успехи социализма в СССР (вступление страны в период социализма, закрепление ее на социалистическом пути) явились одним из важнейших факторов, обусловивших окончание капиталистической стабилизации.

Таково действие указанных двух общих предпосылок (монополии и общий кризис) на ход и затяжку современного экономического кризиса и вместе с этим на рост противоречий капитализма, обусловивших конец его относительной стабилизации.

Однако влияние этих двух общих предпосылок дальнейшего распада капиталистического мира на ход современного экономического кризиса, кроме указанных направлений, реализуется еще через ряд узловых и обусловливаемых ими конкретных противоречий капиталистической экономики. Важнейшими из последних выступают противоречия, связанные с движением основного капитала в послевоенный период. Попытаемся проанализировать некоторые особенности этого движения.

Известно, что современный экономический кризис, характеризуясь огромным перепроизводством товаров, отображает последним явлением грандиозного перепроизводства основного капитала. Однако в нашей экономической литературе еще сравнительно недавно имела хождение теория т. Эвентова о том, что «современный кризис характеризуется не тем, что имеется значительное перепроизводство товаров, а скорее тем, что имеется перепроизводство основного капитала». Теоретическая неправильность подобной «позиции» очевидна. Если Маркс еще в полемике с Рикардо доказал, что перепроизводство капиталов одновременно означает перепроизводство товаров, то теперь, в эпоху монополистического капитализма и общего кризиса капиталистической системы, перепроизводство капиталов более, чем когда-либо, в силу своих невиданных размеров отражает наличие небывалого разрыва между выросшим в погоне монополии за сверхприбылью производственным аппаратом и неслыханным обнищанием масс, выражающим прогрессивное сужение внутреннего

рынка потребления. Указанное положение т. Эвентова является лишь непоследовательной обработкой старой точки зрения современной социал-демократии о невозможности в эпоху империализма перепроизводства товаров, вследствие того, что трестированный и синдицированный капитал всегда обладает возможностью не допустить перепроизводства основного капитала.

Допуская отсутствие перепроизводства товаров в эпоху современного экономического кризиса, т. Эвентов должен был бы отрицать наличие и перепроизводства капиталов, но... он решил быть менее последовательным, чем социал-демократия, не сумел однако уберечь себя этим от вопиюще неверных теоретических посылок.

С точки зрения современного состояния основного капитала мировой капиталистической промышленности, состояния, в значительной степени обуславливающего затяжку мирового экономического кризиса и благодаря этому в значительной степени обусловившего наступление конца стабилизации, интересно взглянуть еще раз на некоторые положения Гильфердинга, развитые им еще в его «Финансовом капитале».

В соответствии со своей (а в равной степени теперь и общей социал-фашистской) концепцией «организованного» капитализма Гильфердинг еще в «Финансовом капитале» защищает теорию о том, что тресты отводят от капиталистической экономики угрозу перепроизводства. Достигают они этого, по Гильфердингу, тем, что в период высокой конъюнктуры (при растущих ценах) они не поддаются соблазну и не увеличивают чрезмерно свой основной капитал, дабы последний не оказался в излишке при смене повышательной фазы цикла понижительной фазой. «Яркой иллюстрацией, — говорит Гильфердинг, — может служить политика Стального треста. Корпорация легко могла бы увеличить свое производство, но она не делает этого, чтобы ей во время депрессии не пришлось нести на себе тяжесть перепроизводства»²⁰. В своей «аргументации» Гильфердинг опирается на Леви (см. стр. 231), который, стоя обеими ногами на позициях апологетики капитализма, защищает взгляд о том, что в период подъема вообще исчезает конкуренция между трестами и аутсайдерами. Леви пишет: «Комбинированные предприятия в период оживленного спроса спокойно смотрят (?! — П. III.) на размножение посторонних, не входящих в комбинацию и производящих с относительно высокими издержками и даже помогают им».

Итак, согласно Леви и Гильфердингу, монополии спокойно допускают в период оживления возрастание основного капитала у своих конкурентов, сами отнюдь не занимаясь такими «пустяками», зная априори, что в период депрессии накопленный основной капитал все равно сделается обузой. Какая гармония! «Ученый» «марксист» Гильфердинг умудряется выхолащивать самую суть капитализма, конкуренцию, безграничную погоню за прибылью, связанную со стремлением к безграничному расширению производства вне учета тех границ, которые ставятся этому антагонистическими производственными отношениями капитализма.

Дальнейшие рассуждения Гильфердинга — Леви, основанные на этих выводах, замечательны по своему непревзойденному цинизму. «Таким образом крупные предприятия, прежде всего корпорации, образуют основное ядро того производства, которое в своей главной массе может работать с прибылью и находить сбыт не только в хо-

рошие, но и в плохие времена (?! — П. Ш.); усиление конкуренции посторонних в хорошие времена не вредит корпорации: при уничтожении их корпорация сильнее почувствовала бы на своей собственной шкуре тяжесть перепроизводства, между тем как теперь она обрушивается главным образом на посторонних»²¹.

Итак, сразу убито два зайца. Во-первых, «доказана» возможность идиллически мирного сожительства «волка» (каргель) и «овечки» (аутсайдер); во-вторых, доказано, «что в случае наступления каких-либо превратностей судьбы последствия сего обрушатся на неосторожную и жадную «овечку», но отнюдь не на предусмотрительного и довольствующегося своей скромной прибылью «волка». Воистину Гильфердинг «ранний» в своей защите капитализма выступает как достойный предтеча Гильфердинга «позднего» — современного.

Динамика развития послевоенного цикла капиталистической экономики, включающего невиданный до сих пор по своим грандиозным размерам мировой экономический кризис, приведшего в своем развитии к исчерпанию капиталистической стабилизации, ярко обнаруживает всю глубину гильфердинговской апологетики капитализма.

Движение основного капитала выступает у Маркса как материальная основа движения всего цикла, следовательно своеобразие в движении основного капитала в период, непосредственно предшествовавший современному экономическому кризису, может в значительной степени объяснить особенность самого кризиса, его глубину, его продолжительность, его разрушительное действие на стабилизацию капитализма. Практика, начисто опрокинув гильфердинговскую концепцию о придерживании монополиями на подъеме роста основного капитала, характеризуется как раз обратным: монополистический капитализм, подгоняемый выросшей в огромных размерах конкуренцией, толкавшей его на путь дальнейшей концентрации капитала, именно за этот период в антагонистической форме капиталистической рационализации произвел (опять-таки в порядке обострений неравномерности, что в данном случае означает выключение из этого процесса Англии) значительное обновление своего основного капитала. В этот период происходило «скачкообразное и лихорадочное развитие техники в некоторых странах, граничащее с новым техническим переворотом» (Программа КИ). Так например, в 1927 г. две конкурирующие фирмы САСШ (Форд и Дженераль Моторс) в течение одного года удвоили производственную мощь своих заводов, доведя ее с 5 до 10 млн. машин в год. Этот процесс происходил, несмотря на то, что имевшееся до этой реконструкции оборудование далеко не использовывалось целиком. Последнее обстоятельство особенно резко выражает глубину противоречий внутри отдельных групп финансового капитала в послевоенную эпоху.

Таким образом почти накануне кризиса стихийно был создан грандиозный резерв основного капитала. Особенная противоречивость этого процесса заключалась в том, что он происходил в форме капиталистической «рационализации», означавшей гигантский рост обнищания и безработицы (подчас абсолютное сокращение), проходил следовательно в обстановке, когда действие основного противоречия капитализма, сильнее, чем когда-либо, сузив базис потребления (внутренний рынок), придавало недогрузке производственного аппарата особую глубину и хроничность. Мировой экономический кризис, разразившись в 1929 г., застав огромный и в значительной степени обно-

²¹ «Финансовый капитал», стр. 231.

вленный, еще далеко не использованный основной капитал, сразу вызвал грандиозный скачок производства вниз, особенно в отраслях нового производства, с заново созданным основным капиталом. Например САСШ в первый же год кризиса сократили производство: искусственный шелк на 58%, легковые автомобили — на 41%, грузовики — на 30%.

Из изложенного должно быть ясно, что подобное положение с основным капиталом, когда процент его использования дошел в настоящее время до рекордно низкой цифры, в условиях продолжающегося роста прогрессивного обнищания масс и безработицы, настолько затруднил капиталистический выход из кризиса и обострил действие основных противоречий капитализма, настолько затянул развитие современного экономического кризиса, что и без того шаткая и гнилая стабилизация капитализма не могла не треснуть в самой своей основе.

Великая историческая заслуга XII пленума ИККИ заключается в том, что он правильно и своевременно отобразил этот объективно происшедший перелом в развитии капитализма и тем самым остро отточил оружие мирового пролетариата в его борьбе за мировую революцию.

На фоне того, что по ряду важнейших отраслей промышленности современное капиталистическое производство отброшено далеко назад (вплоть до прошлого столетия по ряду отраслей), чрезвычайно интересно выглядит следующий «прогноз» Гильфердинга, данный им в его «Финансовом капитале»: «Иначе (чем мелкое производство — П. III.) противостоит кризису современное крупное производство; размеры производства здесь настолько велики, что часть его будет продолжаться и во время кризиса. Может случиться, что во время кризиса американскому стальному тресту придется сократить свое производство наполовину. Но ему нет нужды ограничивать свое производство ниже определенного минимума.

Таким образом концентрацией производственных единиц увеличиваются те размеры, в которых производство может вестись во всякое время» (? — П. III.). И дальше. «Итак, с развитием капиталистического производства абсолютно и относительно (? — П. III.) увеличивается величина той части производства, которая может продолжаться при всяких условиях» (? — П. III.).

Гильфердинг определяет здесь тот мнимый оппортунистический лимит, за пределы которого не может распространиться разрушительное влияние всякого кризиса.

Лимитирующим кризис фактором, по Гильфердингу, здесь выступает концентрированная капиталистическая промышленность, которая при любом кризисе сохраняет (и абсолютно и относительно) больше действующих производительных сил, чем во всяком предыдущем кризисе. Этим самым Гильфердинг делает попытку раз и навсегда ограничить те экономические и политические изменения для капитализма, которые может привести с собой кризис. Последний, по Гильфердингу, может (в крайнем случае) поколебать капиталистическое производство, но он никогда не в состоянии расшатать его устои. Характерно, что эти свои откровения о растущей сопротивляемости кризису крупной концентрированной капиталистической промышленности Гильфердинг разворачивает в связи с вопросом о характере модификации капиталистического цикла в эпоху империализма. Этим самым безусловно делается попытка дать «философию эпохи», т. е. установить такой универсальный закон сопротивляемости импе-

риализма кризису, который должен весь период империализма (период войн и пролетарских революций) превратить в период мирного реформаторского развития.

Конец капиталистической стабилизации, знаменующая собой более высокую степень разрушения устоев капитализма, вместе с этим является убийственным историческим приговором мировому социал-фашизму и его руководителям — ученым лакеям буржуазии. История развивается по Марксу, Ленину и Сталину, но отнюдь не по Гильфердингу и Каутскому. Это значит, что каждый новый день обострения мирового экономического кризиса приближает момент окончательной гибели капитализма. Еще и еще раз необходимо вспомнить слова Ленина: «Абсолютно безвыходных положений не бывает. Буржуазия ведет себя, как обнаглевший и потерявший голову хищник, она делает глупость за глупостью, обостряя положение, ускоряя свою гибель»²². Однако конец стабилизации означает гигантский рост условий революционного выхода. Задачей мирового пролетариата является суметь правильно эти условия использовать.

Продолжая разоблачать носителей троцкистской, разоружающей рабочий класс теории стагнации, мы должны не допускать переоценки возможности капиталистического выхода из кризиса.

С этой точки зрения представляется неверной следующая формулировка т. Варги, сделанная им в его докладе в Комакадемии (1931 г.):

«Раньше или позже кризисная фаза должна перейти в депрессию, которая в некоторых странах будет хронической, а в других перейдет в фазу оживления».

Перейдет ли?

Разрешение этого вопроса зависит от того, как скоро и благоприятно сложатся условия для наступления рабочего класса, как интенсивно пойдет развитие капитализма по очередному этапу его последнего пути: от конца капиталистической стабилизации к революционному кризису — революции.

В «Детской болезни «левизны» Ленин дает блестящую постановку вопроса об условиях, необходимых для победы революции. Он говорит: «Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и в частности всеми тремя русскими революциями в XX в., состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы осознали невозможность жить по-старому и потребовали изменений; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому (подчеркнуто мною — П. Ш.). Лишь тогда, когда низы не хотят старого и когда верхи не могут жить и управлять по-старому, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса»²³.

Конец капиталистической стабилизации означает огромный шаг к этому ленинскому условию революции.

Это значит, что капиталистический мир в настоящее время с огромной быстротой приближается к тому моменту, когда не только экспло-

²² Ленин, т. XXV, стр. 340.

²³ Там же, стр. 223.

атируемые массы не захотят жить по-старому (в подавляющей своей массе они уже и сейчас не хотят этого), но когда и буржуазия не сумеет держать массы в капиталистическом рабстве.

Пока этого второго условия революции налицо еще нет или во всяком случае его еще нет в той мере, в какой это для революции необходимо.

Именно поэтому XII пленум ИККИ подчеркнул, что конец стабилизации еще не означает революционного кризиса.

Как скоро пойдет вперед процесс нарастания революционного подъема, зависит от коммунистических партий, от успеха их работы в массах, от успеха их работы по созданию широкого антифашистского фронта.

Буржуазия делает отчаянные попытки удержаться, продлить как можно дольше время, когда она еще может управлять. Однако конец стабилизации означает, что старые методы управления теперь невозможны, полоса социальных реформ окончена. Здесь капитализм себя уже целиком изжил. Эра буржуазной демократии переживает свою агонию. Буржуазное государство стало и все более становится открытой фашистской диктатурой. С концом стабилизации связано значительное возрастание удельного веса фашизма в системе этой диктатуры.

Фашизм — вот последняя ставка буржуазии, направленная к тому, чтобы разгромить бурно развивающееся революционное движение. Но сделать это сейчас буржуазии значительно труднее, чем раньше, ибо мировой экономический кризис разрушил частичную стабилизацию, подорвал окончательно устойчивость той экономической основы, на которую опиралась ранее буржуазия в своей борьбе против пролетариата.

Значительная часть этих экономических устоев господства буржуазии оказалась подорванной еще в самом начале мирового экономического кризиса. Однако 1929 и 1930 гг. не дали еще окончания частичной стабилизации. Перед лицом гигантски выросших противоречий производства буржуазия пыталась маневрировать, используя такое оружие, как кредит, пытаясь различными путями (система государственного финансирования терпящих крах банков и т. д.) вывести кредит из-под ударов кризиса.

Однако последовательные крахи в 1931 г. австрийского Кредитанштальта, германского Данатбанка, Дрезденского банка и ряда крупнейших монополистических финансовых консорциумов разрушили кредитные иллюзии буржуазии. Вместе с этим потерпела полный крах так называемая «меновая концепция» социал-фашизма, делающая ставку на выход из кризиса через использование аппарата обращения и кредита.

Гильфердинг, этот теоретический «апостол» современного социал-фашизма, еще в своем «Финансовом капитале» защищал теорию невозможности кредитного кризиса в эпоху империализма.

Опираясь на свою «теорию» возможности роста монополистического капитала «при всяких условиях», Гильфердинг выдвигает следующий тезис: в эпоху империализма «возрастает размер и той доли товарного обращения, которая остается незатронутой во время кризиса, увеличивается (даже увеличивается! — П. Ш.) и основывающийся на ней оборотный кредит. Следовательно разрушение кредита может и не быть столь полным, как оно бывало при кризисах ранней эпохи капитализма» (подчеркнуто мною — П. Ш.). И дальше: ...

«Мало того, развитие кредитного кризиса, с одной стороны, в банковый кризис, а с другой — в денежный кризис затрудняется переменами в организации кредита, с одной стороны, и передвижкой (?! — П. Ш.) в отношении торговли и промышленности — с другой»²⁴. Разразившийся в 1931 г. кредитно-финансовый кризис, который не мог не быть вызван мировым экономическим кризисом, не оставил камня на камне от этой теории Гильфердинга²⁵.

Кредитно-финансовый кризис в сочетании с мировым экономическим и аграрным кризисом окончательно выбил последнюю экономическую опору частичной стабилизации капитализма. Вместе с этим он в значительной мере обусловил усиление буржуазией методов фашистской диктатуры в ее нажиме на рабочий класс.

Ставка на фашизм является последней ставкой идущей ко дну буржуазии. Но фашизм периода конца стабилизации меньше чем когда-либо выступает как фактор консолидации классового господства буржуазии. Более чем когда-либо выступает роль фашизма как элемента внутреннего разложения капитализма. Фашизм — предвестник приближающегося краха капитализма, но краха не автоматического, как полагают троцкистские недоноски, а революционного.

Конец стабилизации следовательно предполагает необходимость огромной консолидации сил мирового революционного движения в его борьбе за мировую пролетарскую революцию.

---

²⁴ «Финансовый капитал», стр. 339.

²⁵ Кстати «предсказание» т. Варги, сделанное им в 1930 г. о том, что мировой экономический кризис не вызовет кредитного кризиса, в свете изложенной теории Гильфердинга теряет тот невинный характер не «оправдавшегося прогноза», который ему придают как сам т. Варга, так и некоторые экономисты, критикующие эту ошибку.

ОБ ИЗВРАЩЕНИЯХ В ТЕОРИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА В СССР

Вряд ли нужно доказывать важность и актуальность разработки проблем воспроизводства в СССР. Эти проблемы являются центральными в общем комплексе вопросов переходной экономики. Без них нельзя понять сущности нашей экономики и дать конкретный анализ путей развития переходной экономики в бесклассовое социалистическое общество.

Итоги первой пятилетки, успешно осуществленной в 4 года, дали богатый материал для характеристики и общих закономерностей конкретных путей воспроизводства в СССР. Нет более благодарной задачи для экономистов, работающих над вопросами советской экономики, как тщательное изучение хозяйственных итогов первой пятилетки, ибо они дают концентрированное выражение успехов нашего строительства и являются конкретным выражением победы марксистско-ленинской теории воспроизводства в СССР над оппортунистическими теориями всех мастей.

По вопросам воспроизводства в СССР уже создана значительная литература. Не последнее место в ней занимает разработка проблемы баланса. Всем известно, какое значение придает т. Сталин задаче разработки схемы баланса народного хозяйства.

«Схему баланса народного хозяйства должны выработать революционные марксисты, если они вообще хотят заниматься разработкой вопросов экономики переходного периода» (С т а л и н).

Но схему баланса, как и самый баланс, можно разработать только на основе марксистско-ленинского анализа закономерностей воспроизводства в СССР, на основе разгрома всех оппортунистических теорий воспроизводства в СССР и прежде всего на основе разгрома буржуазной теории равновесия. Следует однако к сожалению признать, что ряд работ по вопросам баланса далеко не стоит на уровне поставленных задач. Больше того, некоторые работы построены на основе антимарксистской методологии и поэтому неизбежно приходят к ряду грубейших политических ошибок. На одной из подобных работ мы и собираемся здесь остановиться. Мы имеем в виду статью т. С п и в а к а «О балансе производства и потребления в СССР за 1928—1930 гг. («Проблемы экономики» № 7 за 1932 г.). В статье содержится ряд грубых ошибок, но вряд ли статья эта сама по себе заслуживала бы специального разбора, если бы автор не воспроизвел глубоко ошибочную и оппортунистическую по существу методологию, имеющую большое распространение и лежащую в основе ряда работ по воспроизводству в СССР. Статья т. Спивака «интересна» потому, что она воспроизводит и непосредственно выражает ряд ошибочных положений, имеющих место в балансе народного хозяйства за 1928—1930 гг.

Автор начинает с анализа соотношения промышленности и сельского хозяйства. Вывод, к которому он приходит, сводится к тому, что, в то время как промышленность растет, «другой характер носит воспроизводство в сельском хозяйстве и в мелкой промышлен-

¹ Примечание от редакции: статья т. Партигула написана по специальному поручению редакции в виду того, что помещенная в № 7 «Проблем Экономки» статьи т. Спивак «О балансе производства и потребления в СССР за 1928—1930 г.» является ошибкой редакции.

ности. И то и другое показывает в сущности простое воспроизводство, причем 1930 г. дает даже небольшое уменьшение по сравнению с 1928 г.» (стр. 42). И дальше, приводя ошибочно составленную таблицу движения основных фондов в сельском хозяйстве, автор продолжает: «таблица показывает, что больше всего сокращение коснулось основных средств производства, производимых в сельском хозяйстве, а это и есть в основном сокращение количества скота» (там же).

Итак, в результате трех лет реконструкции народного хозяйства — упадок сельского хозяйства, сокращение его основных фондов. Этот «новый», хотя далеко не оригинальный вывод, с торжеством преподносимый автором, сильно отдаёт пресловутой теорией деградации сельского хозяйства, с той однако разницей, что автор здесь развивает теорию деградации социалистического земледелия. Ведь эти процессы произошли после года великого перелома, после бурного роста колхозного производства, доказавшего уже в 1930 г. все свое преимущество перед мелким товарным крестьянским хозяйством. Присмотримся к аргументации автора. Она по существу очень убога и сводится к тому, что т. Сливак привел одну таблицу, из которой следует, что в 1930 г. с.-х. производство составило 18 961,3 млн. руб. против 19 241,3 млн. руб. в 1928 г. Средства производства, производимые в сельском хозяйстве, дали также уменьшение с 2 807,3 млн. руб. до 2 137,8 млн. руб. в 1930 г. Автор счел нужным умолчать о методологии получения этих цифр. Мы думаем, что эти данные требуют проверки, но в данном случае должны подчеркнуть глубочайшую теоретическую и политическую ошибку автора, который на основании суммарных, средних цифр, цифр, выхолащивающих качественные сдвиги в нашей экономике и в частности в сельском хозяйстве, попытался сделать ответственные выводы о динамике социалистического воспроизводства в СССР. Основной характерной чертой вредительской методологии является оперирование средними и суммарными показателями, выхолащивающими структурные особенности и качественные сдвиги нашей экономики. Известно, что Ленин еще в «Развитии капитализма» осудил такого рода методологию земских статистиков и вскрыл ее классовые корни. Эта методология широко использовалась правыми оппортунистами для их атак на партию. В этой связи достаточно напомнить, что т. Рыков использовал обезличенные средние данные об урожайности для обоснования правооппортунистической теории деградации сельского хозяйства. В свое время эта попытка т. Рыкова встретила суровое осуждение т. Сталина. «Тов. Рыков оперировал здесь средними числами посевных площадей по стране. Но метод средних чисел, не скорректированный данными по районам, не есть научный метод» («Вопросы ленинизма», стр. 514). Эта антипартийная, а следовательно антимарксистская методология имеет глубокие корни еще в ряде наших статистических учреждений. Сказанное о средних числах в значительной мере относится и к суммарным общим показателям, также подменяющим реальный анализ социальных и структурных сдвигов, и соотношении классовых сил «игрой в цифры». То, что подобные формалистические упражнения суть не что иное, как удобное прикрытие для протаскивания под маской «объективной статистики» всего букета меньшевистских и правооппортунистических установок, вряд ли требует доказательства. «Игра в цифры» скрывает и смазывает качественные, решающие сдвиги в нашей экономике и ведет к правооппортунистической клевете на политику партии.

В противовес «объективным», суммарным показателям т. Спивака, мы приведем ряд данных, которые совершенно по-иному характеризуют развитие сельского хозяйства за эти годы. Основное требование — дать анализ производства в социальном разрезе — совершенно забыто автором. Достаточно так поставить вопрос, чтобы стал ясен антимарксистский характер подобных суммарных итогов. В 1930 г. социалистический сектор дал продукции на 998,4 млн. руб. против 413,3 млн. руб. в 1928 г. На основе победы социалистического земледелия, на основе разгрома кулачества как класса партия успешно разрешила зерновую проблему. Валовой сбор хлеба в 1930 г. составил 835 млн. ц, против 733 в 1928 г. Партия наконец успешно разрешила задачу подъема технических культур. Посевная площадь по хлопку составила в 1930 г. 217%, по льну — 125%, по сахарной свекле — 169% к 1928 г.

Все эти крупнейшие структурные сдвиги, являющиеся непосредственным выражением победы социалистического земледелия, оказались начисто выхолощенными суммарными показателями. Еще более извращает действительное положение вещей вывод о сокращении основных средств производства, производимых в сельском хозяйстве. Сделать подобный вывод в главе «Динамика расширенного воспроизводства в СССР» и не показать технического перевооружения сельского хозяйства, произведенного за эти годы, — это значит извратить действительное положение вещей в угоду оппортунистам.

Выводы т. Спивака по вопросу о сельском хозяйстве и соотношении сельского хозяйства и промышленности непосредственно смыкаются с тезисом, выставленным некоторыми экономистами, работающими по балансу народного хозяйства. Этот тезис гласит: «В области ликвидации диспропорции между развитием промышленности и сельского хозяйства итоги трех лет еще не обнаружили существенных сдвигов. Если продукция ценовой промышленности за 2 года дала рост на 51,4%, то продукция сельского хозяйства даже снизилась на 1,5% (в ценах 1928 г.)».

На этом тезисе, как и на его «обосновании», надо остановиться подробнее. Этот вывод не ограничивается только тремя годами. Исходя из данной аргументации его, можно сделать этот же вывод и в отношении 1931 и 1932 гг., ибо промышленная продукция в эти годы росла значительно быстрее продукции сельского хозяйства.

Следовательно, если продолжить мысль автора на основе его же аргументации, то неизбежно нужно притти к выводу о том, что и в результате пятилетки мы не имеем сколько-нибудь решающих сдвигов в области ликвидации диспропорции между городом и деревней. Прежде всего выясним, о какого рода диспропорции идет речь. Видимо, речь идет о решениях XV съезда, в которых дается анализ основных противоречий, трудностей и основных диспропорций нашей экономики.

«По линии регулирования взаимоотношений между городом и деревней лежат основные трудности и основные проблемы хозяйственной политики пролетариата». Дальше резолюция отмечает наличие «диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством, которая (диспропорция) далеко не изжита, несмотря на более быстрый, чем рост сельского хозяйства, рост индустрии» (стр. 62).

В чем основное содержание трудностей по линии регулирования взаимоотношений города и деревни и в каком смысле можно говорить о диспропорции между промышленностью и сельским хозяй-

ством? Это чрезвычайно важный вопрос, без правильного решения которого нельзя понять нашей экономики и правильно определить пути построения бесклассового социалистического общества. Известно, что противоречия между городом и деревней — основная характерная черта капитализма. Разумеется, характер отношений между городом и деревней в переходной экономике принципиально иной, чем при капитализме. Только агент буржуазии Троцкий, не понимающий и не могущий понять природы нашей экономики, рассматривает соотношение города и деревни у нас как типично капиталистическое противоречие. В своих попытках проанализировать сущность нашей экономики он пишет, что основным противоречием советской экономики является капиталистическое противоречие и в первую очередь противоречие между городом и деревней. Прямой смысл этой формулировки таков, что у нас действует основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частным присвоением. Сам Троцкий и его приспешники типа Преображенского такой вывод и делают, утверждая неизбежность кризиса в нашем хозяйстве, прежде всего кризиса перепроизводства основного капитала. Вряд ли есть необходимость опровергать подобную галиматью. В интересующей нас связи мы обращаем внимание на то, что Троцкий распространяет тип противоречия между городом и деревней при капитализме и на СССР. Это непосредственно связано с его отрицанием возможности социалистической переделки мелкого товаропроизводителя в сельском хозяйстве, что вытекает из его отрицания возможности построения социализма в одной стране.

Исчерпывающий марксистско-ленинский анализ сущности противоречия между промышленностью и сельским хозяйством, между городом и деревней в переходный период дал т. Сталин в ряде своих работ, в частности в речи на конференции аграрников-марксистов. «Можно ли в продолжение более или менее долгого времени базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах — на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства. Нет, нельзя. Это когда-либо должно кончиться полным развалом всего народного хозяйства» («Вопросы ленинизма», стр. 518).

В социальной разнотипности города и деревни лежит основная трудность переходного периода, и в этом смысле надо понимать указание XV съезда «О диспропорциях в нашем хозяйстве». Но преодоление социальной разнотипности предполагает индустриализацию страны, превращение ее из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную. Поэтому к моменту XV съезда о диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством можно было говорить в том смысле, что промышленность отставала от задач, предъявляемых к ней потребностями социалистической реконструкции всего народного хозяйства и в первую очередь сельского хозяйства.

С другой стороны, преобладание мелкотоварного производства в сельском хозяйстве представляло серьезнейшую трудность для социалистического строительства, ибо обуславливало низкую товарность, определяло недостаточность сырьевой базы для развития промышленности и тем самым затрудняло развитие социалистической индустрии.

Достаточно так поставить вопрос о соотношении промышленности и сельского хозяйства, чтобы стало ясно, что за годы, охваченные балансом (1928—1930 гг.), мы добились решающих успехов в деле

преодоления основных трудностей переходного периода. Уже в 1930 г. сельское хозяйство СССР твердо повернуло на социалистический путь развития. К 1931 г. 55,1% всего количества хозяйств с площадью посева 63,6% всей посевной площади вступило в колхозы. Уже в 1930 г. были достигнуты решающие успехи в области ликвидации кулачества как класса, в области выкорчевывания корней капитализма в деревне. Мы сумели перейти к формированию нового общественного строя в деревне. Мы на основе успехов индустриализации развернули работу по техническому перевооружению сельского хозяйства. Не видеть всех этих крупнейших структурных сдвигов, утверждать, что директивы XV съезда не выполнены, это значит извращать действительное положение вещей, проявлять исключительную политическую слепоту.

Автора этого тезиса, как впрочем и автора разбираемой нами статьи, привел к подобному оппортунистическому выводу неверный методологический подход. Методологическая ошибочность их постановки заключается в том, что анализ производственных сдвигов в отношении промышленности и сельского хозяйства они свели к неравномерности прироста продукции промышленности и сельского хозяйства. По существу они ограничились только поверхностью явления и не проанализировали их сущности. Сведя проблему взаимоотношений между городом и деревней только к динамике валовой продукции промышленности и сельского хозяйства, они объективно стали на позиции известной буржуазной теории, которая утверждала, что существует некая постоянная пропорциональность между продукцией промышленности и сельского хозяйства и всякое отклонение от этой пропорциональности чревато большими опасностями для народного хозяйства. В свое время такой матерой вредитель, как Громан, вполне последовательно с точки зрения вульгарной политэкономии постулировал неизбежность диспропорции, кризисов в нашем хозяйстве и даже краха нашей экономики в том случае, если соотношение товарных масс города и деревни сдвинется от пресловутой пропорции 63 и 37. Для Громана рыночные пропорции являются вечными, нерушимыми. Известно, что основой громановских построений является отрицание социалистического характера нашей экономики, признание действия у нас закона стоимости, причем закон стоимости Громан понимал вульгарно механистически — как закон равновесия. С его точки зрения неравномерность прироста продукции промышленности и сельского хозяйства приводит к неизбежному краху. Исходя из этих положений, Громан и ему подобные атаковали политику партии, направленную на форсированное развитие социалистической индустрии. Партия, разгромив вредителей и оппортунистов всех мастей, успешно осуществляла политику индустриализации страны, превращение ее из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную. И это в первую очередь не могло не сказаться в более форсированном приросте промышленной продукции. Видеть в этом отрицательное явление могут только те, кто вольно или невольно становится на антимарксистские позиции теории равновесия.

Оперирование валовой продукцией грубо ошибочно и потому, что оно смазывает крупнейшие достижения, которые у нас имеются в области повышения товарности сельского хозяйства. В результате победы социалистического земледелия, в результате укрепления колхозов и совхозов значительно выросла товарная продукция, идущая в руки государства.

«На основе подъема сельского хозяйства сильно возросли размеры

товарного хлеба в стране: вместо 700 млн. пудов сданного государству хлеба в 1927/28 г., из которого только 10% составлял хлеб колхозов и совхозов, в 1931/32 г. сдано государству 1 400 млн. пудов, из которого товарный хлеб колхозов и совхозов составил уже не меньше 75%» (из резолюции январского пленума ЦК ВКП(б)). Все это оказалось начисто выхолощенным объективно-статистическим подходом, суммарными показателями.

Обратимся теперь к трактовке автором разбираемой нами статьи некоторых общих вопросов воспроизводства в СССР. Автор ставит перед собой чрезвычайно серьезную, важную и актуальную задачу: «вскрыть внутренний механизм, внутренние соотношения и пропорции процесса расширенного воспроизводства». К сожалению, автор не справился с поставленной задачей. Он пошел по принципиально неверному пути, сосредоточив свое внимание не на тех проблемах, которые являются основными в вопросах социалистического воспроизводства. Суть проблемы воспроизводства у нас автор видит в выяснении вопроса, как возмещается общественный продукт в проблеме реализации как таковой. С упорством, достойным лучшей участи, он доказывает, что между производством средств производства и производством средств потребления происходит обмен и на основе этого обмена складывается определенная пропорция между I и II подразделениями. I подразделение отдает определенное количество средств производства II, в обмен II на эту же сумму отдает средства потребления I. Итоговый вывод сформулирован автором в заключительной таблице на стр. 55, из которого следует, что фонд заработной платы I подразделения + прирост фонда заработной платы дополнительных рабочих равны фонду производственного потребления II подразделения + прирост этого фонда. Иными словами, автор полностью распространяет на воспроизводство в СССР те условия пропорциональности, которые Маркс вывел для капиталистического хозяйства, и именно равенство: I ($Y + M$) и II C. Таков смысл философии всей и таков итог громадного количества хитроумных и сложных вычислений и таблиц, буквально затопивших статью, — так разрешена задача вскрытия «внутреннего механизма, внутреннего соотношения и пропорции процесса расширенного воспроизводства».

Мы считаем, что в данном случае налицо принципиально неверный механистический подход к воспроизводству в СССР, подход, выхолащивающий действительные закономерности, смазывающий классовую борьбу и классовые отношения в процессе расширенного воспроизводства. По существу мы имеем дело в данном случае с вариантом теории равновесия, применительно к советскому воспроизводству. Вместо анализа закономерностей превращения нашей экономики в социалистическую центр тяжести перенесен в область доказательства равенства I ($Y + M$) и II C.

Изложенная теория не претендует на оригинальность. В свое время вопрос о применимости схем к советским условиям ставил т. Бухарин; исходя из закона трудовых затрат, Бухарин считал возможным перенесение схем воспроизводства Маркса на советскую экономику:

«Поэтому и для этого общества (с гораздо большим, если уж на то пошло, «правом») можно построить, по аналогии со вторым томом «Капитала», схемы воспроизводства», т. е. наметить условия правильного сочетания различных сфер производства и потребления и различных сфер производства между собою, или, другими словами, условия «подвижного экономического равновесия» (Заметки экономиста, 14).

Исходя из этого положения, т. Бухарин требовал равенства на узкие места, выступал против темпов индустриализации, проводимых партий. Бухаринская теория переходной экономики и закономерностей ее воспроизводства теоретически разгромлена и разоблачена. Но очень живучим оказался тезис, признающий возможным перенесение марксовых схем воспроизводства непосредственно на советскую экономику, тезис, переносящий на советское воспроизводство те же отношения зависимости, какие существуют в капиталистическом хозяйстве. По существу такая трактовка означает фетишизирование схем, понимание их как вне исторических схем пропорциональности вообще.

Такого рода понимание мы находим и в статье т. Спивака, поэтому считаем необходимым подробнее остановиться на выдвинутом автором положении. Прежде всего надо вспомнить ленинское указание о значении схем. В противовес вульгарному, метафизическому пониманию схем Туган-Барановским, как схем, которые сами «доказывают», Ленин неоднократно подчеркивал, что схемы не заменяют анализа, а составляют только иллюстрацию: «Схемы сами по себе ничего доказать не могут; они могут только иллюстрировать процесс, если его отдельные элементы выяснены теоретически» (Ленин, Соч. т. II, стр. 477).

Это указание Ленина сохранило свое значение и по сей день и в первую очередь бьет как тех, кто рассматривал схемы как выражение вечных законов пропорциональности и пытается их перенести на воспроизводство в СССР, так и тех, кто многосторонний и богатый процесс развития нашей экономики подгоняет механически под схемы, не вскрыв закономерностей процесса в целом и отдельных его элементов. И в том и другом случае схемы превращаются в пустую формальную игру.

Вряд ли надо доказывать, что такого рода формалистическая трактовка схем представляет собой грубейшее извращение марксизма. Впрочем это извращение имеет свою историю. Все буржуазные и оппортунистические извращения марксовой теории воспроизводства сводят богатый анализ реального процесса воспроизводства общественного капитала, данный Марксом, к схемам как таковым, объявляют схемы — схемами равновесия и по существу фетишизируют их. Еще в начале XX века это положение отстаивал небезызвестный Струве, который прямо называл марксову теорию реализации теорией пропорционального распределения. Такова же точка зрения и Тугана, который, как известно, исходя из своих схем воспроизводства, обосновывал бескризисное развитие капитализма. Именно такое содержание приписывал Туган схемам Маркса, заявляя, что в схемах Маркс показал гармоничность капиталистического хозяйства и пришел к противоречию со своими прежними воззрениями, изложенными в III томе. Известно, что и Роза Люксембург также рассматривала схемы Маркса как схемы равновесия и не видела революционного характера марксовой теории воспроизводства, не поняла его анализа основных противоречий капитализма.

Все вульгарные, механистические извращения марксистской теории воспроизводства общественного капитала имеют своим исходным пунктом концепцию теории равновесия и отсюда трактовку схем как схем равновесия. Жестокую критику этой концепции дал Ленин еще в своих ранних работах. В полемике против Струве, Тугана и т. д. он специально подчеркивал, что «теория реализации отнюдь не утвер-

ждает, что в капиталистическом обществе продукты распределяются или могут распределяться пропорционально» (т. II, стр. 482). Задачу теории реализации Ленин видел в том, чтобы «показать, как (подчеркнуто Лениным) происходит воспроизводство и обращение всего общественного капитала» (там же, стр. 485). Только буржуазные либералы типа Струве, только неисправимые оппортунисты могут сводить эту задачу к установлению равновесия между двумя подразделениями общественного воспроизводства. Суть дела в том, чтобы показать, как в процессе воспроизводства общественного капитала движутся и развиваются основные противоречия капиталистической системы. Эту задачу блестяще выполнил Маркс во II томе «Капитала». Ленин в полемике с легальными «марксистами» и народниками чрезвычайно резко подчеркивал и обстоятельно развил именно эту решающую сторону марксовской теории воспроизводства.

Опровергая представление о равновесии между I и II подразделениями общественного производства, он писал: «В развитии этих двух отделов капиталистической продукции не только не обязательна, следовательно, равномерность, а, напротив, неизбежна неравномерность»². Противоречие этих подразделений есть конкретное выражение основного противоречия капитализма — между общественным характером производства и частным присвоением. Схемы II тома выражают классовую структуру и классовые противоречия капиталистического общества. Именно поэтому Ленин говорил, что «различение постоянного и переменного капиталов безусловно необходимо для теории реализации» (там же). Необходимость этого различения обусловливается прежде всего тем, что продукты, возмещающие переменный капитал, производятся II подразделением, в то время как II подразделение производит постоянный капитал общества. Уже это одно определяет классовый характер марксовской схемы и выявляет социальное содержание противоречий I и II подразделений.

Мы не собираемся разумеется подробно останавливаться на марксовской теории воспроизводства вообще. Нам этот краткий экскурс понадобился для того, чтобы показать, что суть марксова анализа не в схемах как таковых, а в вскрытии основных закономерностей и основных противоречий капиталистического воспроизводства. Схемы только иллюстрируют процесс. Марксово учение о воспроизводстве представляет величайшую теоретическую сокровищницу и потому, что дает руководящие методологические нити к анализу процесса расширенного воспроизводства и в иных общественных условиях и в частности в условиях переходной экономики. Оно прежде всего вооружает нас на борьбу с теорией равновесия. Именно поэтому т. Сталин говорил на конференции аграрников-марксистов, что достаточно вытащить из-под спуда марксову теорию воспроизводства, чтобы разгромить буржуазную теорию равновесия. Маркс показал, что всякий процесс воспроизводства есть единство процесса воспроизводства материальных элементов производства и воспроизводства определенных производственных отношений. В условиях капиталистического строя рост производительности труда выступает как рост производительности капитала, накопление капитала означает углубление противоречий между капиталистами и рабочим классом и капиталистическое воспроизводство есть в то же время воспроизводство капиталистических производственных отношений.

Учение Маркса об единстве воспроизводства материальных элемен-

² Ленин, т. II, стр. 180.

тов и общественных отношений должно быть положено в основу и при изучении особенностей воспроизводства в СССР. Ленинское учение об экономическом фундаменте социалистической экономики представляет собой блестящий образец применения этого положения к условиям воспроизводства в переходный период. «Социализм, — писал Ленин, — есть уничтожение классов. Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех работниками. Этого нельзя сделать сразу. Это — задача несравненно более трудная и, в силу необходимости, длительная. Это — задача, которую нельзя решить только свержением какого бы то ни было класса. Ее можно решить только организованной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного, обособленного мелкого товарного хозяйства к обобществленному крупному хозяйству» (Ленин, Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата). Социалистическая переделка мелкого товаропроизводителя, выкорчевывание корней капитализма в деревне предполагает социалистическую индустриализацию страны. Именно поэтому Ленин говорил о том, что «создать экономическую базу социализма — значит создать крупную промышленность, способную реорганизовать и земледелие». Ленинский план электрификации в единстве с ленинским кооперативным планом и представляет собой единство воспроизводства материальных элементов и расширенного воспроизводства социалистических производственных отношений в нашей экономике. Эти ленинские положения были положены партией в основу при выработке пятилетнего плана.

Доклад т. Сталина на январском пленуме ЦК ВКП(б) четко характеризует основные линии воспроизводственного процесса в СССР. Характеризуя задачи пятилетки, он говорил, что «основная задача пятилетки состояла в том, чтобы создать в нашей стране такую индустрию, которая была бы способна перевооружить и реорганизовать не только промышленность в целом, но и транспорт, но и сельское хозяйство на базе социализма.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы перевести мелкое и раздробленное сельское хозяйство на рельсы крупного коллективного хозяйства, обеспечить тем самым экономическую базу социализма в деревне и ликвидировать таким образом возможность восстановления капитализма в СССР» (Итоги первой пятилетки).

Эти положения т. Сталина, представляющие собой конкретизацию и развитие ленинского учения о путях построения экономической базы социализма и путях уничтожения классов, должны соответствующим образом ориентировать научную мысль в области разработки проблемы воспроизводства в СССР. Если при анализе воспроизводственного процесса при капитализме центральным является вопрос — как возмещается общественный продукт как по стоимости, так и по своему материальному выражению, как реализуется стоимость и прибавочная стоимость (а ведь именно этот пункт был камнем преткновения для всей домарксовской политической экономии), как развиваются, ширятся и углубляются основные противоречия капитализма, то при анализе воспроизводства у нас центральным является вопрос, как создается собственная база технической реконструкции народного хозяйства, как на основе роста социалистической промышленности создается фонд накопления, как преимущества советской системы позволяют достигать невиданных темпов прироста продук-

ции, какие классовые отношения складываются на основе расширенного воспроизводства социалистических отношений, как разрешается основная трудность пролетарской диктатуры — социальная разнотипность промышленности и сельского хозяйства и как наконец, преодолевается товарно-капиталистическая тенденция крестьянства и вытесняются капиталистические элементы и из промышленности и из сельского хозяйства. Проблема реализации в узком смысле слова у нас ставится принципиально иначе, чем при капитализме, и во всяком случае не является центральной. Если при капитализме равенство $I v + m$ ко $II c$, а при расширенном воспроизводстве

$$I v + \frac{m}{2} + D v = II c + s c$$

является условием пропорциональности, условием, которое осуществляется путем своего неосуществления, то в условиях переходной экономики, как и в условиях социализма, отнюдь не обязательно подобное равенство (конечно термины C , v , m , употребляется в условном смысле).

Общество само будет определять тип соотношения между отдельными отраслями, причем на отдельные периоды возможно более форсированное развитие тех или иных отраслей, возможно создание производственных резервов в определенных отраслях. Думать, что в этих условиях равенство $I v + m$ и $II c$ будет основным условием пропорциональности, значит не понимать природы воспроизводства и в переходной экономике и при социализме.

Во втором томе «Капитала» Маркс в ряде мест касается проблемы воспроизводства в социалистическом обществе и здесь он проводит ту мысль, что общество будет распределять рабочую силу и средства производства между различными отраслями труда, общество сознательно будет устанавливать пропорцию между различными отраслями, причем в ряде случаев общество может допустить неравномерность в развитии отдельных отраслей. Это в частности относится к развешиванию новых строителей, не дающих в короткий период непосредственного эффекта. Показывая специфические трудности воспроизводства при капитализме, вытекающие из роли денежного капитала, и показав, что здесь развешивание новых крупных работ определяется мобилизацией и концентрацией денежного капитала, Маркс продолжает:

«На основе общественного производства приходится определять масштаб, в котором могут производиться такие операции, которые за долгое время отвлекают рабочую силу и средства производства, не доставляя за все это время никакого продукта в виде полезного эффекта; приходится определять, в каком масштабе могут производиться эти операции, не причиняя вреда таким отраслям производства, которые постоянно или несколько раз в году не только отвлекают рабочую силу и средства производства, но и доставляют средства существования и средства производства» («Капитал», т. II, стр. 255). Более четко Маркс выражает эту мысль при анализе воспроизводства основного капитала. Полемизируя с буржуазными экономистами, которые видят основную причину кризисов, в диспропорциональности производства основного и оборотного капитала, Маркс показал, что эта диспропорциональность неизбежно возникает даже в условиях идеально-нормального воспроизводства, даже при условии простого поддержания основного капитала в силу неравномерности отмирания основного капитала по годам. В социалистическом обществе, продолжает Маркс, «этому можно было бы помочь, лишь постоянным от-

носителем перепроизводством: с одной стороны, производится основного капитала на известное количество больше, чем непосредственно необходимо, с другой стороны, и в особенности — запас сырого материала и т. д. превосходит непосредственные годовые потребности (это в особенности относится к средствам существования). Такой вид перепроизводства равнозначен контролю общества над вещественными средствами его воспроизводства» («Капитал», т. II, стр. 342). При наличии таких прямых указаний считать, что в советских условиях должно быть соблюдено равенство $I v + m$ и $II c$ — значит сознательно извращать марксизм. Тов. Спивак делает попытку опереться на известное замечание Ленина на книгу Бухарина для доказательства равенства $I v + m$ и $II c$. Такая трактовка означала бы грубейшее извращение ленинской мысли. Ленин отмечал необходимость выяснения соотношения между двумя подразделениями (плюс накопление), ибо в этом соотношении выражаются какие-то общие закономерности, подлежащие анализу теоретической экономии. В этом — смысл ленинского указания. Тот же, кто отсюда делает вывод о равенстве $I v + m$ и $II c$ как основном условии воспроизводства в переходной экономике, тот обнаруживает полное непонимание природы советской экономики вообще.

Было бы неправильно, с другой стороны, отрицать проблему возмещения вообще. Не в ней центр тяжести при анализе воспроизводства в СССР, но все же нельзя о ней забывать. Суть этой проблемы в том, чтобы показать основные линии пропорциональности в народном хозяйстве. Подобно тому как пропорциональность частей есть по существу производный момент закона развития данной экономики, — подобно этому изучение возмещения по существу есть частный момент общего анализа воспроизводства в СССР. Соотношение I и II подразделений представляет интерес прежде всего потому, что в данном случае выражается степень индустриализации страны, создание предпосылок для дальнейшего расширенного воспроизводства. Превышение $I v + m$ над $II c$ по существу представляет материальную базу расширенного производства средств производства, материальную базу индустриализации. «Для того чтобы произошел переход от простого к расширенному воспроизводству, производство подразделения I должно получить возможность создавать менее элементов постоянного капитала для II, но в той же мере более для I. Этот переход, не всегда совершающийся без затруднения, облегчается тем обстоятельством, что некоторые продукты I могут служить средствами производства в обоих подразделениях» («Капитал», т. II, стр. 363).

Надо отметить, что суммарное противопоставление I и II подразделений еще не отображает всего своеобразия процесса индустриализации у нас. Необходимо выделить такие моменты, как развитие собственного машиностроения, как освобождение от экономической зависимости и т. д. и т. п. С другой стороны, изучение проблемы возмещения в СССР требует того, чтобы, не ограничиваясь соотношением I и II подразделений, разработать ряд конкретных балансов — баланс угля, металла, тракторов и т. д. и т. п. Соотношение I и II подразделений представляет теоретический интерес и потому, что оно выражает специфический тип соотношения накопления и потребления в СССР. В условиях капитализма это соотношение выражает классовую структуру общества и в этой мере выражает антагонистический характер противоречий между производством и потреблением при капитализме. У нас нет антагонистического противоречия между накопле-

нием и потреблением. Это бесспорно. Но наличие переходной экономики, наличие классов и классовой борьбы определяет подход к разработке проблемы. Нельзя анализировать соотношение производства и потребления, отвлекаясь от классовой структуры потребления. Нельзя забывать, что доля капиталистических и паразитических элементов в потреблении в СССР падает не только относительно, но и абсолютно, что растет благосостояние рабочего класса и колхозного крестьянства. С другой стороны, особенность соотношения производства и потребления у нас означает, что рост накопления предполагает и рост численности рабочего класса и рост его благосостояния. При капитализме накопление капитала означает рост нищеты, безработицы, пауперизма рабочего класса. У нас рост социалистического накопления определяет форсированное развитие социалистической индустрии, ликвидацию безработицы, вовлечение новых слоев в производство, определяет рост благосостояния рабочего класса, создает условия для бурного подъема социалистического земледелия. Непонимание этого положения приводит ряд экономистов к принципиально неправильному противопоставлению накопления и потребления в СССР. В частности это находит выражение в тезисе, гласящем, что в некоторые годы пятилетки (1931 г.) весь прирост народного дохода ушел в накопление и фонд потребления остался без изменения или даже несколько понизился. Этот вывод находится в полном противоречии с реальной действительностью и основан на глубоко ошибочной методологии. 1931 г. ознаменовался значительными успехами в области улучшения положения рабочего класса — общая численность рабочего класса увеличилась на 4 млн. новых рабочих, значительно выросла продукция легкой промышленности, увеличилось количество товарного хлеба, проданного государству. Автор этого тезиса обошел эти факты, ибо они опровергают его вывод. Противопоставление накопления и потребления не правильно наконец и потому, что накопление включает потребление как момент. В нашей литературе совершенно правильно уже отмечалось, что совершенно неправильно потребление определять путем вычитания из народного дохода накопления. Неправомерно представлять накопление и потребление как взаимоисключающие полюсы. У нас потребление рабочего класса и рост этого потребления есть важнейший момент социалистического расширенного воспроизводства. Накопление у нас включает капитальные работы, а значительную долю последних составляет зарплата, т. е. фонд потребления строителей, монтажников и т. д. Потребление дополнительных рабочих составляет в то же время момент накопления. Забвение этих основных методологических положений приводит к глубоко ошибочным политическим выводам правооппортунистического порядка.

Общий вывод тот, что при рассмотрении процесса воспроизводства в СССР нельзя ограничиваться соотношением I и II подразделений со стороны их материально-вещественного содержания, а необходимо вскрыть классовые отношения, соотношение между секторами — в процессе расширенного воспроизводства социалистических производственных отношений. Только такой анализ может претендовать на научность. Всякая иная постановка неизбежно приводит к игре в схемы, к бессодержательным дефинициям. В статье т. Спивака мы по существу находим такого рода бессодержательную игру в схемы. Сводя проблему воспроизводства к проблеме возмещения, к проблеме равенства I v + ш и II с, автор не только воспроизвел теорию

равновесия в данном конкретном случае, но смазал действительные актуальные теоретические и политические вопросы воспроизводства в СССР. Классовая борьба и классовые сдвиги оказались начисто выхолощенными таким общим равенством, как равенство $I v + m$ и $II c$.

Статья т. Спивака является примером того, как не надо подходить к разработке баланса народного хозяйства СССР.

Тов. Сталин не случайно предупреждал против опасности сведения баланса к «игре в цифры». К сожалению, пример т. Спивака показывает, что это указание не было учтено рядом товарищей, работающих над этой проблемой. Неверно думать, что баланс должен выразить, так сказать, статистику воспроизводства,—что баланс должен отразить пропорциональность отраслей и только.

Задача баланса в том, чтобы показать на конкретном материале основные линии воспроизводства у нас. Это значит, что баланс должен отразить индустриализацию страны, причем отразить не в обезличенных общих и средних показателях, смазывающих действительные достижения в народном хозяйстве, а показать все технические и социальные сдвиги, показать возникновение новых отраслей, показать освобождение от иностранной зависимости, показать «вытеснение до конца капиталистических элементов из промышленности». Баланс должен показать классовые сдвиги в нашей экономике, должен отразить соотношение между секторами, должен отразить разрешение проблемы «кто — кого» и в промышленности и в сельском хозяйстве — должен показать динамику производительности труда и в промышленности и в сельском хозяйстве. Баланс наконец должен вскрыть взаимосвязь отраслей народного хозяйства: отразить процессы технического перевооружения сельского хозяйства социалистической индустрией, с одной стороны, рост товарности и укрепления сырьевой базы для промышленности — с другой, должен отразить взаимосвязь отдельных отраслей промышленности и тем самым выявить относительную пропорциональность, присущую нашей экономике, и нащупать узкие места и пути их преодоления. Только в том случае, если баланс отразит все эти моменты, он даст реальную картину воспроизводства в СССР и не будет «игрой в цифры». Баланс народного хозяйства за 1923/24 г., изданный ЦСУ в 1926 г., представляет пример формалистического механистического подхода к балансу. Стоя на антимарксистских позициях теории равновесия, авторы баланса хотели показать, как осуществляется равновесие в народном хозяйстве СССР. Вместо анализа путей развития экономики СССР они дали бессодержательные статистические таблицы, имеющие целью показать, куда девается продукт в народном хозяйстве. Вместо анализа воспроизводства получилась бухгалтерская абстрактная ведомость, из которой начисто оказались выхолощенными классовая борьба и классовые сдвиги.

Печальный опыт баланса ЦСУ должен быть полностью осознан теми, кто собирается работать над проблемами советской экономики, и одним из основных выводов должен быть вывод о недопустимости сведения проблемы воспроизводства СССР к вопросу о размещении натуральных элементов производства как таковых — без анализа структурных классовых сдвигов в нашей экономике. Этому выводу не сделал т. Спивак, и поэтому его статья представляет образец неправильного подхода к воспроизводству и балансу в СССР. Именно в этом методологический корень допущенных в статье грубых политических ошибок.

СОЦИАЛ-ФАШИСТСКИЕ ИЗВРАЩЕНИЯ „КАПИТАЛА“ МАРКСА

От редакции

Печатаемые ниже рецензии гг. Фрелиха и Шмидта представляют большой интерес, ибо они показывают, к каким «усовершенствованным» методам борьбы с марксизмом прибегают социал-фашисты. Стремясь выбить из рук борющегося пролетариата такое мощное и острое оружие, как марксизм, как работы Маркса, они сами печатают и распространяют их, фальсифицируя, притупляя их революционное значение.

Рецензируемые сокращенное и «полное» издания «Капитала» Маркса представляют такую фальсификацию.

Ренегат социал-фашист Корш, выпуская полное издание, не преминул сказать пару «юбилейных» слов по поводу предстоящего пятидесятилетия со дня смерти Маркса.

«В этом поступке (в издании «Капитала» — *Ред.*) мы руководствовались тем соображением, что «Капитал» сегодня, более чем 60 лет со времени его появления и почти 50 лет спустя после смерти его автора уже отошел в область истории».

Лучшей формой борьбы за подлинного Маркса, за это мощное оружие мировой пролетарской революции, является издание работ Маркса, подготовленных и выпускаемых Институтом Маркса — Энгельса — Ленина. Разоблачение фальсификации и выпуск подлинных работ Маркса являются одной из форм борьбы за мировую революцию.

I. Карл Маркс, Капитал. Критика политической экономии, полное издание по второму изданию 1872 г., изд. Густава Кипенхопера, Берлин, 1932 г.

В связи с громадным революционным подъемом рабочего движения Германия переживает в настоящее время беспрецедентный расцвет марксистской литературы. Германская компартия в течение 2 месяцев распространила 150 тыс. экземпляров «Коммунистического манифеста» первого издания и в течение двух недель продала еще 100 тыс. экземпляров второго издания. Буржуазные издатели чувят, что это — выгодное дело, и начинают распространять работы Маркса. Но распространение работ основателя научного социализма и пролетарского революционера — это дело рискованное. Поэтому они привлекают социал-демократов, в особенности «левых», для «редактирования» Маркса. Чтобы задушить стачки, объявление которых они не в состоянии предотвратить, социал-демократы становятся во главе их. Точно так же они берутся и за «редактирование» изданий Маркса,

чтобы фальсифицировать их сущность и превратить Маркса в социал-фашиста.

В последнее время в Германии появились различные буржуазно-социал-демократические издания «Капитала». По популярному изданию Каутского выпущены теперь сокращенное издание, подготовленное сыном Каутского Бенедиктом Каутским, выдержки Розенберга из «Капитала» и полное издание «Капитала» под редакцией Корша. Тот факт, что А¹ взял на себя распространение издания Корша и реализовал несколько десятков тысяч экземпляров, что «Капитал» издается так называемым либеральным, самостоятельным издательством Кипенхойера, которое в настоящее время принадлежит реакционной банковской группе, придает этому изданию особое значение.

Прежде чем перейти к сущности воспроизведения «Капитала» в издании Кипенхойера, рассмотрим введение Корша.

Касаясь марксова метода исследования, Корш пишет, что было бы «неописуемым опозланием марксовой теории, если бы хотели ей подsunуть, будто она считает экономический закон движения и развития современного общества производным от сферы производства и непосредственно вытекающим исключительно из этой сферы противоречий и борьбы, не принимая во внимание явлений процесса обращения и новых образований, создающихся в процессе обращения в целом.

Действительное разрешение этой проблемы состоит в том, что Маркс в I томе «Капитала» лишь формально ограничивает свое исследование процессом производства капитала, фактически же в этом томе он изложил капиталистический способ производства и вытекающее из него буржуазное общество в целом со всеми экономическими и, даже больше того, со всеми юридическими, политическими, религиозными, художественными или философскими, короче идеологическими формами проявления как одно целое. Это неизбежное следствие диалектического способа изложения, «который Маркс, несмотря на то, что он диалектику Гегеля «поставил на ноги», формально, почти без изменений перенял из гегелевской философии; этот способ изложения, который в этом отношении, аналогично современному аксиоматическому методу математических естественных наук при детальном исследовании, дедуктивно задним числом выводит освоенный материал из определенных простых понятий при помощи кажущегося логически конструктивного приема. Здесь не место судить о преимуществах или недочетах этого диалектического способа изложения в политической экономии»².

Тот факт, что Маркс как материалист-диалектик исходил из производства, для того чтобы вывести законы обращения из законов производства, здесь, как подобает идеалистам, замазывается. То общее, что имеет марксова диалектика с диалектикой Гегеля, и то, что ее отделяет от последней, точно так же замазывается в пользу идеалистической диалектики. Марксов метод ложно сравнивается с аксиоматическим методом совре-

¹ Всеобщий германский союз профсоюзов, его вожди принадлежат к правому крылу германской социал-демократии.

² Карл Корш, Введение к «Капиталу», стр. 12; разрядка моя — Г. Ф.

менной математики и штемпелюется как дедуктивный метод. В действительности же оба метода противоположны друг другу. Энгельс как раз и упрекает современных математиков в том, что они забыли о земном происхождении своих аксиом и оперируют ими, оторвавшись от действительности, что они (математики) являются все дедуктивистами. Он пишет в «Анти-Дюринге»³:

«Они забывают, что вся так называемая чистая математика занимается абстракциями, что все ее величины, строго говоря, мнимые величины и что все абстракции, доведенные до крайности, превращаются в бессмыслицу или в свою противоположность».

В другом месте⁴ Энгельс высказывается так же резко против всех индуктивистов:

«Никакая индукция в свете никогда не помогла бы нам уяснить себе процесс индукции. Это мог сделать только анализ этого процесса. Индукция и дедукция связаны между собой столь же необходимым образом, как синтез и анализ. Вместо того чтобы превозносить одну из них до небес за счет другой, лучше стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если иметь в виду их связь между собой и их взаимное дополнение друг другом. По мнению индуктивистов, индукция является непогрешимым методом. Это настолько неверно, что ее якобы надежнейшие результаты ежедневно опровергаются новыми открытиями».

Маркс в полном согласии с Энгельсом описал в предисловии ко второму изданию «Капитала» свой способ изложения и исследования:

«Конечно способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изложено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получить свое идеальное отражение, то на первый взгляд может показаться, что перед нами априорная конструкция»⁵.

Корш заявляет, что здесь не приходится «судить о преимуществах или недочетах этого диалектического способа изложения в политической экономии». Это — трусливое, скрытое нападение на марксов способ исследования и изложения и тем самым на главный труд Маркса «Капитал». Корш обязан высказать ясное, определенное суждение не по вопросу о «преимуществах или недочетах» марксова метода, а о его правильности или неправильности. Но Корш, подобно всем современным вульгарным экономистам, сам является приверженцем односторонней индукции. Неспособность современной вульгарной политической экономии проникнуть через внешние проявления капитализма в законы его движения сочетается с ее обязанью познания и разоблачения исторического, переходящего характера капитализма, вскрываемого законами движения последнего.

Разве нет возможности проверить правильность или неправильность марксовой политической экономии? Таковую возможность предоставляет нам история.

³ Гиз, 1930 г., стр. 328.

⁴ «Диалектика природы», Гиз, 1931 г., стр. 40.

⁵ «Капитал», Гиз, 1930 г., стр. X.

Со времени появления I тома «Капитала» прошло 65 лет. Подтвердилась ли правильность исследованных Марксом законов движения капиталистического производства? Какой приговор вынесла история? Каких результатов достигли Ленин и большевистская партия в применении марксова учения к империализму, высшей фазе капитализма? Каких результатов добился прежний реформизм, сегодняшний социал-фашизм в капиталистических странах и чего достигла большевистская партия в Советском союзе? Только враги марксизма, которые закрывают себе бумажками исторический горизонт, могут обойти этот вопрос, могут игнорировать приговор истории о правильности марксова учения.

«Маркс хотел изобразить «развитие экономической формации общества» как «естественно-исторический процесс».

Удалось ли принципиально материалистическому исследователю истории и общества Марксу выполнить эту великую и смелую задачу и в какой степени она выполнена — это можно будет лишь тогда решить, когда наступит время, когда мы услышим не только «предупреждения так называемого общественного мнения» за и против марксовой теории, но и мнение подлинно «научной критики». При теперешнем положении вещей это время еще за горами»⁶.

Вместо настоящего решительного приговора истории, выступает бумажная критика. Когда же можно будет установить правильность марксова учения? Это «еще за горами». В этом отношении пролетариат может быть вполне спокоен, социал-фашисты охраняют марксову теорию в своих запыленных архивных шкафах и через несколько десятков лет дадут «подлинно» научную критику правильности или неправильности этой теории.

Карл Корш разбирает главное произведение марксизма, кульминационным пунктом которого является лозунг «экспроприация экспроприаторов», не затрагивая вопроса о пролетарской революции, диктатуре пролетариата, социализации, вступлении Советского союза в период социализма. Социал-демократы не могут поставить этого вопроса, не признавая в то же время своего многолетнего, все возрастающего предательства рабочего класса. Именно поэтому они вынуждены сфальсифицировать «Капитал», прежде чем преподнести его пролетарскому читателю.

«Капитал» — это образец диалектического материализма. В нем раскрывается революционная сущность марксовой диалектики, которая ведет к известному во всем мире лозунгу «экспроприация экспроприаторов». Корш не был бы социал-фашистом, если бы не попытался замазать именно эту решающую, существенную черту марксовой диалектики, превратив ее в пустой звук. Он пишет:

«Наконец с этим «диалектическим» способом изложения «Капитала» связано прежде всего с трудом понимаемое непосвященным в диалектику читателем (следовательно фактически преобладающим большинством нынешних читателей, несмотря на уровень их образования в другой области) употребление Марксом в «Капитале», как и в других его произведениях, понятия и принципа «противоречия» и в особенности «противоречия» между так называемой «сущностью» и так называемым «проявлением».

⁶ Карл Корш, Введение к «Капиталу»; разрядка автора.

«Всякая наука была бы излишней, если бы проявление и сущность вещей непосредственно совпадали». К этому основному положению марксовой науки читателю «Капитала» необходимо будет привыкнуть, точно так же как и к довольно часто встречающемуся в «Капитале» замечанию, что какое-либо «противоречие» обнаруживается в изложенном понятии или законе или формуле, например в понятии «переменный капитал». Но это относится не к употреблению всего понятия, а лишь «выражает противоречие, имманентное капиталистическому производству» (стр. 213). Во многих таких случаях более подробный анализ показывает, как и сам Маркс говорит в приведенном выше примере о «переменном капитале», что это мнимое «противоречие» в действительности как таковое совершенно не существует, а лишь иллюзорно создается символически сокращенным, либо по другим причинам неясным способом выражения. Там, где невозможно столь простое устранение противоречия, антидиалектическому противнику противоречий не остается ничего другого как найти утешение в изречении Гете, о котором Меринг упоминает в своем интересном очерке о марксовом стиле:

«Не запрещайте мне пользоваться аналогиями, в противном случае я не сумею изъясняться».

В действительности «диалектический метод», применяемый Марксом во многих важных местах его произведений, сводится к тому, что он изображает в виде «противоречий» (разрядка Корша — Г. Ф.) противоположность между действительным общественным бытием и сознанием его носителя, отношение между глубоко лежащей тенденцией и ее «противотенденциями», сначала уравнивающими ее, а затем в процессе исторического развития даже более чем уравнивающими ее. Он изображал даже реальные конфликты борющихся общественных классов в виде противоречий. Во всех случаях он изображает характер и значение не банальной аналогии (разрядка Корша — Г. Ф.), а аналогии, разъясняющей глубокую связь явлений. То же самое относится и к другому диалектическому понятию, которое встречается в «Капитале» менее часто, но в решающе важных местах (например на стр. 298, 464, 538 и 720 этого издания), а именно превращение количества в качество или переход понятия, вещи или отношения в свою (диалектическую) противоположность».

Корш ставит выражение «диалектический» в кавычки, ибо марксова диалектика представляется ему не в виде настоящей правильной диалектики. Она для него слишком революционна. Необходимо лишить ее революционного содержания. И эту трудную задачу взял на себя Корш. Он изображает марксову диалектику как простую игру слов. Противоречия «Капитала» на бумаге не соответствуют противоречиям фактически существующего капитала. По мнению Корша, противоречия в марксовом «Капитале» являются лишь «мнимыми» противоречиями, которые в действительности как таковые совершенно не существуют. Они только иллюзорно создаются «символически сокращенным или по другим причинам неясным способом выражения». Марксова диалектика — это только «искусный прием». Противоречия имеются только в аналогии, т. е. лишь кажется, что они имеются, они на них походят, но в действительности их нет.

И так как, по мнению Корша, «преобладающее большинство всех нынешних читателей... не посвящено в диалектику, он не собирается доказать им правильность и всеобщую значимость диалектического материализма, а советует им «привыкнуть» к этим «капризам» Маркса, «утешиться», раз Маркс так охотно говорит «аналогиями»

Интересно ознакомиться с примером, который Корш приводит, чтобы обнаружить характер «видимости» капиталистических противоречий, а именно с примером, приводимым самим Марксом. Речь идет о VII главе «Капитала» — «Норма прибавочной стоимости. Степень эксплуатации рабочей силы». Там сказано:

«Результатом является воспроизводство плюс приращение. С точки зрения капиталистического производства весь этот процесс есть самодвижение превращенной в рабочую силу первоначально постоянной стоимости. Последней приписывается весь процесс и его результат. Поэтому если формула 90 ф. ст. переменного капитала, или самовозрастающая стоимость, представляется чем-то противоречивым, то она лишь выражает противоречие, имманентное капиталистическому производству»⁷.

По этому поводу Корш пишет:

«В отношении приведенного выше примера о переменном капитале сам Маркс сказал, что мнимое «противоречие» в действительности как таковое не существует».

Маркс призывается в свидетели, чтобы подтвердить, что эксплуатация рабочего капиталистом не представляет противоречия, т. е., что эксплуатация не существует. Только что Корш приводил цитату из «Капитала» о том, что капиталистическая эксплуатация представляет имманентное капиталистическому производству противоречие, четырьмя строчками ниже Корш превращает «имманентное» противоречие в «мнимое». Неизвестно, чему собственно нужно удивляться — наглости и бессовестности Корша или его глупости.

Устранив диалектический материализм из «Капитала» — по крайней мере из своего предисловия, — Корш принимается за разрушение всей стройки и начинает с фундамента, с марксова учения о стоимости.

Как известно, Маркс рекомендовал жене своего друга Кугельмана, которая не обладала экономическими познаниями, читать в «Капитале» прежде всего главы VIII, XI — XIII и XXIV (Рабочий день, Кооперация, Разделение труда и мануфактура, Машинны и крупная промышленность. Так называемое первоначальное накопление). Корш считает эту последовательность неподходящей.

«Поэтому мы по нашему собственному разумению порекомендуем неопытному читателю другой путь вместо рецепта, который Маркс — платя небольшую дань предупреждениям своей эпохи — в упомянутом письме, так сказать, предписал «дамам». Следуя по этому пути, читатель может быть уверен, что он полностью овладеет теорией капитала в такой же мере, если да же не лучше, чем начиная с более трудных первых глав»⁸.

И Корш рекомендует начать с V главы — «Процесс труда и процесс увеличения стоимости», ибо в этой главе читатель не найдет, как в предшествующих главах, «собственно лишнюю искусство»

⁷ «Капитал», т. I, Гиз, 130 г., стр. 148.

⁸ Карл Корш, Введение к «Капиталу», стр. 14.

венность формы изложения», а «осязательную действительность». Затем рекомендуется беглый просмотр VI и VII глав, после этого ознакомление с VIII главой и т. д. Мы не намерены вдаваться здесь в разбор целого ряда коршевских предложений. Характерна борьба Корша или его непонимание исходного пункта капитала — товара и труда, производящего товар. На следующей странице Корш пишет о различии «форм стоимости, или меновой стоимости», «в которой в сущности дело сводится к хитросплетениям» (разрядка моя — Г. Ф.).

Итак, против «оппортуниста» Карла Маркса, который, «платя небольшую дань предубеждению своей эпохи», «так сказать», дает советы «дамам», выступает профессор Корш, который когда-то хотел занимать «более левые» позиции, чем «левый» Маслов, но очутился у самых правых социал-фашистов, вождей и реакционеров банковского консорциума, по приказу которых он должен извращать «Капитал».

Маскируясь под неотесанного пролетария, он пропускает часть «Капитала», излагающую форму стоимости с ее «лишней искусственностью формы изложения» и с ее «хитросплетениями». Корш не понял, что логическое развитие формы стоимости соответствует историческому «развитию» и подтверждается последним. Пытаясь как «левый» осмеять хитросплетения Маркса, Корш, обнаруживает лишь свой неисторический ум, свою вульгарность, свой полный отказ от диалектического материализма. И здесь сочетаются неспособность и прямая фальсификация Маркса. Корш ставит в кавычки слова «в сущности дело сводится к хитросплетениям», как будто бы сам Маркс считал свое изложение формы стоимости хитросплетениями. Что же в действительности пишет Маркс?

«Форма стоимости, получающая свой законченный вид в денежной форме, очень бессодержательна и проста. И тем не менее ум человеческий тщетно пытался постигнуть ее в течение более чем 2 000 лет, в то время как анализ гораздо более содержательных и сложных форм ему удался, по крайней мере приблизительно. Почему так? Потому что развитое тело легче изучать, чем клеточку тела. К тому же при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должно заменить сила абстракции. Но товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара, есть форма экономической клеточки для буржуазного общества. Для непосвященного анализ ее покажется просто рядом хитросплетений и мелочей. И это действительно мелочи, но мелочи такого рода, с какими имеет дело например микроскопическая анатомия»⁹.

Корш принадлежит к числу этих «непосвященных», его единственное образование состоит в способности фальсифицировать Маркса по приказу его работодателей — банковских господ.

После того как Корш в роли конферансье на свой манер и лад преподносит «Капитал» как произведение, революционные слова которого следует рассматривать лишь как игру понятиями, которые следует понимать механистически и идеалистически, а не диалектически и материалистически, он пытается представить сам «Капитал» как реформистское, вульгарное экономическое произведение.

Издательство расхваливает издание как «полное» издание. Это явная ложь. В тексте имеются изменения и сокращения. Примечания

⁹ «Капитал», т. I, Гиз, 1930 г., стр. XXXI—XXXII.

самым позорным образом выброшены или искажены, несмотря на то, что ни в каком произведении примечания не имеют столь важного значения и столь тесной связи с текстом, какую они имеют именно в «Капитале». В одной только главе «Товар» на 46 страницах издания Корша целиком пропущены следующие примечания (я привожу нумерацию издания Энгельса): 4, 10, 13, 16, 19, 11, 36.

Примечания 17а, 23, 31, 32, 33, 34 и 35 воспроизведены в значительно сокращенном виде. Мы не останавливаемся на примечаниях, в которых произведены более мелкие изменения и пропуски.

Для того чтобы скрыть недостающие примечания, Корш переносит некоторые места из марксова текста в примечания (например примечание 17 в его издании) и дает главам новую, отличную от марксовой нумерацию.

Чем объяснить эти многочисленные сокращения? Недостатком места? Непониманием значимости пропущенных мест? Просто небрежностью?

Проявляемая Коршем бесцеремонность в отношении марксова текста выдает ренегата. Каждый истинный марксист подготовил бы к печати с величайшей тщательностью и добросовестностью произведения Маркса и в особенности его главное произведение, одно из самых мощных произведений мировой истории.

Но было бы ошибкой предполагать, что сделанные сокращения объясняются только бесцеремонным отношением к подлинному тексту. Почему Корш берет в основу второе немецкое издание?

«В этом поступке мы руководствовались тем соображением, что «Капитал» сегодня, более чем 60 лет со времени его появления, почти 50 лет спустя после смерти его автора, уже отошел в область истории» (разрядка моя.—Г. Ф.).

После нескольких лицемерных фраз о характере «Капитала» Корш продолжает:

«Но сегодня «Капитал» имеет совсем другое действие, чем сорок или даже 20 лет назад. Поэтому сегодня например не имеет больше никакого смысла «приспособлять» по возможности больше первоначальный текст «Капитала» Маркса в каком-либо пункте к новым фактам, выступившим лишь в более позднем развитии»¹⁰.

По этому же принципу Корш извратил примечание. Он пишет:

«Те же принципиальные соображения относятся и к трактовке примечаний, которыми, как известно, изобилует «Капитал». Они короткие или длинные, а иногда занимают несколько страниц. Вследствие этого пришлось прежде всего принципиально выделить из этих примечаний все замечания, которыми впоследствии был дополнен первоначальный текст и которые указывают на более поздние, изменившиеся отношения. Эти замечания в их теперешней форме или излишни или уже недостаточны»¹¹.

Социал-фашистское «возрождение Маркса» — это «левый» маневр обмана, это составная часть социалистической теории и тактики. Социал-демократы издают величайший труд революционера Маркса для того, чтобы замазать и скрыть его революционное содержание, пытаясь превратить его в мертвый, покрытый пылью чисто теоретический бумажный труд, не имеющий никакой связи с практикой и уже «принадлежащий истории» или древней истории.

¹⁰ Карл Корш, Введение к «Капиталу», стр. 28; разрядка моя.

¹¹ Там же, стр. 29.

Однако у г-на Корша еще достаточно порядочности, чтобы признать, что в «Капитале» имеется и несколько актуальных мест. К последним он причисляет в первую очередь те места, в которых Маркс выступает против вульгарной политической экономии. Вот эти замечания:

«Для понимания текста... абсолютно ненужная, спорная полемика с современной «вульгарной политической экономией». Из всего этого научного аппарата можно было бы без ущерба выбросить большую часть»¹².

Значительная часть полемики Маркса — это обычная критика в школьном духе. Это имеет место во всех случаях, когда Маркс доставляет себе и своим читателям удовольствие, разбивая в пух и прах с точки зрения научного превосходства мнимые научные теоретические уклонения одного ученого, принадлежащего к более позднему, послеклассическому периоду буржуазной политической экономии.

Так, критика Маркса «теории воздержания» Сениора принадлежит к занимательнейшим отделам «Капитала». Но, несмотря на это, все эти части, строго говоря, не составляют основного содержания «Капитала»¹³.

Корш не осмелился выбросить критику Маркса «теории воздержания» Сениора, ибо, к сожалению, она не приведена в примечании. У господ социал-фашистов болит спина от ударов, которыми Маркс наградил их предшественников, прежних вульгарных экономистов; в «теории воздержания» каждый рабочий видит прообраз социал-демократической агитации за капиталистическую рационализацию. В те времена социал-демократы предсказывали рабочим освобождение от нищеты, если капиталисты и рабочие совместно будут практиковать воздержание и будут накапливать. Во всяком случае это воздержание для капиталистов — лишь воздержание в кавычках, для рабочих же, напротив, — муки голода.

Конечно Корш не может привести следующей характеристики Маркса вульгарной политической экономии:

«Замечу раз навсегда, что под классической политической экономией я понимаю всю политическую экономию, которая, начиная с Петти, исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства. В противоположность ей вульгарная экономия толчется лишь в области внешних кажущихся зависимостей, все снова и снова пережевывает материал, давно уже разработанный научной политической экономией, с целью растолковать буржуазии грубейшие явления экономической жизни и, так сказать, приспособить их к домашнему обиходу буржуа. В остальном она ограничивается тем, что педантски систематизирует затасканные и самодовольные представления буржуазных деятелей о их собственном мире — лучшем из всех миров — и объявляет эти представления вечными истинами».

Поэтому он извлекает это примечание (32, I отдела) из текста и скрывает его в предметном указателе, для того чтобы «приспособить» «Капитал» к настоящему времени и воспрепятствовать разоблачению современных вульгарных экономистов социал-фашистской окраски, которые не отстают от вульгарных экономистов времен Маркса. В примечании 33 того же отдела Маркс сравнивает вульгарных экономистов с теологами. Он пишет:

¹² Карл Корш, Введение к «Капиталу», стр. 18 и 29; разрядка моя.

¹³ Там же, стр. 18 и 19; разрядка моя.

«Экономисты рассуждают удивительным образом. Для них существуют лишь два вида учреждений — искусственные и естественные. Учреждения феодализма суть искусственные учреждения, учреждения буржуазии — естественные. Они сходятся в этом отношении с теологами, которые также устанавливают два вида религий. Всякая религия, кроме той, которую они исповедуют, есть изображение человеческое, так как их собственная есть божественное откровение. Итак, была некогда история, а теперь ее больше нет».

«Центр» — коалиционный партнер германской социал-демократии, не может допустить подобной критики религии. Поэтому Корш пропускает приведенный выше текст примечания. Привожу это лишь в качестве примера. Социал-фашисты к своему великому сожалению не могут вычеркнуть весь «Капитал», что является их искренним желанием. Но они вынуждены по крайней мере у малить и сфальсифицировать критику Маркса, которая ныне более актуальна, чем когда бы то ни было, изобразить ее как «занимательную» пьесу, как драку кошек, «растерзание» противника, что, «строго говоря, не представляет основного содержания «Капитала». Но именно эта боязнь сильных ударов Маркса ярче всего показывает актуальный и действительный характер его критики вульгарных экономистов и объем фальсификации «Капитала» социал-фашистами.

Таких же громадных размеров достигает проделанное Коршем сокращение, вследствие того что он кладет в основу второе издание и принципиально не берет дополнений и изменений четвертого немецкого издания, подготовленного Энгельсом. Энгельс с добросовестностью, присущей ортодоксальному марксисту, подготовил третье и четвертое немецкие издания по устным и письменным указаниям Маркса. Согласно указаниям Маркса, предполагалось использовать французское издание «Капитала» в его существенных частях, ибо оно обладает «научной ценностью», независимо от оригинала и должно быть учтено даже теми читателями, которые владеют немецким языком. Болезнь и перегруженность помешали Марксу самому осуществить этот план. Факт игнорирования четвертого немецкого издания означает не только чванство по отношению к Энгельсу, родственному по духу, пожизненному сотруднику Маркса, но и игнорирование завещания Маркса, которое (игнорирование) особенно обнаруживается в кульминационном пункте «Капитала» — в отделе о накоплении. Боязнь, что при помощи «Капитала» пролетарский читатель приобретет не только трезвые познания о законах движения капитала, но что «Капитал» поможет воспитать в нем революционера, укажет ему путь к экспроприации экспроприаторов, эта боязнь заставила Корша лишить «Капитал» его самой зрелой, самой усовершенствованной формы изложения. Борьба против актуального, революционного характера «Капитала» заставила Корша обойти четвертое издание.

«Капитал» — это самое мощное и последовательное революционное произведение, потому что оно основывается на научном познании законов движения капитализма и на основе этого познания указывает пролетариату путь к его освобождению. «Капитала» — это самое мощное научное произведение, потому что он развивает свою теорию из революционной классовой борьбы, увязывает свою теорию с борьбой пролетариата, вооружая последний.

Несколько времени назад вышло популярное издание «Капита-

ла», подготовленное институтом Маркса—Энгельса—Ленина. Форма, в которой издан труд, над которым Маркс работал всю свою жизнь, отражает два мира. Для Корша—Кипенхойера издание «Капитала» является вопросом сделки, связанной с бесстыдной фальсификацией и кромсанием Маркса. Издание же института представляет работу, которая с чрезвычайной добросовестностью положила в основу подлинный текст четвертого немецкого издания. Издание института снабжено подробным безукоризненным аппаратом, который дает читателю возможность уяснить себе и изучить это произведение. Ему предпослано введение к марксизму Ленина, ибо ленинизм—это марксизм нынешней ступени капитализма, империализма. Единство революционной теории и практики выражается в том, что лишь та партия в состоянии усвоить марксову теорию и правильно воспроизвести произведения марксизма, которая ведет массы к борьбе за эту теорию, за экспроприацию экспроприаторов, за диктатуру пролетариата и которая уже победила на одной шестой земного шара и строит социализм.

Л. ФРЕЛИХ

Карл Маркс. Капитал. Критика политической экономии: избранные места с предисловием Бенедикта Каутского, Лепциг, 1929 г. 1.

В своей книге «Государство и революция» Ленин пишет:

«С учением Маркса происходит теперь то, что не раз бывало в истории с учениями революционных мыслителей и вождей угнетенных классов в их борьбе за освобождение. Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их имени для «утешения» угнетенных классов и для одурачения их, выхолащивая содержание революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его. На такой «обработке» марксизма сходятся сейчас буржуазия и оппортунисты внутри рабочего движения»².

Эти слова попадают не в бровь, а в глаз. К этого рода «обработке» Маркса принадлежит так называемое «народное издание» «Капитала» Карла Каутского с бесстыдным предисловием ко II тому; к этого рода «обработке» Маркса принадлежит и рецензируемое нами сокращенное издание, сфабрикованное под «верховным» руководством старого ренегата его сыном и выпущенное буржуазным издательством А. Кренера.

Мы не ставим здесь вопроса о том, допустимы ли вообще сокращенные издания «Капитала». Речь идет лишь о том, как это сделано. При просмотре издания господина Бенедикта Каутского тотчас же бросается в глаза, что способ, при помощи которого производятся сокращения, носит на себе печать полного пренебрежения революционной сутью великого труда Маркса. Выпущены не только отдельные главы и большие абзацы³, но также сотни мелких и мельчайших

¹ Karl Marx, Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie im Zusammenhang aus gegeben und eingeleitet von Benedikt Kautskij 1929. Kröners Taschenausgabe d. 64 и 65.

² Ленин, Собр. соч., т. XXI, стр. 467.

³ Впрочем, некоторые абзацы без всякой причины были соединены в один, что вместе с устранением красных строк еще более затрудняет ориентировку.

мест, охватывающих часто лишь 1 или 1½ строки, выпущены места, связанные с другими местами книги, указания на конкретные факты и т. д., а также определенные резкие формулировки. Эти искажения сделаны без указаний на выпущенные места. То же самое относится и к примечаниям, которые почти все отсутствуют. Обязанностью автора было бы указать на сокращения в тексте и сохранить в тексте нумерацию примечаний. Только при этих условиях можно всерьез брать сокращенное издание и сделать его действительным пособием при изучении полного издания.

Редактор знал, зачем он так затруднил проверку своих сокращений. В действительности большая часть этих сокращений является искажением текста, своего рода цензурой, чтобы удалить все, «неприемлемое» для буржуа или мещанина.

Вот один из многих примеров (подчеркнутые мной места выпущены — К. Ш.):

«Дело нисколько не изменяется от того, что рабочий осуществляет свое индивидуальное потребление ради себя самого, а не ради капиталиста. Ведь и потребление рабочего скота не перестает быть необходимым моментом процесса производства от того, что скот сам потребляет то, что он ест»⁴.

В том же томе на стр. 322 выпущены четыре строки, в которых сравнивается отношение капиталиста к рабочим с «завоевателем, покупающим товары у побежденных на их же собственные, у них же награбленные деньги».

~ На стр. 379 (669)⁵ выпущены 1½ строки, в которых идет речь с «отрезывании ушей и клеймении» безработных в XVI столетии. Таких примеров можно привести сколько угодно. Господин Бенедикт Каутский хотел несколько подстричь львиную гриву Маркса, чтобы сделать его приемлемым для салона.

Очевидным искажением являются эти «сокращения» там, где Б. Каутский пытается попросту утаить определенные, неприятные для буржуазии и социал-демократии части теории Маркса, где он критикует и клеймит капитал. Пример: на стр. 332 (538) редактор выпускает фразу, в которой говорится о роли, «которую играет прямой грабеж из фонда необходимого потребления рабочего и в образовании прибавочной стоимости, а следовательно и в образовании фонда накопления капитала». Вместе с этим исчезают 3½ страницы (стр. 535—538), где Маркс говорит: «Насильственное понижение заработной платы ниже этой стоимости (рабочей силы) играет однако слишком важную роль в практическом движении, для того чтобы хотя вкратце не остановиться на нем» (стр. 535).

Чтобы замести следы своего мошенничества, Б. Каутский выпускает также слова, отмеченные жирным шрифтом.

Все это становится понятным, если констатировать, что Маркс в выпущенных редактором строках, говорит не только о «нынешней» роли этого метода, но заявляет без всяких обиняков, что он приобретает и будет приобретать все большее значение. Цитируя одного писателя XVIII столетия, Маркс продолжает:

«Ныне (1873) благодаря конкуренции на мировом рынке, которой подверглись вследствие развития капиталистического способа произ-

⁴ «Народное издание», т. I, стр. 508 (Volksausgabe, B. I, S. 508). Сокращенное издание, т. I, стр. 316 (gekürzte Ausgabe, B. I, Z. 316).

⁵ В дальнейшем обычные указания страниц относятся к сокращенному изданию, а поставленные в скобки — к так называемому «Народному изданию».

водства рабочие на всем земном шаре, мы значительно подвинулись в этом вопросе. Ныне речь идет уже не о понижении английской заработной платы до уровня европейского континента, а о понижении европейского уровня в более или менее отдаленном будущем до китайского уровня. Такова перспектива» (стр. 536).

Здесь мы имеем значительную часть «теории обнищания» Маркса, выпущенную господином Б. Каутским без указания хотя бы на ее содержание⁶. В этом же месте Маркс указывает на описание домашней промышленности в XIII главе и на другие части этого отдела. Все эти места выпущены.

Такой же обработке подверглась глава «Рабочий день». Известный раздел «Фабрикант и боярин» и само это «оскорбительное» заглавие выпадают. Выпущены разделы III и IV, в которых обсуждаются конкретные формы эксплуатации наемного труда, а разделы V и VII, посвященные борьбе за нормальный рабочий день, «слиты вместе». Но как! Не будем уж говорить о том, что выброшены все места, содержащие иронические замечания и уничтожающие обвинения по адресу парламентаризма⁷. Редактор приводит только описание борьбы в Англии (в искаженном виде!), где реформа проводится парламентским путем; утаивает те места, где Маркс говорит о парижском июньском восстании, о том, что «введение нормального рабочего дня есть продукт продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом», что английские фабричные рабочие «являются профессиональными борцами современного рабочего класса вообще», что «французский революционный метод имеет свои особые преимущества»; те места, где Маркс упоминает о провозглашении I Интернационалом восьмичасового рабочего дня и т. д. (см. стр. 196, а также 245 и след.).

Далее, отсутствует весь материал относительно женского и детского труда (стр. 252), относительно эксплуатации английского рабочего класса (XXIII глава, V раздел) и относительно ужасов колониальной политики (стр. 384). Наводящий ужас фактический материал раздела «Кровавое законодательство против экспропрированных, начиная с конца XI столетия» (стр. 377), господин Бенедикт Каутский заменяет лицемерной фразой:

«Здесь следует краткое изложение соответствующего (!) английского законодательства с 1530 г. до конца XVIII столетия».

Уже приведенные примеры показывают, что вообще было бы глубоким заблуждением искать в рецензируемой нами «работе» серьезный опыт популяризации «Капитала» и ограничиваться выражением сожаления по поводу недостатка научной точности, пиетета, вкуса, по поводу слишком «свирепых», слишком далеко идущих сокращений⁸. В действительности мы имеем перед собой опыт тенденциозного искажения и сознательной фальсификации Маркса в интересах буржуазии и социал-демократии. Было бы смешно вдаваться в дискуссию с господином Б. Каутским относительно «принципов» его сокращений. Эти принципы являются хорошо известной теорией ренегатов марксизма. Но так как часть коммунистической литературы дала мазне Б. Каутского совершенно неудовле-

⁶ Другое место (стр. 206 (263), где Маркс говорит о важной роли, «которую играет этот метод в действительном движении заработной платы», Б. Каутский дает измененным в причетании, где он пишет, что он «может оказаться важным».

⁷ Это относится вообще ко всем главам к стр. 196 (243), 280 (435) 379, (671) и т. д.

⁸ См. д-р. Гермен Дункер, Новое издание «Капитала» Маркса, Internationale Presse Korrespondent, Berlin, 1929, N 113.

творительный отпор и так как вследствие отсутствия дешевого издания «Капитала» многие рабочие вынуждены пользоваться изданием Каутского, — здесь следует дать его детальную критику.

Возьмем I том. Здесь между прочим выпущены из VIII главы разделы III, IV (сильно сжаты V, VII); из XIII главы подразделения III, IV и IX; целиком выпущены XV, XVI и XX главы; из XXII главы разделы II и IV; из XXIII главы раздел V и т. д.

Если приглядеться внимательно к этим выпущенным местам (например к списку выпущенных глав в конце II тома рецензируемого издания), можно убедиться, что на $\frac{9}{10}$ в них обсуждаются положение и роль пролетариата. Относительно этих мест редактор замечает в своем предисловии, что «как ни характерны эти и исторические примеры и экскурсы(!) в «Капитале», как ни оживляют они изложение», должен быть выпущен «к сожалению и исторический материал» (стр. VIII) ввиду необходимости (слушайте!) сохранения связи теоретического хода мыслей (стр. IX). Следовательно Б. Каутский выбрасывает эти разделы, которые на базе прежде развитых экономических законов дают конкретный анализ положения пролетариата, его отдельных слоев, влияния капитала на этот класс и обратного влияния роли пролетарской классовой борьбы и т. д., выбрасывает их не только потому, что они представляют лишь «исторический материал», лишь «экскурсы», т. е. уклонения от самой темы, но и потому, что они нарушают даже «связь теоретического хода мыслей». Еще замечательнее выражено это в оповещении издательства, к которому, надо полагать, и редактор не совсем непричастен, а именно что выпущены только такие места исторического или специального содержания, которые представляют интерес лишь для специалиста политика-экономиста, но не представляют интереса с точки зрения развития хода мыслей. Каутский определенно подчеркивает: «Эта связь является основной мыслью выпускаемого издания» (стр. IX).

Между этой «основной мыслью» господина Б. Каутского и основной мыслью «Капитала» Маркса зияет пропасть. В действительности конечно главы относительно роли пролетариата являются не просто историческим материалом и тем менее уклонениями, они не нарушают теоретического хода мыслей, а являются его основой и результатом. Конкретный анализ положения и роли пролетариата как класса, призванного к свержению капитализма, является центральным, главным пунктом учения Маркса, той сутью его учения, которая характеризует марксизм как революционную теорию.

Но господин Каутский хочет совершенно по-иному подстричь Маркса: Маркс должен быть водворен в Валгаллу Крэнера в карманном формате в качестве «классика» наряду с Ницше и Спенсером, Киркегаардом и евангелиями. Он должен стать просто крупным экономистом, доступным для понимания каждого образованного филистера. Поэтому господин Б. Каутский и прилагает все старания, чтобы выкроить из «Капитала» «чистую экономию», соответствующую произведениям буржуазных экономистов.

Описываемые и анализируемые Марксом факты — «жесткая вещь», следовательно долой их.

Положение пролетариата? Это не относится туда, где следует говорить об общих экономических законах, — следовательно долой и это!

Так в полном смысле этого слова кастрируется «Капитал» Маркса.

Ленин показал, что революционная сторона марксовой диалектики заключается как раз в ее конкретности. Ведь «Капитал» действительно

конкретен не только в смысле принятия во внимание фактов при установлении общих законов, но и в смысле конкретной теории. В нем дается не только развитие основных законов движения капитала. Маркс указывает также то «историческое место», исходя из которого он рассматривает общее развитие капитализма. Безусловно Маркс имеет в виду будущее, когда например в разделе об исторической тенденции накопления капитала говорит о «пункте», отправляясь от которого капиталистическая монополия становится оковами для способа производства, «который расцвел вместе с ним и под ним». И это настолько правильно, что сейчас, говоря о настоящем, мы уже имеем дело не с простым «пунктом» на горизонте, а с огромной исторической эпохой, в центре которой мы находимся. Эта конкретность «Капитала» имела непосредственное революционное значение не только в свое время, для той эпохи, в которую он был написан, но и в настоящее время она является незаменимым исходным пунктом для правильного понимания как развитых Марксом основных законов общего развития капитала, так и конкретной марксистской теории современного монополистического и умирающего капитализма. Б. Каутский конечно этого не понимает, он не смеет этого понять. Тщательно выхолащивая революционную суть произведения Маркса, вычеркивая сотни мест, в которых имеются ссылки на факты тогдашней действительности, пытаясь превратить конкретную теорию Маркса в теорию «вне времени» (это удастся ему лишь отчасти), которая абстрактно парит над вещами, «предсказывая» будущий конец капитализма, он в действительности притупляет ее революционное острие, пытается превратить ее в заурядную политэкономию. Как было уже сказано, это удастся ему лишь отчасти.

Дальнейшей жертвой Б. Каутского оказались многие места в тексте и примечаниях, где Маркс критикует буржуазную экономию, тем самым нанося удары и многим из новейших теорий нынешней социал-демократии. И здесь также Б. Каутский тщательно удаляет места с особенно резкими выражениями (см. стр. 213 (270), 296 (474), 331 (531) и 336 (544)). Но он далеко выходит за пределы этого мелкобуржуазного страха перед буржуазными предрассудками читателей. В действительности он и здесь искореняет, где только возможно, полемическое, критическое содержание «Капитала». Это относится к III тому, где выброшены существенные части блестящей критики извращенных понятий агентов капитала и вульгарных экономистов (например I глава — «Кажущая роль конкуренции»).

К сожалению недостаток места не позволяет нам обстоятельнее остановиться на сокращениях во 2-й и 3-й книгах «Капитала». И здесь сокращения направлены к тому, чтобы извратить Маркса. Во 2-й книге отсутствуют главы VI, VII, X, XI, XV, XIX; главы II, IV, VIII, XVI, XVIII, XX, XXI очень сильно сжаты. Из наиболее существенных отсутствуют: главы VIII и XI, где обсуждаются важные для теории кризисов вопросы накопления постоянного капитала; главы XV, IV, где Маркс разбирает высвобождение денежного капитала вследствие различий в рабочем периоде и в сроках оборота; глава XV — влияние изменения цен; глава XVII — вводная глава об обращении прибавочной стоимости и т. д.

В книге 3-й отсутствуют главы III—VIII, XI, XII, XIV, XVIII, XX, XXV—XXXVI, XXXIX—XLVII, XLIX—LII, помещены лишь отрывки из них. Из основных, наиболее существенных отсутствуют главы IV и VIII — часть сверхприбыли, главы X, XIV — «Противодействующие причины». XV глава — «Развитие внутренних противоречий закона» — совершен-

но искажена, отсутствуют заглавия разделов, но прежде всего отсутствуют важные части III раздела — «Избыток капитала при избытке населения». Совершенно искажен также VI раздел 3-й книги — о земельной ренте. Отсутствует XLV глава об абсолютной ренте, так же как и следующая — о ренте за строительные участки и за рудники. Отсутствуют также глава XLVII, а с нею и важный анализ крестьянской парцельной собственности и роли капитализма в сельском хозяйстве. При этом редактор утверждает: «Ни одно существенное звено не выпадает из этой цепи мыслей» (стр. IX).

Однако пропуском глав не ограничивается фальсификация «Капитала» Б. Каутским. Во введении мы находим «положительный» материал в виде доказательств. По тому, о чем в нем говорится, а также и по тому, о чем в нем умалчивается, ясно, что это введение является сознательной попыткой вообще скрыть от читателя революционное значение «Капитала» и марксизма. Б. Каутский отмечает например как заслугу Маркса (стр. XV) «объединение всех существенных течений его времени и применение их познаний к общественным наукам», так же как и «объединение научных познаний важнейших культурных стран в единую систему». Маркс оказывается таким образом простым эклектиком буржуазных теорий. О собственных, производящих переворот открытиях Маркса, о его указаниях на необходимость революционного ниспровержения капитализма и осуществления коммунизма пролетариатом Б. Каутский не говорит ни слова. Обманом читателя в духе социал-демократической фальсификации истории, выдумывающей «незрелого» Маркса 1848—1851 гг., которого поправляет «зрелый» Маркс «Капитала», является утверждение Б. Каутского, что в 50-х годах Маркс занимался историей революции 1848 г., а затем обратился к изучению политической экономии, «сознавая, что сперва (!) он должен как следует изучить противника, капитализм, прежде чем (!) суметь с ним бороться». Следовательно, по Б. Каутскому, Маркс свои сочинения 1848—1851 гг. писал без точного знакомства с капитализмом.

Мы оставляем в стороне многие искривления; ошибки и искажения и приступаем к изложению экономического учения Маркса Б. Каутским. Оно кишит ошибками и изумительными передержками. Рабочие названы наемными рабочими «по способу их оплаты» (!) (стр. XXVII), теорию кризисов Маркс дал «только в приложениях, а пропорциональность является основой всякой научной теории кризисов» (стр. XXXIX). Оборот капитала и различный органический состав «влечет за собой видоизменение (!) закона прибавочной стоимости» (стр. XXXIX). Прибыль, органический состав средней нормы и тенденция к падению излагаются исключительно путано и местами совершенно бессмысленно (стр. X и след.). Наконец Б. Каутский обнаруживает полное непонимание закона стоимости, стоимость же он понимает только как понятие, а не как реальный факт. В определенных производствах, говорится на стр. XII, «средняя прибыль становится выше, чем прибавочная стоимость, которая была бы произведена в них при неуклонном применении закона стоимости (!)». То же самое на стр. XXVIII, где стоимость понимается только как «понятие».

В том же духе и все дальнейшее: о законе концентрации капитала не говорится ни слова (говорится только о централизации — прошу не смеяться!), размеры производства быстро перерастают в силы индивидуума, отсюда слияние. Относительно промышленной резервной армии Б. Каутский может лишь сообщить, что она повсюду применима (!?). «Теория обнищания» Маркса, известный об-

щий закон капиталистического накопления совершенно замалчиваются.

Избранные места «Капитала» К. Маркса с предисловием Б. Каутского — это во всех отношениях сознательная фальсификация — политическая фальсификация! Лишний раз это подтверждается самим Б. Каутским во введении, где он, хотя и косвенно, высказывается по поводу актуального вопроса. Я имею в виду замечание по поводу Сисмонди на стр. 25: последний «уже тогда видел в кризисах доказательство наличия предела для беспредельного развития свободного (!) капитализма». Итак, «свободный» капитализм, по Б. Каутскому, имеет предел, а «организованный» капитализм не имеет предела!..

За последнее время буржуазные издательства все чаще выпускают специально препарированные социал-демократами и всевозможными другими «свободными» литераторами издания Маркса. К ним принадлежит с исключительной неопрятностью сфабрикованное издание «Исторический материализм» — карманной библиотеки Крэнера. Издательство возвещает об издании «Капитала», составленном ренегатами Тальгеймером, Масловым и Коршем, которое распространяется. Необходимо бдительно следить за этими маневрами буржуазии и ее лакеев на теоретическом фронте, разоблачать их перед массами и гораздо решительнее бороться с ними, чем до сих пор. Издания избранных произведений Маркса и Энгельса, подготовленное Институтом Маркса — Энгельса — Ленина, и народное издание «Капитала» явятся сильным орудием при нападении на фальсификаторов-дельцов, пытающихся исправлять Маркса в интересах буржуазии.

Карл Шмидт

М. АЗАРИН. Уничтожение противоположности между городом и деревней. Партиздат, Москва, 1932, 155 стр., ц.—1 р. 75 к.

Рецензируемая книга содержит следующие главы:

- 1) Возникновение и сущность противоположности между городом и деревней;
- 2) Марксизм-ленинизм об уничтожении противоположности между городом и деревней;
- 3) Город и деревня в СССР после Октябрьской революции и этапы уничтожения противоположности между городом и деревней;
- 4) Уничтожение противоположности между «окраинами» и «центром»;
- 5) О типах поселений при социализме.

Этому в общем удовлетворительному плану работы не соответствуют ни фактическая распланировка материала, ни полнота анализа поставленных проблем.

Центральной частью брошюры является анализ процесса уничтожения противоположности между городом и деревней в СССР в условиях реконструктивного периода.

Автор правильно трактует вопрос о решающей роли социалистической индустриализации в процессе уничтожения противоположности между городом и деревней.

Он правильно подчеркивает, что электрификация сельского хозяйства зависит от степени механизации и народного хозяйства, от дальнейшего повышения уровня развития производительных сил, от завершения механизации сельского хозяйства, и дает правильную критику «левацких» заскоков в вопросе о соотношении механизации и электрификации.

В то же время автор делает в этой основной части своей книги ряд крупных ошибок как теоретического, так и политического порядка, на чем мы остановимся ниже.

В своей книге автор чисто механистически разделил процесс подготовки условий для уничтожения противоположности между городом и деревней и самый этот процесс. Для него даже «завершение социалистической реконструкции сельского хозяйства есть в то же время процесс создания условий для уничтожения противоположности между городом и деревней» (стр. 94). В другом месте, говоря об успехах колхозного хозяйства в 1931 и 1932 гг., т. Азарин говорит: «На этой основе по-новому ставится проблема изживания противоположности между городом и деревней. Уже речь идет не только о подготовке общих условий для разрешения этой проблемы в будущем, речь идет о конкретных мероприятиях в настоящем» (стр. 74).

Такая постановка вопроса насквозь механистична. Уже Октябрьская революция своими первыми декретами кладет начало процессу уничтожения противоположности между городом и деревней и подготовки условий для полного уничтожения противоположности между городом и деревней.

Один из важнейших показателей противоположности между городом и деревней—ее положение «как подчиненной, неразвитой, беспомощной и забытой» (Л е и н)—Октябрьская революция уничтожила, подняв бедняцко-средняцкую деревню на положение союзника и опоры диктатуры пролетариата. Этот военно-политический союз являлся не только условием, но и конкретной реализацией сближения города и деревни в условиях диктатуры пролетариата. В основе этого союза лежала борьба за октябрьские завоевания.

Отметим также, что автор не уделил необходимого внимания процессам уничтожения противоположности между городом и деревней и конкретным формам, в каких это уничтожение протекало в восстановительный период.

В восстановительный период процесс развития сельского хозяйства, протекавший в характерной для советских условий специфичности, был противоречивой формой преодоления противоположности между городом и деревней. В самом деле, осереднячение деревни, продвижение бедноты в группу середняков, при политике ограничения кулачества— разве это не конкретная форма реальных процессов изживания противоположности между городом и деревней?

Тов. Азарин односторонне и поэтому неправильно ставит вопрос о противоречивом развитии процесса расслоения в восстановительный период. Тов. Азарин правильно подчеркивает однотипность мелкого товарного производства с капиталистическим, но он совершенно ничего не говорит о трудовой стороне мелкого товаропроизводителя, которая делает его отличным от капиталистического. Он забывает сказать о том, что «крестьянин как труженик тянет к социализму. . . крестьянин как продавец хлеба тянет к буржуазии» (Л е и н).

Говоря о противоречивом процессе развития сельского хозяйства в восстановительный период и могучем росте кооперированности основных масс крестьянства, автор подчеркивает одну только сторону—то, что «средняцкое мелкотоварное хозяйство» по своей сущности проявляло капиталистические тенденции, являясь по этой для роста кулачества.

У автора также нет четкости в постановке вопроса об относительном изменении экономической роли различных группировок в восстановительный период. Так, автор говорит: «... политика ограничения и вытеснения кулачества обеспечивала относительное изменение экономической роли кулака в советской деревне, при возрастающей и абсолютной роли бедняцко-средняцкого хозяйства» (стр. 63).

Совершенно очевидно, что при характеристике социально-экономических процессов в сельском хозяйстве в восстановительный период важно знать, какие группы растут или сокращаются—бедняк, середняк? Эта допущенная автором сплошная трактовка вопроса, объединение в одну кучу бедняков и середняков смазывает специфические особенности дифференциации советской деревни в восстановительный период и тем самым смазывает постановку вопроса о сближении города и деревни в восстановительный период.

Вопрос остается неосвещенным при общем категорическом утверждении автора о том, что в восстановительный период «город удовлетворял не столько производственные потребности сельского хозяйства, сколько главным образом личные потребности крестьян» (стр. 68). Автор, говоря так, не потрудился показать, что в этот период пролетарский город от производственной помощи деревни вовсе не отказывался. Достаточно взглянуть на цифры снабжения деревни машинами в восстановительный период, чтобы видеть, что и в восстановительный период город брал на себя заботу довольно широкого удовлетворения деревни средствами производства, осуществляя это в пределах своих максимальных возможностей.

Мы знаем, что к концу гражданской войны с.-х. машиностроение в Союзе пришло в состояние крайнего упадка.

В 1920 г. производство с.-х. машин и орудий снизилось на 2,8 млн. руб. Большинство заводов оказалось в положении почти полного бездействия. Но, начиная уже с 1921 г., идет неуклонный и быстрый рост советского с.-х. машиностроения.

К концу восстановительного периода (1925/26 г.) советское с.-х. машиностроение поднялось до довоенного уровня—70 млн. руб. (кроме значительно выросшего ввоза). Уже 1921 г., когда выпуск с.-х. машин выразился в 3,2 млн. руб., дал рост по отношению 1920 г. на 14%.

В восстановительный период были приняты меры к специализации заводов, к сокращению многомарочности, к унификации типов и к ряду других рационализаторских приемов. Были приняты также меры к более правильному районированию производства путем усиления роли заводов РСФСР и окраин.

Перерастание предприятий, социалистических по типу, в предприятия последовательно социалистического типа автор связывает с переходом от механизации к электрификации на базе «сплошной электрификации». «В дальнейшем,—говорит автор,—мы специально остановимся на соотношении проблем электрификации и тракторизации сельского хозяйства, проблем, которые связаны с вопросом о перерастании колхозов в предприятия последовательно социалистического типа» (стр. 79).

Дальше автор продолжает: «В процессе единой социально-технической реконструкции формы социальной реконструкции развиваются в соответствии с развитием технической реконструкции. Под этим углом зрения еще яснее становится вопрос о соотношении тракторизации, ибо этот вопрос теснейшим образом связан с проблемой перерастания колхозов в предприятия последовательно социалистического типа» (стр. 87).

И дальше: «Не очевидно ли, что вопрос о взаимном соответствии социальных и технических форм реконструкции на основании ленинской схемы решается следующим образом: мелкому хозяйству соответствует в основном старая, примитивная техническая база и энергетика в виде живой тяги; колхозам соответствует в основном машинная и тракторная техническая база... высшим социалистическим формам соединения промышленности и земледелия соответствуют всесторонняя система машин и сплошная электрификация» (стр. 88).

Эту мысль автор проводит во всей своей работе.

Постановка вопроса М. Азаринным теоретически и политически ошибочна.

Здесь вопрос о взаимном соответствии социальных и технических форм реконструкции решается механистически, под углом зрения только о материального уровня развития производительных сил, развития техники. Взаимное соответствие не рассматривается как взаимопроникновение социальных и технических форм.

М. Азарин свое упрощенное, механистическое понимание связи социальных и технических форм реконструкции приписывает «ленинской схеме». На самом деле у Ленина нет и не может быть такой «схемы».

Ленин намечает в плане брошюры о продалоге вехи перехода к социализму в сельском хозяйстве:

«Мелкий крестьянин,

К о л х о з ы,

Электрификация».

Что говорит эта «схема»?

Она говорит о том, что на основе мелкого крестьянского хозяйства невозможно провести механизацию и реконструкцию сельского хозяйства, что определенная ступень развития производительных сил под углом зрения строительства социализма необходима для перехода к колхозам, к сплошной коллективизации, что на базе колхозов мы имеем возможность провести механизацию сельского хозяйства и подготовить условия для перехода к полной электрификации.

Но значит ли это, что колхозы будут превращаться в предприятия последовательно социалистического типа только на базе электрификации, значит ли это, что эти этапы разделены механически во времени, что раньше мы имеем этап «колхозы», а потом этап «электрификация» и что только на базе «сплошной электрификации» мы будем иметь перерастание колхозов в предприятия последовательно социалистического типа? Отнюдь нет. Превращение колхозов в предприятия последовательно социалистического типа происходит через МТС, через политическое руководство последних, на основе внедрения системы машин. Одновременно подготовляются условия для перехода к полной электрификации. Основное во всей этой постановке вопроса заключается в том, что т. Азарин недооценивает МТС как рычаг, через который произойдет превращение колхозов в предприятия последовательно социалистического типа. «Партия рассматривает МТС как стеновой хребет коллективизации... как основной рычаг, через который произойдет превращение колхозов в предприятия последовательно социалистического типа»¹.

Недостаточно говорить о МТС как о предприятиях последовательно социалистического типа, надо отсюда сделать вывод, вскрыть значение этого тезиса. Тов. Азарин не понял этого значения, так как по существу отрицает за МТС роль рычага, через который произойдет превращение колхозов в предприятия последовательно социалистического типа.

Ленин и Сталин рассматривают наши кооперативные предприятия не сами по себе, а в их связи со всем нашим существующим строем, в их связи с нашей государственной ро-

¹ «Правда» от 25 августа 1932 г.; разрядка наша.

мышленностью как с предприятиями последовательно социалистического типа. При средствах производства, принадлежащих государству рабочему классу, «предприятия кооперативные не отличаются от социалистических».

«При нашем существующем строе предприятия кооперативные... не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу» (Л е н и н). В дальнейшем кооперативные предприятия на более высокой ступени своего развития при средствах производства, принадлежащих рабочему классу, также и в сельском хозяйстве перерастают из предприятий, социалистических по типу, в предприятия последовательно социалистического типа.

Смысл тезиса, что МТС являются рычагом, через который происходит превращение колхозов в предприятия последовательно социалистического типа, заключается в том, что колхозы как высшая форма кооперации берутся не сами по себе, а в связи с нашим существующим строем, в связи с руководством ленинской партии, в связи с тем, что не только в промышленности, но и в самом сельском хозяйстве, в МТС средства производства принадлежат государству.

По вопросу о социальной сущности кооперации у т. Азарина имеется путаница, которую можно отнести за счет неудачных формулировок, которых в книге немало.

«Тот процесс развития системы машин, о котором писал Маркс, для сельского хозяйства оказывается возможным в широчайших масштабах только в условиях социализма. Лишь в этих условиях и в сельском хозяйстве «кооперативный характер процесса труда «станет» технической необходимостью, диктуемой природой самого средства труда» (М а р к с), и следовательно кооперация работников будет быстро эволюционировать к сложной кооперации людей и машин—к системе машин. И в этом отношении имеет свой особый смысл сказанное Лениным о кооперации в о о б щ е. Кооперация получает у нас благодаря особенностям нашего государственного строя совершенно исключительное значение... Кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом» (стр. 86).

В этой приведенной нами цитате автор «вскрывает» «особый смысл» ленинской трактовки кооперации как социалистической. Этот «особый смысл» заключается в том, что кооперация при социализме совпадает с социализмом. В самом деле: автор говорит о процессе развития системы машин, который возможен «только в условиях социализма». «И в этом отношении имеет свой особый смысл», то, что кооперация «сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом». Эта формулировка мысли привела автора к логическому абсурду.

Тов. Азарин хотя и критикует т. Никулихина, но не понимает ошибок последнего. Мало того, он сам по существу скатывается на позиции т. Никулихина по вопросу об АИК и ИНАК. Тов. Азарин критикует т. Никулихина только под углом зрения н е с в о е в р е м е н н о с т и агроиндустриального комбинирования. «Столь же несостоятельной представляется,—говорит т. Азарин,—левацкая ставка на немедленное широкое строительство агроиндустриальных комбинатов до создания условий для сплошной электрификации сельского хозяйства» (стр. 88).

Как видите, агроиндустриальные комбинаты на базе «сплошной электрификации»—это форма, через которую произойдет превращение предприятий, социалистических по типу, в предприятия последовательно социалистического типа. Не МТС, а АИК являются и у т. Азарина рычагом, через который произойдет превращение колхозов в предприятия последовательно социалистического типа. Критика т. Никулихина ведется т. Азариным только под углом зрения н е с в о е в р е м е н н о с т и ш и р о к о г о строительства АИК, н е с в о е в р е м е н н о с т и, так как база для АИК—это «сплошная электрификация».

«В течение второй пятилетки,—говорит т. Азарин,—во весь рост встают задачи по созданию условий для грядущего агроиндустриального комбинирования как формы соединения промышленности и сельского хозяйства» (стр. 97, 100 и др.). Эту установку т. Азарин проводит по всей книге. Однако по существу здесь т. Азарин просто повторяет т. Никулихина, хотя и критикует его. Если агроиндустриальное комбинирование рассматривать как путь превращения предприятий, социалистических по типу, в предприятия последовательно социалистического типа и критиковать их под углом зрения только несвоевременности этого процесса, то фактически ведь и т. Никулихин относит преобладание этой формы к 40-м годам. В СССР, говорит т. Никулихин, «в начале 40-х годов форма индустриально-аграрных (ИНАК) и аграрно-индустриальных (АИК) комбинатов будет преобладать» (стр. 460).

Неправильным является не только положение, что АИК и ИНАК сейчас несвоевременны, но совершенно неправильным является тезис о том, что агроиндустриальные комбинаты есть высший тип социалистического хозяйства, что через агроиндустриальные комбинаты произойдет превращение колхозов в предприятия последовательно социалистического типа. Неправильным является то, что АИК и ИНАК являются формами, в которых произойдет уничтожение противоположности между городом и деревней.

Эта ошибка т. Азарина становится понятной, если иметь в виду, что для него основой уничтожения противоположности между городом и деревней является «единая энерге-

тическая база» (стр. 50, 95, 96). В его представлении объединение промышленности и сельского хозяйства носит сугубо механический характер. Между тем объединение промышленности и сельского хозяйства в единое целое является более глубоким органическим процессом, где преодоление старого разделения труда, закрепленности работника за определенной трудовой операцией, является важнейшим элементом, причем для этого вовсе не обязательно иметь единую энергетическую базу.

Вопрос о различиях отдельных отраслей индустрии социалистического хозяйства отнюдь не является вопросом сохранения различных по своей экономической характеристике типов хозяйства. Сельское хозяйство превращается в одну из отраслей индустрии социалистического хозяйства, и в этом смысле с.-х. труд превращается в разновидность индустриального труда. Это и есть реальное различие внутри единства, которого т. Азарин не понял.

Превращение с.-х. труда в разновидность индустриального является предпосылкой полного уничтожения противоположности между городом и деревней.

В этом смысле в тезисах XVII партконференции говорится: «Полная коллективизация сельского хозяйства, рост крупных государственных сельскохозяйственных предприятий и вооружение совхозов и колхозов передовой машинной техникой, на деле превращающей сельскохозяйственный труд в разновидность индустриального, и значительное укрепление транспортной связи и товарооборота между промышленностью и сельским хозяйством создают условия для полного устранения противоположности между городом и деревней».

Отрицание МТС как рычага, через который происходит превращение колхозов в предприятия последовательно социалистического типа, является грубейшей ошибкой как т. Никулихина, так и т. Азарина. Тов. Никулихин ищет такую форму, которая бы «автоматически превращала колхозы в предприятия последовательно социалистического типа». Эта форма и есть пресловутые АИК и ИНАК.

Отметим здесь, что точка зрения автоматического перехода одной социальной формы в другую не есть точка зрения марксизма-ленинизма.

Объективно материальная база не может автоматически превращать одну форму в другую, будь это хотя бы и «сплошная электрификация». «Объективист» типа Струве говорит об автоматических тенденциях, о «непреодолимых исторических тенденциях», обусловленных развитием техники самой по себе; материалист говорит о том классе, который «заведует данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия другим классам» (Ленин).

А это значит, что превращение колхозов в предприятия последовательно социалистического типа происходит отнюдь не автоматически, а под воздействием определенных отношений людей в процессе производства под политическим руководством МТС как предприятий последовательно социалистического типа.

Автор уделил явно недостаточно внимания роли совхозов в изживании противоположности между городом и деревней.

А между тем роль совхозов в деле социальной и технической реконструкции деревни совершенно исключительна. Совхоз в этой связи можно рассматривать: а) как самую стотельную форму организации механизированного сельского хозяйства, построенного на основе «системы машин» и в этой форме осуществляющего движение к объединению промышленности и сельского хозяйства, б) как субъект, воздействующий на перестройку мелкого крестьянского хозяйства как в форме покоса преимущества крупного механизированного хозяйства, так и в форме непосредственной помощи мелким производителям. Достаточно вспомнить, что первая машинно-тракторная станция возникла на базе совхоза, была его детищем. Сталин на XVI съезде партии поставил вопрос: как будет идти дальше движение в деревне, — и отвечал: «Вперед пойдут совхозы как становой хребет перестройки старого уклада деревни. За ними погнутся многочисленные колхозы как опорные пункты нового движения в деревне. Соединенная работа этих двух систем создаст условия для коллективизации всех областей СССР».

Совершенно неправильно решает автор вопрос о специализации. Специализацию он ставит в связь с агроиндустриальным комбинированием и считает, что развитие должно идти по линии все более «узкой» специализации. «Специализация нашего сельского хозяйства будет становиться тем более узкой и следовательно тем более высокой, чем выше будет уровень механизации сельского хозяйства» (стр. 97).

Вопрос о степени специализации зависит от социально-экономических и технических условий производства.

Необходимый уровень специализации определяется целым комплексом социально-политических, экономических и организационно-технических условий, под углом зрения единого народнохозяйственного плана. Уровень специализации, определяемый под углом зрения АИК, под углом зрения какой-то абстрактно взятой «узкой» специализации, не соответствует ни в какой мере установке партии на максимальное развитие производительных сил в сторону социализма, установке на уничтожение противоположности между городом и деревней. «Специализация сельскохозяйственного производства в условиях планового хозяйства не только не исключает, а, наоборот, предполагает целесообразное

² «Индустриализация сельского хозяйства СССР», стр. 81.

его к о м б и н и р о в а н и е как в отношении отдельных культур, так и в отношении отдельных отраслей с целью использования наилучшим образом имеющихся в нашем распоряжении материальных фондов, трудовых ресурсов и природных условий при производстве необходимой для народного хозяйства сельскохозяйственной продукции»³. Таким образом само комбинирование отдельных отраслей вовсе не предполагает в качестве какого-то закона у з к у ю специализацию.

Существенную ошибку допускает автор в вопросе о возникновении противоположности между городом и деревней. Процесс развития товарного хозяйства и процесс развития капитализма есть в то же время процесс отделения города от деревни и процесс дальнейшего развития и углубления противоречия между городом и деревней. Город возник только на определенной ступени развития способа производства и общественной производительной силы труда.

Эпоха первобытного коммунизма, период родового общества не знали городов.

Лишь с развитием разделения труда, частной собственности и обмена возникает противоположность между городом и деревней, проявляется она в зародышевой форме.

В эпоху натурального хозяйства население, занятое земледелием, само же обрабатывает продукты земледелия. В эту эпоху обмен развит слабо, но с развитием обмена развивается эта противоположность. Лишь «вместе с полным развитием феодализма появляется и антагонизм с городом»⁴.

Энгельс неоднократно подчеркивает, что «в расцвет феодализма ... во всякой стране существовала противоположность между городом и деревней»⁵.

«Целых три поколения понадобились Германии, для того чтобы установить первое крупное разделение труда: отделить город от деревни. . .»⁶.

Классики марксизма-ленинизма с исключительной четкостью ставят вопрос о п р о и с х о ж д е н и и противоположности между городом и деревней, относя это отделение именно к моменту отделения капитала от земельной собственности. Вот что говорит об этом Маркс:

«Отделение города от деревни можно рассматривать как отделение капитала от земельной собственности, как начало независимого от земельной собственности существования и развития капитала, начало собственности, имеющей свою основу только в труде и обмене»⁷.

Ленин в своем анализе развития капитализма в России дает в основном анализ развития процесса отделения города от деревни и устанавливает т р и г л а в н ы х с т а д и и этого развития.

«Главных стадий этого развития три,—говорит Ленин,—мелкое товарное производство (мелкие, преимущественно крестьянские промыслы), капиталистическая мануфактура, фабрика (крупная машинная индустрия)»⁸.

Ленин на всех этих этапах прослеживает развитие противоположности между городом и деревней и выявляет классовое содержание этой противоположности.

«Первый шаг революции,—говорит Ленин,—у н и ч т о ж е н и е крестьянского ремесла, вытеснение его городским ремеслом и торговлей».

«Началось это еще в середине века, но только капитализм закончил этот процесс»⁹.

М. Азарин по существу отмахивается от проблемы происхождения противоположности города и деревни. Он утверждает, что вообще бессмысленно пытаться выяснить конкретное начало возникновения противоположности между городом и деревней. Он говорит: «В природе и в обществе все грани условны. Было бы бессмысленно пытаться выяснить конкретные исторические д а т ы возникновения противоположности между городом и деревней, так же как бессмысленно пытаться предугадать и заранее зафиксировать и даты окончательного и полного уничтожения противоположности между городом и деревней» (стр. 1). Эта «небрежность» в анализе проблемы приводит автора к тому, что он находит элементы, которые ведут в зачаткам противоположности между городом и деревней, уже в родовом периоде и находит эту противоположность развитой уже в начале феодализма. «При феодализме,—говорит автор,—противоречия перерастают в антагонистическую противоположность». Речь идет у автора не о «расцвете» феодализма, когда уже имеется налицо развитие товарных отношений, развитый обмен.

«В природе и в обществе все грани условны», но значит ли это, что определенная социально-экономическая формация не имеет определенного исторического содержания, не имеет своих исторических граней? Отнюдь нет, не значит. Этак можно было сделать аналогичный вывод по отношению к капитализму в целом, так как в родовом обществе мы имеем начало частной собственности, и, исходя из условностей граней в природе и обществе,

³ «Большевик» № 15 за 1932 г.

⁴ «Архив Маркса и Энгельса», кн. 1, стр. 255.

⁵ Т а м ж е, стр. 256.

⁶ М а р к с, Ницета философии, стр. 105.

⁷ «Архив Маркса и Энгельса», кн. 1, стр. 234.

⁸ Ленин, Собр. соч., т. III, стр. 423.

⁹ «Ленинский сборник» XIX.

этности начало капитализма к родовому периоду. Дело идет не о точных сроках, а об определенном социально-экономическом содержании, а здесь-то и нужно установить грани.

Причина этой путаницы у автора заключается в том, что он не понимает разницы между «второй» и «третьей» формами собственности, которую приводит Маркс.

Автор считает, что если противоположность между городом и деревней была при «второй» форме собственности, т. е. при античной, то значит она была при «третьей», т. е. при феодальной форме собственности уже в развитом виде.

Но это-то именно и неверно. Маркс, говоря об античной форме собственности, о «второй» форме собственности, о Риме и Греции, дает следующую характеристику этой собственности. Он говорит: «... мы впервые встречаем здесь те явления, которые мы встретим впоследствии—только в более обширном масштабе—в современной частной собственности. С одной стороны, мы имеем концентрацию частной собственности, которая началась в Риме очень рано, с другой стороны, в связи с этим—превращение плебейских мелких крестьян в пролетариат, который однако благодаря своему промежуточному, полуначатому положению между иными гражданами и рабами не получил совершенно самостоятельного развития»¹⁰.

Вот почему именно здесь «мы застаем уже противоречие между городом и деревней» (Маркс). Маркс там же дает иную характеристику «третьей» форме—«феодальной, или сословной, собственности», о которой он говорит: «... форма ассоциации и отношение к непосредственным производителям были иными в зависимости от иных условий производства»¹¹.

Эта надисторическая точка зрения еще более неправильна по вопросу о ликвидации и противоположности между городом и деревней в СССР.

Конечно мы не можем выяснить конкретных «дат» полной ликвидации противоположности между городом и деревней, но когда Э. Давид говорит о том, что это дело тысячелетий, то Ленин ему отвечает: «мерси»¹². Ленин совершенно определенно заявляет, что мы включаем в свою программу действий уничтожение противоположности между городом и деревней. А это значит, что не сроки, а грани проблемы строго установлены. В период строительства социализма, когда мы устанавливаем не только грани проблемы, но и определенные даты разрешения этой проблемы, еще более неправильно утверждение о том, что бессмысленно заранее фиксировать даты полного уничтожения противоположности между городом и деревней.

Имея возможность фиксировать даты построения бесклассового общества, мы сможем на следующем этапе зафиксировать и грани уничтожения противоположности между городом и деревней.

Правильная марксистско-ленинская трактовка вопроса о возникновении и сущности противоположности между городом и деревней дает возможность и правильного анализа проблемы уничтожения этой противоположности. Трактовку этой проблемы под углом зрения «условностей граней в природе и обществе» предпочтительно оставить апологетам капитализма, которые в эпоху загнивающего капитализма усиленно этим заняты.

Слуцкина С., Стороженко А.

¹⁰ «Архив Маркса и Энгельса», кн. 1. стр. 255.

¹¹ Там же.

¹² «Ленинский сборник» XIX.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА „ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ“ ЗА 1932 г.

I. ОБЩЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА

- Бутаев К., К вопросу о материальной базе социализма, I, 3—25.
- Гатовский Л., Данильченко И., Нейман Г., Печатников В., Вопросы развертывания советской торговли, I, 26—61.
- Греблис А., Вопросы хозяйственного расчета в социалистической промышленности, I, 62—81.
- Трембовля И., Экономика Днепростроя и Днепрокомбината, I, 82—100.
- ✓ Балашов И., К вопросу о принципе размещения производительных сил СССР, I, 101—117.
- Передовая — Вторая пятилетка — план завершения построения бесклассового социалистического общества, II—III, 3—14.
- Быбышев В., Электрификация и основные технические сдвиги в промышленности во второй пятилетке, II—III, 15—24.
- Бланк Б., Проблемы построения рационального энергохозяйства в металлургии, II—III, 25—39.
- ✓ Косяченко А., Сейд-Гусейнов, Потребление и накопление в первую пятилетку и в перспективе второй, IV—V, 9—24.
- Гиммельфарб С., К вопросу о планировании рабочей силы, IV—V, 47—69.
- Сетюков А., К вопросу о передаче и распределении электроэнергии во второй пятилетке, IV—V, 70—83.
- Сидоров А., Боевые вопросы реконструкции и развития ж-д. сети, IV—V, 84—104.
- Квиринг Э., К итогам сентябрьского пленума ЦК ВКП(б), VI, 3—10.
- ✓ Рагольский М., Темпы социалистического накопления в первой пятилетке, VI, 11—33.
- Косяченко Н., К вопросу о балансовом методе планирования, VI, 34.
- Смушков В., О советской торговле в свете задач второй пятилетки, VI, 61—79.
- Грановский Е., Химизация и техническая реконструкция социалистической промышленности СССР, VI, 118—158.
- Савченко, О низовом планировании, VI, 159—185.
- ✓ Богорад Д. и Толстой В., Территориальные сдвиги промышленности в первую пятилетку, VI, 186—222.
- Грачевский М., Нефтяная промышленность в системе советского хозяйства и пути ее развития во второй пятилетке, VI, 223—247.
- Фейгельсон М., Подмосковный энергохимический комбинат, VI, 248—282.
- Бригада ЭИКП — Анисимов, Есиков, Мордвинов, Бузин, Заславский, Козелков, За марксистско-ленинскую установку в вопросах социалистического расселения, VI, 283—305.
- ✓ Квиринг Э., Промышленность и сельское хозяйство СССР к пятнадцатой годовщине Октября, VII, 3—13.
- ✓ Рагольский М., О накоплении и потреблении в первую пятилетку, VII, 14—35.
- ✓ Спивак Т., О балансе производства и потреблений в СССР за 1928—1930 гг., VII, 36—57.
- Слуцкина С., К вопросу об уничтожении противоположности между городом и деревней, VII, 58—93.
- Носов В., К вопросу о воспроизводстве и обращении в СССР, VII, 94—116.
- Атлас З., О роли кредита в переходный период, VII, 117—132.
- Передовая — К итогам объединенного январского пленума ЦК и ЦК ВКП(б), VIII.
- Гатовский Л., О некоторых вопросах теории советского хозяйства, VIII.
- Цалюк Д. и Файн Е., К итогам первой пятилетки, VIII.
- Партигул С., Об извращениях теории воспроизводства в СССР.
- Мсерзон Д., К вопросу о социалистической кооперации труда, VIII.

II. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ

- Зиман Л., К вопросу о судьбе «третьих» лиц при капитализме, I, 118—128.
- Кольман Э., О показателе обеспеченности страны ж-д. сетью, I, 13—142.
- Реузьль А., Учение Томаса Годгскина о капитале, II—III, 40—56.
- Пильмейстер И., Критика методологии современной вульгарной экономии, II—III, 57—74.

- Слуцкина С., К теории монополярной цены, II—III, 92—123.
 Носов В., Расенко Д., Сергеев С., Против ревизии ленинского закона неравномерности развития капитализма, II—III, 138—152.
 Розенберг Д., Меновая концепция в различных ее вариантах, IV—V, 25—46.
 Березин Н. и Ласкии Д., О законе стоимости, IV—V, 105—120.
 Реуэль А., Учение Томаса Голдскина о капитале, IV—V, 121—129.
 Галков В., Капиталистическое воспроизводство в троцкистском освещении, VI, 30—117.
 ✓ Блюмин И., Теория комбинирования социал-фашистов и буржуазных экономистов, VII, 133—175.
 Толстой В. и Починников Н., К вопросу о потребительной стоимости, VII, 176—185.
 Феликс Л., Черновой текст первого тома „Капитала“, VII, 186—198.
 Реуэль А., Poleмика вокруг теории стоимости в России 80-х и 90-х годов, VII, 199—229.
 Блюмин И., Границы капиталистического комбинирования, VIII.

III. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

- Люлинецкий, Современное состояние капиталистического транспорта, II—III, 75—91
 Шимелов, Конец капиталистической стабилизации, VIII.

IV. СПИСОК РАЗОБРАННЫХ КНИГ И СТАТЕЙ:

- Бирбрайер М., Вредная путаница (о статье Я. Сегала „Структура промышленного капитала“ в № 7—8 журнала „Проблемы экономики“ за 1931 г.), II—III, 124—137
 Сушкин И., Против механицизма, аполитичности и голого эмпиризма в изучении истории фабрик и заводов. (Отдел монографического изучения истории промышленных предприятий, сб. „История пролетариата СССР“, кн. 1—7 за 1930 и 1931 гг.)
 Радченко К., Сидоров А., Казанский А., Мацаков И., Чудновский М., За марксистско-ленинский учебник политической экономии (Учебник политической экономии, составлен бригадой аспирантов и научных сотрудников Ленинградского отделения Коммунистической академии, под ред. Кофмана, изд. 1931 г.), IV—V, 130—145.
 Носов В., Сергиевский А., Федоровский По поводу книги „О природе советской торговли на современном этапе“, IV—V, 146—152.
 ✓ Бригада промотделения ЗИКП — Блинов В., Бендюков Д., Кипешлак Е., Рецензия на учебник „Экономия социалистической промышленности“, под руководством и редакцией Е. Хмельницкой, ч. 1, изд. 1931 г., VI, 36—316.
 Жуков В., К вопросу об управлении промышленными предприятиями (Гельвиг и Мекбах, Управление промышленными предприятиями в Германии, „Техника управления“ 1931 г.; Чеботарев, Управление промышленными предприятиями в САСШ. По материалам зарубежной командировки, „Техника управления“ за 1931 г.), VI, 316—324.
 Вейсман А., Апологеты капитализма о воздушном транспорте (Люм и Пигат, Воздушный транспорт, сб. „В отношениях отдельных видов капиталистического транспорта“, под ред. С. Бессонова, М. Гельфмана и Зайцева, изд. 1931 г.), VI, 325—328.
 Элихман Б., Вопросы автоматизма (О книге Г. Циперовича), „Автоматизм“, VII, 230—235.
 Иванов-Гель Г., Буржуазная контрабанда под флагом марксизма (Черданцев, Основы сельскохозяственной географии, изд. 1932 г.), VII, 235—240.
 Феликс Л., Издание „Капитала“ под ред. Корша, VIII.
 Шмидт, Издание „Капитала“ под ред. Б. Кацкого.
 Слуцкина С., Сторожко и Азарин, Об уничтожении противоположности между городом и деревней, VIII.

Редколлегия: Бугаев К. (ответственный редактор).

Вознесенский Н., Гаговский Л., Нривичий М., Шурыгин В.

Сдано в производство 1/1 1933 г.
 Подписано к печати 2/IV 1933 г.
 Уполн. Главлита В—53367
 Выпускающий М. Стрельникова

Формат 72×105^{1/16}
 Партиздат № 813   Зак. тип. 9
 Объем 15 печ. лист. 67 000 зн. в печ. л.
 Тираж 19750

Изд-во ЦК ВКП(б) — ПАРТИЗДАТ

Продолжается подписка
на 1933 год
НА ЖУРНАЛ

КОНЪЮНКТУРА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Орган конъюнктурного отдела
Института мирового хозяй-
ства и мировой политики
Коммакадемии
Год издания 2-й

12 номеров в год
Отв. редактор Е. ВАРГА

ЖУРНАЛ СТАВИТ СВОЕИ ЗАДАЧЕЙ:

1. Освещать конъюнктуру мирового хозяй-
ства по странам и отраслям.
2. Освещать развитие мирового кризиса.
3. Давать систематический марксистский
анализ положения мирового хозяйства в свете
борьбы двух систем.
4. Систематически помещать цифровой ма-
териал, характеризующий конъюнктуру миро-
вого хозяйства.
5. Давать библиографию по вопросам ми-
рового хозяйства.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на 3 мес. — 7 р. 50 к.

” 6 ” — 15 ” — ”

” 12 ” — 30 ” — ”

Цена отдельного номера —
2 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

отделениями, магазинами и киосками Парт-
издата, уполномоченными по партпечати на
предприятиях и в учреждениях, газетными
бюро Союзпечати, всеми письмонощиками и
почтовыми отделениями.

Подписку необходимо сдавать заблаговре-
менно.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ц К В К П (6)

ПАРТИЗДАТ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1933 г.

НА ЖУРНАЛ

МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Научно исследовательский журнал Института мирового хозяйства
и мировой политики Комкадемии

12 номеров в год

Год издания 8-й

Ответственный редактор
Е. ВАРГА

ЖУРНАЛ ДАЕТ марксистское освещение актуальных
вопросов мирового хозяйства и мировой политики,
теоретические статьи по вопросам мирового хо-
зяйства, обзоры политики и хозяйства главных стран.

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА: Статьи. Обзоры. Конъюнктура ми-
рового хозяйства. Критика и библиография. Анно-
тации иностранных книг.

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН на научных работников, журнали-
стов, вузовцев, пропагандистов, руководителей
кружков и т. д.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на 12 „ — 24 руб.
„ 6 „ — 12 „
„ 3 мес. — 6 „

Цена отдельного номера — 2 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ОТДЕЛЕНИЯМИ, МАГАЗИНАМИ И
КИОСКАМИ ПАРТИЗДАТА, УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ПО ПАРТПЕЧАТИ НА
ПРЕДПРИЯТИЯХ И В УЧРЕЖДЕНИЯХ, ГАЗЕТНЫМИ БЮРО СОЮЗПЕЧАТИ,
ВСЕМИ ПИСЬМОНОЩАМИ И ПОЧТОВЫМИ ОТДЕЛЕНИЯМИ.

ПОДПИСКУ НЕОБХОДИМО СДАВАТЬ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО

P 224

1932

N7-8